

ДЕ ЛОЛМЪ.

КОНСТИТУЦІЯ АНГЛІИ,

или

Состояніе Англійскаго Правленія, сравненнаго съ Республиканскою формою и съ другими Европейскими Монархіями.

Сочиненіе Г. де-Лолма,

Члена двухъ-сотнаго Совѣта

Женевской республики.

Напечатано по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

ПЕРВЫЙ ТОМЪ.

Перевелъ съ Французскаго Коллежскій Асессоръ Иванъ Татищевъ.

МОСКВА, 1806.
Въ Университетской Типографіи.

Wojew. i Miejska Biblioteka Publiczna
Nr 430291z
LUBLIN
Wł. K. Leyschisteget
201891z
342.4 (42)

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ

ДЕРЖАВНѢЙШЕМУ

ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ

ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,

САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ,

ГОСУДАРЮ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, какъ истинный Отецъ вѣренныхъ ВАМЪ отъ Всевышняго Промысла народовъ, стараясь неусыпно о ихъ благоденствіи вообще, и особенно о просвѣщеніи, содѣйствующемъ столь сильно къ достиженію того великаго предмета, благоволили

Всемилостивѣйше воззрѣть на переводъ сей книги, коея знаменитый Авторъ занимается преимущественно изъясненіемъ средствъ, употребленныхъ въ Англіи для установленія существующаго тамъ всеобщаго и безпристрастнаго правосудія, толь лю-

безной ВАШЕМУ сердцу добродѣтели, и одной изъ главныхъ и надежнѣйшихъ подпоръ Престола и царствъ.

МОНАРШАЯ щедрота, коею ободрено мое рвенїе быть сколько нибудь полезнымъ Отечеству, подаетъ мнѣ смѣлость посвятить сей мой трудъ

ВЫСОЧАЙШЕМУ ВАШЕМУ
Имени. Я повергаю его и себя къ
Августѣйшимъ стопамъ ВАШИМЪ,
ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

всеподданнѣйшій
Иванъ Татищевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Перваго Тома.

Стран.

ВВЕДЕНІЕ. - - - 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Причины вольности Англійской Націи. Разсужденія о разности, находящейся между Правленіемъ ея и Французскимъ. Въ Англіи большее могущество Государя при первыхъ Корольхъ Нормандскихъ соединяло Дворянство и народъ. - 9

ГЛАВА ВТОРАЯ. Вторая выгода, которую имѣла Англія передъ Франціею. Она составляла Государство нераздѣльное. - - 27

ГЛАВЫ IIй Вторая Часть. Продолженіе той же матеріи. - - 44

ГЛАВА III. Законодательная власть. - 62

—— IV. Объ исполнительной власти. 73

—— V. Предѣлы Королевской власти, положенные Конституціею. - 76

—— VI. Продолженіе той же матеріи. 80

—— VII. Новые предѣлы. - - 86

—— VIII. Частная вольность. - 102

—— IX. О правѣ, наблюдаемомъ въ Англіи по дѣламъ гражданскимъ. - 116

—— X. Продолженіе той же матеріи. Палаты правоты, или Совѣстныя. 140

—— XI. Объ уголовномъ Судѣ. - 161

—— XII. Продолженіе той же матеріи. 177

—— XIII. Окончаніе той же матеріи. Законы о заключеніи въ тюрьму. 197

Оглавленїе.

Стран.

Книга Вторая.

ГЛАВА I. Выгоды, принадлежащія собственно Англійской Конституціи. Соединеніе исполнительной власти. 205

—— II. Заключеніе той же матеріи. Исполнительную власть легче воздержать, когда она только одна, или въ однѣхъ рукахъ. 223

—— III. Вторая выгода. Раздѣленіе законодательной власти. 228

—— IV. Третья выгода, собственно принадлежащая Англійскому Правленію. Власть предлагать законы отдана народу. 239

—— V. Въ которой разсматривается, выгодноль для общественной вольности, чтобъ самъ народъ подавалъ голоса на уложеніе законовъ. 251

ПОГРѢШНОСТИ

въ первомъ Томѣ.

Стран.	*строка*	*напечатано:*	*читай:*
5	21	надъ нами	надъ ними
30	11	поставлено	постановлено
30	22	съ ссылку	въ ссылку
43	9	народы	народамъ
75	23	неправаго	несправедливаго
83	8	жизни	жизни;
86	6	нѣ которымъ	нѣкоторымъ
86	20	по томъ	по́момъ
94	22	исповѣдованіе	исповѣданіе
107	1	о	объ
107	8	еслибъ то принадлежало моей матеріи	еслибъ то принадлежало къ моей матеріи
118	28	Королевская Палата	*Королевская Палата*
130	7	Го	Во
131	5	писавшагося	писавшаго
144	3	на которыя	которыя
161	5	не индѣ	нигдѣ не
189	19	не виноватымъ	невиноватымъ
197	22	такимъ образомъ, которое имѣя	и которое такимъ образомъ имѣя
200	11	не дѣйствительнымъ	недѣйствительнымъ
208	24	входитъ	всходитъ

КОНСТИТУЦІЯ АНГЛІИ.

ВВЕДЕНІЕ.

Духъ философіи, отличающій особливо нынѣшнее столѣтіе, излѣчивъ людей отъ многихъ заблужденій, гибельныхъ обществу, кажется, обратился теперь къ началу самаго общества, и уже исчезаютъ вообще предразсудки, которые тѣмъ труднѣе отложить, чѣмъ опаснѣе опровергать ихъ (*). Свобода мыслить,

(*) Въ самопроизвольныхъ правленіяхъ всегда рачительно питаютъ и сильно поддерживаютъ всякое народное понятіе, благопріятствующее такимъ правленіямъ; изъ чего

необходимая предшественница политической свободы, заставила меня думать, что не противно будетъ Публикѣ, когда ознакомлю ее съ такою Конституціею, на которую, кажется, обращены теперь взоры всѣхъ, и которая, хотя всюду славится образцомъ, очень мало извѣстна.

Предвижу, что сочтено будетъ дерзостію предпріятіе человѣка, ко-

---

явствуетъ, что естьли народамъ, имъ подвластнымъ, можно будетъ когда либо освободиться отъ политическихъ заблужденій, то они послѣдніе отложатъ ихъ. Однакожъ во Франціи произошла въ семъ отношеніи большая перемѣна. Теперь осмѣливаются тамъ разбирать мнѣнія и защищать такія предложенія, которыя при Лудовикѣ XIV былибъ названы хулою на Бога, и къ сему - то относится сказанное здѣсь.

торый, проводя большую часть своей жизни внѣ Англіи, беретъ на себя подать понятіе о ея правленіи, т. е. о такомъ дѣлѣ, которое почитается весьма мудрёнымъ, и котораго тайны могутъ, кажется, изъяснить только наставленныя въ нихъ съ издѣтска.

Хотя я чуждъ въ Англіи, но потому что родился въ землѣ вольной, не чужды мнѣ тѣ вещи, которыя составляютъ, или характеризуютъ, вольность; и крайняя несоразмѣрность той Республики, которой я членъ, и гдѣ почерпнулъ свои начала, послужила, можетъ-быть, только къ тому, что я скорѣе кончилъ свое ученичество.

Какъ Геометръ, чтобъ сыскать нужныя ему содержанія, откиды-

ваетъ сперва отъ своей экваціи коэфиціенты и другія числа, его затрудняющія, а ее собственно не составляющія — такъ и тому, кто изыскиваетъ причины, производящія равновѣсіе правленія, можетъ быть выгодно, что онъ изслѣдывалъ ихъ безъ того прибора флотовъ, армій, внѣшней торговли, обширныхъ и отдаленныхъ владѣній; словомъ, всѣхъ тѣхъ великихъ предметовъ, которые хотя дѣлаютъ большую перемѣну въ положеніи могущаго общества, но не имѣютъ существеннаго вліянія на его начало.

Ходъ разныхъ частей Государства основанъ на страстяхъ человѣка, т. е. на причинахъ непреложныхъ. Размѣры могутъ перемѣняться; но колёса и пружины въ суще-

ствѣ всё тѣ же, и не льзя щитать потерянным того времени, которое употреблено на примѣчаніе, какъ они дѣйствуютъ въ маломъ видѣ.

Присовокуплю еще нѣчто; а именно, что званіе иностранца само по себѣ можетъ доставить нѣкоторую выгоду въ случаѣ, подобномъ настоящему. Агличане, глядя, такъ сказать, съ самой минуты ихъ рожденія на свою вольность, привыкли къ ея наслажденію, такъ что не очень занимаются изысканіемъ причины оной. Они знаютъ свое правленіе гораздо прежде, нежели объ немъ разсуждали, и это познаніе пріобрѣтается медлѣнно и постепенно; почему напослѣдокъ и не производитъ какого-нибудь ощущенія надъ нами, и,

мнѣ кажется, походятъ они въ семъ случаѣ на человѣка, который бы, живши всегда во внутренности палатъ, былъ въ самомъ невыгодномъ положеніи знать всю ихъ связь, и никогда не испыталъ дѣйствія вида (coup d'oeil); — или, буде угодно, на того, кто бы, имѣвъ всегда предъ собою прекрасное и великое зрѣлище, все смотрѣлъ на него съ холодною кровью.

Но иностранецъ, видя, какъ открываются вдругъ всѣ части такой Конституціи, которая, возводя вольность на высочайшую степень, отвращаетъ купно неудобности ея, по видимому неизбѣжныя; словомъ, видя, какъ вдругъ совершаются дѣла, которыя почиталъ онъ дотолѣ гораздо болѣе желательными, нежели возможными, бываетъ пораженъ;

надобно же быть поражену, чтобы изпытать тотъ родъ полноты, отъ котораго общее начало становится понятнымъ.

Впрочемъ не съ тѣмъ дѣлаю сіи примѣчанія, чтобъ внушить, что я видѣлъ лучше другихъ Конституцію Англіи, а хотѣлъ только отвратить предубѣжденіе, не выгодное, но естественное; и ежели въ томъ, что скажу о причинахъ, произведшихъ ли Англійскую вольность, или сохраняющихъ ее и теперь, найдется что-нибудь такое, чего еще не замѣчено: то надѣюсь, что Англичане, которые увидятъ это сочиненіе, не опорочатъ того иначе, какъ развѣ будетъ оно не сообразно ни съ тѣмъ, что происходитъ предъ ихъ глазами, ни съ ихъ Исторіею, и что Читатели

мои вообще будутъ судить о началахъ положенныхъ мною, только по связи ихъ съ природою человѣка; которое существенное уваженіе почти одно оставлено въ великомъ небреженіи писавшими о правленіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Причины вольности Англiйской нацiи. Разсужденiя о разности, находящейся между правленiемъ ея и Французскимъ. Въ Англiи большее могущество Государя при первыхъ Короляхъ Нормандскихъ соединяло Дворянство и народъ.

Римляне, тѣснимые отовсюду варварами, бывъ принуждены защищать внутрь своей Имперiи, оставили Великобританiю, такъ какъ и разныя другiя отдаленныя области. Островъ сей, оставшись безъ обороны, сталъ добычею всѣхъ народовъ, жившихъ по берегамъ Балтiйскаго моря: они, истребивъ древнихъ его обитателей и дравшись долго между собою, завели въ Полуденной части, названной послѣ Англiею, разныя самодержавiя, совокупленныя по томъ въ одно при Эгбертѣ.

Преемники сего Государя, именуемые Англо-Саксонскими Государями, между которыми замѣчательны особливо Алфредъ Великiй и Эдуардъ Исповѣдникъ, владѣли около двухъ сотъ лѣтъ; хотя есть свѣденiя, довольно исправныя о великихъ произшествiяхъ сей первой части Англiйской Исторiи, однако

познанія о правленіи, введенномъ сими различными народами, очень неопредѣленны.

Кажется, что не много сходства имѣло оно съ теперешнею Конституціею, кромѣ того главнаго и общаго всѣмъ правленіямъ, введеннымъ Сѣверными народами, что они имѣли Короля и общество Дворянъ, „и оставшіеся тому памятники, по словамъ Кавалера Темпля, походятъ только на тѣ старинныя не распознаваемыя картины, которыя „хотя напоминаютъ нѣсколько о древнихъ обычаяхъ, но не показываютъ ни штриховъ, „ни размѣровъ опредѣленныхъ (*).“

Истинныхъ основаній Конституціи Англійской должно искать при эпохѣ завоеванія. Съ того времени, говоритъ Спельманъ *Novus sectorum nascitur ordo* (**). Вилліамъ Нор-

---

(*) Введеніе въ Англійскую Исторію.

(**) Спельманъ, о Парламентахъ. Многіе Писатели силились доказать, что Саксонское правленіе не было уничтожено при завоеваніи, и что законъ, возведя Вилліама Нормандскаго на Престолъ, тѣмъ самимъ возложилъ на него обязательства Королей Саксонскихъ. Старались показать даже Этимологіею, что слово *завоеваніе* въ феодальномъ смыслѣ не значило ничего инаго, кромѣ *пріобрѣтенія*. Утверждали сіи мнѣнія болѣе

мандской разбилъ Гарольда и, похитивъ Корону, испровергъ старинное зданіе законодательства Саксонскаго, истребилъ или выгналъ владѣвшихъ землями, чтобъ раздать ихъ тѣмъ, которые послѣдовали за нимъ, и учредилъ Феодальное (Ленное) правленіе, какъ самое приличное его положенію, и впрочемъ одно только, о которомъ онъ имѣлъ понятіе.

всего во время народныхъ сопротивленій, да и дѣльно: ибо скорѣе можно убѣдить народъ, говоря съ нимъ объ извѣстныхъ ему требованіяхъ, примѣрахъ и судебныхъ документахъ, нежели раздробляя догматы, хотя не менѣе основательные, но болѣе неопредѣленные и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нѣсколько спасные о первоначальныхъ правахъ человѣка, особливо о томъ, что онъ можетъ во всякое время противуполагать силу утѣснительному правленію. Но естьли разсудимъ, что сущность правленія (основаннаго на общенародномъ мнѣніи, или на дѣйствительной силѣ) составляетъ особенный образъ раздѣленія общественной власти въ Государствѣ, и что перемѣна, произведенная въ Англіи завоеваніемъ, была въ семъ отношеніи совершенная: то безъ затрудненія согласимся, что введенное тогда правленіе было новое правленіе; а когда сверхъ того замѣтимъ, что въ то время всѣ земли въ Государствѣ получили новыхъ помѣщиковъ; что въ немъ введена новая система уголовнаго суда и

Таково же правленіе было и во всей прочей Европѣ; но въ Англію оно перенесено насильно и вдругъ, а въ другихъ мѣстахъ, особливо во Франціи, открылось только по многихъ произшествіяхъ; и сія разность должна была современемъ произвесть слѣдствія, столь же важныя, сколь и непредвидимыя.

даже перемѣненъ языкъ закона: то надобно будетъ признаться, что въ Исторіи Свѣта эта революція безподобна. Намъ скажутъ, что нѣкоторые Саксонскіе законы, благопріятствующіе народной вольности, возстановлены при Вилліямовыхъ преемникахъ; но судопроизводства и особенные законы суть только принадлежности правленія, а не части его, собственно называемыя; и естьли сіи законы послѣ воскрешены, или, говоря исправнѣе, заимствованы изъ Саксонскаго законодательства и приняты въ новое: то сіе произошло отъ стеченія нѣкоторыхъ обстоятельствъ, собственно принадлежащихъ Конституціи Англо-Нормандской. Какъ бы то ни было, мнѣ довольно двухъ помянутыхъ Писателей, и я не стану заниматься разсмотрѣніемъ точнаго сходства, или существенной разности двухъ правленій, то есть двухъ системъ, существующихъ только въ мысляхъ. Впрочемъ и не желалъ бы я опровергнуть такого догмата, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ людей, придавая вящшее утвержденіе и достоинство Англійскому правленію, умно-

Германскïе народы, переправившïеся чрезъ Рейнъ для покоренïя Галловъ, были народы весьма независимые; начальникъ ихъ не имѣлъ инаго права, кромѣ своей храбрости и ихъ выбора; а они, не пріобрѣвъ обширныхъ понятïй о власти въ лѣсахъ, слѣдовали за своимъ предводителемъ, не такъ какъ подданные, а какъ товарищи въ завоеванïи.

Къ тому жъ сïе завоеванïе было не нашествïе войска, занимающаго одни укрѣпленныя мѣста, а набѣгъ переселяющейся націи: и какъ побѣдители были гораздо многолюднѣе побѣжденныхъ народовъ, ослабѣвшихъ впрочемъ отъ долговременнаго мира: то съ походомъ кончилась и опасность; союзъ прекратился съ нимъ же; они разошлись, раздѣля между собою земли по своей способности, и хотя владѣнïе ихъ въ семъ отношенïи было сперва ненадежно; однако

жаетъ и подкрѣпляетъ любовь и почтенïе Англичанъ къ сему правленïю. Для моего намѣренïя довольно будетъ, когда Читатель согласится со мною, что, во время завоеванïя, послѣдовала существенная перемѣна въ правленïи: это расположитъ его принять тѣ доводы, которыми буду доказывать, что сïя перемѣна проложила дорогу къ нынѣшней Англïйской Конституцïи.

13029/2
201891/2

они зависѣли не отъ Короля, а отъ народнаго собранія (*).

При Короляхъ перваго поколѣнія Лены (помѣстья), по взаимному попущенію предводителей, сдѣлались сперва годовыми, а послѣ вѣковыми. При потомкахъ Карла Великаго стали онѣ наслѣдственными (**). А когда напослѣдокъ Гугонъ Капетъ заставилъ себя избрать ко вреду Карла Лотарингскаго, домогавшагося Короны, которая въ существѣ была наслѣдственнымъ Леномъ въ его родѣ (***): то наслѣдственность Леновъ положилъ онъ за общее правило; и Писатели относятъ къ сему времени совершенное утвержденіе Леннаго права во Франціи.

(*) Лены назывались сперва Terrae jure beneficii concessae, а слово Ленъ начали употреблять только при Карлѣ Толстомъ. Glossaire de du Cange. Смотри Beneficium.

(**) Apud Francos vero sensim pedetentimque, jure hereditario ad heredes subinde transierunt feuda; quod labente seculo nono incipit. Du Cange; смотр. Feudum.

(***) Готоманъ доказалъ свое возраженіе въ его Франкогалліи, что при двухъ первыхъ поколѣніяхъ Королевство Французское было избирательное. Принцы владѣтельной фамиліи имѣли на своей сторонѣ только ту выгоду, что ихъ обыкновенно выбирали.

Съ другой стороны помѣщики, согласившіеся на выборъ Гугона Капета, не даромъ дали ему свой голосъ: они совсѣмъ разорвали слабыя узы, которыя привязывали ихъ къ Королевской власти и со всѣхъ сторонъ сдѣлались независимыми. Они не оставили Королю никакой судебной власти ни надъ собою, ни надъ своими подданными. Присвоили себѣ право вести войну между собою, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ предоставили себѣ производить ее и съ самимъ Королемъ (*).

И естьли Гугонъ Капетъ, учиня Корону наслѣдственною, положилъ основанїе величїю своей фамилїи и самой Короны, то, для собственной своей великости, сдѣлалъ очень мало, пріобрѣвъ развѣ только поименное пре-

---

(*) Главный изъ сихъ случаевъ настоялъ, когда Король не хотѣлъ назначать судей, для рѣшенія какой-нибудь распри, произшедшей между имъ и однимъ изъ первыхъ его Бароновъ. Сей послѣдній имѣлъ тогда право ополчиться противъ Короля; и подленники столько зависѣли отъ безпосредственныхъ своихъ господъ, что принуждены были ходить за ними на войну противъ верьховнаго Государя. Хотя власть Короны умножилась при Святомъ Лудовикѣ, однако онъ долженъ былъ подтвердить сію привиллегію первыхъ Бароновъ, и сію обязанность ихъ Вассаллозъ или Ленниковъ.

имущество надъ тѣми самовладѣтелями, которыми Франція была наполнена (*).

Но въ Англіи введеніе Феодальнаго права и завоеваніе послѣдовали въ одно и то же время. Впрочемъ, какъ сіе завоеваніе совершено такимъ Монархомъ, который содержалъ на жалованьѣ большую часть своего войска и правилъ такимъ народомъ, котораго былъ онъ наслѣднымъ Государемъ, то и правленіе сего Государства получило совсѣмъ иной оборотъ.

Виллїямъ, окруженный народомъ, хотя побѣжденнымъ, но воинственнымъ, удержалъ подъ знаменами часть своихъ солдатъ. Когда сперва взбунтовались Англичане, а послѣ и сами Нормандцы, то онъ ихъ одолѣлъ, и новой Король Англїйской, предводительствуя

(*) „Государственные Вельможи, говоритъ *Мезерей*, „думали, что Гугонъ Капетъ долженъ былъ сно„сить всѣ ихъ оскорбленія, потому что они воз„ложили на него Корону: и своевольство ихъ было „такъ велико, что когда онъ написалъ къ Од„берту Викомту де Периге, чтобъ отошелъ отъ „осажденнаго имъ города Турса, и спрашивалъ „его, какъ будто подъ видомъ упрека: кто сдѣ„лалъ его Викомтомъ: то онъ отвѣчалъ гордо: *„Не вы, а сдѣлавшіе васъ Королемъ.“*

побѣдоноснымъ войскомъ и, имѣя дѣло съ двумя непрїятельскими нацїями, которыя удерживали одна другую и были равно угнетены чувствомъ нещастнаго сопротивленїя, находился въ самомъ благопрїятномъ положенїи сдѣлаться самовластнымъ Монархомъ; законы же его, провозглашенные, такъ сказать, среди грома и молнїи, наложили деспотическое иго на побѣдителей и побѣжденныхъ.

Онъ раздѣлилъ Англїю на 60,215 леновъ, которыя всѣ зависѣли отъ Короны. Помѣщики ихъ должны были по первому данному знаку являться къ нему вооруженные подъ опасенїемъ конфискацїи. — Онъ подвергъ не только народъ, но и Господъ всѣмъ строгостямъ Леннаго права, и даже включилъ ихъ въ тиранническїе свои Лѣсные законы (*).

(*) Онъ предоставилъ себѣ исключительное право звѣриной ловли во всей Англїи и опредѣлилъ страшныя наказанїя противъ всякаго, кто бы сталъ ходить на охоту безъ позволенїя. Отмѣненїе, или, по меньшей мѣрѣ, смягченїе сихъ наказаній было одною изъ статей Лѣсной грамоты, которую Господа пріобрѣли послѣ вооруженною рукою. *Nullus de cetero, amittat vitam, vel membra, pro venatione noſtra. Charta de foreſtâ, art.* 10.

Онъ присвоилъ себѣ право налагать подати; предоставилъ себѣ всю исполнительную власть; но, что всего важнѣе, захватилъ самое обширное судебное вѣдомство, учредя Правительство, именованное (Aula Regis) Королевскою Палатою, страшное Правительство, въ которое вступали аппелляціи изъ всѣхъ судовъ Баронскихъ, которое дѣлало окончательные приговоры объ имѣніи, чести и жизни самихъ Бароновъ и за тѣмъ, что составлено было только изъ знатныхъ чиновниковъ Короны, опредѣляемыхъ и отрѣшаемыхъ по волѣ Королевской, и что самъ Король въ немъ предсѣдательствовалъ, содержало въ своемъ повиновеніи перваго Государственнаго Вельможу, такъ какъ и послѣдняго подданнаго.

Такимъ образомъ Французское Королевство, по причинѣ медленнаго и постепеннаго развитія Феодальнаго правленія, было наконецъ не иное что, какъ куча частей, накладенныхъ одна на другую безъ взаимной связи; Англійское напротивъ, отъ внезапнаго и насильнаго перенесенія того же права, составилось изъ частей, соединенныхъ самымъ крѣпкимъ союзомъ, и Королевская власть, какъ величайшій вѣсъ, гнетеніемъ своимъ сдѣлала изъ нихъ наконецъ одно неразрушимое цѣлое.

Къ сей разности въ первоначальной Конституціи Франціи и Англіи, то есть, въ первобытномъ могуществѣ ихъ Королей, должно относить разность теперешней ихъ Конституціи, толь несходную съ ея причиною. Она разрѣшаетъ такую задачу, которая, признаюсь, долго меня затрудняла, и изъясняетъ, для чего изъ двухъ сопредѣльныхъ народовъ, живущихъ почти подъ однимъ климатомъ и имѣющихъ общее происхожденіе, одинъ достигъ высочайшей степени вольности, а другой постепенно подвергнулся самой неограниченной Монархіи.

Во Франціи Королевская власть дѣйствительно не значила почти ничего, но общественная вольность отъ того не увеличилась. Господа были всё, а сама нація считалась за ничто. Предпринимали всѣ войны, происходившія съ Королемъ, не для пріобрѣтенія вольности, которою съ излишествомъ наслаждались начальники, а были дѣйствіемъ властолюбія, или же и частныхъ прихотей. Народы не ходили уже на войну, какъ товарищи въ общей оборонѣ; съ ними поступали какъ съ рабами и слѣпыми. И законы, по которымъ Господа ихъ были Вассалами (Ленниками), не имѣли никакой связи съ тѣми, въ силу которыхъ они сами были подданными, а потому сопротивленіе, которое они дѣлали, не имѣло для нихъ

выгоднаго слѣдствія и не установило такого правила, которое можно былобъ употребить въ ихъ пользу въ какомъ либо случаѣ.

Нижнее Дворянство, участвуя въ независимости знатнаго, соединяло свои притѣсненія съ деспотизмомъ всѣхъ сихъ разныхъ самовластовъ; для чего подданные, угнетенные бѣдностію и изнуренные страданіемъ, покушались иногда бунтовать. Но по разсѣянію своему во столь многихъ Областяхъ никогда не были они согласны ни въ существѣ, ни во времени своихъ жалобъ: возмущенія, которымъ надлежалобъ быть всеобщими, были всегда частныя, и помѣщики, соединяясь для защищенія общаго дѣла Господъ, и нападая съ выгодою на людей раздѣленныхъ, опять порабощали народъ силою и порознь; вольность же, сей драгоцѣнный плодъ, требующій непрерывнаго стеченія столь многихъ обстоятельствъ, была вездѣ истребляема прежде своего зарожденія (*).

(*) Можно видѣть въ Мезереѣ, какъ Фламандцы, во время большаго возмущенія, причиненнаго, говоритъ онъ, ужасною ненавистію Дворянъ къ Гантцамъ, одолѣны соединеніемъ почти всѣхъ Господъ Франціи. Mezeray Règne de Charles VI vol. LII.

Когда разныя Провинціи завоеваніемъ, по праву наслѣдства, или по договорамъ, стеклись напослѣдокъ въ обширный каналъ Монархіи, то уже были пріучены къ повиновенію. Не многія привиллегіи, сохраненныя городами, мало уважалъ такой Государь, который самъ не вступалъ ни въ какія обязательства; и какъ присоединенія (*)

(*) Слово *присоединеніе* выражаетъ въ законахъ и въ Исторіи Французской приведеніе Провинціи въ безпосредственную зависимость отъ Короны. Юрисконсульты Французскіе, которые всегда отличались своимъ усердіемъ къ распространенію власти Государской (усердіе, котораго не льзя опорочить, естьлибъ ограничивалось оно уничтоженіемъ необузданной Аристократіи), сіи Юрисконсульты, говорю, всегда утверждали, что всякая Провинція, единожды пріобрѣтенная Королемъ, и всякое частное владѣніе, принадлежавшее ему и до вступленія на Престолъ, становились навсегда присоединенными; и, по ихъ словамъ, *l'ordonnance de Moulins* въ 1566 далъ силу закона симъ началамъ. Присоединеніе Провинціи могло послѣдовать: 1е въ упомянутомъ нами случаѣ возшествія на Престолъ того, кто ею владѣетъ; такимъ образомъ при возшествіи Генриха IV (за исключеніемъ сестры послѣдняго Короля Салическимъ закономъ), присоединены Наварра и Бернъ. 2е По причинѣ нарушенія вѣрности владѣльцомъ, когда Король былъ въ состояніи

происходили въ разныя времена: то Король былъ въ состояніи утѣснять причисляемую Провинцію вѣсомъ всѣхъ уже принадлежавшихъ ему.

По другому слѣдствію сей разности во времени присоединеній, разныя части Коро-

---

поддержать силою оружія приговоръ, произнесенный судьями. Такимъ образомъ завладѣлъ Гугонъ Капетъ маленькою маетностію Рамбулье, по поводу чего Авторы замѣчаютъ, что это было первое соединенное владѣніе. Такимъ же образомъ Филиппъ Августъ отнялъ по томъ Герцогство Нормандское у Іоанна, Короля Англійскаго, обвиненнаго въ убійствѣ Артура, Герцога Бретанскаго. 3е По завѣщанію владѣльца; таково было присоединеніе Прованса при Лудовикѣ XI. 4е По женидьбѣ; какъ Графство Шампань при Филиппѣ Пригожемъ, а Бретань при Францискѣ I. 5е За неимѣніемъ наслѣдниковъ иногда мужескаго пола. Такимъ образомъ Лудовикъ XI завладѣлъ Брета-ніею по смерти Карла Смѣлаго. 6е И по покупкѣ; такъ Филиппъ Валоа купилъ Баронію Монпелье; Генрихъ IV Маркизатъ Салюсъ, Лудовикъ XIII Княжество Седанское и проч.

Вотъ какъ составляютъ теперь Французскую Монархію сіи разныя Провинціи съ другими присоединенными такимъ же образомъ, и не только даютъ разные титулы своимъ Государямъ, но и

левства и не думали о взаимномъ вспоможеніи другъ другу. Когда одна отыскивала своихъ правъ, то другая, давно покоренная, не помышляла уже о своихъ. Какъ впрочемъ сіи права, по разности прежнихъ владѣній, были почти вездѣ различны, то происходившее въ одномъ мѣстѣ не имѣло связи съ тѣмъ, что происходило въ другомъ; духъ согласія терялся, или, лучше сказать, никогда не существовалъ; разныя Провинціи, заключенныя въ своихъ округахъ, служили только орудіемъ къ порабощенію; и тѣ же причины, по которымъ введено крайнее повиновеніе у сей военной, пылкой и къ рабству столь несродной націи, способствовали еще удержать ее въ ономъ.

Слѣдовательно вольность во Франціи утрачена отъ того, что тамъ была худо

разнствуютъ между собою законами, которымъ онѣ послѣдовали, или еще послѣдуютъ: ибо однѣ управляются Римскимъ закономъ и названы *Землями писаннаго права*, а другія имѣютъ особенныя свои обыкновенія (которыя однакожъ послѣ также письменно изъяснены) и именуются землями, послѣдующими обыкновеніямъ. Въ сихъ Провинціяхъ народъ покупалъ иногда у своихъ Князей привиллегіи, различныя въ разныхъ Провинціяхъ, смотря по надобностямъ и расположенію тѣхъ Князей, которые даровали ихъ.

устроена. Посажденная, такъ сказать, подъ самою поверхностїю земли, тотчасъ развернулась и пустила нѣсколько большихъ отраслей; но за тѣмъ, что не укоренилась, скоро и вырвана. Въ Англїи напротивъ сѣмя, глубоко закопанное и покрытое большимъ количествомъ земли, кажется, было сперва подавлено; но отъ того оказало новыя силы, присосало пищу тучнѣйшую и обильную; соки были приличнѣе, и оно проникло и наполнило своими кореньями всю толщину земли. Англїю сдѣлало свободною безмѣрное могущество Короля, потому что сїя самая безмѣрность произвела въ ней духъ согласїя и разсудительнаго сопротивленїя. Король, владѣя обширными областями, былъ независимъ; присовокупя къ тому спраш-нѣйшїя преимущества, безъ труда сокрушалъ онъ самыхъ могущихъ Господъ; почему и могли они противиться только многочисленными и тѣсными союзами, да и принуждены были присоединить къ тому подданныхъ и приглашать ихъ къ вольности.

Собираясь съ подданными своими въ тѣхъ пространныхъ залахъ, гдѣ они угощали странствующихъ, не зная забавъ благоустроенныхъ народовъ, любя впрочемъ говорить о томъ, что у нихъ лежало на сердцѣ, часто заводили они рѣчи о несправедливости налоговъ, о жестокости приговоровъ, а особливо

о ненавистныхъ лѣсныхъ законахъ. Не имѣя средствъ, или не хотя спорить о ясномъ текстѣ, естественно побуждались они доходить до началъ, освѣдомлялись объ основаніяхъ власти между людьми, и удостовѣрились, что власть, когда не печется о благоденствіи подверженныхъ ей, есть ничто иное, какъ право сильнѣйшаго и можетъ быть укрощена подобнымъ правомъ.

Разные чины Леннаго правленія связаны были между собою совершенно сходными зависимостями (tenures), отъ чего то, что почиталъ справедливымъ Государь въ пользу *владѣющаго* помѣщика, почиталъ и сей справедливымъ же въ пользу помѣщика *служащаго* Лена; тѣ же правила относились къ помѣщику Подлена (arrière fief); онѣ касались до вольнаго человѣка и сельскаго жителя; и духъ вольности, разлившись по разнымъ отраслямъ Ленной подчиненности, все протекалъ еще постепенными, но однородными каналами; онъ проникалъ до самыхъ послѣднихъ жилокъ, и начало первобытнаго равенства установлялось вообще. Начало священное, котораго не могутъ истребить несправедливость и властолюбіе; начало, существующее во глубинѣ всѣхъ сердецъ, которое нужно только возбудить во многочисленной и утѣсненной части человѣчества.

Но когда Господа, которыхъ уважали сперва для общаго съ Королемъ происхожденія, перестали быть уважаемы; когда *Тираническіе* законы завоевателя исполнялись еще съ большимъ тиранствомъ: то союзъ, приготовленный общимъ нещастіемъ, вдругъ состоялся. Помѣщикъ, Вассалъ и Подвассалъ всѣ соединились. Они призвали на помощь даже крестьянина, и гордая ненависть, которая въ иныхъ мѣстахъ раздражала Дворянство на земледѣльцевъ, ихъ питавшихъ, принуждена была смириться подъ тягостію, которая ее угнетала.

Съ другой стороны народы вѣдали, что дѣло, на защищеніе котораго они призваны, есть дѣло общее; вѣдая сверхъ того, что они необходимыя его подпоры, чувствовали всю свою важность. Но, что весьма существенно, имѣли они столько просвѣщенія, что могли ею воспользоваться; они умѣли говорить и договариваться за себя; требовали, чтобъ законъ отнынѣ охранялъ всѣхъ и каждаго; и тѣ права, на которыя опирались помѣщики, противясь тиранству, сдѣлались преградами, которыя долженствовали нѣкогда остановить собственное ихъ безчеловѣчіе.

ГЛАВА II.

Вторая выгода, которую имѣла Англія передъ францїею. Она составляла Государство нераздѣльное.

Вышеозначенныя причины начали дѣйствовать при Генрихѣ первомъ, спустя лѣтъ сорокъ по завоеванїи. Сей Государь, вступивши на Престолъ съ исключенїемъ большаго своего брата, чувствовалъ, что однимъ только пріобрѣтенїемъ любви можетъ себя поддержать, а притомъ чувствуя, что нужна любовь всей нацїи, не только смягчилъ въ разсужденїи Господъ нѣкоторыя строгости Феодальнаго права, но присовокупилъ и то условїе, чтобъ позволенное имъ позволили они своимъ Вассаламъ. Онъ обнадеживалъ даже отмѣною тѣхъ законовъ завоевателя, которые болѣе отягощали народъ (*).

(*) Между прочимъ *закона de couvrefeu.* (1) Любопытно былобъ изслѣдовать, что произошлобъ со временемъ съ Англосаксонскимъ правленїемъ, и слѣдовательно какое было бы теперь Англїйское, естьлибъ никогда не послѣдовало завоеванія, такого произшествія, которое, какъ выше пока-

(1) Чтобъ по пробитіи зори въ 8 часовъ вечера вездѣ тушили огонь.

При Генрихѣ Второмъ вольность получила еще новое приращенїе, и возобновленъ, хотя несовершенно старинной судъ, или разборъ присяжными, обрядъ, составляющїй теперь одну изъ лучшихъ частей Англїйской Юриспруденцїи.

Но сїи причины, которыя потаенно только распространялись при двухъ Генрихахъ, Государяхъ справедливыхъ до нѣкоторой степени и весьма способныхъ, открылись вдругъ при жестокосердомъ *Іоаннѣ Безземельномъ.* Королевскїя преимущества и Лѣсные законы довелъ сей Государь до степени чрезвычайной строгости; отъ того вскорѣ составилась противъ него общая конфедерацїя; и при семъ случаѣ можно замѣтить новое обстоятельство, весьма выгодное и свойственное одной Англїи.

но, доставя власть, сколь безмѣрную, столь и необычайную Главѣ Леннаго Правленія, принудило Дворянство вступить съ народомъ въ искренній и прочный союзъ. Вѣроятно, что Англїйское правленіе было бы теперь такое же, какое встарину состояло въ Шотландіи, гдѣ Король и Дворянство то совокупно, то поперемѣнно похищали всю власть въ свои руки; ибо то же случилось въ Швеціи и Даніи, гдѣ Англосаксонцы также распространились.

Англія не была, такъ какъ Франція, раздѣлена на многія разныя самодержавія; она составляла одно цѣлое, признавала одного Государя и одно право; вездѣ тѣ же законы, та же зависимость, вездѣ тѣ же понятія, тѣ же нужды. Отъ одного края Королевства до другаго всѣ способствовали одинъ другому къ ограниченію несправедливой власти: отъ Твида до Портсмута, отъ Ярмута до Ландсенда, всѣ волновались; волненіе возрастало отъ дальняго разстоянія, подобно волнамъ обширнаго моря, и всѣ подданные совокупно наступили на Монарха, оставленнаго безъ помощи.

Коль скоро поднято оружіе противъ Іоанна, то и Дворъ его оставилъ; не было ни одной части Государства, которой бы онъ не раздражилъ; ни одной особенной Провинціи, которую могъ бы побудить къ своей оборонѣ обѣщаніями всеобщаго прощенія, или частныхъ уступокъ, обыкновенными, но вѣрными средствами правящихъ; для чего онъ принужденъ былъ съ семью оставшимися при немъ Кавалерами отдаться на произволъ своихъ подданныхъ (*), подписавъ въ Ронингмидѣ Лѣсную грамоту и ту славную грамоту, которая, по важности своей, названа *Большою грамотою*.

(*) Въ 1215 году.

Первою уничтожена часть ужасовъ Лѣснаго закона; второю отмѣнена въ пользу Господъ самая тиранническая часть Ленныхъ законовъ. Но сія грамота тутъ не остановилась: бунтующіе не разошлись, пока не сдѣлано постановленія въ пользу многочисленной части народа, способствовавшаго къ пріобрѣтенію той грамоты и требовавшаго вооруженною рукою участія въ той безопасности, которую она доставила. Большою грамотою поставлено, чтобъ повинности, отмѣненныя въ пользу Господъ, были уничтожены и въ пользу всѣхъ Вассаловъ; учрежденъ одинакой вѣсъ и одинакая мѣра во всей Англіи; купцы предохранены отъ произвольныхъ налоговъ; имъ позволенъ свободный въѣздъ и выѣздъ изъ Королевства; въ ней включены и всѣ чины Государства: ибо предписано, что у мужика (vilain), то есть, у раба не льзя отбирать въ пеню земледѣльческихъ его орудій. Напослѣдокъ статьею XXIX уложено, не ссылать съ ссылку и отнюдь не безпокоить ни одного подданнаго ни въ личности, ни въ имѣніи его иначе, какъ по приговору Перовъ (равныхъ себѣ) и по древнему закону Государства (*).

(*) „Nullus liber homo capiatur, vel imprisonetur, aut diſſeiſietur de libero tenemento ſuo vel libertatibus, vel liberis conſuetudinibus ſuis; aut ut lagetur, aut

Сія статья такъ важна, что, можно сказать, заключала въ себѣ все, что составляетъ предметъ общества, и Англичане отъ сего часа былибъ свободнымъ народомъ, еслибъ между уложеніемъ законовъ и наблюденіемъ ихъ не было безмѣрной разности.

Но хотя недоставало сей грамотѣ большой части подпоръ, которыя могли пріобрѣсть ей уваженіе; хотя не назначила она бѣдному и безпомощному человѣку никакого законнаго и вѣрнаго средства достигнуть исполненія по оной, чему могли напослѣдокъ научить только безчисленныя нарушенія: однакожъ она отмѣнно поспѣшествовала вольности. Общія правила о правахъ подданныхъ и обязанностяхъ Государя — правила, безконечно оспориваемыя, или совсѣмъ отвергаемыя властолюбіемъ, замѣнены писаннымъ закономъ, то есть практическою истиною, которой не надобна уже подпора умствованія; права частнаго человѣка на свою личность и имѣніе, сдѣлались несомнѣнными положеніями. Большая грамота, узаконенная съ такимъ торжествомъ и подтверждае-

---

exuletur, aut aliquo modo destruatur: nec super eum ibimus, nec super eum mittemus nisi per legale judicium parium suorum, vel per legem terrae. Nulli vendemus, nulli negabimus aut differemus justitiam vel rectum." Magna charta caput XXIX.

мая въ каждое правленіе стала пунктомъ надежнаго и общаго соединенія, и положено основаніе, на которомъ надлежало впредь воздвигнуть тѣ справедливые законы, кои подаютъ помочь какъ сильнѣйшему, такъ и слабѣйшему подданному (*).

(*) Если бы кто хотѣлъ вящше удостовѣриться въ дѣйствіи тѣхъ причинъ, отъ которыхъ, какъ мы видѣли, произошла Англійская вольность, то стоилобъ ему только сравнить большую грамоту, толь обширную въ своихъ предосторожностяхъ, въ которой помѣщикъ дѣлаетъ условіе въ пользу раба, съ трактатомъ, постановленнымъ между Лудовикомъ XI и разными Французскими Принцами, *подъ заглавіемъ: Трактатъ, учиненный 29 Декабря* 1465 *въ Ст. Морѣ между Герцогами Нормандскимъ и Калабрскимъ, Бретанскимъ, Бургондскимъ, Овернскимъ, Немурскимъ, Графами Шарольскимъ, Орманьякскимъ и Сен-Польскимъ и инѣми Принцами Французскими, возмутившимися подъ именемъ общаго блага съ одной стороны, и Королемъ Лудовикомъ XI съ другой.* Изъ сего трактата, заключеннаго для прекращенія войны, названной войною о благѣ общемъ, видно, что дѣло шло только объ интересахъ особенной власти нѣкоторыхъ Господъ, и что въ немъ не включено ни одного слова въ пользу народа. Сей трактатъ во всемъ пространствѣ находится въ документахъ, приложенныхъ къ запискамъ Комина.

Во время долгаго правленїя Генриха III., Англїя отъ раздоровъ между Королемъ и Господами пришла въ замѣшательство, и въ превратностяхъ войнъ, причиненныхъ ими, народы всё лучше понимали свою важность, а по необходимому слѣдствїю всё лучше видѣли ее и Король и Господа; по надобности, какую имѣли въ нихъ обѣ стороны, не только большая грамота подтверждена; но и новыя привиллегїи къ ней присовокуплены статутами Мертона и Марлебриджа. Но я спѣшу приступить къ великой эпохѣ правленїя Эдуарда I го, Государя, мудрыми и премногими законами заслужившаго названїе Юстиніана Англїи.

Получа отъ природы величайшїя качества и, вступя на престолъ послѣ правленїя, по слабости и несправедливостямъ своимъ сдѣлавшагося нещастнымъ, Эдуардъ чувствовалъ, что одно только точное наблюденїе справедливости могло съ одной стороны воздержать Дворянство, учинившееся мятежнымъ отъ прежнихъ замѣшательствъ, а съ другой успокоить народы утвержденїемъ владѣнїй. Почему обратилъ онъ главное свое вниманїе на Юриспруденцїю, получившую стараніемъ его такое приращенїе, что судебный порядокъ (procedure) установился; и главный Судья Гель, не обинуясь, говоритъ, что законы достигли вдругъ и quasi

per saltum своего совершенства, и что въ первыя тринадцать лѣтъ сего правленія произошло въ нихъ болѣе перемѣны, нежели во всѣ послѣдовавшія за нимъ Государствованія.

Но эпоха сего правленія по тому особливо достопамятна, что представляетъ первый примѣръ допущенія (*) въ Парламентъ Депутатовъ отъ городовъ и селъ.

Эдуардъ, ведя безпрестанно войну съ Шотландіею, или на твердой землѣ, и видя впрочемъ, что владѣнія его гораздо уменьшились, находился часто въ крайней нуждѣ. И хотя, по свойству тогдашняго вѣка, покушался часто на мѣлочныя несправедливости, однако чувствовалъ, что не возможно ему распространить общаго утѣсненія на такое Дворянство и народъ, которые умѣли соединяться: и такъ, чтобъ получить вспоможеніе, принужденъ былъ взять новую дорогу и стараться пріобрѣсть отъ согласія своихъ народовъ то, чего предмѣстники его ожидали отъ своего могущества. Шерифы пригласили села и города разныхъ Графствъ

(*) Разумѣю законное допущеніе; ибо Графъ Лейчестеръ, похитившій власть во время одной части прежняго правленія, призывалъ ихъ уже въ Парламентъ.

прислать своихъ Депутатовъ въ Парламентъ, и къ сему-то времени должно относить начало Нижней Каморы (*).

Между тѣмъ надобно признаться, что сіи народные Депутаты не имѣли сперва весьма важныхъ правъ. Они совсѣмъ не пользовались тѣми преизящными привиллегіями, которыя дѣлаютъ теперь Нижнюю Камору участницею въ правленіи: первоначально призывали ихъ только соглашаться на резолюціи, принимаемыя Королемъ и собраніемъ Лордовъ. (**) Но тѣмъ они уже много вы-

---

(*) Въ 1295 году.

(**) Въ summum, или повѣсткѣ, которую получали Лорды отъ Короля для пріѣзду въ Парламентъ, сказано было: Arduis negotiis regni tractaturi et concilium impensuri; а въ посылаемой къ Депутатамъ Нижней Каморы: Ad faciendum et consentiendum. Въ собраніи же не имѣли они и той власти, которую, кажется, давали имъ выраженія сего приглашенія.

Въ большой части древнихъ Статутовъ они даже не именованы, а часто, когда объ нихъ упоминается, дается имъ только названіе просителей; ибо согласіе Лордовъ именно отличается отъ прошенія Нижней Каморы. Смотри о семъ предисловіе къ пространному собранію Статутовъ Рофгеда и Авторовъ, на которыхъ онъ тамъ ссылается.

играли, что пріобрѣли право изъяснять свои жалобы безъ опасности и обще, и что, вмѣсто бѣдственнаго средства возмущенія, имѣли законное вліяніе на предложенія Правительства, и составляли отнынѣ часть онаго. Невыгодность назначеннаго мѣста долженствовала вскорѣ награждена быть тѣмъ необходимымъ превосходствомъ, которое бываетъ на сторонѣ народа, когда онъ можетъ дѣйствовать правильно (*).

А потому сіе право, хотя повидимому слабое, вскорѣ оказалось дѣйствіями весьма важными. Эдуардъ, не смотря на свою претительность и по многихъ отговоркахъ, не достойныхъ столь великаго Государя, принужденъ былъ подтвердить большую грамоту, и подтверждалъ ее одиннадцать разъ въ свое правленіе. Онъ узаконилъ, что всё пред-

---

(*) Во Франціи были также Генеральные Статы, или Чины, но въ это собраніе допускали, подъ именемъ средняго состоянія, только Депутатовъ отъ городовъ особеннаго владѣнія Короны, то есть, отъ самой малой части Французскаго народа, и разумѣется, что они не пріобрѣли большаго вліянія въ собраніи самовладѣтелей, которые предписывали законы своему Государю; а когда сіи послѣдніе изчезли, то немедленно принято за правило. Qui veut le Roi, fi veut la loi.

принимаемое въ противность оной будетъ не дѣйствительно, и приказалъ читать ее по два раза ежегодно въ соборныхъ церквахъ и предавать проклятїю того, кто ее нарушитъ (*).

Напослѣдокъ сдѣлалъ онъ законъ на то, чѣмъ дотолѣ попускалъ Англичанамъ пользоваться только на самомъ дѣлѣ, и въ Статутѣ de tallagio non concedendo объявилъ, что, безъ согласїя Перовъ и Нижней Каморы (**), не будетъ собираться никакихъ податей. Сїе важное постановленїе, купно съ большею грамотою, составляетъ основанїе Англїйской Конституцїи. Естьли отъ одной должны Англичане считать начало своей вольности, то отъ другаго ея утвержденїе, и естьли большая грамота была оплотомъ, который охранялъ всѣ частныя вольности, то помянутое постановленїе было орудїемъ, которое защищало самую грамоту, и съ помощїю котораго надлежало нацїи дѣлать от-

---

(*) Confirmationes chartarum cap. 2, 3, 4.

(**) „Nullum tallagium, vel auxilium per nos, vel heredes noſtros in regno noſtro ponatur, ſeu levetur ſine voluntate et aſſenſu Archiepiscoporum, Episcoporum, Comitum, Baronum, Militum (Кавалеры), Burgenſium, et aliorum liberorum hom., de regno noſtro.“ Stat. An. 24 ed. 1.

нынѣ законныя завоеванія надъ Королевскою властію.

Остановимся при семъ періодѣ, до котораго дошли, и, простирая свои взоры вдаль, посмотримъ на иное зрѣлище, какое представляли тогда прочія части Европы. Причины, производящія рабство, дѣйствовали и укрѣплялись въ нихъ со дня на день. Съ одной стороны независимость Дворянъ, а съ другой невѣжество и слабость народовъ были тамъ чрезмѣрны. Ленное право не переставало обнаруживать свои жестокости, и безпорядокъ дошелъ до того, что отнялъ и надежду къ лучшему состоянію.

Франція, окровавленная глупостію Дворянства, безпрестанно занимавшагося неосновательными войнами то между собою, то съ Королемъ, была еще окровавлена тиранствомъ того же Дворянства, гордящагося своею вольностію, или лучше сказать безначальствомъ (*).

(*) Не довольствуясь притѣсненіемъ, присовокупляло оно и ругательство. Когда Дворянинъ (говоритъ Мезерей) грабилъ и разорялъ крестьянина, то въ насмѣшку называлъ его Jaques bonhomme. Это подало поводъ къ ужасному бунту, названному Jaquerie; онъ начался въ Бовѣ въ 1357 году, распространился по многимъ Французскимъ Про-

Народы, угнетенные тѣми, которымъ надлежалобъ предводительствовать ими, обремененные бѣдствіями отъ тѣхъ, которыхъ они кормили своими трудами, волновались всюду. Но цѣлію мятежныхъ ихъ движенїй было только облегчить страданіе, отягчающее сердца ихъ; имъ не приходило на мысль соединиться, а еще менѣе стараться перемѣнить правленіе и составить планъ правильной вольности.

Никогда не простирали они взоровъ своихъ далѣе того поля, которое пахали, и потому никогда не разсуждали о множествѣ противоположныхъ состоянїй, обществъ, привиллегїй и преимуществъ, необходимыхъ приправъ вольной Конституціи. Головы ихъ, наклоненныя къ землѣ, отнюдь не воображали себѣ того многосложнаго зданія, которому опытный человѣкъ удивляется и едва понимаетъ, когда, по стеченію счастливыхъ обстоятельствъ, удастся его воздвигнуть.

Въ простотѣ своей не видѣли они инаго спасенія, какъ токмо во всеобщемъ утвержденіи власти Королевской, то есть, правленія

винціямъ и укрощенъ токмо истребленіемъ одной части сихъ нещастныхъ, которыхъ перерубили нѣсколько тысячь.

воли единаго, и воздыхали только въ ожиданіи той минуты, которая, удовлетворяя ихъ ненависти, облегчила бы ихъ страданія, сравнивъ утѣснителей и утѣсненныхъ.

Дворянство напротивъ того, думая единственно о наслажденіи настоящею независимостію, раздражило безповоротно тѣхъ однихъ людей, которые могли бъ его нѣкогда защитить, и, нарушая какъ то, что предписывало человѣчество, такъ и то, чего требовало благоразуміе, не видѣло, что Королевская власть тайно распространялась и должна была вскорѣ поглотить его. Уже Нормандія, Анжу, Лангедокъ, Турень были присоединены; Дофине, Шампань и часть Гіенны долженствовали неукоснительно присоединиться. Франціи надобно было наконецъ имѣть своего Лудовика XI, надобно было Генеральнымъ ея Статамъ сдѣлаться сперва безполезными, а напослѣдокъ уничтожиться.

Въ Испаніи надобно было также соединиться ея Королевствамъ въ одной особѣ; надобно было ей имѣть своего Фердинанда и Карла Пятаго (*); а Германіи, гдѣ изби-

(*) Испанія была сперва раздѣлена на 12 Королевствъ и нѣсколько Княжествъ, которыя трак-

рательная Корона (*) препятствовала присоединенiямъ, хотя надобно было пріобрѣсть нѣсколько городовъ вольныхъ; но раздѣленнымъ ея народамъ надлежало большею ча-

---

тами, а особливо завоеванiями соединены мало по малу въ три Королевства, Кастильское, Аррагонское и Гренадское. Фердинандъ V, Король Аррагонской, сочетался бракомъ съ Изабеллою, Королевою Кастильскою. Они совокупно завоевали Королевство Гренадское, и сiи три Королевства, такъ соединенныя, достались въ 1516 Карлу, ихъ внуку, и составили Монархiю Испанскую. Въ то время Короли Испанскiе сдѣлались самовластными, и Статы Королевствъ Кастильскаго и Леонскаго, собранные въ Толедѣ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1539, суть послѣдніе, гдѣ находились три Чина, то есть Вельможи, Духовные и Депутаты городскiе. *Феррера Всеобщая Исторiя Испанiи.*

(*) Королевство Французское при Гугонѣ Капетѣ и нѣкоторыхъ его преемникахъ много походило на Имперiю Германскую, каковою она была съ того времени по нынѣ. Но какъ Императорская Корона осталась избирательною по стеченiю обстоятельствъ, которыхъ изслѣдованiе сюда не принадлежитъ: то Императоры Германiи, хотя по видимому имѣли бо́льшiя привиллегiи, нежели Короли Французскiе, однако, что касается до существеннаго, были въ положенiи гораздо менѣе выгоднoмъ. Они не могли исполнить плана о рас-

сшію остаться подъ произвольнымъ и самовластнымъ игомъ особенныхъ Государей, которые умѣли удержаться. Словомъ, потоки Ленныхъ повинностей, которые разливались по всей твердой землѣ, не награждали никакою отдаленною выгодою настоящихъ своихъ опустошеній, и по стеченіи своемъ долженствовали оставить за собою только порядочнѣйшій родъ деспотизма.

Но въ Англіи то же Ленное право, разлившися вдругъ, оставило и безпрестанно оставляло за собою благородныя сѣмена духа вольности, союза и благоразумнаго сопротивленія. Со временъ Эдуарда сіе разлитіе сбывало: законы, охраняющіе личность и собственность гражданина, начали показываться (*).

пространеніи своихъ владѣній при упорствѣ многихъ наслѣдныхъ Государей; и право избирать ихъ, которое имѣли большіе Германскіе Князья, приводило сихъ послѣднихъ въ состояніе предохранить себя съ другими Господами, не столь знаменитыми, отъ похищеній Короны.

(*) А по моему мнѣнію (говоритъ Филиппъ Коминъ о временахъ, послѣдовавшихъ вскорѣ за Эдуардомъ Первымъ), изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ владѣній,

Сія прекрасная Конституція, произшедшая отъ тройной власти, возникала не чувствительно и глазъ усматривалъ уже зеленѣющіе верхи того щастливаго горизонта, на которомъ должны были владычествовать нѣкогда Философія и вольность, неразлучныя подруги.

въ Англіи лучше наблюдается общая польза, и менѣе насилія дѣлаютъ народы. Записки Комина, Томъ I кн. V. гл. XIX.

ГЛАВЫ IIй.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Продолженіе той же матеріи.

Депутаты націи, да и всей націи, были допущены въ Парламентъ; и Король увидѣлъ себя въ зависимости отъ нихъ по такому предмету, въ которомъ имѣлъ равную нужду и человѣкъ и Король; и такъ сдѣланъ важный шагъ, долженствовавшій доставить націи то вліяніе, которымъ она теперь пользуется, и государствованія, послѣдовавшія за Эдуардовымъ, представляютъ намъ непрерывную тому развязку.

При Эдуардѣ II Депутаты Нижней Каморы начали пріобщать прозьбы къ тѣмъ билямъ, которыми давали они субсидіи: это была заря законодательной ихъ власти. При Эдуардѣ III объявили они, что впредь будутъ признавать только тѣ законы, на которые дадутъ они свое согласіе. Скоро по томъ оказали они такую прерогативу, которая составляетъ теперь одинъ изъ большихъ перевѣсовъ Конституціи. Они принесли жалобу и заставили осудить нѣкоторыхъ главныхъ Министровъ. При Генрихѣ IV не хотѣли они сдѣлать положенія о субсидіяхъ, по-

ка не будетъ отвѣтствовано на ихъ прозьбы, или *петиціи*. Словомъ, каждое, сколько нибудь важное, произшествіе отличалось пріумноженіемъ силы Депутатовъ народныхъ; пріумноженіе, конечно медленное, но мирное и законное и потому самому удобнѣе впечатлѣвающееся въ умѣ народовъ и соединяющееся съ прежними началами.

При Генрихѣ V нація занималась только войною съ Франціею, а при Генрихѣ VI начались гибельныя распри между Домами Йоркскимъ и Ланкастерскимъ: слышенъ былъ только шумъ оружія. Въ безмолвіи существующихъ законовъ не помышляли объ уложеніи новыхъ; и Англія, въ теченіи болѣе тридцати лѣтъ, представляетъ одно обширное зрѣлище опустошенія.

Напослѣдокъ при Генрихѣ VII, который сочетавшись бракомъ съ наслѣдницею Йоркскаго Дома, соединилъ въ себѣ требованія обоихъ Домовъ, миръ возстановленъ повсюду и, кажется, надежда льстила націи благоденствіемъ; но долгой и жестокой кризисъ, который она выдержала, требовалъ продолжительнаго и труднаго выздоровленія. Генрихъ, вступя на престолъ вооруженною рукою и, такъ сказать, какъ завоеватель, долженъ былъ исполнить обѣщанія и дѣлать мщенія; а народы, по толь многихъ бѣдствіяхъ, жела-

Ай только покоя, ужасаясь и самой мысли сопротивленія. Почему остатки неистребленнаго Дворянства подвергнулись беззащитно произволу Государя.

Народные Депутаты съ другой стороны, пріобыкнувшіе дѣйствовать только въ подчиненіи, лишась тѣхъ, которые доселѣ предводительствовали ими, и какъ будто обезумѣвъ, менѣе прежняго смѣли дѣлать сопротивленіе. Находясь, такъ какъ и Лорды, на глазахъ Королевскихъ, были они подвержены равнымъ опасностямъ. Они, такъ какъ и тѣ, покупали себѣ личную безопасность на щетъ общей вольности. Самые уничижительные законы, рѣшенія ненавистнѣйшія были расточаемы и, читая Исторію двухъ первыхъ Государей Тудорова Дома, кажется, читаешь то, что Тацитъ повѣствуетъ о Тиверіи и Римскомъ Сенатѣ (*).

И такъ, казалось, настало то время, въ которое Англійская нація долженствовала также подпасть участи прочихъ Европейскихъ народовъ. Слѣдовательно всѣ преграды, воздвигнутыя ею для защищенія своей вольности, служили только къ отсрочкѣ неминуемыхъ дѣйствій силы.

(*) Quantò quis illustrior, tantò magis falsi ac festinantes.

Но память древнихъ законовъ большой грамоты, многократно и торжественно подтвержденной, была такъ глубоко начертана въ умѣ Англичанъ, что временныя нещастія не могли ее изгладить; подобно пространному и глубокому морю, которое среди перемѣнностей годовыхъ временъ сохраняетъ свою температуру, сохранила Англія начала, толь обще распространенныя во всѣхъ состоянїяхъ Государства и которымъ надлежало оказаться при первомъ случаѣ.

Англія имѣла впрочемъ и ту еще выгоду, что была соединена въ одно Государство.

Еслибъ, подобно Франціи, была она раздѣлена на разныя особенныя Провинціи, то имѣла бы также разныя народныя собранія. Сіи собранія, созываемыя въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ, не моглибъ по однимъ и другимъ причинамъ поступать согласно; и право отказывать въ Субсидіяхъ, право толь важное, когда тѣмъ можно довести Государя до невозможности дѣйствовать, былобъ нещастнымъ правомъ раздражать Государя, который нашелъ бы пособіе инде.

Разные Парламенты, или Области, принуждены будучи выслуживаться только по-

спѣшностїю, сталибъ одинъ передъ другимъ соглашаться на то, въ чемъ отказывать было бы не токмо безполезно, но и опасно. Король немедленно потребовалъ бы, какъ дани, такого дара, въ полученїи котораго былъ бы увѣренъ; и видъ согласїя, предоставленный народамъ, послужилъ бы новымъ средствомъ угнетать ихъ безъ опасенїя.

Но въ Англїи и при Тудорахъ Король долженъ былъ изъяснять свои нужды одному только собранїю: сколь ни велико было приращенїе силы его, однако Парламентъ только могъ доставить ему средства оказать ее; и по тому ли, что тѣ, которые его составляли, живо чувствовали свои выгоды, или что частная польза подкрѣпляла патрїотизмъ, всегда присвоивали они себѣ право отказывать въ Субсидїяхъ; и въ общемъ небреженїи о всемъ, что долженствовало имъ быть любезно, держались упорно, по крайней мѣрѣ за ту доску, которая должна была ихъ спасти.

При Эдуардѣ VI уничтожены звѣрскїе законы объ измѣнѣ, выдуманные при Генрихѣ VIII, его предмѣстникѣ. Но, по кончинѣ сего молодаго и добродѣтельнаго Государя, кровожадная Марїя вдругъ изумила вселенную такими жестокостями, на которыя не моглабъ поступить, еслибъ не ободрилъ ее фанатизмъ одной части нацїи.

При щастливомъ и долгомъ правленїи Елисаветы, Англїя начинала отдыхать, и Протестантскїй законъ, возведенный съ нею на Престолъ, принесъ съ собою нѣсколько болѣе вольности и свободы по вѣрѣ.

Однакожъ Звѣздная камора, сїе обильное орудїе тиранства двухъ Генриховъ, существовала еще; сверхъ же того выдуманъ розыскной судъ *высокой Коммисїи*, и иго силы всё тяготило подданныхъ. Но, по любви къ Государынѣ, въ нещастїяхъ которой принимали сперва столь много участїя, для явныхъ бѣдъ, отъ которыхъ Англїя избѣгнула, и для крайней славы сего правленїя, сносили такїя дѣянїя власти, которыя показались бы теперь крайнею степенью тиранства и оправдывали тогда и теперь извиняютъ Монархиню, которая, по дарованїямъ своимъ, конечно не по началамъ, касающимся до правленїя, достойна того, чтобы представлять ее въ примѣръ.

Напослѣдокъ въ правленїе Стуартовъ нацїя очувствовалась отъ продолжительнаго своего усыпленїя. Іаковъ I, Государь болѣе безразсудный, нежели жестокїй, подня въ завѣсу, донынѣ скрывавшую столь многїя насилїя, тщеславился тѣмъ, чѣмъ предки его довольствовались наслаждаться.

Онъ повторялъ непрестанно, что власть Королей безпрекословна, такъ какъ и Божеская, что, подобно Богу, они *всемогущи*; и тѣ преимущества, которыхъ нація отыскивала съ такимъ шумомъ, какъ наслѣдства и правъ, принесенныхъ съ рожденіемъ, происходили, по его мнѣнію, отъ единой милости и снисхожденія его предковъ (*).

Сіи начала, крывшіяся дотолѣ въ тайнѣ Кабинета и Судебныхъ Мѣстъ, сохранялись по причинѣ сей самой неизвѣстности. Но когда возвѣщены были съ высоты Престола, и загремѣли на каѳедрахъ, то разпространили повсемѣстную тревогу; сверхъ того торговля и художества, отъ нея проистекающія, а наипаче тисненіе возбудили основательнѣйшія понятія во всѣхъ состояніяхъ Государства. Новый свѣтъ началъ озарять націю, и въ сіе правленіе часто оказывался духъ сопротивленія, давно уже забытый Королями Англійскими.

Но гроза, собиравшаяся только при Іаковѣ, грянула при Карлѣ I, его преемникѣ, и сцена, открывшаяся при вступленіи сего Государя на Престолъ, представила ужасное зрѣлище.

(*) Отзывы, учиненные въ Парламентѣ въ 1610 и 1621 годахъ.

Понятія о вѣрѣ, по странному стеченію, совокупились съ любовію вольности; тотъ же духъ, который тѣснилъ установленную вѣру, вкрался въ Политику; Королевскія прерогативы подвергнуты равному испытанію съ ученіемъ Римской церкви, и мнимой неограниченной власти не льзя было выдержать того искуса, которому не могъ противиться законъ суевѣрный.

Народные Депутаты съ другой стороны опамятовались отъ того изумленія, въ которое привело ихъ сперва уничтоженіе Дворянской власти; взглянувъ на себя и націю, увидѣли они всю свою силу, рѣшились ее употребить и ограничить напослѣдокъ власть, которая, казалось, издавна всё захватила. Имѣвъ притомъ л ю д е й весьма способныхъ, предприняли они сіе великое дѣло конституціональными и правильными средствами; и Карлъ долженъ былъ противиться движенію всей націи, соединенной и управляемой собраніемъ Государственныхъ людей.

Остановимся здѣсь на время, чтобъ замѣтить разность дѣйствій, произведенныхъ въ Англіи и во Франціи одинакимъ произшествіемъ, то есть, уничтоженіемъ силы Дворянства. Во Франціи, гдѣ, отъ раздѣленія Провинцій и могущества Дворянъ, народъ

считался за ничто, по одолѣнїи самихъ Дворянъ дѣло было кончено. Но въ Англїи, когда, по стеченїю обстоятельствъ, Дворяне были также сокрушены, народъ, ими возвышенный, пріобрѣвшій много вліянія въ правленїи, болѣе же всего не раздѣленный, а соединенный въ одинъ составъ, сей народъ, говорю, стоялъ твердо и ихъ собралъ.

Но злощастный Карлъ, послѣдуя дурнымъ совѣтамъ, отнюдь не понималъ опасности, его окружавшей. Прельстясь примѣромъ другихъ Европейскихъ Государей, не чувствовалъ онъ, сколь много разнится его положенїе отъ ихъ обстоятельствъ; не благоразумно употреблялъ онъ съ строгостїю такую власть, которой почти никто не вѣрилъ, а ослабѣвшїя его прерогативы разсыпались отъ одного духу (*).

(*) Можно бы здѣсь возразить, что когда, въ царствованіе Карла Iго, власть Короны принуждена была уступить народной, то Король имѣлъ другія области, кромѣ Англіи, а именно Шотландію и Ирландію; для чего, кажется, имѣлъ онъ ту одинакую выгоду съ Королями Французскими, что царствовалъ надъ раздѣленнымъ народомъ. Но на это должно отвѣчать, что въ то время, о которомъ говоримъ, Ирландія, едва устроенная, умножала лишь надобности, и слѣдовательно зависимость Королевскую; а Шотландія, по стече-

Славнымъ актомъ, названнымъ *требованіе правъ*, и другимъ, послѣ состоявшимся, на которые онъ согласился, принужденные займы и налоги, сокрытые подъ именемъ щедроты (benevolence), объявлены противными законамъ; произвольныя заключенія и употребленіе воинскаго закона (Кригсрехтъ) уничтожены; Палата *Высокой Коммиссіи* и Звѣздная Палата упразднены (*), и Консти-

---

нію особенныхъ обстоятельствъ, не повиновалась ему. И хотя сіи два Государства не могутъ и теперь вступить въ соперничество съ соединеннымъ составомъ Англійскаго Королевства, и, кажется, никогда не были въ состояніи соединеніемъ своимъ съ сею Короною доставить Королю большихъ пособій; однакожъ обстоятельства, послѣдовавшія въ сихъ двухъ Королевствахъ во время революціи, или послѣ, достаточно доказываютъ, что большой переломъ въ правленіе Карла I былъ не безполезенъ Англійской вольности, и счастливые успѣхи, какіе должна была тогда пріобрѣсть Конституція, предшествовали тому періоду, въ который могъ бы Король Англійской прибѣгнуть къ помощи двухъ другихъ Королевствъ.

(*) Звѣздная Камора, въ противность другимъ Трибуналамъ, которые признавали закономъ только неписанный или Земскій законъ, и акты Парламентскіе, признавала особенныя прокламаціи Королевскаго Совѣта и принимала ихъ за основаніе

туцїя, очищенная отъ снаряда тиранническихъ Правительствъ, которыми запятнили ее Тудоры, возстановлена въ прежнемъ своемъ сіяніи.

Блаженны народы, которыхъ предводители, совершивъ такое доброе дѣло, удовольствуются одною славою благотворителей отечества! Блаженъ Король, который, принужденъ будучи напослѣдокъ уступить, уступитъ чистосердечно и познаетъ, что любовь подданныхъ есть единое его спасеніе.

Но Карлъ не умѣлъ перенести потерю того, что почиталъ безспорными преимуществами; онъ не могъ привыкнуть къ ограниченіямъ обиднымъ, по его мнѣнію, самодержавному достоинству. Поведеніемъ и рѣчьми своими открывалъ онъ тайные свои умыслы; недовѣріе овладѣло націею, властолюбивые граждане употребили его для достиженія своихъ видовъ, и гроза, по видимому утихнувшая, наступила. Противоположный фанатизмъ гонительныхъ сектъ присталъ къ спору Монархической гордости и частнаго властолюбія; буря поднялась съ

своихъ рѣшеній, а по сему и справедливо почитали уничтоженіе сего Трибунала большею побѣдою надъ Королевскою властію.

четырехъ сторонъ горизонта; Конституція сокрушена, и Карлъ паденіемъ своимъ далъ великой примѣръ свѣту.

По уничтоженіи Королевской власти, Англичане покушались, но тщетно, ввести у себя Республиканское правленіе. „Какое прекрасное зрѣлище, говоритъ Монтескю, представили безсильныя старанія Англичанъ, завести у себя народное правленіе!“ Сила разныхъ в о ж д е й долгаго-Парламента, которой были они сперва подвержены, прекратившися скоро, перешла неограниченно въ руки Протектора. По томъ раздѣлилась м е ж д у начальниками разныхъ корпусовъ войскъ и, перепадая безпрестанно изъ рабства въ рабство, удостовѣрились они, что хотѣть ввести вольность въ великомъ народѣ, съ тѣмъ, чтобъ онъ входилъ въ подробности правленія, значитъ, хотѣть изъ всѣхъ вещей самой несбыточной; что сія власть всѣхъ, которою манятъ тамъ народъ, есть въ самомъ существѣ ничто иное, какъ власть нѣсколькихъ сильныхъ гражданъ, которые дѣлятъ между собою Республику; и напослѣдокъ остановились они при той одной Конституціи, которая прилична большому Государству и вольному народу, то есть при такой, гдѣ немногіе совѣтуютъ, а одинъ исполняетъ; но гдѣ, по распоряженію вещей, всеобщее удовольствіе сдѣлано необходимымъ условіемъ твердости правленія.

И такъ Карлъ II былъ призванъ обратно, и принятъ отъ народа съ тою любовію и пристрастіемъ, которыя послѣдуютъ за обращеніемъ отъ долговременнаго заблужденія. Но онъ не прощалъ имъ неизгладимой вины, которою, по мнѣнію его, осквернили они себя. Ему прискорбно было видѣть, что внутренно сохраняли они тѣ же понятія, и занимаясь въ сердцѣ своемъ прежними преимуществами Короны, искалъ только случая нарушить тѣ обѣщанія, которыя доставили ему *возстановленіе*.

Но самая опрометчивость его мѣръ разрушила успѣхъ оныхъ; опасные союзы его на твердой землѣ и безразсудность тѣхъ войнъ, въ которыя вовлекъ онъ Англію, купно съ частными злоупотребленіями власти, измѣнили ему. Нація узнала его предпріятія, и напослѣдокъ удостовѣрясь, что одни твердые и непреоборимые предѣлы могутъ воздержать власть, рѣшилась отнять окончательно всё, что еще оставалось произвольнаго въ Королевскомъ могуществѣ.

Военныя повинности, принадлежавшія Коронѣ, остатки ленныхъ зависимостей, уничтожены. Законы противъ Еретиковъ отмѣнены. Установленъ актъ *habeas corpus*, сей оплотъ частной безопасности. Статутъ, которымъ учреждены трехлѣтнія Парламен-

ты, подтвержденъ, и столь великъ былъ патрïотизмъ Парламентовъ, что вольность прïобрѣла существеннѣйшïя приращенïя при Государѣ, не имѣвшемъ никакихъ правилъ.

Напослѣдокъ по смерти Карла началось то правленïе, которое долженствовало подать толь великое наставленïе народамъ и Государямъ. Iаковъ II, имѣя духъ непреклоннѣе бращняго, но не такъ обширный, упорствовалъ еще открытѣе въ предпрïятïи, столь гибельномъ его Фамилïи. Онъ не смотрѣлъ на то, что большïя перемѣны, произшедшïя въ Конституцïи, причиняли всё болѣе неудобства въ исполненïи онаго; безразсудно огорчался сопротивленïемъ, котораго не могъ преодолѣть и, послѣдуя стремленïю Деспотическаго духа и монашеской ревности, набѣжалъ онъ съ розмаху на камень, о которой надлежало сокрушиться его власти.

Не только изъяснялъ онъ въ отзывахъ своихъ устрашительныя впечатлѣнïя неограниченной власши, которой надобно было повиноваться безъ изъятïя; — не только присвоивалъ себѣ право увольнять отъ дѣйствïя законовъ, но хотѣлъ еще употребить сïе разрушительное требованïе къ исправленïю законовъ любезнѣйшихъ нацïи, и уничтожилъ вѣру, купленную цѣною величай-

шихъ бѣдствій, для того, чтобъ на ея развалинахъ воздвигнуть религію, изгнанную многократными актами, и не за то изгнанную, что ею вводили въ Англію вѣрованія, незначущія для Государства о пресуществленіи и чистцѣ, а за то, что неограниченную власть Государя щитала она всегда между главными своими догматами.

Стараться же возстановить такую вѣру, значило не только нарушить законы, но приготовлять вопіющимъ нарушеніемъ несноснѣйшія еще нарушенія; и Англичане видя, что вольность ихъ притѣснена въ самыхъ своихъ началахъ, прибѣгнули къ тому средству, которое показываетъ народамъ природа и разумъ, когда тотъ, кому надлежалобъ быть оберегателемъ законовъ, становится ихъ разрушителемъ. Они отказались отъ повиновенія, обѣщаннаго Іакову, и щитали себя освобожденными отъ присяжнаго долга Государю, пренебрегшему свои обязательства.

Но вмѣсто того, что революція, опрокинувшая Карла, произведена посредствомъ большаго кровопролитія и ввергнула Государство въ ужасное замѣшательство, перемѣна, которою свергнутъ съ Престола Іаковъ, совершилась скоро и легко. По причинѣ распространенія знаній и вѣрности началъ, которыя управляли націею, согласіе было все-

общее; всѣ узы, привязывавшïе народъ къ Престолу, разторгнуты вдругъ и однимъ потрясенïемъ; и Іаковъ, которой за часъ прежде былъ Государь, окруженный своими подданными, сталъ уже частнымъ человѣкомъ посреди націи.

Сïе произшествïе сдѣлалось единственнымъ въ Лѣтописяхъ человѣческаго рода, особливо по умѣренности, скажу даже по законности, каковыми оно сопровождено было. Какъ будто бы свергнуть съ Престола Короля, который хотѣлъ пренебречь законы, было естественнымъ и предвидѣннымъ слѣдствïемъ начала правленïя, всё осталось на своемъ мѣстѣ; нація собралась по обыкновенïю для избранïя своихъ Депутатовъ; Престолъ объявленъ праздным и введенъ новый порядокъ преемничества.

Тѣмъ не кончилось: старались исправить *бреши*, сдѣланныя въ Конституцïи, и отвратить новыя, воспользовавшись рѣдкимъ случаемъ первоначальнаго и торжественнаго договора между народомъ и Государемъ.

Отъ новаго Короля потребована присяга точнѣе той, какую дѣлали его предмѣстники, и образецъ ея утвержденъ навсегда. Объявлено снова, что учреждать налоги,

безъ согласія Парламента, также какъ и содержать войско въ мирное время, противно закону. Уничтожено преимущество, присвоиванное Короною во всѣ времена увольнять отъ дѣйствія законовъ. Установлено, чтобъ всѣ подданные, кто̀бъ они ни были, имѣли право подавать Королю прозьбы (*); а въ заключеніе всего окончательно установлена вольность тисненія (**).

И такъ революція 1688 года есть третья большая эпоха въ Исторіи Англійской Конституціи. Въ большой грамотѣ означены предѣлы, въ которыхъ должна заключаться власть Короля. Въ правленіе Эдуарда Іго сооружены нѣкоторые оплоты; но въ эпоху революціи ограда совсѣмъ окончана.

(*) Верхняя и Нижняя Каморы сдѣлали билю, названную *Билею Правъ*, которая содержала въ себѣ вышеизъясненныя статьи, такъ какъ и разныя другія. Сія Биля, утвержденная по томъ Королевскимъ согласіемъ, сдѣлалась актомъ Парламентскимъ и наименована *Актъ, изъясняющій права и вольность подданнаго и утверждающій наслѣдство Короны.* 1й годъ Вилліама и Маріи. Засѣданіе 2. Гл. 2.

(**) Вольность тисненія утверждена, говоря собственно, спустя 4 года послѣ того, когда Парламентъ не согласился на продолженіе ограниченій, положенныхъ по сей матеріи.

Въ эту эпоху положены великія и истинныя начала обществъ. Изгнаніемъ Короля, нарушившаго свою присягу, утвержденъ несомнѣнно догматъ сопротивленія, сего послѣдняго спасенія ущѣсняемыхъ народовъ. Изключеніемъ фамиліи наслѣдственно деспотической рѣшено, что народы не принадлежатъ Королямъ. Уничтожены всѣ тѣ начала страдательнаго повиновенія, Божескаго права, неразрушимой власти, словомъ, та громада понятій гибельныхъ, потому что они ложны, на которыхъ дотолѣ основывалась власть Королевская; и они замѣнены твердыми и прочными подпорами любви къ порядку и чувства необходимости правленія между людьми.

ГЛАВА III.

Законодательная власть.

Почти во всѣхъ Государствахъ Европы воля Государя занимаетъ мѣсто закона, и привычка такъ смѣшала въ нихъ право съ самымъ дѣломъ, что, по мнѣнію Юрисконсультовъ, законодательная власть существенно принадлежитъ къ качеству Короля, и полнота его власти кажется имъ проистекающею необходимо изъ опредѣленія (дефиниціи) его титула.

Англичане, находясь въ обстоятельствахъ благопріятнѣйшихъ, судили о томъ иначе; не думая, что судьба человѣческая должна зависѣть отъ игры словъ и схоластическихъ тонкостей, сопрягли они съ словомъ *King* и съ словомъ *Roi*, извѣстнымъ и въ ихъ законѣ, тѣ только идеи, которыя сопрягали Латины съ словомъ *Rex*, а Сѣверные народы съ словомъ *Cyning*. И такъ, ограничивая власть своего Короля, подошли они ближе къ словопроизведенію, а тѣмъ подошли ближе и къ разуму, что не оставили законовъ въ разпоряженіи того, кому съ другой стороны ввѣрена Государственная сила, то есть того, кому весьма нужно освободиться отъ нихъ.

Основанïе Англïйской Конституцïи, главное начало, отъ котораго зависятъ всѣ прочïе, есть то, что законодательная власть, т. е. власть установлять законы, ихъ уничтожать, перемѣнять и изъяснять, принадлежитъ одному Парламенту.

Части, составляющïя Парламентъ, суть Нижняя Камора, Верхняя Камора и Король.

Нижняя Камора, иначе собранïе Депутатовъ нацïи, составлена изъ Депутатовъ отъ разныхъ Графствъ, или Провинцïй Англïйскихъ, изъ которыхъ каждая посылаетъ по два; изъ Депутатовъ отъ городовъ, изъ коихъ Лондонъ, когда включаются въ немъ Вестминстеръ и Саутваркъ, назначаетъ восемь, а прочïе города по два и по одному, и изъ Депутатовъ отъ Университетовъ Оксфордскаго и Камбриджскаго, изъ которыхъ каждый имѣлъ по два.

Напослѣдокъ, со времени *соединенïя*, Шотландïя посылаетъ сорокъ пять Депутатовъ, которые съ прочими составляютъ всего на все 558 особъ. Хотя сïи Депутаты назначаются порознь, однако полагается, что они представляютъ не одинъ тотъ городъ или провинцïю, отъ которыхъ присланы, такъ какъ Депутаты соединенныхъ Провинцïй, а по допущенïи своемъ представляютъ всю нацïю.

Членъ Нижней Каморы долженъ быть природный подданный Великобританіи, имѣть отъ помѣстья своего доходу 600 фунтовъ стерлинговъ (*), чтобъ быть Депутатомъ отъ Графства, или 300 фунтовъ стерлинговъ, чтобъ представлять городъ.

Избирателю въ Графствѣ, или Провинціи, надобно имѣть доходу съ своего бѣлопомѣстья (Free hold) 40 шилинговъ. Избиратели въ разныхъ городахъ должны быть Free men, слово, значущее человѣка вольнаго, но выражающее теперь нѣкоторыя качества, изъясненныя въ особенныхъ грамотахъ.

Когда Король созываетъ Парламентъ, то Канцлеръ посылаетъ повелѣніе къ Шерифу каждаго Графства о выборѣ Депутатовъ отъ самаго того Графства и отъ находящихся въ немъ городовъ. Спустя три дни по полученіи того повелѣнія, долженъ Шерифъ послать отъ себя приказаніе къ начальникамъ городовъ, чтобъ они произвели избраніе въ восемь дней по полученіи ими того приказанія, обнародовавъ о томъ за четыре

(*) Надобно, чтобъ эта деревня находилась во владѣніи за годъ до выбора, если не досталась она избирателю по наслѣдству, женитьбѣ, завѣщанію, или по опредѣленію къ должности.

дни напередъ; а самъ Шерифъ долженъ приступить къ выбору отъ Графства не ранѣе десяти и не позже шестнадцати дней.

Чтобъ во всемъ оградить вольность избранія, взяты въ законѣ такія предосторожности, что всякой кандидатъ, который даетъ пиръ избирателямъ, или нѣсколькимъ изъ нихъ по написанїи повелѣнія (writs), или во время ваканціи какой должности, не можетъ быть избранъ отъ того мѣста. А кто даетъ или обѣщаетъ избирателю деньги, должность или какое либо награжденіе, тотъ будетъ, такъ какъ и самъ избиратель, оштрафованъ 500 фунтовъ стерлинговъ и навсегда неспособенъ занимать какую либо должность; однакожъ оба они могутъ освободиться отъ сей пени, ежели прежде уличенія покажутъ виновнаго въ томъ же дѣлѣ.

Сверхъ того предписано, что ни одинъ Лордъ Парламента, ни Намѣстникъ Графства не долженъ присвоивать себѣ права мѣшаться въ избраніе Членовъ; что сборщики публичныхъ доходовъ, которые осмѣляются мѣшаться въ избраніе, *преклоняя, или отклоняя избирателей*, будутъ оштрафованы 100 фунтовъ стерлинговъ и объявлены неспособными ни къ какой должности. Напослѣдокъ солдаты, имѣющіе квартиры на

мѣстѣ избранія, должны удалиться оттуда по меньшей мѣрѣ за день до избранія, и возвратиться не ранѣе одного дня по окончаніи выбора.

Камора Лордовъ, или Верхняя составлена изъ духовныхъ Лордовъ, а именно: изъ Архіепископовъ Кантербургскаго и Йоркскаго, и изъ 24 Епископовъ, и изъ Свѣтскихъ Лордовъ, какъ бы они ни именовались, Дюками, Графами, Баронами и проч.

Наконецъ Король составляетъ третью власть Парламента. Онъ же одинъ имѣетъ право созывать его; онъ одинъ можетъ его распускать или рушить, и отпускать. *Рушится* Парламентъ, когда онъ вовсе перестаетъ существовать, когда должность Депутатовъ прекращается, и при созваніи надобно выбирать новыхъ. Отпускъ есть увольненіе на срокъ, назначаемый Королемъ: до того срока Парламентъ прекращается только и должность Депутатовъ останавливается.

Когда Парламентъ собирается по созыву, или въ числѣ прежде избранныхъ Членовъ съѣзжается опять по истеченіи срока, на который былъ отпущенъ: то Король, возложа на себя знаки своего достоинства, самъ туда пріѣзжаетъ и открываетъ засѣданія, изъясняя Парламенту состояніе и нужды

націи, и приглащая его заняться ими. Сіе присутствіе Короля дѣйствительное, или чрезъ повѣреннаго, необходимо нужно въ первомъ собраніи. Оно даетъ жизнь законодательнымъ совѣтамъ и приводитъ ихъ въ движеніе.

Король, проговоря рѣчь свою, удаляется. Парламентъ, взявъ тогда въ свои руки дѣла націи, занимается ими и продолжается, пока не будетъ отпущенъ или рушенъ. Верхняя и Нижняя Каморы собираются порознь; Предсѣдателемъ въ первой Лордъ Канцлеръ, а въ другой ея Ораторъ; обѣ каморы сами отсрочиваютъ свои засѣданія, каждая съ своей стороны, на сколько дней имъ надобно.

Каждая изъ обѣихъ каморъ имѣетъ право отвергать резолюціи другой, и не льзя опасаться, чтобъ онѣ нарушили взаимныя преимущества или прерогативы Короля, который также имѣетъ свой отрицательный голосъ; и такъ предметомъ ихъ взаимныхъ совѣтованій можетъ быть безъ изъятія все, что онѣ признаютъ полезнымъ для блага Государства; на примѣръ положеніе новыхъ предѣловъ Королевской власти, или присвоеніе ему новыхъ преимуществъ, установленіе новыхъ законовъ, или дѣланіе перемѣнъ въ старыхъ. Напослѣдокъ разныя учрежденія, или заведенія общественныя, разныя зло-

употребленїя Правительства и средства къ ихъ отвращенїю бываютъ въ каждое засѣданїе предметомъ вниманїя Парламента.

Надобно однакожъ сдѣлать одно важное примѣчанїе. Били о субсидїяхъ должны неотмѣнно начинаться въ Нижней каморѣ: Лорды не могутъ заниматься симъ предметомъ иначе, какъ по ея представленїю, и сїе право соблюдаетъ она съ такою ревностїю, что никогда не допуститъ, чтобъ они сдѣлали какую либо перемѣну въ тѣхъ биляхъ, которыя она вручаетъ имъ по сей матерїи, позволяя только принимать, или отвергать ихъ.

Кромѣ этого всякой Членъ въ каждой каморѣ предлагаетъ матерїю по своему благоразсужденїю. Естьли по разсмотрѣнїи признано будетъ за полезное заниматься ею, то приглашаютъ его подать свое предложенїе на письмѣ. Естьли, по рачительнѣйшемъ изслѣдованїи, будетъ оно принято, то отсылаютъ его въ другую камору на ея разсмотрѣнїе. Естьли она отвергнетъ его, то оно останется безъ дѣйствїя, а ежели приметъ, то, для утвержденїя *били*, надобно только согласїе Королевское.

Естьли нѣтъ крайней необходимости, то Король изъясняетъ свои мысли обыкно-

венно въ концѣ засѣданія (*), или по меньшей мѣрѣ по накопленіи нѣкотораго числа билей. Тогда пріѣзжаетъ онъ въ Парламентъ съ такою же торжественностію, съ каковою открылъ его. Когда же займетъ онъ свое мѣсто на тронѣ, то Секретарь, держа роспись билямъ, читаетъ ее и даетъ, или отрицаетъ согласіе Королевское.

Ежели принимается биля по дѣламъ публичнымъ, то Секретарь говоритъ (le Roi le veut) *Король на то соизволяетъ.* О билѣ частной говоритъ (soit fait comme il est desiré) *Да будетъ* исполнено *по желанію.* Ежели биля касается до субсидій, то онъ говоритъ (le Roi remercie ses loyaux sujets, accepte leur bénevolence et aussi le veut) *Король благодаритъ своихъ вѣрноподданныхъ, пріемлетъ ихъ щедроту и равномѣрно соизволяетъ.* А естьли напослѣдокъ Король не разсудитъ за благо согласиться на какую билю, то Секретарь говоритъ (le Roi s'avisera) *Король подумаетъ*, и такимъ кротким образомъ отвергается она.

(*) Засѣданіе есть время, протекающее между открытіемъ и распущеніемъ Парламента; оно продолжается обыкновенно около 4 мѣсяцовъ и каждый годъ бываетъ по одному засѣданію.

Довольно странно впрочемъ, что Король Англійскій изъясняется по Французски въ своемъ Парламентѣ: этотъ остатокъ отъ завоеванія (*) сохраненъ, такъ какъ почти и все касающееся до обрядовъ, которые существуютъ и въ то время, когда существенныя дѣла перемѣняются, и судья Блакстонъ говоритъ по сему случаю: „Сей послѣдній „знакъ нашего рабства остался у насъ, и „не худо его сохранить, ибо онъ напоминаетъ „намъ, что можемъ лишиться своей вольно„сти, такъ какъ прежде была она разруше„на иностранною силою.“

Король, по изъясненіи своей воли, распускаетъ Парламентъ. Отвергнутыя имъ били остаются безъ дѣйствія: тѣ, на которыя далъ онъ свое согласіе, становятся выраженіемъ воли величайшей власти, признаваемой въ Англіи. Онѣ то, что во Франціи эдик-

---

(*) Вилліамъ завоеватель присовокупилъ къ другимъ перемѣнамъ, которыя сдѣлалъ, уничтоженіе Англійскаго языка въ дѣлахъ публичныхъ и въ судебныхъ мѣстахъ, и замѣнилъ его Французскимъ, какимъ говорили въ его время. Англійской языкъ начали возстановлять въ Трибуналахъ уже при Эдуардѣ III. По сей-то причинѣ попадается въ стилѣ Англійскихъ законовъ великое множество старинныхъ словъ Французскихъ.

ты (*), внесенные въ протоколъ, что въ Римѣ были популисциты: словомъ, онѣ законы, и хотя каждая изъ частей, составляю

(*) Во Франціи называютъ *записанными въ протоколъ* эдиктами такіе Указы Королевскіе, которые внесены въ протоколъ Парламентской Палаты. Однакожъ слово Парламентъ не изъясняетъ во Франціи, такъ какъ въ Англіи, собранія Чиновъ Государственныхъ. Французскіе Парламенты суть только судебныя Палаты. Парижской, имѣющій главное надзираніе надъ всѣми областными Парламентами, учрежденъ такимъ же образомъ и для тѣхъ же предметовъ, для которыхъ послѣ введена въ Англіи *Королевская Палата*, а именно для производства суда въ Государствѣ и рѣшенія споровъ между Королемъ и его Баронами. По приговорамъ, состоявшимся въ Парламентѣ, Короли приступали, когда могли, къ конфискованію владѣній Господскихъ, или Княжескихъ, и присоединяли ихъ къ Коронѣ. Парижской Парламентъ, такъ какъ и всѣ прочія судебныя Палаты, основываетъ свои рѣшенія на Эдиктахъ или *Указахъ*, записанныхъ уже въ протоколъ симъ Правительствомъ. Когда сіи Указы покажутся обременительными для подданнаго: то Парламентъ не вноситъ ихъ въ протоколъ, не для того, чтобы сіе собраніе присвоивало себѣ какое либо участіе въ законодательной власти, а потому, что не увѣрено, подлинно ли предъявленный Указъ есть воля Королевская; и тогда приступ-

щихъ Парламентъ, могла въ самомъ началѣ не согласиться на существованіе сихъ законовъ; однако, чтобы ихъ уничтожить, надобно впредь согласіе всѣхъ трехъ.

паетъ онъ къ представленіямъ по сему дѣлу, на которыя Король иногда снисходитъ, или естьли рѣшится прекратить всякое сопротивленіе, то ѣздитъ самъ въ Парламентъ, составляетъ такъ называемый *одръ правосудія* (lit de juſtice), объявляетъ, что представленный имъ Указъ есть дѣйствительно его воля, и повелѣваетъ внести его въ протоколъ учрежденному для того Чиновнику.

ГЛАВА IV.

Объ исполнительной власти.

Парламентъ, по распущенїи или рушенїи своемъ, перестаетъ существовать; но законы его остаются въ силѣ: Королю поручено исполненїе и, для достиженїя того, дана ему потребная власть.

Въ политическомъ своемъ качествѣ одного изъ чиновъ Парламентскихъ, то есть, относительно къ принадлежащей ему доли законодательной власти, онъ Государь и не объявляетъ иной причины, кромѣ своей воли, когда даетъ или отрицаетъ свое согласїе; но въ званїи правящаго публичными дѣлами онъ только Градоначальникъ, и законы, какъ существовавшїе до него, такъ и состоявшїеся съ его согласїя, должны управлять его поведенїемъ и обязываютъ его также, какъ и его подданныхъ.

Іе. Предметомъ первой прерогативы Короля, какъ верховнаго Градоначальника, есть производство правосудїя. 1. Онъ источникъ всей судебной власти; начальникъ всѣхъ судовъ; почитается, что судьи въ нихъ опредѣлены вмѣсто его; всѣ въ нихъ производи-

ся его именемъ, къ приговорамъ прикладывается его печать и исполненіе дѣлается его Чиновниками.

2е. По вымыслу закона щитается онъ всеобщимъ помѣщикомъ Государства; полагается, что до него безпосредственно касаются всѣ преступленія, въ слѣдствіе чего производится въ судахъ отъ его имени искъ о наказаніи за оныя.

3е. Онъ имѣетъ право прощать, то есть, увольнять отъ наказанія, положеннаго по его жалобѣ.

IIе. Вторая прерогатива Короля та, что онъ источникъ чести, то есть, раздаетъ титулы и достоинства. Онъ возводитъ въ Перы Государства и опредѣляетъ къ разнымъ должностямъ, какъ въ присудственныхъ, такъ и другихъ мѣстахъ.

IIIе. Король есть главный надзиратель торговли; назначаетъ разные вѣсы и мѣры; онъ одинъ имѣетъ право печатать деньги и можетъ пустить въ обращеніе иностранную монету.

IVе. Онъ глава церкви. Въ семъ качествѣ назначаетъ онъ на Епископства и на два Архіепископства и созываетъ соборъ духовен-

ства. — Сей соборъ составленъ въ Англіи по образу Парламента. Епископы составляютъ Верхнюю Камору; повѣренные отъ Епархій и частныхъ Думъ Нижнюю Камору; согласіе Королевское нужно къ дѣйствительности резолюцій, и онъ имѣетъ право распускать или рушить *Соборъ* или *Сѵнодъ*.

Ve. Онъ природный Генералиссимъ сухопутныхъ и морскихъ силъ; онъ одинъ имѣетъ власть набирать войско, снаряжать флоты, строить крѣпости и опредѣлять ко всѣмъ мѣстамъ.

VIe. Относительно къ иностраннымъ націямъ, онъ представляетъ и ему вѣрены все могущество и все величество націи; посылаетъ и принимаетъОсловъ, заключаетъ союзы и имѣетъ право объявлять войну и заключать миръ на такихъ условіяхъ, на какія угодно ему согласиться.

VIIe. Наконецъ, кажется, довершаетъ столь многія преимущества то коренное правило, что Король не можетъ сдѣлать ничего не праваго (*the King can do no wrong*). Это однакожъ не значитъ, что онъ не имѣетъ власти дѣлать зла, а что не подсуденъ Трибуналамъ и что его особа священна и ненарушима.

ГЛАВА V.

Предѣлы Королевской власти, положенные Конституцiею.

Читая изчисленiе преимуществъ, ввѣренныхъ Королю Англiйскими законами, не знаешь, какъ согласить ихъ съ понятiемъ о Монархiи, которая, говорятъ, ограничена. Король соединяетъ въ себѣ не только всѣ отрасли исполнительной власти; не токмо распоряжаетъ всею военною силою, но, кажется мнѣ, владычествуетъ и надъ самимъ закономъ; ибо созываетъ и рушитъ по своей волѣ законодательную власть. И такъ, находя въ немъ съ перваго взгляда всѣ тѣ преимущества, кои всегда присвоивали себѣ самовластнѣйшiе Государи, не знаешь, гдѣ та вольность, которою славятся Англичане.

Но Депутаты народные имѣютъ еще, и этаго довольно сказать, имѣютъ и теперь, по установленiи уже Конституцiи, то же оружiе, силою котораго она установлена. Отъ ихъ щедроты только можетъ Король получить субсидiи; и теперь, когда по слѣдствiю распространенiя торговли и духа расчетовъ всѣ оцѣняется деньгами; теперь, когда этотъ металлъ есть большая пружина дѣлъ, можно сказать, что зависящiй въ

такомъ важномъ дѣлѣ, какова бы сила его ни была впрочемъ на словахъ, находится въ совершенной зависимости.

Въ такомъ точно положеніи находится Король Англійскій. Самъ по себѣ почти не имѣетъ онъ доходовъ. Нѣкоторыя наслѣдственныя пошлины съ привозу шерсти, со времени учрежденія рукодѣленъ, безмолвно уничтоженныя; часть акциза, присвоенная Коронѣ при Карлѣ II въ замѣну военныхъ повинностей, отъ которыхъ она отказалась, и при Георгѣ I простиравшаяся до 7000 фунтовъ стерлинговъ; пошлины по 2 шиллинга съ бочки ввозимаго вина; остатки отъ разбитыхъ кораблей, которыхъ хозяинъ неизвѣстенъ; киты, выбрасываемые на берегъ; лебеди, плавающіе по струѣ большихъ рѣкъ, и нѣкоторыя другія ленныя крохи: вотъ всё, что осталось теперь отъ прежней Коронной собственности.

И такъ хотя Король Англійской имѣетъ право набирать войско и вооружать корабли, но безъ пособія своего Парламента не можетъ содержать ихъ. Онъ можетъ давать мѣста и достоинства; но безъ Парламента своего не можетъ опредѣлять жалованья. Онъ можетъ объявлять войну, но безъ Парламента не льзя ему вести ее. Словомъ, Королевское могущество, сколь ни велики его

преимущества, безъ власти налагать подати, есть большое тѣло, не имѣющее въ себѣ начала своего движенія, корабль, скажемъ, совершенно снаряженный, изъ подъ котораго однакожъ Парламентъ можетъ, когда захочетъ, отвести воду и посадить его на мель, такъ какъ и опять спустить на воду, давъ субсидіи.

И подлинно видимъ, что со времени установленія права, принадлежащаго народнымъ Депутатамъ, давать или не давать субсидіи Коронѣ, прочія ихъ привиллегіи не переставали умножаться. Хотя первоначально они допущены въ Парламентъ на самомъ невыгодномъ положеніи; однако скоро нашли средство, прiобщая свои прозьбы къ субсиднымъ билямъ, участвовать въ законодательствѣ; и хотя сей способъ достигать своего намѣренія былъ сперва токмо терпимъ Дворомъ, но они умѣли превратить его послѣ въ настоящее право, объявивъ формально при Генрихѣ IV, что впредь не будутъ заниматься предметомъ субсидій, пока не получатъ отъ Короля точнаго отвѣта на свои прозьбы.

Въ послѣдующія времена народные Депутаты употребляли всегда съ успѣхомъ это средство для истребленія изъ своего правленія тѣхъ остатковъ деспотизма, которые

составляли еще часть Королевской прерогативы. Когда ни приступали они съ ревностїю къ поправленїю злоупотребленїй власти, вкравшихся въ Правительство: то субсидїи и жалобы, по словамъ Кавалера Вентворта, шли рука объ руку, и сей способъ производилъ всегда желаемое дѣйствїе: вообще, когда сїи Депутаты ни прилагали къ билѣ о субсидїяхъ какую либо билю, которую признавали нужною для общаго блага, то она почти всегда была пропускаема въ семъ пріятномъ товариществѣ (*).

(*) Разсказывая, какимъ образомъ Нижняя Камора отъ времени до времени употребляла власть свою соглашаться или не соглашаться на субсидїи, хотѣлъ я показать только великую силу сей власти, о которой одной и разсуждается въ сей Главѣ. Доходило даже до того (и сей поступокъ подтверждаетъ сказанное уже мною), что Лорды Верхней Каморы почли за необходимое составить между собою родъ союза, дабы спасти законодательную свою власть отъ опасности, которой подвергала ее Нижняя Камора употребленїемъ сего права налагать подати, и въ слѣдствїе того положили себѣ за непремѣнное правило всегда отвергать билли, приложенныя къ субсидной билѣ.

ГЛАВА VI.

Продолженіе той же матеріи.

Но сія сила прерогативъ Нижней Камоpы ; удобность приводить ее въ дѣйствіе ; выгоды, необходимо нужныя для установленія Конституціи, теперь можетъ быть слишкомъ велики, когда потребно только сохранить ее. Можно былобъ опасаться, что Государь, доведенный до отчаянія въ такомъ случаѣ, когдабъ Парламентъ употребилъ свои права во всемъ пространствѣ, поступитъ на бѣдственныя крайности, или, что Конституція, которая держится только равновѣсіемъ, будетъ напослѣдокъ испровергнута.

Благоразуміе Парламента предусмотрѣло сей случай. Въ этомъ отношеніи предписалъ онъ себѣ законы и, не касаясь до самой прерогативы, умѣрилъ ея употребленіе. Издавна введено въ обычай, въ началѣ царствованія и въ томъ родѣ изліянія, которое бываетъ тогда между Королемъ и первымъ его Парламентомъ, опредѣлять Королю на жизнь его годовое денежное вспоможеніе, которое для большихъ оказаній власти не освобождаетъ его отъ вліянія Нижней Каморы ; однакожъ приводитъ въ состояніе

поддержать достоинство Короны, и даетъ ему, какъ первому Градоначальнику націи, такую независимость, каковую доставилъ законъ и тѣмъ Градоначальникамъ, которымъ особенно поручено производство суда (*).

Симъ поведеніемъ Парламента доставлено Государству удивительное средство. Хотя по разпоряженію вещей не льзя сдѣлать большихъ похищеній, однако отъ потаеннаго и безпрерывнаго усилія исполнительной власти не только могутъ, но и должны неизбѣжно напослѣдокъ вкрасться злоупотребленія: они отвращены излишествомъ прерогативы, которую Парламентъ благоразумно предоставилъ себѣ. Въ концѣ каждаго правленія

(*) Двенадцать великихъ Судей. Указы объ опредѣленіи ихъ, прежде даванные часто *durante bene placito*, должно теперь завсегда давать *quamdiu se bene gesserint*, назначая имъ и жалованье. Но они могутъ быть отрѣшены по адресу обѣихъ Каморъ. Стат. 13. Вилліама III. гл. 2. Напослѣдокъ Указы объ опредѣленіи Судей должны по *акту* перваго года царствующаго Короля оставаться въ своей силѣ, не смотря на кончину Короля: что приводитъ ихъ въ независимость отъ мнимаго наслѣдника въ разсужденіи продолженія ихъ должности.

кончится *сивильный листъ*, а съ нимъ и та независимость, которую онъ доставлялъ. Преемникъ находитъ Престолъ, Скипетръ и Корону, но не находитъ ни власти, ни достоинства. И до введенія его въ дѣйствительное владѣніе всего, Парламентъ имѣетъ право сдѣлать пересмотръ Государству и поправить злоупотребленія, внѣдрившіяся въ прежнее правленіе, и такимъ образомъ Конституція возстановляется можетъ-быть въ своихъ началахъ.

И такъ Англія имѣетъ весьма великую въ этомъ выгоду, которую спарались пріобрѣсть всѣ вольныя области, то есть, выгоду періодической реформы. Но средства, изобрѣтенныя законодателями въ иныхъ мѣстахъ, подлежали на практикѣ всегда непріятнѣйшимъ слѣдствіямъ. Въ Римѣ не льзя было никогда исполнить законовъ, долженствовавшихъ возстановить равенство, сущность Демократическаго правленія; отъ одного покушенія едва не разрушилась Республика; не лучшія слѣдствія имѣло и предпріятіе, названное Флорентинцами *repigliar il stato*; а именно, потому что всѣ сіи разныя лѣкарства были напередъ разрушены тѣми самыми недугами, которыя надлежало имъ излѣчить; и чѣмъ больше были злоупотребленія, тѣмъ невозможнѣе было ихъ поправить.

Но средство поправленія, придуманное Англійскимъ Парламентомъ, тѣмъ вѣрнѣе, что не прямо идетъ къ своей цѣли. Онъ не явно противится похищенной власти, не нападаетъ на нее на самомъ бѣгу и въ полномъ стремленіи ея употребленія: онъ ищетъ ее у источника и въ началѣ ея жизни не старается ее изпровергнуть, а ослабляетъ ея пружины.

Нѣжность сего дѣйствія умножается тѣмъ, что оно направлено противъ самихъ похищеній, и не раздражаетъ гордости похитителей, что былобъ гораздо страшнѣе. Всё произходитъ съ Государемъ, не имѣвшимъ дотолѣ участія въ дѣлахъ, и котораго самолюбіе не оскорблено. Напослѣдокъ у него не отнимаютъ того, что онъ долженъ покинуть: онъ самъ дѣлаетъ сію уступку.

Все это отмѣнно подтверждается произшествіями, случившимися послѣ правленій обоихъ Генриховъ. Всѣ преграды, которыя защищали народъ отъ насилій власти, были опрокинуты; Парламентъ въ робости постановилъ даже, что прокламаціи, то есть воля Королевская, будутъ занимать мѣсто законовъ (*). Конституція, кажется, погибала.

(*) Статутъ 31 Генриха VIII, глав. 8.

Но при первомъ случаѣ новаго правленїя вольность начала опять возникать (*); и когда напослѣдокъ нацїя совершенно опамятовалась отъ долгаго своего усыпленїя: то при новомъ случаѣ перемѣны Государя сїя превеликая громада злоупотребленїй, накопившихся или подтвержденныхъ въ теченїе пяти правленїй, послѣдовавшихъ сряду, развѣяна и прежнїе законы возстановлены.

Притомъ же сїе преобразованїе столь пространное, что можно былобъ его назвать вторымъ твореніемъ Конституцїи, совершилось, безъ всякаго потрясенїя. Карлъ согласился на все, такъ какъ до него поступилъ Эдуардъ (**), и актъ, названный *прошеніемъ правъ*, такъ какъ и тотъ, которымъ послѣ довершена работа, утверждены безъ пролитїя крови.

(*) Законы объ измѣнѣ, состоявшіеся при Генрихѣ VIII, которые называетъ судья Блакстонъ ужасною громадою нелѣпыхъ и неслыханныхъ измѣнъ, и упомянутый Статутъ отмѣнены въ началѣ правленія Эдуарда VI, преемника Генриху VIII.

(**) Или, что всё равно, Дюкъ Сомерсетъ, дядя его по матери, который былъ правителемъ подъ именемъ Протектора.

Послѣдовали, правда, большія нещастія, но они произошли отъ особенныхъ обстоятельствъ. Во времена, предшедшія правленію Тудоровъ, когда свойство и права Королевской власти не были точно опредѣлены, не трудно было Государямъ того Дома, по чрезмѣрной своей власти, ввести предразсудки, даже неистовыя; сихъ предразсудковъ, укоренившихся чрезъ 150 лѣтъ, не льзя было отпрясти иначе, какъ посредствомъ жестокаго волненія въ умахъ; почему сіе волненіе продолжилось и по окончаніи дѣла и доведено до крайности наставшими распрями о вѣрѣ.

ГЛАВА VII.

Новые предѣлы.

Депутаты Нижней Каморы не совсѣмъ однакожъ полагались на выгоды большой прерогативы, имъ вѣренной.

Хотя сїя прерогативанѣ которымъ образомъ не прикосновенна, однакожъ они оберегали ее съ крайнею ревностїю; никогда не позволяли, какъ мы уже сказали, чтобъ биля о субсидїяхъ начиналась гдѣ индѣ, кромѣ ихъ Каморы, и всякая перемѣна, какую захотѣлибъ въ ней сдѣлать, всеконечно будетъ отринута. Еслибъ народные Депутаты не предоставили себѣ неотмѣнно употребленїя такого права, съ которымъ сопряжено ихъ существованїе: то моглобъ оно напослѣдокъ вкрасться въ то собранїе, которому они позволилибъ принять въ немъ участїе. Еслибъ кто иной, кромѣ народныхъ Депутатовъ, могъ раздавать нажитое потомъ и трудами народа: то исполнительная власть забыла бы скоро, что она существуетъ только для общей пользы (*).

(*) Какъ Дворъ имѣетъ неоспоримую привиллегїю принимать или отвергать биля по своему благо-

Съ другой стороны хотя дѣйствіе сей самой прерогативы, такъ сказать, непреоборимо; однакожъ Парламентъ не упустилъ ничего, что моглобъ его умножить, или хотя облегчить, и не споря съ Государемъ о

разсужденію, также разпускать, созывать и рушить Парламентъ по своей волѣ: то сей послѣдній не былъ бы увѣренъ, что его вили будутъ уважены, ниже въ томъ, что позволено ему будетъ собираться, если бы Дворъ не имѣлъ нужды въ его вспоможеніи; опасность въ семъ случаѣ былабъ еще больше для Нижней Каморы, нежели для Лордовъ, которыхъ достоинство наслѣдственно и лично имъ принадлежитъ и которые составляютъ непремѣнное общество въ Государствѣ, вмѣсто того, что Депутаты Нижней Каморы изчезаютъ при всякомъ распущеніи Парламента. И такъ безъ увеличенія сказано выше, что самое ихъ *существованіе* зависитъ отъ принадлежащаго имъ права соглашаться на дачу субсидіи Коронѣ. По симъ уваженіямъ, да безъ сомнѣнія и по чувству долга къ своимъ вѣрителямъ, которымъ первоначально принадлежитъ сіе право налагать на себя подать, Нижняя Камора прилагала во всякое время крайнее стараніе не допустить, чтобъ случилось что нибудь такое, что моглобъ служить примѣромъ и подать самый слабый предлогъ къ нарушенію сего права. По сей причинѣ отвергала она всегда съ такимъ жаромъ, или скорѣе съ негодованіемъ и тѣнь перемѣны, предлагаемой Лордами въ субсидныхъ ея биляхъ. Одна-

его прерогативахъ, положилъ вездѣ точныя границы употребленію Королевской власти, и предписалъ ей явственные предѣлы, сдѣлавъ съ Королемъ ясные и торжественные о семъ договоры (*).

На примѣръ, Король безспорно имѣетъ изключительное право созывать Парламентъ; но долженъ созывать его по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ теченіи трехъ лѣтъ. И сія

кожъ Лорды не отказались отъ своего требованія дѣлать въ нихъ перемѣны; но по чрезмѣрной бдительности и твердости Нижней Каморы отвергать безъ изслѣдованія всякую отмѣну, сдѣланную въ субсидныхъ биляхъ; сіе требованіе Лордовъ превратилось въ одно право, если не безполезное, по крайней мѣрѣ спящее. Первый примѣръ несогласія по этому предмету между обѣими Камерами оказался въ 1671 году; и Читатель, если пожелаетъ знать основанія, представленныя съ одной и другой стороны, можетъ видѣть ихъ во всемъ пространствѣ въ первомъ Томѣ *преній Нижней Каморы*.

(*) Законы, сдѣланные для побужденія въ Государствѣ такой власти, которой не льзя законно принудить другою властію къ наблюденію оныхъ, (на примѣръ такого Государя, каковъ Англійской); подобные законы, говорю, суть ничто иное, какъ условія или трактаты, постановленные съ цѣлымъ народомъ.

обязанность, которую народъ возложилъ на Короля уже въ самыя древнія времена, подтверждена наконецъ актомъ, состоявшимся на 16 году царствованія Карла II.

Сверхъ того, какъ произошлибъ весьма гибельныя слѣдствія, еслибъ Парламенты, созванные внезапно и несовершенно, могли дѣлать законы, имѣющіе существенную связь съ общенародною вольностію: то постановлено издавать окружныя повелѣнія для созванія Парламента по меньшей мѣрѣ за сорокъ дней до перваго его собранія. По той же самой причинѣ узаконено, что Король не долженъ сокращать единожды назначеннаго имъ срока распущенію иначе, какъ въ случаѣ бунта, или явной опасности отъ иностраннаго нашествія: въ одномъ и другомъ случаѣ надобно сдѣлать повѣстку за двѣ недѣли напередъ (*).

Король есть глава церкви; но онъ не можетъ перемѣнить установленной вѣры, ни требовать отчета въ вѣрованіи частныхъ людей (**). Также не мо-

(*) Стат. 30 Георга II. 25.

(**) Синодъ, или собраніе духовенства, котораго Главою Король, долженъ вѣдать только духовныя дѣла и не можетъ касаться до законовъ, обычаевъ и постановленій Государственныхъ. Стат. 25 Генриха VIII, гл. 2.

жетъ исповѣдовать закона, именно запрещеннаго въ Государствѣ; и Государь, который бы его исповѣдывалъ, объявленъ *неспособнымъ наслѣдовать, владѣть или лользоваться Короною сихъ Государствъ* (*).

Король есть Глава присудственныхъ мѣстъ; но не можетъ дѣлать никакой перемѣны въ правилахъ и обрядахъ, посвященныхъ закономъ, или обычаемъ; также не можетъ имѣть никакого вліянія на рѣшеніе частныхъ дѣлъ; и одинъ судья объявилъ Іакову Первому, присудствовавшему при разборѣ нѣкоей тяжбы, что ему не льзя подавать мнѣнія (**).

Наконецъ, хотя искъ о наказаніи за преступленіе производится отъ его имени, однако не можетъ онъ въ томъ отказать

(*) А. I. Вилліама и Маріи. Стат. гл. 2.

(**) Это узаконено особенною статьею Статута, состоявшагося на 16 году царствованія Карла I, которымъ уничтожена Звѣздная Камора. *Объявляется также, что ни Его Величество, ни Тайный Его Совѣтъ не имѣютъ силы, могущества, ни власти разсматривать, подвергать спору, рѣшить или располагать имѣніемъ подданныхъ здѣшняго Государства.* Стат. А. 16 глава 10. § 10.

частнымъ людямъ, имѣющимъ причину жаловаться.

Король имѣетъ право печатать деньги, но не можетъ перемѣнить ихъ пробы.

Король имѣетъ право прощать, но не можетъ освободить отъ частнаго удовлетворенія за обиду. Сверхъ того предписано въ законѣ, что, въ случаѣ убійства, вдова или ближній наслѣдникъ имѣютъ право просить въ судѣ на убійцу: и прощеніе Королевское, послѣдовавшее прежде, или послѣ приговора, учиненнаго по той прозьбѣ, остается безъ всякаго дѣйствія (*).

Король имѣетъ власть надъ войскомъ, но и тутъ не можетъ поступать по своей волѣ. Правда морскія силы, потому что имѣютъ ту неоцѣненную выгоду, что не льзя ихъ обратить противъ вольности націи, и служатъ притомъ надежнѣйшею обороною острова, можетъ онъ содержать по своему благоразсужденію и долженъ только, какъ и вообще, прибѣгать къ Парламенту для полученія на то средствъ; но сухопутнаго войска, за тѣмъ, что оно подаетъ не-

(*) Упоминаемая здѣсь жалоба называется Аппеляціею, и должна быть доказана въ годъ и день по учиненіи преступленія.

посредственный способъ къ изпроверженію всѣхъ преградъ, Король не можетъ содержать безъ точнаго согласія Парламента. Гвардія Карла II объявлена противною Конституціи (*); а войско Іакова было одною изъ причинъ, что онъ свергнутъ съ Престола (**).

Но какъ Государи содержатъ теперь и въ мирное время многочисленное войско, которое служитъ предлогомъ и средствомъ къ притѣсненію народовъ: то Государство, которое хочетъ сохранить себя, принуждено до нѣкоторой степени дѣлать то же. Для чего Парламентъ судилъ за благо учредить навсегда корпусъ войскъ, числомъ до 30,000 человѣкъ, состоящій въ разпоряженіи Королевскомъ.

Но этотъ корпусъ учреждается на одинъ годъ: въ концѣ сего срока онъ увольняется самъ собою. И поелику должно уже не подтвердить, а учредить его вновь, какъ будто бы онъ никогда не существовалъ; то сему помѣшать можетъ несогласіе одного изъ трехъ чиновъ Парламента.

(*) Онъ умножилъ ее до 4000 человѣкъ.

(**) Постоянная армія безъ согласія Парламента противна закону, сказано послѣ въ 6 статьѣ *Билли правъ*.

Къ томужъ и сумма на жалованье сего корпуса войскъ ассигнована на такія подати, которыя учреждаются всегда на одинъ же годъ (*); въ концѣ сего срока надобно и ихъ учреждать вновь (**); словомъ, сіе средство обороны, признанное нужнымъ по обстоятельствамъ, поелику можетъ съ другой стороны сдѣлаться столь гибельнымъ, связано съ Государствомъ слабою нитью, которую при первой малѣйшей опасности можно перервать (***).

(*) Подать съ земли и солоду.

(**) Также надобно Парламенту каждой годъ возобновлять актъ, называемый *актомъ о бунтѣ*, которымъ позволяется разнымъ военнымъ Совѣтамъ наказывать за ослушаніе и побѣгъ; и такъ можетъ онъ отказать Королю и въ самой сущности военнаго повиновенія.

(***) Сверхъ сихъ разныхъ ограниченій Королевской власти, упомяну еще о присягѣ, какую дѣлаетъ онъ при Коронованіи, ограниченіе, которое, если не можетъ имѣть точности настоящаго закона, заключаетъ въ себѣ всѣ законы, и съ другой стороны имѣетъ ту выгоду, что объявлено торжественнѣе; а особливо производитъ болѣе дѣйствія надъ общенароднымъ мнѣніемъ. Вотъ переводъ съ образца, постановленнаго со времени революціи:

Архіепископъ или Епископъ долженъ сказать: „Обѣщаешь ли и клянешься ли торже-

Но сіи законы, предписанные Королевской власти, былибъ недостаточны. Какъ такія нравственныя преграды могъ бы Король не всегда уважать: вліяніе, которое имѣетъ Нижняя Камора на его предпріятія отказомъ въ субсидіяхъ, можетъ быть столь предосудительно всему Государству, что не льзя его употреблять при всѣхъ частныхъ нару-

---

„ственно править народомъ сего Англійскаго Госу-
„дарства и разныхъ его областей, сообразно по-
„становленіямъ, учиненнымъ въ Парламентѣ и
„по ихъ законамъ и обычаямъ?“

Король или Королева должны сказать: „Обѣ-
„щаюсь торжественно это исполнять.“

Архіепископъ или Епископъ: „Станешь ли по
„крайней возможности силъ своихъ стараться,
„чтобъ законъ и правосудіе исполнены были съ
„милосердіемъ во всѣхъ твоихъ рѣшеніяхъ?“

Король и Королева: „Стану.“

Архіепископъ или Епископъ: „Станешь ли
„всѣми силами своими соблюдать законы Божіи и
„истинное исповѣдованіе Евангелія и Протестант-
„скую религію, установленную закономъ; и ста-
„нешь ли сохранять всѣ права и преимущества,
„которыя принадлежатъ, или будутъ принадле-
„жать Епископамъ и духовенству сего Королев-
„ства и церквамъ, имъ или каждому изъ нихъ
„ввѣреннымъ?“

шеніяхъ и подробностяхъ Правительства; напослѣдокъ и самое сіе средство можно бы до нѣкоторой степени сдѣлать тщетнымъ, или неустойкою въ обѣщаніяхъ, на исполненіе которыхъ даны субсидіи, или употребленіемъ ихъ на другія надобности, а не на тѣ, на кои онѣ назначены: то Конституція предоставила Нижней Каморѣ еще способъ непосредственнаго сопротивленія злоупотребленіямъ правительства, давъ ей право жаловаться въ судѣ на Министерство.

Король самъ конечно не подсуденъ Трибуналамъ, потому что еслибъ былъ такой, который бы могъ его судить, то исполнительную власть имѣлъ бы окончательно сей Трибуналъ, а не онъ; но какъ съ другой стороны не можетъ онъ дѣйствовать безъ исполнителей его дѣяній, то и требуется отчетъ отъ сихъ Министровъ, то есть отъ необходимыхъ орудій.

Король или Королева: „Обѣщаю всё это дѣ-„лать.“

Послѣ сего Король или Королева, положа руку на Евангеліе, скажутъ: „Всё обѣщанное мною „буду исполнять и наблюдать: тако да помо-„жетъ мнѣ Богъ,“ и по томъ цѣлуютъ книгу. I. Вилліамъ и Марія. Стат. 1. глав. 6.

Если, на примѣръ, Государственные доходы употреблены не сообразно намѣреніямъ давшихъ оные: то производится судъ надъ тѣми, у кого находились они въ рукахъ. Если власть употреблена во зло, или сдѣлано вообще что нибудь противное пользѣ Государства, то предаются суду бывшіе орудіями или зачинщиками (*).

Но какой судья будетъ дѣлать приговоръ въ такой тяжбѣ? Какой Трибуналъ можетъ ласкаться тѣмъ, что произнесетъ приговоръ свободный, когда предстанетъ предъ него само Правительство, какъ обвиняемое, а Депутаты народные какъ обвинители?

Законъ предписываетъ Нижней Каморѣ подавать свою жалобу въ Верхнюю Камору, то есть судьямъ, которые съ одной стороны по достоинству своему независимы, а съ другой должны доказать большую честь въ такой благородной должности, на которую обращены взоры цѣлой націи.

(*) Такимъ образомъ въ началѣ сего столѣтія Нижняя Камора обвиняла Графа Оксфорда, подавшаго совѣтъ на постановленіе трактата о раздѣлѣ; и Канцлера Лорда Соммерсета, приложившаго къ нему большую Государственную печать.

По представленіи жалобы (impeachment) Лордамъ, обыкновенно приказываютъ они заключить обвиняемаго въ тюрьму. Въ назначенный день являются онъ и Депутаты Нижней Каморы, читается въ его присутствіи обвинительная биля, дается ему адвокатъ и время на сочиненіе своего оправданія; а по истеченіи срока происходитъ слѣдствіе и судъ повседневно при отверстыхъ дверяхъ, и всё дѣло обнародывается тисненіемъ.

Но при всѣхъ удобностяхъ, какія даетъ законъ подсудимому къ его оправданію, долженъ онъ выводить свое защищеніе изъ самаго существа дѣла, изъ внутренней доброты своего поведенія. Не послужилобъ ни мало къ оправданію преступнаго его поведенія, еслибъ объявилъ онъ повелѣніе Государево, или, признавая неправильность того, что вмѣняется ему въ вину, представилъ бы прощеніе, полученное отъ Короля (*).

(*) Въ прежнія времена этотъ вопросъ отнюдь не былъ ясно опредѣленъ. Въ 1678, когда Нижняя Камора жаловалась на Графа Данби, то пришедши къ рѣшеткѣ, представилъ онъ въ опроверженіе обвиненія Королевское прощеніе. Это подало поводъ къ большимъ ссорамъ, которыя кончились распущеніемъ Парламента. Послѣ постановлено

Судъ производится надъ самимъ Правительствомъ, и такъ не должно ему имѣть въ немъ никакого участія.

Король не можетъ остановить, ни отложить его теченія. Неподвижно смотритъ онъ на открывающееся участіе, какое могъ онъ имѣть въ незаконныхъ поступкахъ своихъ служителей, и слушаетъ свой приговоръ въ осужденіи Министровъ.

Сіе прекрасное средство, удаляя и наказывая вѣроломныхъ Министровъ, тотчасъ поправляетъ непорядки Государственные, и ясно означаетъ тѣ предѣлы, въ которыхъ

стат. 12 и 13, Вилгел. III глав. 2, что никакого прощенія, хотя бы оно дано было за большею печатью, не льзя будетъ предъявлять въ защищеніе отъ обвиненія, начатаго Нижнею Каморою.

Нѣкогда спросилъ я Англичанина, весьма искуснаго въ законахъ своего отечества: можетъ ли Король простить человѣка, осужденнаго по обвиненію, начатому Нижнею Каморою? Онъ мнѣ отвѣчалъ: *Тори скажутъ вамъ, что можно, а Виги, что не можно; но можетъ-быть нѣтъ большей нужды въ рѣшеніи сего вопроса. Большой предметъ, общее благо, достигнутъ, когда порочный Министръ лишенъ своего мѣста и поведеніе его обнаружено передъ публикою.*

должна заключаться власть Королевская, отвращаетъ соблазнъ преступленія, соединеннаго со властію, и успокоиваетъ народы великимъ дѣйствіемъ правосудія: средство въ этомъ особливо такъ полезное, что къ недостатку подобнаго Махіавель относитъ гибель своей Республики (*).

Напослѣдокъ всѣ сіи предосторожности для предохраненія правъ Парламента, взятаго вообще, то есть націи, отъ натяжекъ исполнительной власти, остались бы тщетными, еслибъ сами Члены находились отъ нее въ опасности. Ей не льзя учинить явнаго нападенія на оба собранія, и соединеніемъ всѣхъ своихъ прерогативъ сдѣлать генеральный приступъ; почему, раздробляя сіи самыя прерогативы, вкралась бы она потаенною дверью; и корыстью, или страхомъ, имѣлабъ вліяніе на общую волю, управляя волею каждаго Члена.

Но законы, принимая толь дѣйствительныя мѣры для общенародной безопасности, не менѣе стараются и о сохраненіи Членовъ какъ Верхней, такъ и Нижней Каморы. Въ Англіи нѣтъ ни Комисаровъ, при-

(*) Политическія рѣчи, книга 1. гл. VII.

знающихъ виновными всѣхъ, которыхъ хочетъ властолюбіе считать таковыми, ни тайныхъ темничныхъ заключеній, которыя индѣ употребляетъ Правленіе. Судопроизводство и правила Трибуналовъ предписаны непоколебимо, и всякъ, имѣющій непремѣнное право требовать, чтобъ судили его по онымъ, можетъ безъ страха послѣдовать гласу патріотизма. Напослѣдокъ дополняетъ сіи предосторожности то коренное правило, что на свободу слова, на пренія и судопроизводства въ Парламентѣ, не должно ни просить, ни ихъ оспоривать въ какомъ-либо иномъ Трибуналѣ или мѣстѣ, кромѣ Парламента (*). Законодатели съ другой стороны не забыли и того, что собственная польза можетъ, также какъ и страхъ, принудить человѣка къ молчанію. Для упрежденія ея дѣйствія узаконено, что всѣ особы, опредѣленныя къ сбору податей, учрежденныхъ съ 1692 года; Комисары по дѣламъ признымъ, или приставленные къ продовольствію войскъ и флотовъ, Контролеры армейскихъ счетовъ, полковые Агенты, Правители въ разныхъ казенныхъ конторахъ, всѣ имѣющіе какую-либо новую должность въ службѣ Короны, учрежденную съ 1705, или пенсію, зависящую отъ воли, или срочную,

(*) Биля Правъ.

не могутъ быть избраны въ Члены Нижней Каморы. Сверхъ того всякій настоящій Членъ Нижней Каморы, который приметъ должность, зависящую отъ Короны (*), теряетъ свое мѣсто, и не можетъ иначе засѣдать, какъ въ случаѣ вторичнаго его избранія.

Вотъ предосторожности, которыми законодатели хотѣли отвратить вліяніе большой прерогативы раздавать милости, — предосторожности, принятыя одна за другою и по мѣрѣ открывавшейся надобности, и проистекшія отъ причинъ важныхъ и могущихъ побудить къ принятію новыхъ, если когда либо потребуютъ того обстоятельства (**).

(*) Кромѣ армейскаго, или флотскаго Офицера, который опредѣляется къ новой должности.

(**) Дѣйствительность причинъ, обезпечивающихъ вольность Англійскую, которыя будемъ имѣть случай изъяснить послѣ, доказываютъ болѣе всего тѣ побѣды, которыя Парламентъ одерживаетъ самъ надъ собою, и въ которыхъ Члены его, отлагая всякіе виды своего честолюбія, занимаются только, какъ граждане, своею пользою.

По написаніи сего сдѣлано прекрасное распоряженіе для рѣшенія спорныхъ выборовъ. Прежде

ГЛАВА VIII.

Частная вольность.

Доселѣ разсуждали мы токмо о вольности всеобщей, то есть о правахъ націи какъ націи, и о ея вліяніи на правленіе. Теперь остается намъ говорить о томъ, безъ чего сія всеобщая вольность, совсѣмъ не имѣя своей цѣли, былабъ однимъ чванствомъ, и даже существовать не можетъ; разумѣю вольность частныхъ людей.

рѣшила ихъ Камора нѣсколько слегка, и свидѣтелей не допрашивали подъ присягою. Но актомъ, постановленнымъ въ семъ засѣданіи, такое рѣшеніе поручено присяжнымъ, или Комитету 15 человѣкъ, составленному слѣдующимъ образомъ: изъ всѣхъ Присутствующихъ Членовъ, которыхъ должно быть по меньшей мѣрѣ сто, выбирается по жеребью 49; изъ сихъ каждый кандидатъ вычеркиваетъ попеременно по нѣскольку, пока останется только 13, которые съ двумя другими, выбранными изъ всѣхъ Членовъ Каморы каждымъ изъ кандидатовъ, составляютъ Комитетъ; наконецъ, чтобъ удостовѣриться въ числѣ ста Членовъ, всякое другое дѣло откладывается, пока вышеупомянутыя производства кончатся.

Частная вольность, по раздѣленїю Юрисконсультовъ Англїйскихъ, составлена во-первыхъ изъ права *собственности*, то есть права пользоваться исключительно дарами щастїя и всякими плодами трудовъ своихъ; во-вторыхъ изъ права *безопасности личной*; в-третьихъ изъ способности переходить съ *мѣста на мѣсто* по своей волѣ (locomotive), или изъ вольности, взятой въ особеннѣйшемъ смыслѣ.

Каждое изъ сихъ правъ, говорятъ еще законовѣдцы, не отдѣльно отъ особы каждаго Англичанина: онѣ принадлежатъ ему по рожденїю; не льзя ихъ отнять у него иначе, какъ приговорами, учиненными по Государственнымъ законамъ. Въ самомъ дѣлѣ, это право рожденїя, изъясненное по Англїйски однимъ и тѣмъ же словомъ, которымъ выражается право Короля на корону (birth-right), часто было ему противополагаемо во время утѣсненїя, какъ право хотя не столь обширное, но столь же священное, какъ и его собственное.

Одно изъ главныхъ дѣйствїй права *собственности* есть то, что Король не можетъ требовать отъ своихъ подданныхъ никакой части принадлежащаго имъ, а долженъ ожидать, чтобъ они сами поднесли ему оную въ даръ. И сїе право, какъ выше означено,

по слѣдствіямъ своимъ ограждаетъ всѣ прочія, и сверхъ того отдаляетъ одну изъ большихъ причинъ притѣсненія.

Что касается до насилій, которымъ сіе право собственности можетъ быть подвержено между частными людьми, то довольно, кажется, сказать, что въ Англіи нѣтъ ни одного человѣка, который бы могъ противиться непреоборимой силѣ законовъ; что поелику не льзя отнять у Судей мѣстъ ихъ иначе, какъ только по жалобѣ Парламента; то дѣйствіе кредита у Государя, или у приближенныхъ къ лицу Государеву, не можетъ имѣть вліянія на приговоры; что какъ Судьямъ не льзя дѣлать приговора, пока дѣло не будетъ утверждено людьми, назначенными, такъ сказать, по выбору тяжущихся (*): то дѣйствіе частныхъ страстей, слѣдовательно и лицепріятіе изгнано изъ Трибуналовъ. Однакожъ, чтобъ не оставалось ничего желать по такому дѣлу, о которомъ взялся я подать понятіе, скажу вообще, какая юриспруденція наблюдается въ Англіи.

(*) Что происходитъ отъ права откидывать присяжныхъ, которое дозволяется всякому человѣку, приведенному на судъ, хотя рѣдко употребляется.

По отысканіи пандектовъ въ Амальфѣ, Духовенство, которое одно только могло ихъ тогда и разумѣть, не упустило сего случая къ умноженію своего вліянія, и заставило принять ихъ почти во всей Европѣ. Англія, которой суждено имѣть Конституцію отмѣнную отъ прочихъ Государствъ, должна была отличиться и тѣмъ, что отвергла Римское Право.

При Виллїамѣ завоевателѣ и при Корольхъ, послѣдовавшихъ за нимъ, наѣхало ко Двору Англійскому великое множество духовныхъ. Сила ихъ, на которую могли смотрѣть въ иныхъ мѣстахъ съ равнодушіемъ, не почтена незначущею въ такой землѣ, гдѣ, потому что Государь всемогущъ, овладѣть его умомъ значило пріобрѣсть самую власть. Англійское Дворянство смотрѣло съ крайнею завистію на людей инаго съ нимъ состоянія, которыхъ ударамъ было оно безпосредственно подвержено, считая, что они достиглибъ высочайшей степени великости, еслибъ приняты были законы, которые хотѣли ввести тѣ самые люди, и которыхъ былибъ они неотмѣнно блюстителями и истолкователями.

И такъ случилось по нечаянности, довольно странной, что Римскіе законы, привезенные въ Англію монахами, соединились

тамъ съ понятіями о духовной власти, точно такъ какъ вѣра тѣхъ же монаховъ, проповѣданная послѣ Королями, которые хотѣли быть деспотами, соединилась тамъ съ понятіемъ о самомъ деспотизмѣ.

Дворянство отвергало ихъ во всѣ времена, даже съ огорченіемъ (*), и похититель престола Стефанъ, которому нужно было пріобрѣсть его пріязнь, запретилъ преподавать ихъ даже въ училищахъ.

Отъ того что по распоряженію вещей заведена была большая связь между Дворянствомъ и народомъ, отвращеніе къ Римскому Праву вящше умножилось; и сіи законы, которые надлежалобъ принять за ихъ мудрость во многихъ случаяхъ, а особливо за ихъ обширность, когда Англійское законоискуство было еще въ колыбели, встрѣчали всегдашнее сопротивленіе отъ законниковъ; и какъ старавшіеся ихъ ввести часто возобновляли свои покушенія: то напослѣдокъ

(*) Дворянство объявило въ царствованіе Ричарда II: „Parce que le royaume d'Angleterre n'etoit devant ces heures ne à l'entent du roi notre seignior, et seignors du Parlement, unques ne fera rulé ne gouverné par la ley civil.“ In Rich Parlamenta Westmonasterii. 9. Febr. Anno II.

сдѣланъ родъ заговора между свѣтскими о изгнанїи ихъ въ Университеты и монастыри (*).

Сїе сопротивленїе простиралось до того, что Фортескю, главный Судья, бывшїй послѣ Канцлеромъ при Генрихѣ VI, написалъ книгу подъ заглавїемъ: *De laudibus legum*

(*) Я могъ бы показать, еслибъ то принадлежало моей матерїи, что свобода мыслить по дѣламъ вѣры, господствовавшая всегда въ Англїи, зависитъ отъ одинакихъ причинъ съ политическою вольностїю; онѣ обѣ происходятъ отъ того, что обманывающїе народъ въ другихъ Государствахъ, или взирающїе съ удовольствїемъ, что его обманываютъ, были въ ней принуждены соединиться съ нимъ и его наставлять.

Сверхъ того частыя перемѣны вѣры, чѣмъ попрекаетъ Англїю Президентъ Генолъ въ Хронологическомъ своемъ, впрочемъ преизящномъ Сокращенїи Французской Исторїи, отнюдь не доказываютъ рабскаго разположенїя въ народѣ; онѣ доказываютъ только, что тогда было равновѣсїе между большимъ множествомъ толковъ: каждый изъ нихъ могъ быть господствующимъ, коль скоро Государь разсудилъ бы за потребно къ нему пристать, и не Англїя, какъ при первомъ чтенїи покажется, а ея правленїе перемѣняло вѣру.

Angliae, въ которой старается доказать преимущество Англiйскихъ законовъ передъ гражданскими Римскими; а чтобъ не оставалось ничего желать по сей матерiи, приписываетъ имъ выгоду древности, полагая ихъ происхожденiе гораздо прежде основанiя Рима.

Сей духъ сохранился и до временъ весьма позднихъ, а по множеству параграфовъ, которыми Гель, писавшiй въ концѣ прошлаго вѣка (*), доказывалъ, что въ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ Римской гражданской законъ принятъ въ Англiи, имѣетъ онъ силу не изъ уваженiя къ указамъ Юстинiяна (чего конечно не надобно и доказывать), видно, что сей *главный Судья*, а притомъ и весьма великiй Юрисконсультъ, сохранялъ въ семъ отношенiи горячность партiй.

Да и теперь Англiйскiе Юрисконсульты приписываютъ вольность, которою они пользуются, и которой лишены прочiя нацiи, тому, что они отвергли Римское Право, а тѣ нацiи его приняли: это значитъ брать дѣйствiе за причину. Англичане не потому свободны, что отринули Римское Право, а

(*) Въ его Исторiи о неписанномъ законѣ.

могли отринуть сïе Право потому, что были свободны, или, по крайней мѣрѣ, что у нихъ были причины, долженствовавшïя наконецъ ввести у нихъ вольность. Да когдабъ они его и приняли: то тѣ причины, которыя привели ихъ въ состоянïе отринуть всё, привелибъ ихъ въ состоянïе отвергнуть и ту часть, которая былабъ имъ неугодна, и они усмотрѣлибъ, что весьма можно принять рѣшенïе Гражданскаго Права *о повинностяхъ городскихъ и сельскихъ*, не принимая для того началъ его о власти Императоровъ (*).

Голландïя представилабъ сему доводъ, еслибъ не доказывалъ того гораздо убѣдительнѣе Императоръ Римскïй, который, хотя, по мнѣнïю его подданныхъ, есть преемникъ Кесаревъ, однако не имѣетъ и такой власти, какъ Король Англïйскïй, и чтенïе разныхъ договоровъ, которыми отнимается у него даже право опредѣлять къ главнымъ должностямъ Имперïи, достаточно успокоиваетъ въ разсужденïи духа неограниченнаго повиновенïя, проистекающаго будто необходимо отъ принятïя Гражданскаго Права.

(*) Это болѣе всего устрашаетъ Англïйскихъ Юрисконсультовъ. § 1. гл. 4. кн. 1. Дигеста: Quod principi placuerit, legis habet vigorem.

И такъ существующій въ Англіи законъ называется неписаннымъ закономъ и земскимъ закономъ (commonlaw), и статутнымъ или писаннымъ закономъ (ſtatute law).

Неписанный законъ названъ такъ не потому, что предавали его только изустно изъ рода въ родъ, а для того, что онъ не основанъ ни на какомъ извѣстномъ постановленіи законодательной власти. Силу свою заимствуетъ онъ отъ глубокой древности обычая, и происходитъ какъ отъ старинныхъ Саксонскихъ законовъ, такъ и отъ Парламентскихъ актовъ, состоявшихся по завоеванiи, а наипаче постановленныхъ до временъ Ричарда I, которыхъ подлинники утрачены.

Главные предметы, распоряженные неписаннымъ закономъ, суть порядокъ преемничествъ, разные способы пріобрѣтать собственность, и разные обряды, потребные для того, чтобы сдѣлать договоры дѣйствительными. Во всѣхъ сихъ статьяхъ отходитъ онъ отъ Римскаго Гражданскаго Права. — Такъ по неписанному закону земли достаются въ наслѣдство большому брату, съ исключенiемъ всѣхъ его братьевъ и сестръ. Такъ еще собственность пріобрѣтается по крѣпостямъ, вмѣсто того что по Римскому Гражданскому Праву надобна была еще *сдача* и проч.

Рѣшенїя неписаннаго закона почерпаются изъ того источника, который называется *Praeteritorum memoriam eventorum*, и находится въ собранїи приговоровъ, сдѣланныхъ въ древнїя времена и соблюдаемыхъ рачительно, такъ какъ и относящееся къ нимъ судопроизводство подъ именемъ *Records* (записокъ). А чтобъ начала, постановленныя сими приговорами, были извѣстны, то выписки изъ нихъ изданы въ свѣтъ подъ названїемъ: *Reports* (извѣстїй), и сїи репорты восходятъ правильнымъ порядкомъ до временъ Эдуарда II включительно.

Сверхъ сего огромнаго собранїя есть еще старинные Авторы, которыхъ мнѣнїе много уважаютъ Юрисконсульты. Таковы: *Гланвинъ*, писавшїй при Генрихѣ II; *Брактонъ*, писавшїй при Генрихѣ III; *Флета* и *Лительтонъ*. Между новѣйшими Писателями находится *Сиръ* Эдуардъ Кукъ, *главный Судья* при Іаковѣ I. Онъ написалъ четыре книги *Институтовъ*, и почитается теперь Оракуломъ земскаго закона.

Неписанный законъ заключаетъ въ себѣ сверхъ того нѣкоторые особенные обычаи, оставшїеся отъ древнихъ Саксонскихъ законовъ, уцѣлѣвшихъ въ нещастное время завоеванїя. Таковы суть названные *Gawelkind* въ Графствѣ Кентскомъ, въ силу котораго

земли раздѣляются между сыновьями по равнымъ частямъ, и *Borough English*, существующій въ нѣкіихъ мѣстахъ, по которому земли идутъ въ наслѣдство меньшому брату.

Римское Гражданское Право изгнано и въ неписанномъ законѣ, потому что оно принято только по старинному обычаю. Ему послѣдуютъ въ духовныхъ Правительствахъ, въ Адмиралтействѣ и въ Судахъ обоихъ Университетовъ; но тутъ оно только *lex sub lege graviori*, и сіи разныя Правительства должны сообразоваться Парламентскимъ актамъ, и тому смыслу, какой даютъ ему Правительства земскаго закона и подлежатъ ихъ надзиранію.

Напослѣдокъ писанный законъ есть собраніе разныхъ актовъ Парламентскихъ, которыхъ оригиналы тщательно хранятся, а особливо со временъ Эдуарда III. Не входя въ подробности того, что Юрисконсульты раздѣляютъ ихъ на акты *общественные*, или *частные*, *отмѣняющіе* или *объясняющіе*, *распространяющіе* неписанной законъ, довольно будетъ сказать, что поелику произошли они отъ соединенія трехъ волей законодательной власти, то налагаютъ молчаніе во всѣхъ рѣшенныхъ ими случаяхъ какъ неписанному закону, такъ и прежнимъ статутамъ; и Судьи должны ихъ

знать и дѣлать согласный съ ними приговоръ, хотя бы тяжущіеся и пропустили на нихъ сослаться, если только тѣ акты не частные.

Разные Трибуналы, гдѣ судъ производится, суть, кромѣ нѣкоторыхъ частныхъ Палатъ:

1) Палата общихъ тяжебъ: *Common Pleas.* Встарину составляла она часть (aula Regis) Королевской Палаты; но какъ эта Палата слѣдовала всегда за Королевскою Особою, и частные люди находили много затрудненія достигать правосудія въ такомъ Трибуналѣ, который безпрестанно переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто: то одною статьею большой грамоты постановлено, чтобъ Палата общихъ тяжебъ имѣла впредь непремѣнное пребываніе (*); и съ того времени находится она въ Вестминстерѣ. Она составлена изъ Лорда *Главнаго Судьи* общихъ тяжебъ и изъ трехъ другихъ Судей; апелляціи же на ихъ приговоры, называемыя обыкновенно *writs*, или *écrits d'erreur*, переносятся въ Палату Кингсбенча.

(*) Communia placita non sequantur Curiam nostram, sed teneantur in aliquo loco certo. Magna Charta Cap. II.

II) Трибуналъ, называемый Палатою *Экчекера*, или шахматною. Сей Трибуналъ первоначально установленъ для сужденія дѣлъ, касающихся до Короля, или его служителей, а постепенно открытъ и для всякаго состоянія людей. Для чего сдѣлалось одною выдумкою ограничивать власть сей Палаты первымъ классомъ дѣлъ; человѣку надобно только для формы объявить себя должникомъ Королевскимъ; нѣтъ нужды, долженъ ли онъ дѣйствительно, или нѣтъ. Она составлена изъ *главнаго Барона Экчекера* и изъ трехъ другихъ Судей.

III) Трибуналъ Королевской Скамьи, *Kings-Bench*, составляетъ часть Aula Regis, оставшуюся по раздѣлѣ общихъ тяжебъ. Власть сего Трибунала весьма обширна: онъ имѣетъ главное надзираніе за всѣми разными Корпораціями (градскія общества), и удерживаетъ всѣ суды въ собственныхъ ихъ предѣлахъ. По предмету перваго его установленія, вѣдаетъ онъ всѣ дѣла уголовныя, да и многія гражданскія. Онъ состоитъ изъ *Главнаго Судьи Кингсбенка* и изъ трехъ другихъ Судей. Аппелляціи изъ сей Палаты переносятъ въ Палату Каморы *Экчекера*, или по большей части дѣлъ въ Верхнюю Камору Парламента.

IV) Палата Экчекерской Каморы. Когда сія Палата составляется изъ четырехъ

Бароновъ, или Судей Эксчекерскихъ съ Канцлеромъ и Казначеемъ помянутой Палаты, то засѣдаетъ она какъ *Совѣстный Судъ* — родъ установленія, о которомъ сдѣлано будетъ нѣсколько замѣчаній въ слѣдующей главѣ. Когда же составляютъ ее 12 Судей, къ которымъ присоединяется иногда Великій Канцлеръ, то она должна разсуждать, буде отнесутся къ ней заранѣе и надлежащимъ образомъ, и давать свое мнѣніе о дѣлахъ важныхъ и трудныхъ, прежде нежели будутъ они рѣшены въ тѣхъ Правительствахъ, отъ которыхъ зависятъ.

ГЛАВА IX.

О правѣ, наблюдаемомъ въ Англіи по дѣламъ гражданскимъ.

Какимъ образомъ производится судъ въ Англіи по дѣламъ гражданскимъ и какой родъ закона по сему наблюдается, о томъ можно сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

Вопервыхъ надобно замѣтить, что тяжба и искъ въ Англіи начинается обыкновенно тѣмъ, что, по Указу Правительства, берутъ подъ стражу того человѣка, на котораго хотятъ просить. Это дѣлается для удостовѣренія въ явкѣ его на судъ, или по меньшей мѣрѣ для истребованія отъ него въ томъ порукъ. Почти во всѣхъ Европейскихъ земляхъ, гдѣ подражали обрядамъ, введеннымъ въ гражданское право Римлянъ въ правленіе послѣднихъ Императоровъ, употребляется иной способъ для понужденія человѣка явиться въ судъ. Тяжба обыкновенно начинается повѣсткою, которая посылается за недѣлю напередъ съ публичнымъ служителемъ о явкѣ въ судебное мѣсто. Если такая повѣстка, два раза повторенная, останется безъ уваженія, то просителю, или его повѣренному, позволяется прочесть формально

въ судѣ свою прозьбу, которую тогда и принимаютъ и послѣ можно по ней приступить къ исполненію (*).

Поступая такимъ образомъ, полагаютъ за подлинно, что неявляющійся въ судъ для отвѣта на жалобу другаго, по полученіи надлежащей повѣстки, признаетъ справедливость той жалобы, и сіе предположеніе весьма справедливо и основательно. Между тѣмъ вышеозначенный обычай брать подъ караулъ человѣка, на котораго просятъ въ судѣ, хотя не такъ кротокъ въ своемъ исполненіи, какъ теперь описанный и не дѣйствительнѣе, кажется однакожъ скорѣе и охотнѣе употребляютъ его въ тѣ времена, когда начинаютъ заводить національные Трибуналы и постановляютъ правила судопроизводства, и вѣроятно, что въ Англіи послѣдуютъ сему правилу, какъ остатку способовъ, принятыхъ въ то время, когда законы не были еще утверждены.

(*) Человѣкъ, противъ котораго учиненъ такой приговоръ (называющійся во Франціи приговоромъ за неявку), можетъ легко исходатайствовать себѣ освобожденіе отъ онаго; но какъ тогда, нѣкоторымъ образомъ, бываетъ онъ просителемъ, то уже нѣгдѣ болѣе просить, если въ семъ второмъ періодѣ оставитъ онъ тяжбу.

Въ тѣ времена, о которыхъ говоримъ, когда начинаютъ составлять законы въ Государствѣ, производство суда между частными людьми ввѣряется обыкновенно тѣмъ же особамъ, которымъ поручена публичная и военная власть въ Государствѣ. Судьи, имѣющіе такую власть, любятъ производить свои дѣла поспѣшно: они почитаютъ ослушаніе человѣка явиться къ нимъ на судъ не столько за отбывательство отъ того, чего требуетъ справедливость, сколько за презрѣніе ихъ власти и нарушеніе законовъ; почему и щитаютъ себя обязанными требовать отъ него отчета и тотчасъ издаютъ приказаніе *capias* схватить ослушнаго преступника. Таковое предварительное приказаніе вошло со временемъ въ употребленіе, и почитается первымъ поступкомъ, который должно дѣлать въ тяжбѣ. И такъ часто случается въ Англійскихъ Трибуналахъ, ежели я хорошо увѣдомленъ, что приказаніе capias объ арестованіи дается прежде самаго оригинальнаго повелѣнія (writ original), содержащаго въ себѣ повѣстку, сдѣланную истцемъ и формальное объясненіе его дѣла — или что оно къ нему прилагается съ *ac etiam capias* и употребляется въ то же время. Можно припамятовать, что Королевская Палата въ Англіи, въ которой предсѣдалъ самъ Король, была сперва ординарная судебная Палата для всего Государства по дѣламъ какъ гражданскимъ, такъ

и уголовнымъ, и оставалась въ семъ состоянiи, пока не отдѣлена отъ нее Палата общихъ тяжебъ.

Въ Римѣ, гдѣ производство гражданскаго суда ввѣрено было сперва Королямъ, а потомъ Консуламъ, наблюдали тотъ же обычай брать подъ стражу человѣка, на котораго приносили какую-либо жалобу, прежде нежели былъ онъ обвиненъ приговоромъ. Это существовало и по учрежденiи суда Преторскаго, которому послѣ отдана гражданская часть Консульской власти, и продолжалось очень долго, то есть, по то время, когда произошли великiя перемѣны въ гражданскомъ правѣ Римлянъ въ царствованiе послѣднихъ Императоровъ, отъ чего получило оно тотъ видъ, въ какомъ находимъ его въ уложенiяхъ, дошедшихъ до насъ.

Въ Римѣ введена была и нѣкоторая степень страннаго насилiя при взятiи человѣка, на котораго приносили законную жалобу. Въ Англiи взятье подъ стражу человѣка въ подобномъ случаѣ производится по Указу, который, полагаютъ, данъ отъ самаго Короля публичному Чиновнику (или Шерифу, наряжающему его).

Но въ Римѣ каждый становился публичнымъ Чиновникомъ въ собственномъ дѣлѣ

для сохраненія прерогативы Преторской и, не показывая никакого законнаго позволенія, ни знака публичной власти, имѣлъ право схватить своего соперника, гдѣбъ ни нашелъ его. Это происходило слѣдующимъ образомъ: истецъ (*actor*) звалъ сперва громко отвѣтчика (*reum*) итти за нимъ въ судъ Преторскій (*). Когда же отвѣтчикъ не хотѣлъ повиноваться такому зову, то истецъ, проговаривая слова: *licet antestari*, просилъ предстоящихъ быть тому свидѣтелями; а чтобъ они это помнили, дотрогивался до ушей каждаго и по томъ бралъ своего соперника, схватя руками за шею (*obtorto collo*) и стараясь такимъ образомъ тащить его къ Претору. Когда обвиняемый человѣкъ, по старости или болѣзни, не могъ итти за просителемъ, то сей послѣдній долженъ былъ, по закону двенадцати скрижалей, дать ему лошадь (*jumento dato*).

Сіи поступки однакожъ смягчены послѣ, хотя очень поздо и исподоволь. Сперва возбранено брать человѣка въ собственномъ его домѣ, потому что въ немъ обитали домашніе его боги. За тѣмъ освобождены благородныя женщины (matronae) отъ строгости вышепомянутаго обычая и не льзя уже было

(*) Ad Tribunal sequere in jus ambula.

насильно вести ихъ въ судъ Преторской. Въ послѣднія времена Республики, кажется, отмѣнено было сажать на лошадь хвораго, или стараго человѣка, противъ его воли. Старшіе сыновья и отпущенные на волю рабы не имѣли уже власти звать въ судъ своихъ отцовъ или прежнихъ господъ, не получивъ точнаго на то позволенія отъ Претора, подъ опасеніемъ взысканія пени по 50 златницъ. Однакожъ до временъ Плинія старинный обычай звать, или насильно вести въ судъ, всё еще продолжался вообще, хотя при Улпіанѣ, надобность выходить точное Преторское приказаніе, простиралась на всѣ дѣла и на всѣхъ людей, а въ правленіе Константина начали дѣлать законныя повѣстки чрезъ публичнаго Чиновника, для того назначеннаго. Послѣ сего произошли еще другія перемѣны въ прежде упомянутомъ законѣ; оттуда же заимствованъ и обрядъ, употребительный теперь на твердой землѣ Европы.

Подобнымъ образомъ можно и въ Англіи замѣтить перемѣны въ правѣ и практикѣ задерживать людей, на которыхъ подана прозьба въ судъ, произшедшія хотя также медленно и поздо, если не позже, какъ и послѣдовавшія въ Республикѣ, или Имперіи Римской: изъ чего видно, сколь великія и разныя препятствія встрѣчаются къ усовер-

шенїю законовъ въ каждой нацїи. Предварительныя и личныя арестованїя за долги меньше двухъ фунтовъ стерлинговъ запрещены Указомъ только въ царствованїе Георга I го, и съ того времени учреждены суды, по справедливости названные *Совѣстными*, въ которыхъ должно разбирать на короткѣ такїе маловажные иски и можно употреблять однѣ повѣстки безъ арестованїя. А наконецъ, по предложенїю Лорда *Бошамла*, котораго имя заслуживаетъ быть упомянуто, состоялась другая биля, которою распространено запрещенїе объ арестованїи на всѣ долговыя дѣла меньше десяти фунтовъ стерлинговъ. Сїя биля въ двадцать или во сто разъ важнѣе возвышенїя или паденїя Придворнаго любимца, или Государственнаго Министра, хотя публика можетъ-быть меньше ее уважила.

Другая особенность, замѣчательная въ Англїйскихъ гражданскихъ законахъ, есть разборчивость, обряды и точность, которыя въ нихъ наблюдаются. О сихъ утонченїяхъ, или, лучше сказать, несовершенствахъ, можно сдѣлать то же примѣчанїе, какое сдѣлано уже по случаю частыхъ и обыкновенныхъ гражданскихъ арестованїй въ Англїи, а именно, что они остались отъ обрядовъ, введенныхъ при первоначальномъ составленїи Англїйскихъ законовъ, и проистекаютъ отъ того положенїя, въ которое привели себя Англичане тѣмъ,

что отвергнули окончанный уже уставъ, собранный по Указу Юстиніана и принятый почти во всѣхъ Европейскихъ Государствахъ, и предпочли сдѣлаться собственными своими законодателями и воздвигнуть съ основанія зданіе Гражданскаго устава своей націи, который уставъ, можно еще примѣтить, походитъ въ самомъ началѣ своего составленія на Римское право во времена Республики и въ Государствованіе первыхъ Императоровъ.

Порядочная система законовъ въ народѣ начинается при отдѣленіи власти судить частныхъ людей отъ военнаго начальства: что въ разныхъ мѣстахъ рано или поздо случается. Судьи, лишась тогда права, принадлежащаго военному званію, или, что всё то же, долженствуя заимствовать то право отъ другихъ особъ, стараются замѣнить сей недостатокъ въ своихъ Трибуналахъ и, буде можно, заслужить уваженіе къ своимъ опредѣленіямъ, большею правильностію въ судопроизводствѣ и славою безпристрастія въ своихъ приговорахъ.

Тогда начинаютъ и стряпчіе собираться толпами въ Трибуналы, которыхъ они болѣе не страшатся, и присовокупляютъ свои тонкости къ правиламъ, постановленнымъ уже законами, или Судьями. А какъ вольно ихъ употреблять, или не употреблять, особливо

въ началѣ, и они опасаются, что еслибъ люди стали думать, что для произведенія тяжебнаго дѣла потребенъ токмо здравый разсудокъ, каждый вообразилъ бы себѣ, что онъ свѣдущъ не меньше ихъ: то изобрѣтаютъ они трудности, чтобъ сдѣлаться необходимыми. За тѣмъ что не льзя еще быть прямой наукѣ правъ, которая есть не иное что, какъ знаніе многихъ старинныхъ правилъ и собраніе преждебывшихъ дѣлъ, стараются они выдумывать поддѣльную науку, дабы доставить себѣ уваженіе. Для формы вымышлены различенія и опредѣленія, которыя изъясняютъ разные роды исковъ между людьми. Въ нихъ усматривается та же разборчивость, какую наблюдаютъ Философы въ распредѣленіи разныхъ матерій, или царствъ въ Естественной Исторіи. Формы словъ, подъ именемъ *writs*, или другія тому подобныя, вымышлены для означенія реченныхъ исковъ, и служатъ истцамъ, какъ будто пропускомъ, для входа во храмъ Правосудія.

Опасаясь, чтобъ Кліенты не покинули ихъ послѣ перваго засѣданія, такъ какъ больной довольствуется однимъ пріѣздомъ своего Лѣкаря, Адвокаты изобрѣтаютъ другіе обряды, другія учебныя слова, дабы продлить тяжбу и говореніе суда; а чтобъ тѣмъ болѣе содержать въ своей зависимости Кліентовъ, удалось имъ наконецъ сдѣлать каж-

дую относящуюся къ правиламъ ихъ искусства ошибку въ именахъ, или въ неправомъ произвожденіи тяжбы столь же важною, какъ и нарушеніе законовъ строжайшаго правосудія. На основаніи вышереченныхъ Метафизическихъ опредѣленій и различеній дѣлъ и исковъ воздвигнуто еще множество законныхъ вопросовъ, извѣстныхъ только знающимъ ихъ изворотны.

Такія тонкости въ производствѣ суда не могутъ не показаться не только странными, но и смѣшными неопытному, который примѣтитъ ихъ въ первый разъ. Однакожъ должно признаться, что при первомъ установленіи градоначальства и гражданскихъ Трибуналовъ, обряды и разныя формальности весьма нужны для пріобрѣтенія симъ Трибуналамъ довѣренности отъ прибѣгающихъ къ нимъ, и полнаго уваженія отъ публики, и для наверстанія такимъ образомъ недостатка военной власти, бывшей дотолѣ главною подпорою Судей.

Сими же формальностями и сими правилами искусства дается единообразіе поступкамъ стряпчихъ и судебныхъ мѣстъ, опредѣляются и обезпечиваются правила, установляемыя ими. И ежели вся система того упонченія, о которомъ говоримъ, останется въ семъ положеніи чрезъ многіе еще будущіе

вѣки, то по большей части конечно для того (не показывая другихъ причинъ), что она такъ смѣшалась съ существенными частями права, что было бы опасно, по крайней мѣрѣ весьма трудно отдѣлить ее отъ нихъ; въ чемъ можно былобъ уподобить ее лѣсамъ, употребляемымъ при постройкѣ дома, которые хотя поставлены только для клажи матеріаловъ и поддерживанія работниковъ, остаются однако еще долго по окончаніи строенія, потому что почитается опаснымъ разбирать ихъ ранѣе.

Сіи странныя утонченныя формальности права и практики изобрѣтены первыми Римскими Юрисконсультами, для распространенія правилъ, изъясненныхъ въ законахъ двенадцати скрижалей, которые, по малому своему числу и потому что вырѣзаны на мѣди, были каждому столь же извѣстны, какъ и имъ самимъ, а, по словамъ Цицерона, было въ общемъ употребленіи обучать и дѣтей симъ законамъ.

Римскіе же Юрисконсульты изобрѣли и самыя точныя опредѣленія, такъ какъ и разные классы дѣлъ и исковъ, и когда кто избиралъ особенный родъ иска, которымъ хотѣлъ домогаться принадлежащаго ему, то уже не былъ властенъ перемѣнить его. Сверхъ того изобрѣтены опредѣленныя фор-

мы словъ, названныя *actiones legis*, которыми неотмѣнно должно было изъяснять свой искъ. Самому истцу надлежало говорить тѣ слова передъ Преторомъ, и если по нещастію случалось ему пропустить, или прибавить хотя одно, которое по видимому перемѣняло существо его дѣла, или иска, то онъ терялъ искъ. Къ этому клонится рѣчь Цицеронова, когда онъ говоритъ: „Гражданское наше право таково, что человѣку, не соблюдшему надлежащаго порядка, отказывается въ его тяжбѣ (*)."

Такое же примѣчаніе находится и въ Квинтиліанѣ, который изъясняется слѣдующимъ образомъ: „Есть еще другая опасность; ибо если кто ошибется въ одномъ словѣ, то почитается, что онъ погрѣшилъ во всѣхъ стапьяхъ своей тяжбы (**)." Подобные обряды и формы словъ, принаровленныя къ производству суда, надобны были еще и на то, чтобъ принимать взаимные отвѣты и

(*) Ita jus civile habemus constitutum, ut causâ cadat is, qui non quemadmodum oportet egerit. De Juvent. II. 19.

(**) Est etiam periculosum, quam sit uno verbo sit erratum, totâ causâ cecidisse videamur. Just. Orat. III. § VII. 2.

реплики тяжущихся, требовать и брать порукъ, представлять свидѣтелей и проч.

Особенное знаніе помянутыхъ actiones legis, такъ какъ и дней, въ которые религія не позволяла судамъ собираться, тщательно скрывали Юрисконсульты и Жрецы (*). Когда нѣкто Х. Флавій, Секретарь Аппія Клавдія, обнаружилъ тайну сихъ важныхъ формъ (за что послѣ возведенъ народомъ на вышшую степень), то законники выдумали новыя, которыя начали они сочинять письменно, употребляя особенные знаки; но одинъ членъ собственнаго ихъ общества измѣнилъ имъ, и новое собраніе, изданное имъ, названо по его имени Jus Aelianum sex Aelius, такъ какъ прежнее наименовано Jus Flavianum. Однако не видно, чтобъ вліяніе законниковъ гораздо уменьшилось по случаю сихъ двухъ собраній; ибо, сверхъ наставленій такого рода, надобна еще практика, и общія собранія, о которыхъ говоримъ, равно какъ и множество книгъ, изданныхъ объ Англійскомъ правѣ, едва приведутъ ли человѣка въ состояніе вступить въ стряпческую должность, или хотя пріобрѣсти столько знанія, чтобъ могъ производить тяжебное дѣло (**).

(*) Dies fasti et nefasti.

(**) Римскіе Юрисконсульты простирали свое искусство до предметовъ *добровольной*, такъ какъ и

Новѣйшіе законники крайне старались узнать и изъяснить упоминаемые образцы стариннаго права, въ чемъ дѣйствительно и великой успѣхъ имѣли. Древніе Комическіе Писатели, каковы Плавтъ и Теренцій, открыли имъ многое; употребительныя слова, на примѣръ, которыми требуется обратно собственность раба, встрѣчаются часто въ ихъ сочиненіяхъ (*).

спорной расправы (jurisdiction), изобрѣли особенные обряды, образцы словъ, различенія и опредѣленія, касательно до обязательствъ между людьми, до условій, даваній, бракосочетаній, а особливо завѣщаній, въ чемъ показали они великую разборчивость, много утонченій, точность и правильность удивительныя. Англійскіе Юрисконсульты отнюдь не прилагали столько труда о предметахъ *добровольной* расправы.

(*) Когда отвѣтчикъ приходилъ въ судъ на срокъ, на который принужденъ былъ дать порукъ, то, по увѣдомленію Плавта, говорилъ истцу слѣдующія слова: *Curculi* 1. 3. 5. „Гдѣ ты, принудившій меня дать порукъ? гдѣ ты, зовущій меня въ судъ? — Вотъ я стою передъ тобою; стань же и ты передо мною.“ На что истецъ отвѣчалъ: Вотъ я здѣсь. Отвѣтчикъ возражалъ: Что же скажешь теперь? Тогда истецъ отвѣчалъ:

Означенные *actiones legis* и *writs*, употребительныя въ Англійскихъ судебныхъ мѣстахъ, имѣютъ великое сходство между собою. Сіи writs, или повелѣнія принаровлены и приспособлены къ каждой часши или роду иска, какъ-то: къ задержанію, *лени*, *не исправнымъ щетамъ*, *договорамъ и пр.* Ко всемъ этомъ потребна такая же точность;

Я говорю (ajo). За тѣмъ слѣдовалъ образецъ словъ, которыми хотѣлъ онъ изъяснить свой искъ.

Ubi tu es, qui me vadatur? ubi tu es, qui me citasti? Ecce ego me tibi sisto; tu contra et tibi me sisse, et c.

Ежели, на примѣръ, тяжба начата за покраденныя вещи, то, въ наказаніе и удовлетвореніе, надлежало возвратить вдвое противъ того, чего вещи стоили, и употребительныя слова были: ajo decem aureas mihi furto tuo abesse, teque eo nomine viginti aureas mihi dare oportere. За сдѣланную работу, какъ-то за чистку платья, на пр. ajo te mihi tritici modium de quo inter nos convenit ob polita vestimenta tua, dare oportere. Чтобъ выручить деньги за раба, убитаго другимъ гражданиномъ: ajo te hominem meum occidisse, te que mihi quantum ille hoc anno plurimi fuit dare oportere. За убытки, причиненные лихою скотиною: ajo hovem Maevii servum meum, sthichum, cornu petiisse et occidisse, eoque nomine Maevium aut seruo aestimationem praestare, aut hovem mihi noxae dare, oportere, или:

какъ и въ вышеобъявленныхъ образцахъ Римскаго права. Столь же опасно употреблять ихъ во зло, какъ и ошибиться въ какой-либо части оныхъ; по словамъ Англійскаго Автора, писавшагося о правѣ, скажу по сему предмету: „Что Риты или Указы должны быть исправно сочинены, иначе же будутъ недѣйствительны. Во всѣхъ ритахъ надобно о томъ стараться, чтобъ они были

---

ajo ursum Maevii mihi vulnus intuliſſe, et Maevium quantum aequius melius mihi dare oportere etc.

Можно замѣтить, что особенный родъ удовлетворенія, предписаннаго закономъ по тяжебному дѣлу, точно назначенъ въ образцѣ, который употреблялъ истецъ, и въ томъ не надобно было ошибиться. Такимъ образомъ въ вышеозначенномъ послѣднемъ образцѣ слова: quantum aequius melius, показываютъ, что заимодавцу надлежало назначить нижнихъ Судей, или посредниковъ для сочтенія причиненнаго убытка и окончательнаго рѣшенія дѣла по даннымъ отъ него прежде свѣдѣніямъ; ибо сіи слова исключительно принаровлены къ тому роду тяжебъ, которыя назывались произвольными arbitrariae. Въ искахъ, начатыхъ для понужденія къ исполненію неписанныхъ договоровъ, изъясняли въ образцѣ самый договоръ, такъ какъ выше означено за работу, сдѣланную истцомъ и пр. и пр.

написаны и составлены по состоянію дѣлъ и по нимъ должно поступать во все теченіе иска (*).

Тѣ же самые обряды видны въ судныхъ рѣчахъ и произвожденіи тяжбы въ Англіи, какія существовали въ судопроизводствахъ стариннаго Римскаго права, и какъ тогдашніе законники имѣли свои *actionis postulationes et editiones*, свои *inficiationes*, *exceptiones*, *spontiones*, *replicationes*, *duplicationes*, и пр. такъ и Адвокаты въ Англіи имѣютъ свои *вопросы*, *отвѣты*, *реплики*, *дуплики*, *редуплики*, *отраженія*, *переотраженія* и проч. Крайняя точность нужна и въ распоряженіи судебныхъ рѣчей: вотъ что говоритъ о семъ Англійскій Авторъ, писавшій о правѣ: „Хотя Наука защищать судебное дѣло и искуство, съ каковымъ она употребляется, назначены, по существу и намѣренію своему, только для того, чтобъ сдѣлать обстоятельства ясными и вразумительными и поступать въ приговорахъ надежнымъ и надлежащимъ образомъ; однако они отступили отъ первоначальной своей простоты. Стряпчіе, да и Судьи стали слишкомъ привязываться къ нимъ; отъ того судопроизводство мало по малу наполнилось тонкостями и запѣйными

(*) Судебный Словарь Іакова. Зри writs.

рѣченіями, что подало поводъ къ потерѣ многихъ тяжебъ, за тѣмъ, что прилѣплялись къ пустымъ возраженіямъ (*).

Можно однакожъ положить ту разность между *actiones legis*, каковымъ послѣдовали въ Римѣ и употребительными теперь въ Англіи Ритами, что первые, въ случаѣ надобности новыхъ, могъ дѣлать Преторъ или Судья Трибунала, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ и общество Юрисконсультовъ, а Риты напротивъ того, когда понадобятся по непредвидимымъ дѣламъ, составляетъ только особенный Трибуналъ, или Судья, одинъ имѣющій сію власть, а именно высокая Палата Канцеляріи, имѣющая исключительное право давать и старинныя Риты по разнымъ дѣламъ, до которыхъ они касаются. И Юрисконсульты почитаютъ власть ея по симъ двумъ статьямъ столь важною, что дали ей преимущественно названіе officina justitiae. Къ тому жъ оригинальныхъ Ритовъ, по сочиненіи, не льзя иначе перемѣнить, какъ по Указу Парламента (**).

(*) Кунингамовъ законный Словарь. Зри Судныя рѣчи.

(**) Риты, законно изданные, столь же нужны къ рѣшенію разныхъ случаевъ (incident), могущихъ встрѣтиться въ теченіи тяжбы, какъ-то: допрашивать свидѣтелей и пр. Риты называются обыкновенно

Сіи законныя бумаги признаются въ Англійскихъ Трибуналахъ столь нужными, что безъ нихъ никакое дѣло не принимается. Ибо какъ бы важно или интересно оно ни было, Судья оставитъ его безъ вниманія, пока не увидитъ надлежащаго, или хотя такого Рита, который произошелъ изъ настоящаго источника; онъ глазами не видитъ и ушами не слышитъ. А когда случится дѣло новаго рода, на которое нѣтъ еще Рита, и великой Канцлеръ или Судьи Канцеляріи, не согласятся о сочиненіи новаго, или покажется имъ то дѣло весьма труднымъ, тогда поступаетъ оно въ большой національный Совѣтъ, то есть Парламентъ. Сово-

---

по первымъ Латинскимъ словамъ, которыми они начинались, когда ихъ сочиняли на томъ языкѣ, или по меньшей мѣрѣ по какому нибудь замѣчательному слову, находящемуся въ нихъ; отъ чего происходятъ выраженія, нѣсколько жесткія и не очень вразумительныя. Такъ *Pone* есть Ритъ, даемый въ нѣкоторыхъ случаяхъ для того, чтобъ побудить кого дать поруку (Pone per validum et salvos plegios) *Subpœna*, чтобъ принудить свидѣтелей и нѣкоторыхъ другихъ людей явиться въ судъ. Искъ *qui tam* есть тотъ, который начинаетъ доношикъ, чтобъ получить свою часть пени, назначенной какимъ нибудь карательнымъ закономъ; въ Ритѣ написано: qui tam pro domino rege, quam pro seipso in hac parte sequitur etc.

купнымъ благоразумïемъ его Членовъ собираются наконецъ тѣ прямыя слова, которыя открываютъ тайну. Тогда Судья получаетъ опять свободное употребленïе своихъ чувствъ, и отъ составленïя новаго рита владычество Трибуналовъ пріобрѣтаетъ новую силу.

Напослѣдокъ сïи драгоцѣнные Указы, сïи дорогïе дипломы (brevia), такъ какъ ихъ называютъ по превосходству, которые суть элексиръ и сущность права, поручены въ особенное храненïе назначеннымъ для того Чиновникамъ, которыхъ Канцелярïи называются по тѣмъ орудïямъ, каковы даны имъ для сбереженïя ввѣреннаго залога: ибо одна именуется Канцеляріею корзины (Hamper), а другая сумки (Small-bag) (*).

Между тѣмъ составленïе рита, при настоянïи новаго случая, въ самомъ дѣлѣ не такъ легко, какъ вообще думаютъ. По одной уже важности, какую приписываютъ симъ законнымъ образцамъ, должно имъ быть дѣйствительно важными.

(*) *Hanaperium et parva baga.* Не неприлично здѣсь примѣтить, что сихъ двухъ словъ нѣтъ въ сочиненïяхъ Цицероновыхъ. Въ Канцеляріи Small-bag хранятся риты, касающïеся до дѣлъ Королевскихъ; въ Hamper, относящïеся къ дѣламъ подданныхъ.

Какъ всё, что ни дѣлается безъ сихъ священныхъ словъ, ничего не значитъ въ ординарномъ Трибуналѣ, такъ равно съ ними всё становится законнымъ, то есть, они уполномочиваютъ судебное мѣсто рѣшить по закону всякое дѣло, вступившее съ ними. Почему составленіе новаго рита заключаетъ въ себѣ равную важность съ установленіемъ новаго закона, особливо общаго; а уложеніе по встрѣтившемуся дѣлу такого закона, который бы относился послѣ ко всѣмъ подобнымъ случаямъ, конечно трудно; особливо, когда еще не извѣстно, какія лучшія мѣры принять должно въ настоящемъ дѣлѣ, или же, когда еще не рѣшено, должно ли дѣйствительно принять какія-либо мѣры. Къ сочиненію новаго рита въ подобномъ случаѣ Юрисконсульты, или Судьи не охотно приступаютъ сами собою, да и не осмѣливаются справляться объ этомъ съ законами.

И такъ, поелику съ одной стороны трудно составлять новые риты, а съ другой необходимо надобны они нижнимъ Трибуналамъ, то изъ сего слѣдуетъ, что разные новые роды притязаній и непредвидимыхъ случаевъ, представляющихся отъ времени до времени (по неизбѣжнымъ слѣдствіямъ разпространенія торговли и просвѣщенія) оставлены въ настоящемъ положеніи, *in statu quo*, и могутъ почесться пропусками въ

самомъ законѣ, или лучше сказать, неприступными мѣстами, къ которымъ настоящіе законы подойти не могутъ; и слѣдовательно это есть большой недостатокъ въ производствѣ правосудія, которое должно быть открыто для каждаго и находить пособія на всякіе иски и требованія, какія могутъ производить люди одинъ противъ другаго. Чтобъ отвратить сіе неудобство, или скорѣе облегчить его сколько нибудь, сдѣланы выдумки въ Англійскомъ правѣ, которыми, отступая отъ настоящаго назначенія рипов, употребляютъ ихъ въ такихъ случаяхъ, отъ коихъ они ни мало не зависятъ.

Законные вымыслы того рода, о которомъ мы говоримъ, не были неизвѣстны и древнимъ Римскимъ Юрисконсультамъ и, въ доказательство ихъ остроумія въ семъ отношеніи, можно упомянуть о томъ родѣ иска, въ которомъ дочь называлась сыномъ (*). Можно бы также привести разные примѣры и мнимому употребленію Рипов въ нижнихъ

(*) Изъ вышеприведеннаго примѣра можно заключать, что Юрисконсульты Римскіе имѣли болѣе власти, нежели Парламентъ Англійскій: ибо у законниковъ сего Государства коренное правило то, что Парламентъ всемогущъ, только не можетъ сдѣлать женщины мущиною, и на оборотъ.

Англійскихъ судахъ. Примѣчанія достойныя уловки сего рода показываетъ способъ взыскивать нѣкоторые долги въ Палатѣ общихъ тяжебъ. Таковы суть, ежели не ошибаюсь, плата, слѣдующая за сдѣланную работу, награжденіе за исполненіе полученнаго приказанія и проч. Ритъ, даемый въ семъ случаѣ, основывается на предположеніи, что человѣкъ, на котораго просятъ, сдѣлалъ преступленіе на землѣ просителя, вломившись въ его ограду и границу. Подъ симъ предлогомъ приводятъ отвѣтчика въ судъ. Сей Ритъ, признанный Юрисконсультами приличнѣйшимъ для подачи упомянутыхъ требованій въ нижніе суды, названъ приказными словами clauſum fregit. — Чтобъ привесть человѣка въ судъ Кингсбенча для отвѣта на иски, почти подобные вышеозначеннымъ, даютъ Ритъ, называемый latitat, въ которомъ объявляютъ, что отвѣтчикъ умышленно укрывается и прячется въ какой нибудь иной провинціи, а не въ той, гдѣ судъ находится; ибо въ Ритѣ обыкновенно прописываютъ: „Что онъ скрывается и шатается,“ хотя ни повѣренный, ни проситель утверждать того не намѣрены.

То же самое начало строгаго наблюденія нѣкоторыхъ образцовъ, издавна установленныхъ, побудило стряпчихъ ввести въ свои судопроизводства имена, заимствованныя отъ

Людей, о которыхъ полагается, что они заступаютъ мѣсто порукъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, кажется, что имя мечтательнаго человѣка включается въ Ритъ, купно съ именемъ главнаго отвѣтчика, какъ будто бы онъ имѣетъ участіе въ томъ же дѣлѣ. Другое доказательство того крайняго уваженія, какое имѣютъ Адвокаты и Судьи къ нѣкоторымъ прежнимъ образцамъ, отъ которыхъ отступаютъ не такъ охотно, какъ отъ самой истины, представляетъ вышепомянутое средство, которое употребляютъ при подачѣ дѣлъ обыкновенныхъ въ Палату Эксчекерскую, для сужденія по неписанному праву, а именно объявлять, что проситель долженъ Королю, хотя ни Палата, ни повѣренный обиженнаго человѣка не настоятъ точно въ семъ показаніи (*).

(*) Еще другое доказательство о строгомъ наблюденіи Англійскими Юрисконсультами установленныхъ старинныхъ своихъ обрядовъ; даже, предпочтительно истинѣ обстоятельствъ, находится въ образѣ исполненія самаго акта, упомянутаго въ сей главѣ, состоявшагося въ правленіе Георга I го, для отвращенія личныхъ арестовъ за долги меньше 40 шилинговъ. Ежели обвиняемый, по полученіи копіи съ судопроизводства, не явится въ назначенные дни, то обыкновенно предполагаютъ,

ГЛАВА X.

Продолженіе той же матеріи. Палаты Правоты, или Совѣстныя.

Но есть предѣлы вымысламъ и тонкостямъ законнымъ, о которыхъ мы разсуждали въ предшедшей главѣ: ибо сими увертками не льзя пособить всѣмъ встрѣчающимся дѣламъ безъ того, чтобъ не накопилось слишкомъ много ошибокъ. Были и такіе примѣры, что за неправое употребленіе Ритовъ въ Трибуналахъ дѣланы выговоры отъ вышней власти. И такъ, чтобъ избѣгнуть сего неудобства, то есть, чтобъ разпространить на всѣ возможные случаи производство правосудія, освобождая его отъ трудностей, сопряженныхъ съ стряпческимъ званіемъ, ко-

что онъ явился и дѣло производится на семъ предположеніи. Употребляютъ также имена мечтательныхъ порукъ.

Жители Бенгала и другихъ Провинцій Восточной Индіи, говорятъ, крайне удивились утонченіямъ, выдумкамъ и хитростямъ законовъ Англійскихъ по дѣламъ гражданскимъ, введенныхъ у нихъ за нѣсколько лѣтъ до сего, и конечно нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что они дѣйствительно показались имъ странными.

торыя мало по малу вкрались въ Палаты; чтобъ, говорю, отвратить это, учрежденъ въ Англіи новый родъ Трибуналовъ, называемыхъ судами Правоты, или Совѣстными.

Большая часть людей, не понимая точно сего слова Правоты, возъимѣли нѣкоторые предразсудки о должности реченныхъ Трибуналовъ и, кажется, вообще думаютъ, что Судьи, засѣдающіе въ нихъ, должны послѣдовать только правиламъ одной правоты; подъ чемъ, кажется, разумѣетъ народъ, что въ такомъ Трибуналѣ Судья свободно можетъ послѣдовать своимъ собственнымъ движеніямъ, и основывать свои рѣшенія, какъ заблаго разсудитъ, на особенныхъ обстоятельствахъ и положеніи приходящихъ въ судъ. Да и самъ Докторъ Джонсонъ въ сокращенномъ своемъ Словарѣ опредѣляетъ власть Палаты Канцеляріи, какъ Совѣстнаго Суда, слѣдующимъ образомъ: „Канцлеръ, говоритъ онъ, имѣетъ власть умѣрить и смягчить писанный законъ, и самъ обязанъ повиноваться только закону Природы и совѣсти:“ сіе опредѣленіе утверждаютъ мнѣніемъ Декана Свифта и Ковеля, бывшаго Юрисконсультомъ. Можно бы привесть другіе примѣры Адвокатовъ, не соблюдшихъ точности въ своихъ опредѣленіяхъ о настоящей долж-

ности Судей правоты, да и мнѣніе самаго Джонсона по сей матеріи не презрительно.

Судьи правоты, или Совѣстные конечно не имѣютъ власти сами собою перемѣнять писанное право, то есть акты, или постановленія Парламента, и такимъ образомъ дѣлать насиліе законамъ. Должность ихъ есть только, какъ послѣ доказано будетъ, находить удовлетвореніе по дѣламъ, которымъ для общей пользы, пособить нужно, и которыхъ ординарные Суды, связанные своими обрядами и старинными уставами, рѣшить не могутъ, или иными словами: Палаты Правоты имѣютъ право судить частныхъ людей, не смотря не на законы, а на трудности, сопряженныя съ Адвокатскимъ званіемъ, разными законоискусниками въ разныя времена выдуманныя въ ординарныхъ Трибуналахъ, и Судьями, засѣдающими въ нихъ, позволенныя.

Въ Римѣ скоро усмотрѣли надобность такихъ судовъ по вышеозначеннымъ же причинамъ. Достойно примѣчанія, что общество Адвокатовъ въ Англіи, отказываясь принять уставъ Римскихъ законовъ, существовавшихъ въ послѣднія времена Имперіи, согласилось только на тѣ же затрудненія, коимъ подвержены были прежніе законники

Римскіе при сооруженіи зданія тѣхъ же законовъ. Можно также примѣтить, что и Англійскіе Юрисконсульты, или Судьи употребили почти тѣ же изворотцы, какіе употребляли Римскіе законники.

Преторъ въ древнемъ Римѣ присвоилъ себѣ сію должность Совѣстнаго Судьи послѣ въ добавокъ къ Судебной власти, которую имѣлъ прежде (*). Въ началѣ года своего избранія объявлялъ онъ, какія перемѣны намѣренъ сдѣлать по случаямъ новымъ и затруднительнымъ во время своей префектуры, въ выборѣ и приличіи которыхъ безъ сомнѣнія послѣдовалъ онъ или собственнымъ своимъ примѣчаніямъ, сдѣланнымъ до опредѣленія къ должности, или наставленіямъ искусныхъ въ томъ законниковъ. Преторъ показывалъ сіе объявленіе *in albo*, какъ то выражали. Новѣйшіе законники дѣлали разныя догадки о прямомъ смыслѣ сихъ словъ. И кажется вѣроятнѣе всѣхъ то ихъ предположеніе, что Эдиктъ Преторскій, или статьи, содержавшія новыя рѣшенія на бу-

(*) И такъ Преторъ имѣлъ двѣ различныя части Судебной власти такимъ же образомъ, какъ Экскекерская Палата въ Англіи, которая, смотря по надобности, собирается какъ ординарный, или какъ Совѣстный Судъ.

дущіе случаи, были написаны на выбѣленной стѣнѣ подлѣ его Трибунала.

Къ дѣламъ, на которыя распорядили Римскіе Преторы, какъ Совѣстные Судьи, можно причислить право наслѣдства отпущенныхъ на волю сыновей и свойственниковъ (cognati). По закону двенадцати скрижалей полагали, что первые уже не дѣти своихъ отцовъ, и потому не давали имъ ничего изъ отеческаго наслѣдства; о свойственникахъ же не сказано ни слова въ статьѣ законовъ, разсуждающей о правѣ преемничества, а упомянуто только о родственникахъ (agnati). И такъ Указомъ *unde liberi* Преторъ позволилъ отпущеннымъ на волю сыновьямъ искать наслѣдства отца, или дѣда ихъ вмѣстѣ съ братьями своими. А по Указу *unde cognati* отдавали во владѣніе свойственниковъ наслѣдство свойственника, когда не было ближней родни. Однакожъ сіи два рода наслѣдства назывались не *hereditas* (наслѣдство), а только *bonorum poſſeſſio* (владѣніе имѣніемъ), потому что между сими двумя названіями дѣлали точнѣйшее различіе, хотя дѣйствіе, отъ нихъ происходившее, было одинаково (*).

(*) Какъ власть родителей въ Римѣ была безпредѣльна и продолжалась чрезъ всю жизнь, то часто

Такимъ же образомъ въ законахъ двенадцати скрижалей удовлетвореніе положено только за кражу; о насильномъ похищеніи имѣнія въ нихъ не упомянуто. (Сей поступокъ былъ не такъ противенъ въ Римѣ,

случалось, что освобождали отъ нее сыновей для безопасности, или удовольствія тѣхъ людей, которые вступали съ ними въ какія-либо предпріятія. Сія власть родителей простиралась такъ далече по законамъ Ромула, подтвержденнымъ послѣ двенадцатью скрижалями, что они могли продавать своихъ сыновей въ рабство до трехъ разъ, естьли послѣ перваго или втораго выкупались они изъ неволи. И такъ становились сыновья свободными опять въ третій только разъ и могли совершенно выйти изъ подъ отеческой власти. На семъ правилѣ закона были основаны особливый обрядъ и способъ освобожденія сыновей. Сперва приносили вѣсы и нѣсколько денегъ мѣдныхъ; безъ сихъ формальностей было бы все недѣйствительно, а по томъ отецъ надлежащимъ порядкомъ продавалъ своего сына человѣку, именованному для его покупки, который долженъ былъ тотчасъ освободить его. Сіи обряды повторялись три раза; надлежало быть при томъ свидѣтелямъ, кромѣ одного человѣка для держанія вѣсовъ (libripens) и другаго (antestatus), для припамятованія свидѣтелямъ въ случаѣ надобности о важности дѣла, происходившаго предъ ихъ глазами.

какъ воровство, которое почитали за преступленіе, свойственное рабамъ). Преторъ въ послѣдствіи времени назначилъ удовлетвореніе лишающимся своего имѣнія грабежемъ, позволя имъ взыскивать вчетверо противъ того, чего стоитъ потеря, съ учинившихъ такое дѣло по злости. Si cui dolo malo bona rapta esse dicentur, ei in quadruplum *judicium dabo*.

Сверхъ того въ законѣ двенадцати скрижалей и въ состоявшихся послѣ въ народныхъ собраніяхъ сдѣлано положеніе только на самое малое число случаевъ плутовства. Въ это также вошелъ Преторъ, какъ совѣстный Судья, но уже поздно во времена Цицероновы, обѣщавъ удовлетвореніе обиженнымъ въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ не назначено никакого настоящими законами. Quae dolo malo facta esse dicentur, si de his rebus alia actio non erit, et causa justa esse videbitur, *judicium dabo* (*). Такими же

(*) Преторъ, предлагая эдиктъ, объявлялъ при томъ и особенные образцы, которые надобно было употреблять, чтобъ онъ сдѣлалъ послѣ исполненіе по оному. Первый Преторъ, давшій вышеозначенный эдиктъ, назывался Aquilius, какъ о томъ увѣдомляетъ Цицеронъ въ прекрасной своей Исторіи, извѣстной Ученымъ людямъ, упоминая о томъ

эдиктами Преторы опредѣлили удовлетворенія и замужнимъ женщинамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а равно и малолѣтнымъ, minoribus viginti quinque annis succurrit praetor etc. (*).

родѣ обмана, въ которомъ обвиняли напрасно Канія, Римскаго Кавалера, когда онъ купилъ загородный домъ и сады подлѣ Сиракузъ въ Сициліи. Цицеронъ кончитъ сіе повѣствованіе примѣчаніемъ, что Каній остался безъ управы, потому что Аквилій, его товарищъ и другъ, не обнародовалъ еще своихъ образцовъ о обманѣ. Quid enim faceret? Nondum Aquilius Collega et familiaris meus, protulerat de dolo malo formulas Off. III. 14.

(*) Собраніе или система законовъ, составленная изъ эдиктовъ, обнародованныхъ въ разныя времена Преторами, называлась jus praetorium, также jus honorarium (который не строго обязывалъ), законы двенадцати скрижалей, и тѣ, которые отъ времени до времени утверждаемы были въ собраніи народа, назывались по превосходству jus civile. Различіе было такое же, какое состоитъ въ Англіи между законами Земскими и постановленными и правомъ или практикою Совѣстныхъ Судовъ. Обѣ части судебной должности Претора были совсѣмъ различны, а сверхъ того въ рѣшеніяхъ его, какъ Судьи гражданскаго права, или какъ Совѣстнаго Судьи, была та разность, что

Совѣстные Суды, учрежденные въ Англіи, распорядили также великое множество случаевъ, или такихъ исковъ, по которымъ не могутъ дать управы ординарные суды, связанные своими обрядами и особенными догматами о правѣ. Такимъ образомъ могутъ они въ нѣкоторыхъ случаяхъ принимать иски въ пользу и противъ дѣтей, не смотря на ихъ малолѣтство — и въ пользу и противъ замужнихъ женъ, не смотря на защищеніе ихъ мужей. Сіи послѣднія могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ вступать въ тяжбу и съ мужьями своими въ Совѣстномъ Судѣ. Душеприкащиковъ можно принудить къ платежу роста за деньги, давно хранящіяся въ ихъ рукахъ. Совѣстные Суды могутъ назначить коммисію для выслушанія показаній отлучныхъ свидѣтелей; за недостаткомъ другихъ доводовъ, требовать присяги отъ одной или другой стороны, или въ подобномъ случаѣ принудить купца показать свои книги. Они могутъ также подтвердить право на землю, хотя крѣпость утрачена и проч.

первыя, основываясь на jus civile, были всегдашнія, а послѣднія надлежало предлагать въ теченіе года; и потому назывались они actiones annuae, или actiones praetoriae, такъ какъ предшедшія назывались actiones civiles, или actiones perpetuae.

Власть Совѣстныхъ Судовъ въ Англіи, изъ которыхъ главный есть Палата Канцеляріи, произошла конечно отъ права, принадлежавшаго уже ей составлять и давать Риты. Когда встрѣчались новые затруднительные случаи, по которымъ надобенъ былъ новый Ритъ, то Судьи Канцеляріи, признавая нужнымъ безостановочное теченіе правосудія, а притомъ не хотя сдѣлать общаго и непремѣннаго положенія по вступившимъ къ нимъ дѣламъ составленіемъ новыхъ Ритовъ, Судьи, говорю, приказывали обѣимъ сторонамъ приходить въ Судъ для полученія отъ нихъ, сколько возможно, полнаго свѣденія о подробностяхъ дѣла, и послѣ дѣлали приговоръ по оному, какъ будто для опыта.

Такому началу и такимъ обстоятельствамъ конечно обязаны Совѣстные Судьи въ Англіи нынѣшнимъ своимъ установленіемъ. Имѣя теперь точное понятіе о власти Градоначальства и Судей, трудно себѣ вообразить, чтобъ такіе Трибуналы, сколь ни полезные, могли быть уполномочены. Въ самомъ дѣлѣ судопроизводство ихъ встрѣчало сопротивленіе и при самомъ ихъ учрежденіи; а послѣ, да еще и въ царство Елисаветы, рѣшено по дѣлу *Коллестона и Гарднера*, что убить *Секвестра* (Sequestre) Палаты Канцеляріи въ отправленіи его должности не есть убійство, которое рѣшеніе могло быть основано

единственно на томъ, что порученіе секвестра, а слѣдовательно и власть уполномочившихъ его не законны (*).

Между тѣмъ власть сихъ Трибуналовъ современемъ утвердилась; одна изъ частей, составляющихъ законодательство, принимаетъ и теперь аппелляціи на приговоры, въ нихъ учиненные, и я не сомнѣваюсь, чтобъ не можно было представить многихъ актовъ цѣлаго законодательства, въ которыхъ законность ихъ вообще признана.

Слѣдующій порядокъ вошелъ современемъ въ Канцелярію, относительно къ производству дѣлъ. По подачѣ прошенія въ сію Палату, посылается Ритъ *Subpœna* къ виновному, чтобъ явился въ судъ. Если онъ того не исполнитъ, то велятъ схватить его; а ежели отвѣтствовано будетъ *non inventus*, то есть, ежели его не найдутъ, то объявляется о сыскѣ его въ Газетахъ; по

(*) Въ бытность Кавалера Эдуарда Кука Президентомъ Кингсбенча, а Милорда Элсмера Великимъ Канцлеромъ при Іаковѣ II, происходилъ жестокій споръ между Судами Ординарными и Совѣстными, о которомъ упоминается въ Гл. 4. III книги Толкованій Судьи Блакстона. Въ семъ сочиненіи можно былобъ писать пространнѣе о Совѣстныхъ Судахъ.

томъ дается приказъ поймать его, какъ ослушника и посадить въ Флитскую тюрьму. Ежели обвиняемый всё не уважаетъ разныхъ сихъ приказанїй, то посылаютъ Экзекутора взять его подъ стражу, а если сего сдѣлать не льзя, то кладутъ запрещенїе на недвижимое его имѣнїе, пока не явится въ Судъ. Такую власть нечувствительно пріобрѣла Палата Канцеляріи, какъ Совѣстный Трибуналъ, для принужденїя къ явкѣ въ Судъ. Что касается до исполненїя ея рѣшенїй, то, кажется, не имѣетъ она въ томъ такого успѣха; по меньшей мѣрѣ Авторы, писавшїе о правѣ, которыхъ удалось мнѣ видѣть, полагаютъ за правило, что Палата Канцеляріи можетъ взять только человѣка, а не имѣнїе; слѣдовательно, кто не захочетъ повиноваться ея Указамъ, того должно только заключить въ Флитскую тюрьму (*).

(*) Палата Канцеляріи была, чаятельно, установлена первая изъ двухъ Совѣстныхъ Судовъ; какъ верьховный Трибуналъ въ Государствѣ, могла она лучше составить учрежденіе такой должности, или власти, которая натурально долженствовала сперва подать поводъ ко многимъ возраженіямъ. Экскекерская Палата, какъ можно предполагать, послѣдовала только примѣру Палаты Канцеляріи, а чтобъ тѣмъ лучше утвердить новую власть,

При семъ случаѣ примѣчу, что власть Великаго Канцлера Англiйскаго, какъ Совѣстнаго Судьи, ограничена тѣснѣе той, какую могли употреблять Преторы Римскiе. Въ нихъ заключалась сугубая должность рѣшить дѣла по праву гражданскому (jus civile) и по праву Преторскому, или по закону совѣсти; не было также другаго Трибунала, который бы надзиралъ за ними: отъ чего приговоры ихъ въ Совѣстныхъ Судахъ были очень произвольные. Вопервыхъ не полагали они себѣ за непремѣнное правило прилѣпляться къ содержанiю собственныхъ своихъ эдиктовъ чрезъ весь годъ своей должности, а присвоивали себѣ право перемѣнять ихъ по своей волѣ. Въ поправленiе столь великаго недостатка въ судопроизводствѣ сдѣланъ законъ въ 687 мъ году отъ построенiя Рима (за нѣсколько времени до Цицерона), названный Lex Cornelia, по имени К. Корнелiя, народнаго Трибуна, который предложилъ его при Консульствѣ К. Пиза и Ман.

ею присвоенную, признала даже за нужно употребить всю зависящую отъ нея силу; такимъ образомъ, какъ Казначей, такъ и Канцлеръ Экчекера засѣдаютъ (или почитается, что засѣдаютъ) въ семъ Трибуналѣ, когда онъ собирается, какъ Совѣстный Судъ.

Глабрія. Симъ закономъ предписано было Преторамъ дѣлать свои рѣшенія всегда по собственнымъ эдиктамъ, не перемѣняя въ нихъ ничего чрезъ весь годъ своей Префектуры. Нѣкоторые новѣйшіе Юрисконсульты предъявляютъ о томъ же какое-то Сенатское опредѣленіе, изданное, по ихъ словамъ, за сто лѣтъ прежде; но другіе сомнѣваются въ его подлинности; между тѣмъ, ежели положимъ, что это справедливо, то установленіе вышепомянутаго закона показываетъ, что оно не столько было уважаемо, сколько надлежало.

Хотя произвольная Преторская власть, о которой говорили мы прежде, была ограничена; однако оставалась у нихъ еще другая привиллегія, столь же вредная, а именно та, что каждый новый Градоначальникъ, при вступленіи въ должность, воленъ былъ принимать тѣ только эдикты своихъ предмѣстниковъ, какіе разсудитъ за благо, а прочіе отвергать; изъ чего слѣдовало, что законы, или эдикты Преторскіе, хотя изданы на такое великое множество важныхъ случаевъ, оставались въ силѣ чрезъ одинъ только годъ, пока Преторская должность продолжалась (*).

(*) Сіи эдикты ихъ Предмѣстниковъ въ должности, которые угодно было Преторамъ принять, назывались edicta tralatitia, а которые объявляли они

До временъ Императора Адріана не было сдѣлано никакого учрежденія для дополненія сего недостатка въ Римскомъ законовѣденіи, что служитъ другимъ явнымъ доказательствомъ, съ какою крайнею медленностію приступаютъ къ разпоряженіямъ полезнымъ, касающимся до общаго блага каждой націи. Въ царство реченнаго Императора собраны по его Указу полезнѣйшіе эдикты прежнихъ Преторовъ, или лучше сказать, составленъ одинъ общій эдиктъ, долженствовавшій служить правиломъ для всѣхъ гражданскихъ Судей въ ихъ рѣшеніяхъ, и по сей причинѣ названный всегдашнимъ эдиктомъ (perpetuum edictum). Сей эдиктъ, хотя и не существуетъ болѣе, прославился вскорѣ. Всѣ тогдашніе Юрисконсульты дѣлали на него толкованія; и самъ Императоръ признавалъ совершеніе такъ великаго труда дѣломъ, толь славнымъ для его царствованія что почиталъ себя вторымъ Нумою (*).

сами (съ перемѣнами, учиненными въ прежнихъ), тѣ назывались edicta nova, по причинѣ вышеупомянутой власти, которую употреблялъ попеременно каждый новый Преторъ. Эдикты ихъ отличались иногда названіемъ leges annuae, законовъ годовыхъ. Смот. Orat. in ver. 1. 42.

(*) Сдѣлано много еще другихъ большихъ собраній законовъ, послѣ сказаннаго вѣчнаго эдикта; ибо

Но въ Англіи Совѣстные Суды, хотя современемъ присвоили себѣ пространное вѣдомство, однако никогда не захватывали власти другихъ Трибуналовъ; ибо сіи послѣдніе существуютъ и теперь на прежнемъ основаніи и всегда обуздывали новости и вообще предпріятія первыхъ. Здѣсь же можно примѣтить, какія чрезвычайныя и сильныя средства употребляли съ одной и другой стороны Трибуналы обоихъ родовъ, чтобъ удержать въ равновѣсіи взаимную власть. Изключительною своею привиллегіею, составлять и посылать *Риты*, Палата Канцеляріи могла препятствовать ординарнымъ Три-

---

между Римскими Императорами былъ родъ поревнованія въ разсужденіи приращенія законовъ. Напослѣдокъ, въ царствованіе Юстиніана, издано славное собраніе, названное Юстиніановымъ Уставомъ, который, подъ разными заглавіями, содержитъ въ себѣ Римскіе законы, эдикты Преторовъ и рескрипты, или отписки Императоровъ, и всѣ они были подтверждены. Это произшествіе походитъ много на то, которое послѣдуетъ въ Англіи, ежели когда нибудь согласятся между собою ординарные и Совѣстные Суды. Тогда оба рода Трибуналовъ будутъ равномѣрно принуждены приноровлять свои рѣшенія ко всѣмъ прежнимъ рѣшеннымъ случаямъ, или по меньшей мѣрѣ къ тѣмъ, которые можно будетъ собрать и составить изъ нихъ одно уложеніе законовъ.

буналамъ присвоить себѣ расправу новыхъ дѣлъ, не разпоряженныхъ никакимъ существующимъ закономъ, и такимъ образомъ соединить въ себѣ власть Судей Правоты и Земскаго Права, чего надобно было опасаться. Съ другой стороны ординарные Трибуналы одни только имѣютъ право назначать наказанїе, или опредѣлять удовлетвореніе въ случаяхъ насилїя, которыхъ Совѣстнымъ Судамъ рѣшить не льзя, и симъ способомъ были въ состоянїи положить преграду ихъ предпріятїямъ и препятствовать, чтобъ они не сдѣлались Трибуналами Общаго Права и Правоты, которое соединеніе также опасно.

Изъ теперешняго положенїя Совѣстныхъ Судовъ въ Англїи относительно къ ординарнымъ Трибуналамъ произошло то, что они дѣйствительно остались въ такихъ границахъ, которыя можно назвать точными въ разсужденїи свойства ихъ должностей. Во-первыхъ не могутъ они нарушить ни постановленїй Парламента, ни заведенныхъ обычаевъ другихъ Трибуналовъ, а еще менѣе уничтожить приговоры, учиненные въ сихъ послѣднихъ, какъ иногда поступали Римскїе Преторы съ рѣшенїями своихъ предмѣстниковъ, а иногда и съ своими. Совѣстнымъ Судамъ не льзя мѣшаться и въ такїя дѣла, по которымъ другїе Трибуналы могутъ доставить управу. Да ординарные

Трибуналы и защищали предѣлы своей власти съ такимъ мужествомъ, что воспретили Совѣстнымъ Судамъ употреблять способъ назначенія присяжныхъ, такъ что когда въ начатомъ уже дѣлѣ, которое должно разбирать въ Палатѣ Канцеляріи, тяжущіеся отдадутъ на судъ какое либо особенное обстоятельство (о справедливости, или лживости котораго должно рѣшить собранію присяжныхъ), въ такомъ случаѣ, говорю, Палата Канцеляріи принуждена отсылать дѣло въ Палату Кингсбенча для окончательнаго рѣшенія (*). Напослѣдокъ примѣръ правильности судопроизводствъ, употребительныхъ въ ординарныхъ Трибуналахъ, сообщился и Совѣстнымъ Судамъ; и въ сихъ Трибуналахъ рачительно ведутъ протоколы тяжебнымъ рѣчамъ, совѣщаніямъ и постановленіямъ для того, чтобъ впредь служили они правиломъ въ ихъ рѣшеніяхъ (**).

Изъ чего видно, что Совѣстный Судья не можетъ не только *смягчить и умѣрить*

(*) См. Кунингамовъ и Якововъ Словарь права.

(**) Начальникъ архива имѣетъ въ своемъ храненіи сіи протоколы, какъ и названіе его должности означаетъ. Должность его въ Палатѣ Канцеляріи весьма важна, поелику онъ можетъ слушать и рѣшить дѣла въ отсутствіи Великаго Канцлера.

(то есть перемѣнить) писаннаго права, или статутовъ, но ниже сдѣлать отмѣны въ неписанныхъ законахъ, то есть въ обрядахъ, заведенныхъ по другимъ Трибуналамъ, ни въ приговорахъ, сдѣланныхъ ими, ни мѣшаться въ такія дѣла, на которыя есть уже общее положеніе въ писанныхъ или неписанныхъ законахъ, и которые могутъ касаться до расправы ординарныхъ Судовъ.

Изъ всѣхъ вышеписанныхъ примѣчаній слѣдуетъ, что установленнымъ теперь въ Англіи Совѣстнымъ Судамъ можно сдѣлать такое опредѣленіе, что они суть родъ *нижняго* и *опытнаго* законодательства, старающагося безпрестанно находить и учреждать законныя пособія по дѣламъ, на которыя не судили еще за благо, или удобно уложить законъ ни ординарные Трибуналы, ни всё общество Юрисконсультовъ: причемъ не должны они мѣшаться въ такія дѣла, на которыя сдѣлано уже общее положеніе. Совѣстный Судья долженъ также въ рѣшеніяхъ своихъ держаться системы приговоровъ, учиненныхъ уже въ его Трибуналѣ, которыхъ протоколы для того рачительно хранятся.

Изъ сего послѣдняго обстоятельства явствуетъ еще, что Совѣстный Судья самимъ употребленіемъ своей власти безпрестанно

уменьшаетъ произвольную ея часть, поелику каждое новое дѣло, которое онъ рѣшитъ, и каждое предложенїе, которое дѣлаетъ, становится такимъ предѣломъ, коего, какъ можно справедливо ожидать, не преступятъ ни онъ, ни преемники его въ должности.

Въ заключенїе можно еще присовокупить, что аппелляцїи на приговоры, чинимые въ Совѣстныхъ Судахъ, подаются въ Верхнюю Камору Парламента. Сїе одно обстоятельство можетъ доказать, что Совѣстный Судья подлежитъ нѣкоторымъ установленнымъ правиламъ, *кромѣ одной природы и чистой совѣсти*: ибо аппелляцїя основывается единственно на томъ предположенїи, что нѣкоторыя правила сего рода не соблюдены.

Сїе разсмотрѣнїе Англїйскаго права распространилось гораздо далѣе, нежели я сперва себѣ предполагалъ, отъ чего, какъ вижу, прибавились и двѣ новыя главы въ семъ сочиненїи. Между тѣмъ признаюсь, мнѣ очень хотѣлось нѣсколько обстоятельнѣе писать о Совѣстныхъ Судахъ тѣмъ болѣе, что я примѣтилъ недостатокъ (который можно назвать Конституцїональнымъ), относительно къ произвольной власти сего

рода Трибуналовъ, поддерживаемой явнымъ мнѣнїемъ приказныхъ людей и искусныхъ практиковъ, и не нашелъ ни въ одной книгѣ, чтобъ кто-либо покусился явно опровергнуть его, или опредѣлить свойство и прямую цѣль Совѣстныхъ Судовъ.

ГЛАВА XI.

О Уголовномъ Судѣ.

Теперь намѣренъ я говорить о томъ, что хотя не почитается въ Англіи, да и не индѣ должно составлять части Конституціональныхъ властей, то есть прерогативъ, посредствомъ которыхъ Государственныя Правительства взаимно сохраняютъ равновѣсіе между собою; однакожъ необходимо нужно для частной безопасности, а потому самому и для самой Конституціи, а именно о Уголовныхъ Судахъ. Но прежде нежели начну изъяснять Англійскіе законы по сему предмету, прошу замѣтить нѣкоторыя вещи.

Нація, ввѣряя нѣсколькимъ людямъ или одному человѣку общественную силу, предполагаетъ себѣ двѣ вещи: одну, надежнѣе противиться внѣшнимъ нападеніямъ, а другую, сохранить внутреннюю тишину.

Чтобъ достигнуть первой цѣли, каждой жертвуетъ до нѣкоторой степени своею собственностію, а иногда и вольностію. Но хотя власть начальствующихъ въ Государствѣ можетъ отъ того быть весьма велика; однако не льзя сказать, чтобъ общественная вольность

подвергалась напослѣдокъ опасности ; ибо въ такомъ случаѣ, когдабъ Государь обратилъ противъ націи ту силу, которую долженъ употреблять только для ея защиты, нація, ежели она прямо вольная, то есть, ежели не имѣетъ политическихъ предразсудковъ, нашла бы довольно средствъ доставить себѣ безопасность.

Что касается до втораго предмета, то есть внутренней тишины : то каждый долженъ, кромѣ новыхъ пожертвованій своей вольности, пожертвовать еще, что гораздо важнѣе, и частію личной своей безопасности.

Законодательная власть, долженствуя, по свойству человѣческихъ дѣлъ, избирать любое, или подвергнуть частныхъ людей опасностямъ, которыя можетъ она гораздо уменьшить, или допустить въ Государствѣ безпредѣльные безпорядки насилія и безначалія, принуждена сдѣлать, чтобы каждый изъ его членовъ подлежалъ ударамъ публичной силы, и, лишая ихъ выгоды общественнаго договора, оставить при личной слабости противъ власти исполнителей законовъ, относительно безмѣрной.

Да еще вмѣсто того что сія власть долженствовала въ первомъ случаѣ испытать столь великое противодѣйствіе, не должно

дѣлать ей никакого упорства въ семъ послѣднемъ, и законъ принужденъ запрещать и самое покушенїе сопротивленїя. И такъ, чтобъ обуздать толь опасную власть и разпорядить, чтобъ она употребляема была къ достиженїю своей цѣли, то есть, истинно и единственно къ сохраненїю порядка, законодательство должно само себя превзойти.

Но при семъ надобно замѣтить, что чѣмъ болѣе преимуществъ предоставила себѣ нацїя, слѣдственно чѣмъ болѣе предѣловъ положила власти исполнителей законовъ, тѣмъ рачительнѣе должно изыскивать и предосторожности.

Въ Государствѣ, гдѣ по теченїю обстоятельствъ дошло до того, что воля Государя занимаетъ мѣсто закона, разпространяетъ онъ самопроизвольно и безпрепятственно общее утѣсненїе; даже запрещены жалобы, и каждый частный предметъ, сокрытый отъ его глазъ, находитъ родъ безопасности въ своемъ ничтожествѣ. А малое число приближенныхъ къ нему, будучи съ другой стороны орудїями его великости, должны страшиться только его прихотей; опасность, отъ коей они предохранены до нѣкоторой степени, если во нравахъ господствуетъ сколько нибудь кротости.

Но въ Государствѣ, гдѣ исполнители законовъ встрѣчаютъ на каждомъ шагу преятствія, страсти ихъ и самыя сильныя безпрестанно волнуются, и сія часть публичной силы, то орудіе въ ихъ рукахъ, которымъ они должны доставлять тишину Государству, легко превращается въ опаснѣйшее оружіе.

Возьмемъ сперва самый благопріятный случай и положимъ, что Государь имѣетъ во всемъ самыя праведныя намѣренія; положимъ еще, что никогда не внимаетъ онъ внушеніямъ тѣхъ, которымъ нужно его обманывать, но онъ будетъ подверженъ заблужденію; а это заблужденіе, хотя произходитъ только отъ его усердія о благѣ общемъ, можетъ однакожъ побудить его поступать такъ, какъ будто имѣетъ онъ совсѣмъ противные тому виды.

Въ случаяхъ, которые могутъ представиться (а они будутъ часто представляться), принести пользу Государству съ нарушеніемъ правилъ, потому что съ одной стороны ободряетъ его правота намѣреній, а съ другой не натурально, чтобъ онъ употребилъ много проницанія открыть непріятныя слѣдствія поступковъ, на которые и по добродѣтели своей охотно соглашается, не увидитъ онъ, что, для достиженія на-

стоящей выгоды, наноситъ ударъ законамъ, охраняющимъ націю, и что поступки сіи, столь похвальные по своему началу, дѣлаютъ ту брешу, черезъ которую должно нѣкогда войти тиранству.

Сверьхъ того покажутся ему непонятными и жалобы, которыя можно будетъ приносить: упорство въ нихъ почтетъ онъ весьма обиднымъ, самолюбіе непримѣтно будетъ оскорблено. Онъ станетъ производить съ жаромъ то, что началъ съ холодною кровью; и если законы всего не разпорядили, можно ему будетъ чистосердечно поступать, какъ съ врагами Государства, съ такими людьми, которыхъ преступленіе будетъ только то, что имѣютъ болѣе свѣденій, нежели онъ, или что находились въ лучшемъ положеніи судить о дѣйствіи вещей.

Но мы сдѣлаемъ много чести человѣческой природѣ, если предположимъ, что случай Государя, не имѣющаго никогда намѣренія умножить свою власть, есть обыкновенный случай. Опытъ свидѣтельствуетъ напротивъ того, что и самые щастливые характеры не противятся искушенію власти. Она тогда только имѣетъ прелести, когда приводитъ въ состояніе итти далѣе; власти же противно и самое воображеніе узъ, а потому и не перестаетъ она безпокоиться, пока напослѣдокъ не освободится отъ нихъ.

Мы сказали, что невозможно изпровергнуть явно всѣхъ препонъ, и сдѣлаться вдругъ самовластнымъ Государемъ; но съ другой стороны права націи, ограничивающія Государево, могутъ тогда только имѣть дѣйствіе, когда будутъ приведены въ движеніе частными людьми; открываетъ же глаза націи то гражданинъ публичностію и силою своихъ жалобъ, то дѣйствительный Членъ Законодательнаго Собранія, предлагающій законы, чтобъ отвратить злоупотребленіе власти; почему Государь и устремитъ свои усилія противъ сихъ частныхъ людей (*).

Онъ это сдѣлаетъ неотмѣнно тѣмъ болѣе, что, по обыкновенному заблужденію правящихъ, будетъ думать, что сопротивленіе, хотя общее, которое дѣлается ему, зависитъ только отъ одной или двухъ головъ, и расчитывая съ одной стороны, сколь малое препятствіе надобно преодолѣть, а съ другой, какую рѣшительную выгоду получитъ отъ одного только удара, который, кажется ему, должно сдѣлать, будетъ онъ возбуждаемъ отчаяніемъ властолюбія, видящаго близкую

(*) Подъ именемъ Государя разумѣю всѣхъ тѣхъ, которые съ какимъ нибудь титуломъ и въ какомъ бы то ни было Государствѣ управляютъ дѣлами.

свою неудачу и ненавистію жесточайшею изъ всѣхъ, то есть, тою, которой предшествовало презрѣніе.

Въ томъ предположеніи, которое я всегда дѣлаю о націи прямо вольной, Государь не можетъ и помыслить о употребленіи военной силы. Такое нарушеніе общественнаго договора, купно съ ужасомъ средства, неотмѣнно подвергнулобъ его опасности. Но какъ съ другой стороны клялся онъ поставить на своемъ, то, за недостаткомъ другихъ способовъ, обратитъ всю дѣятельность со стороны средствъ, предоставленныхъ ему закономъ, употреблять публичную силу, и если въ ономъ не разпоряжено, такъ сказать, всего, то малыми предосторожностями, принятыми закономъ, станетъ прикрывать свои несправедливости, будетъ стремиться насильно къ цѣли своей, говоря безпрестанно о благѣ общемъ, и истребитъ защитниковъ закона, ограждаясь введенными обрядами (*).

(*) Еслибъ кто сталъ меня обвинять въ томъ, что я укоряю природу человѣческую, что ее одну только обвиняю: то я попросилъ бы его взглянуть на Исторію Лудовика XI и Ришелье, а особливо на Англійскую до революціи; онъ увидѣлъ бы, что властолюбіе усугубляло хитрость и дѣя-

Сверхъ того, кромѣ настоящихъ несчастій, какія можно будетъ ему сдѣлать, если законодательство не вступится заранѣе, нанесетъ онъ удары самой Конституціи, и когда ужасъ сдѣлается общимъ, то каждый будетъ связанъ въ Государствѣ, по видимому вольномъ.

И такъ, для безопасности не только гражданина, но и самаго Государства, потребны величайшія предосторожности въ учрежденіи нужной, но страшной власти назначать наказанія.

Первая, да и такая, безъ которой не льзя отвратить опасностей, должна быть та, чтобъ означенная власть не зависѣла отъ воли, ниже отъ вліянія того, въ чьихъ рукахъ находится общественная сила.

Вторая необходимая предосторожность та, чтобъ не поручать этой власти Законодательному Собранію, и сія предосторожность, столь нужная въ каждомъ Государствѣ, гораздо еще нужнѣе, когда въ законодательной власти принимаетъ дѣйствительное участіе только малая часть націи.

тельность по мѣрѣ того, какъ оно теряло средства къ удовольствованію себя.

Если бы судебная власть находилась въ рукахъ законодательной части народа, то произошлобъ отъ сего не только то неудобство столь великое, что она былабъ независима, но и то крайнее зло, что не былобъ уже того, что составляетъ сходство сей части съ цѣлымъ, то есть, общаго подверженія одинакимъ правиламъ. Законодательное Собраніе, которое не могло бы, не губя себя самаго, установить явно и законами извѣстія въ пользу своихъ Членовъ, ввело бы ихъ своими приговорами, и народъ далъ бы себѣ властелиновъ, назначая Депутатовъ.

И такъ судебная власть должна неотмѣнно принадлежать обществу, подчиненному, и подначальному не по частнымъ своимъ актамъ, по которымъ надобно ему быть, такъ сказать, святилищемъ, а въ отношеніи къ своимъ правиламъ и обрядамъ, которые предписываетъ ему законодательная власть. Какъ же составить сіе общество? Для этого надобны еще новыя предосторожности.

Въ Государствѣ, гдѣ Государь самовластенъ, большія судебныя общества очень приличны, потому что до нѣкоторой степени ограничиваютъ они лицепріятіе, необходимое слѣдствіе сего рода правленія.

Сверхъ того сіи общества, каковыбъ ни были ихъ преимущества, будучи существен-

но весьма слабы въ Государствѣ, могутъ пріобрѣсть себѣ уваженіе отъ народовъ только своею правотою и постояннымъ наблюденіемъ нѣкоторыхъ правилъ и обрядовъ, а тѣмъ удерживая и самаго Государя, отнимаютъ у него охоту дѣлать ихъ орудіями своихъ прихотей (*).

(*) Здѣсь въ виду Французскіе Парламенты, а особливо Парижской, который, предводительствуя всѣми прочими, составляетъ такъ важное собраніе, что его, какъ четвертый чинъ, звали иногда въ собраніе Генеральныхъ Штатовъ. Сіе общество, котораго вѣсъ тѣмъ важнѣе, что его Члены занимаютъ свои мѣста по жизнь, имѣло всегда упомянутую выгоду устрашать, и не смотрѣть ни на какую боязнь и лицепріятіе въ отправленіи суда, какъ уголовнаго, такъ и гражданскаго. И такъ трудно было Двору съ нимъ управляться, что Министры принуждены были иногда назначать особыхъ Судей, или Коммисаровъ для произведенія суда надъ тѣми, которыхъ хотѣли погубить.

Но сія выгода мѣстна только и относится единственно къ Французскому правленію, которое есть самовластная Монархія съ большими остатками Аристократіи. Въ вольномъ Государствѣ такое сильное собраніе, имѣющее власть рѣшить о жизни, чести и собственности гражданъ, было бы весьма опасно, какъ-то скоро показано

Но въ Монархіи, истинно ограниченной, то есть въ такой, гдѣ Государь по праву и на дѣлѣ подчиненъ законамъ, сіи большія судебныя общества были бы противны началу Конституціи, требующей, чтобъ нигдѣ не существовало власти болѣе того, сколько надобно для предположенной цѣли. Сверхъ же сего такой избытокъ могъ бы сдѣлаться весьма опаснымъ въ превратностяхъ колебанія, неизбѣжнаго въ такомъ Государствѣ.

Сверхъ того, какъ страхъ, по необходимости вперяемый сими обществами, рѣшительная выгода, когда надобно дополнять слабость законовъ, безполезенъ въ такомъ Государствѣ, гдѣ вся сила націи на ихъ сторонѣ: то онъ произвелъ бы и то неудобство, что заставилъ бы тамъ бояться чего нибудь инаго, кромѣ того, чего точно надобно страшиться.

Положу, что сіи большіе Трибуналы сохранятъ въ разныхъ произшествіяхъ все праводушіе, которымъ отличаются они въ Госу-

---

будетъ; а особливо былобъ оно опасно, еслибъ такіе Судьи имѣли въ Британскомъ Государствѣ ту власть, какую они имѣютъ во всѣхъ прочихъ Государствахъ на свѣтѣ, рѣшить какъ о правѣ, такъ и о дѣлѣ.

дарствахъ иной Конституціи; не будутъ освѣдомляться о кредитѣ, а еще менѣе о политическихъ мысляхъ тѣхъ, которыхъ участь они призваны рѣшить. Но какъ сіи выгоды не основаны на существѣ вещей, и власть ихъ, кажется, не взыскиваетъ отъ нихъ столь много добродѣтели: то можетъ быть утвердилось бы то опасное мнѣніе, что благоразуміе требуетъ не одного сообразованія законамъ; гражданинъ, призванный въ той сферѣ, въ которую поставила его фортуна защищать свои и національныя права, устрашился бы слѣдствія такого даже законнаго поступка, и хотя бы законъ его и успокоивалъ, могъ бы оробѣть передъ его служителями.

Въ собраніи призванныхъ быть его Судьями гражданинъ не видѣлъ бы можетъ быть своихъ враговъ; но не видѣлъ бы и такихъ людей, которые, по сходству обстоятельствъ, захотѣлибъ заботиться о его участи; и когда бы знатность ихъ соединилась особливо съ ихъ множествомъ, то показалось бы ему, что она освобождаетъ ихъ отъ того, что обуздываетъ несправедливость тамъ, гдѣ законъ не могъ положить иной преграды, то есть отъ попрековъ Публики.

Робость его гораздо умножилась бы, еслибъ допущеніемъ Юриспруденціи, принятой въ

нѣкоторыхъ Государствахъ, сіи Трибуналы, столь уже страшные, облеклися въ нѣкоторый родъ тайны и сдѣлались, такъ сказать, неприступными (*).

(*) Это касается до тайности Судопроизводства, наблюдаемой во всей Европѣ при отправленіи Уголовнаго Суда по правиламъ Римскаго Гражданскаго права. По заключеніи обвиняемаго въ темницу, отлучается онъ отъ общества всѣхъ людей, пока выдержитъ допросъ. Къ допросу его назначается одинъ, или двое Судей, и онъ бываетъ одинъ передъ ними въ какой нибудь темничной каморѣ. Свидѣтелей выслушиваютъ особо, а ему позволяютъ видѣться съ ними уже по взятіи съ нихъ сказокъ; тогда сводятъ ихъ на очную ставку съ нимъ передъ всѣми Судьями, дабы свидѣтели могли видѣть, тотъ ли самой человѣкъ арестантъ, противъ котораго они показывали, и чтобъ арестантъ могъ съ своей стороны сказать, по чему онъ ими не доволенъ. Въ такомъ случаѣ отвергаютъ послушество тѣхъ свидѣтелей, которые явятся подозрительными; показанія другихъ подаются Судьѣ, такъ какъ и отвѣтъ заключеннаго, который долженъ предварительно утвердить сіи показанія, или объявить ихъ ложными, и ему вручаютъ копію со всѣхъ бумагъ, дабы онъ могъ приготовить свое оправданіе съ помощію стряпчаго, котораго позволяютъ ему тогда имѣть. Судьямъ, какъ уже сказано, принадлежитъ рѣшеніе того, что касается до права и дѣла, равно же

Онъ не могъ бы безъ ужаса помышлять о тѣхъ пространныхъ тюрьмахъ, въ которыхъ будетъ можетъ быть нѣкогда заключенъ, о тѣхъ невѣдомыхъ судопроизводствахъ, которымъ долженъ будетъ подвергнуться, о томъ совершенномъ отлученіи отъ общества другихъ людей, о тѣхъ продолжительныхъ и тайныхъ допросахъ, въ которыхъ оставшись одинъ безъ всякой помощи, можно ему будетъ отражать только страдательною обороною разнообразные вопросы людей, въ намѣреніяхъ коихъ онъ недостаточно успокоенъ,

---

и до всѣхъ обстоятельствъ, могущихъ случиться во время тяжбы, какъ-то допущенія свидѣтелей къ слушанію въ пользу заключеннаго и проч.

Сей родъ Уголовной Расправы можетъ быть полезенъ по тому только, когда можно открыть истину, разсмотрѣніе чего не принадлежитъ къ моей матеріи. Но при томъ заключенный такъ зависитъ отъ власти Судей, которые могутъ даже задержать его почти до тѣхъ поръ, пока имъ угодно, умножая, или откладывая его допросъ, что вездѣ, гдѣ она въ употребленіи, столь же страшно быть обвиняемымъ, какъ и виновнымъ, и что тамъ, сколько возможно, убѣгаютъ принимать на себя публичныя должности. Мы увидимъ скоро, какъ удивительно принаровленъ къ свойству вольнаго Государства образъ судопроизводства передъ присяжными.

и въ которыхъ сердце его, ослабѣвшее въ уединенїи, не будетъ подкрѣплено ни совѣтами его друзей, ни свиданїемъ съ тѣми, которые будутъ возсылать мольбы о его избавленїи. Безопасность гражданина и мнѣнїе о сей безопасности почти равно необходимы къ наслажденїю вольности и нужны къ ея соблюденїю; для чего не должно никогда терять изъ виду сихъ двухъ вещей въ учрежденїи судебной власти и, думаю, что въ семъ отношенїи можно положить за основанїе слѣдующїя правила:

Вопервыхъ припомню сказанное уже мною, что никогда не должно ввѣрять судебной власти независимому собранїю, а еще менѣе отдавать въ руки того, кому поручена уже сила общественная.

Присовокуплю, что обвиняемому должно имѣть всѣ возможныя средства къ защищенїю. Судопроизводство особливо должно быть публичное. Трибуналы и ихъ обряды должны быть такїе, чтобъ внушали почтенїе, не ужасъ. А дѣла должны быть такъ точно опредѣлены и границы такъ ясно означены, чтобъ ни исполнительная власть, ни сами Судьи не могли преступить ихъ безъ наказанїя.

Напослѣдокъ, поелику выгоду жить въ обществѣ должно необходимо пріобрѣтать не

токмо пожертвованіемъ нѣкоторой части вольности (пожертвованіе впрочемъ не трудное для умнаго человѣка въ Государствѣ, хорошо установленномъ); но и устрашительною уступкою одной части личной безопасности; словомъ, поелику всякая власть судебная есть зло, хотя и нужное, то не надобно пренебрегать ничего, что можетъ уменьшить опасность отъ нея; и какъ между тѣмъ есть такіе предѣлы, гдѣ человѣческой мудрости надлежитъ остановиться, какъ есть такой часъ, когда напослѣдокъ должно жертвовать безопасностію частнаго человѣка, и законъ долженъ предать его на судъ нѣкоторыхъ особъ, а именно, говоря откровенно, на рѣшеніе, до нѣкоторой степени произвольное: то надобно, чтобъ онъ сколько возможно отдалилъ тотъ часъ, въ который долженъ начаться произволъ, и чтобъ, когда гражданинъ призванъ будетъ видѣть участь свою, рѣшенную по невѣрнымъ свѣденіямъ совѣсти подобныхъ себѣ, разпорядилъ вещи такъ, чтобъ всегда находилъ онъ въ нихъ ходатаевъ, а соперниковъ никогда.

ГЛАВА XII.

Продолженіе той же матеріи.

За сими примѣчаніями, которыя счелъ я необходимо нужными для изъясненія духа уголовной Юриспруденціи, существующей въ Англіи, и въ чемъ она выгодна, приступлю теперь къ истолкованію оной.

По доносѣ на кого въ какомъ либо преступленіи, Судья, называемый въ Англіи *justice of peace* (Мирнымъ Судьею), даетъ приказаніе (*warrant*) взять его подъ стражу; но сей варрантъ можетъ содержать въ себѣ только повелѣніе о приводѣ обвиняемаго въ судъ; онъ долженъ его выслушать, отобрать на письмѣ его отвѣты, такъ какъ и разныя свѣденія. Ежели изъ сего разбирательства откроется, что то преступленіе, въ которомъ доносятъ, либо не учинено, или нѣтъ причины подозрѣвать обвиняемаго, то онъ долженъ освободить его безусловно. Еслижъ по изслѣдованію окажется противное, то долженъ требовать отъ обвиняемаго поруки въ томъ, что явится для отвѣта на обвиненіе, или въ случаѣ преступленій, за которыя положена въ законѣ уголовная казнь, отослать его дѣйствительно въ тюрь-

му для допроса и учиненія надъ нимъ приговора въ первыя засѣданія.

Но законъ принялъ въ пользу обвиняемаго не одну ту предосторожность, что велѣлъ его допрашивать, прежде нежели позволено будетъ заключить въ темницу, а предписалъ еще разсматривать его дѣло снова, пока онъ еще не подвергнутъ опасности судопроизводства. Въ каждое засѣданіе Шерифъ назначаетъ такъ называемое большее собраніе присяжныхъ (*grandjury*). Въ семъ собраніи должно быть болѣе 12, а менѣе 24 человѣкъ; оно составляется изъ самыхъ почтенныхъ людей въ Провинціи. Должность его есть разсматривать доказательства, представляемыя на каждый доносъ. Ежели не будетъ въ собраніи двенадцати человѣкъ, которые признаютъ обвиненіе основательнымъ, то обвиняемый немедленно освобождается. Если напротивъ того двенадцать человѣкъ согласно признаютъ доказательства достаточными, то говорятъ о обвиняемомъ, что онъ подъ судомъ, и удерживаютъ его для того, чтобъ послѣ произвесть надъ нимъ судъ.

Когда настанетъ день, въ которой должно сдѣлать окончательный приговоръ по доносу, то обвиняемый приходитъ въ Судъ. Судья, по прочтеніи ему *били*, содержащей

причины его задержанія, долженъ спросить его: какъ онъ хочетъ быть судимъ? На что онъ отвѣчаетъ: „*Богомъ и закономъ моего отечества*,“ требуя такимъ образомъ средствъ, позволенныхъ ему закономъ къ оправданію. Шерифъ назначаетъ тогда такъ называемое малое собраніе присяжныхъ (*petty jury*): сіе собраніе должно состоять изъ двенадцати человѣкъ, избранныхъ въ томъ Графствѣ, гдѣ преступленіе учинено, имѣющихъ за собою землю, которая приноситъ доходу по десяти фунтовъ стерлинговъ; отзывъ ихъ долженъ рѣшить, справедливоль, или несправедливо обвиненіе.

И какъ такимъ образомъ необходимо надобно было, чтобъ обвиняемый имѣлъ большее вліяніе на выборъ сихъ людей, отъ которыхъ судьба его зависитъ: то законъ далъ ему весьма важное, позволя многіе отводы.

Сіи отводы или подозрѣнія двояки: первое называется подозрѣніемъ *to the array* (*in universum*), которымъ отвергается все собраніе. Это бываетъ въ такомъ случаѣ, когда не льзя почитать Шерифа, составившаго оное за человѣка безпристрастнаго; на прим. буде онъ участникъ въ обвиненіи, или родственникъ, или свой доносщику, или вообще обиженному. Второй родъ подозрѣнія, называемаго *to the polls* (*in capita*) подает-

ся на присяжныхъ порознь, и Кавалеръ Кукъ раздѣляетъ его на четыре случая; называемое *propter honores respectum* существуетъ при разности состоянія. Такъ можетъ обвиняемый отвергнуть Лорда, котораго имя увидитъ въ спискѣ. Подозрѣніемъ *propter delictum* удаляется человѣкъ, обезславленный приговоромъ. Подозрѣніе *propter defectum* подается на присяжнаго (*juror*), иностранца, или не имѣющаго дохода съ земли, назначеннаго закономъ. Подозрѣніемъ *propter affectum* отводится всякой присяжной, которому нужно по чему нибудь, чтобъ обвиняемый былъ осужденъ, тотъ на пр., съ кѣмъ имѣетъ онъ вражду, съ кѣмъ у него тяжба, кто въ родствѣ или свойствѣ, или товариществѣ съ обвиняющимъ, или одного съ нимъ цеха и проч. (*). Напослѣдокъ, чтобъ успокоить и самое воображеніе обвиняемаго, законъ позволяетъ ему, безъ предосужденія разныхъ вышеписанныхъ отводовъ, отвергать еще двадцать присяжныхъ сряду *рѣшительно*, то есть, не объявляя причины (**).

(*) Когда обвиняемый изъ иностранцевъ, то и половина присяжныхъ должны быть иностранцы: что называютъ *jury de medietate linguae*.

(**) Когда по симъ разнымъ отводамъ истощится списокъ (*pannel*), который долженъ содержать въ себѣ 48 присяжныхъ, то назначаютъ другихъ

Когда напослѣдокъ составится собранїе присяжныхъ и они будутъ приведены къ присягѣ: то говорятъ, что судъ начался и доноситель представляетъ доказательства на свое обвиненїе. Но вопреки правилъ, предписанныхъ въ Римскомъ гражданскомъ уставѣ, свидѣтели дѣлаютъ свои показанїя въ присутствїи обвиняемаго: онъ можетъ предлагать имъ вопросы, представить свидѣтелей въ свою пользу, и требовать, чтобъ они утвердили свои показанїя присягою. Напослѣдокъ имѣетъ онъ стряпчаго, который помогаетъ ему не только въ разобранїи той статьи закона, которая можетъ быть сопряжена съ дѣломъ, но и въ объясненїи самаго дѣла, и наставляетъ, какїе вопросы дѣлать, или даже какїя обстоятельства ему полезны (*).

Сїи предосторожности взяты закономъ по обыкновеннымъ обвиненїямъ, а въ случаѣ доноса въ *высокой измѣнѣ* и *неуваженїи измѣны*, то есть, въ злоумышленїи на жизнь

по риту Судьи, въ которомъ сказано decem или octo tales, и называютъ ихъ tales.

(*) Однако это послѣднее обстоятельство постановлено закономъ только въ случаѣ измѣны. Оно введено единственно обычаемъ и послабленїемъ Судей.

Королевскую, или противъ Государства и не объявленiи (*), которые предполагаютъ партiю и сильныхъ доносителей, законъ далъ обвиняемому новыя средства.

Вопервыхъ никакого обвиненiя, кромѣ того, коимъ доказывается точно, что учинено посягательство на жизнь Королевскую, не льзя принимать по истеченiи трехъ лѣтъ послѣ преступленiя. 2е. Обвиняемый, независимо отъ разныхъ своихъ правъ *отверженiя*, можетъ рѣшительно отвергать до тридцати пяти присяжныхъ. 3е. Онъ можетъ избрать себѣ въ помощь двухъ стряпчихъ на все время судопроизводства. 4е. Чтобъ свидѣтели, которыхъ онъ можетъ представить, не были удалены, Трибуналы должны подавать ему, для побужденiя ихъ къ явкѣ, всѣ понудительныя средства, употребляемыя въ подобныхъ случаяхъ. 5е. За десять дней до приговора должно дать ему въ присутствiи двухъ свидѣтелей и за пять шилинговъ копiю со всего производства дѣла, означая въ ней всѣ обстоятельства, на коихъ основано обвиненiе, имя, мѣстопребыванiе и званiе присяж-

(*) Наказаніемъ за неоткрытіе положено конфисковать имѣніе и заключить въ темницу на весь вѣкъ.

ныхъ, также и всѣхъ свидѣтелей, которыхъ хотятъ поставить противъ него (*).

По объявленіи доносителемъ и обвиняемымъ своихъ доказательствъ, въ случаѣ измѣныль, или обыкновенныхъ преступленій, и по отвѣтѣ свидѣтелей на вопросы Судей ли, или присяжныхъ, одинъ изъ Судей начинаетъ говорить и вкратцѣ повторяетъ все существенное, что сказано съ обѣихъ сторонъ. Онъ объясняетъ присяжнымъ точное состояніе дѣла и подаетъ имъ свое мнѣніе не о дѣлѣ, а о статьѣ закона, которою могутъ они руководствоваться въ своемъ рѣшеніи. Послѣ того присяжные уходятъ въ ближнюю комнату, гдѣ должны оставаться, пока не согласятся между собою, безъ ѣды, питья и огня, если Судья не позволитъ иначе. Ихъ отзывъ (*veredictum*) долженъ быть только *виноватъ* или *не виноватъ* обвиняемый въ томъ дѣлѣ, въ которомъ на него доносятъ. Напослѣдокъ принято за коренное правило, что присяжные, осуждая, должны быть единодушны.

И какъ *разборъ* или *судъ* присяжными установленъ особливо для избавленія обвиняе-

---

(*) Стат. 7. Вил. III. гл. 3 и 7 Анна глав. 21. Сей послѣдній актъ долженствовалъ возъимѣть силу только по смерти покойнаго претендента.

мыхъ отъ рѣшенія особъ, которымъ ввѣрена какая либо постоянная власть (*), то мнѣніе, данное Судьею, не токмо не имѣетъ инаго вѣсу, кромѣ того, какой захотятъ дать ему присяжные, но сверхъ того отзывъ ихъ долженъ относиться и къ статьѣ закона, безпосредственно соединенной съ дѣломъ, то есть, они должны утвердить и существованіе нѣкотораго дѣянія и показать причину, для чего оно противно закону (**).

(*) Юній говоритъ очень хорошо, что цѣль или намѣреніе законовъ есть, не полагаться на то, что люди захотятъ сдѣлать, а брать предосторожности противъ того, что моглибъ они сдѣлать.

(**) Если не предпочтутъ сдѣлать *особеннаго приговора* или объявленія съ условіемъ. Когда присяжные (говоритъ Кукъ) сомнѣваются въ законѣ и намѣрены сдѣлать то, что справедливо: то рѣшатъ о произшествіи, употребляя сію клавзулу: et ſuper tota materia petunt diſcretionem juſtitiariorum inſt. IV. p. 41. Здѣсь должно примѣтить, что сіи слова Кука не оставляютъ никакого въ томъ сомнѣнія, что присяжные имѣютъ власть рѣшить и о законной статьѣ, принадлежащей къ спорному дѣлу: — власть, которую по всѣмъ отношеніямъ дѣлаетъ нужною Конституція, потому что арестантъ въ Англіи не можетъ отвергнуть Судьи такъ, какъ то позволено Римскимъ

Это столь нужно, что *обвинительная биля* должна неотмѣнно имѣть предметомъ сіи двѣ вещи. Такимъ образомъ *доносъ* въ измѣнѣ долженъ содержать, что упоминаемыя дѣла учинены въ точномъ смыслѣ измѣны (*proditorie*). *Доносъ* въ убійствѣ долженъ заключать въ себѣ, что преступленіе учинено *умышленно*. А *доносъ* въ воровствѣ, что вещь взята съ намѣреніемъ украсть: (*animo furandi*) и проч. (*).

Присяжные такъ властны въ своемъ отзывѣ, законъ такъ опасался, чтобъ предосторожности, приняты въ отношеніи къ нимъ, не возъимѣли, какъ-то очень часто случается, дѣйствія противнаго тому, како-

---

гражданскимъ правомъ, и по тѣмъ же причинамъ, для которыхъ онъ можетъ отводить свидѣтеля.

(*) Что собраніе присяжныхъ должно рѣшить и о дѣлѣ и о преступленіи, сопряженномъ съ онымъ, почитается такъ несомнѣннымъ правиломъ, что если бы сборъ голосовъ имѣлъ предметомъ только дѣйствительность дѣла противъ обвиняемаго, то Судья не могъ бы по сему назначить наказанія. Такимъ образомъ въ дѣлѣ *Вулфала*, обвиняемаго въ томъ, что печаталъ письмо Юнія къ Королю, присяжные сказали: виновенъ только въ томъ, что печаталъ и издалъ, почему арестантъ и оправданъ.

го весьма натурально было сперва ожидать, и чтобъ власть, учрежденная для побужденія ихъ къ наблюденію нѣкоторыхъ правилъ, не занялась вскорѣ отвращеніемъ ихъ отъ того, что принято за основаніе, что присяжный, подавая свое мнѣніе, не долженъ имѣть инаго правила, кромѣ того самаго мнѣнія, то есть, вѣрованія, происходящаго въ его умѣ отъ объявленныхъ съ разныхъ сторонъ дѣяній, отъ ихъ вѣроятности, отъ достовѣрности свидѣтелей, и даже всѣхъ прочихъ обстоятельствъ, о которыхъ можетъ онъ самъ имѣть свѣденіе. Вотъ какъ изъясняется *Главный Судья Гель* въ своей Исторіи о земскомъ законѣ, глав. XII. §. II:

„Присяжные должны взвѣсить и разсмотрѣть степень вѣры, какую заслуживаютъ свидѣтели, силу и важность ихъ показаній: въ чемъ, какъ я сказалъ выше, не обязаны они послѣдовать неотмѣнно правиламъ гражданскаго закона, на примѣръ, имѣть двухъ свидѣтелей для утвержденія дѣла, развѣ только въ случаѣ измѣны; ни отвергать свидѣтеля по тому, что онъ одинъ, и не всегда вѣрить двумъ свидѣтелямъ, если дѣло кажется имъ невѣроятнымъ по другимъ обстоятельствамъ. Ибо приговоръ дѣлается здѣсь не по одному показанію свидѣтелей, но и по объявленію присяжныхъ, потому что имъ самимъ можно имѣть свѣденіе о

несправедливости дѣла, которое свидѣтель утверждаетъ за истинное, или что свидѣтеля допустить не можно, и онъ не заслуживаетъ никакой вѣры, хотя ничѣмъ не опороченъ, и на основанїи того подавать свой голосъ (*).“

Ежели отзывъ гласитъ *не виноватъ* (not guilty), то обвиняемый освобождается и ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть судимъ снова за то же преступленїе. Еслижъ сказано виноватъ (*guilty*) тогда, но только тогда вступаютъ Судьи въ должность и объявляютъ наказанїе, положенное въ законѣ (**).

(*) Тѣ же начала и обряды наблюдаются и по гражданскимъ дѣламъ. Разность только та, что тогда не пріемлется *рѣшительный отводъ*.

(**) Когда обвиняемый изъ свѣтскихъ Лордовъ, то и онъ пользуется тѣмъ всеобщимъ правомъ, чтобъ судили его Перы; но порядокъ разнится тогда въ нѣкоторыхъ отношенїяхъ, вопервыхъ, что касается до числа присяжныхъ, то надобно повѣстить всѣмъ Перамъ, которые тогда отправляютъ ихъ должность, чтобъ явились по меньшей мѣрѣ за 20 дней напередъ. Вовторыхъ, когда судопроизводство случится во время засѣданій, то говорятъ, что оно происходитъ въ Верхней Каморѣ Парламента, и Перы соединяютъ тогда дол-

Но и въ сей должности не могутъ они поступать по своей волѣ, а должны неотмѣнно держаться точныхъ словъ закона; произвольное толкованіе не позволено; и преступленіе, какъ бы велико ни было, осталось бы безъ наказанія, еслибъ не подходило ни подъ какой случай, рѣшенный закономъ. Англійское законодательство не думало, чтобъ ненаказанность преступленія, то есть, такое зло, котораго слѣдствія можно тотчасъ отвратить новымъ закономъ, могла сравниться съ опасностію нарушенія преграды, толь важной для безопасности человѣка (*).

жность присяжныхъ съ Судейскою. Если бы Парламентъ не засѣдалъ, то было бы сказано, что судопроизводство происходитъ въ Палатѣ Главнаго Интенданта Англіи, должность, которая возобновляется только въ семъ случаѣ, и сей главный Интенданъ отправляетъ тогда званіе Судьи. Втретьихъ, единодушіе не нужно, а рѣшитъ большинство, состоящее по меньшей мѣрѣ въ 12 особахъ.

(*) Изъясню примѣромъ разборчивость Англійскихъ Судей въ семъ отношеніи. Когда Сиръ Генри Феррет арестованъ былъ по Указу, въ которомъ онъ названъ Кавалеромъ вмѣсто Баронета, то слуга его Ниэтингель, вступясь за него, убилъ Офицера. Объявлено, что, въ разсужденіи недоста-

Ко всѣмъ симъ предосторожностямъ, принятымъ въ законѣ для безопасности подданнаго, можно присовокупить такое обстоятельство, которое одно оправдалобъ то пристрастіе, съ каковымъ Англійскіе Юрисконсульты даютъ своимъ законамъ преимущество надъ Римскимъ гражданскимъ правомъ, а именно, что сіи законы отвергаютъ пытку (*).

Не повторяя сказаннаго о семъ предметѣ въ превосходномъ сочиненіи о преступленіяхъ и наказаніяхъ, скажу только, что пытка, сіе средство, столь отвратительное само по себѣ, имѣло бы, особливо въ вольномъ Государствѣ, весьма гибельныя слѣдствія.

точности Указа, убійство Офицера, который хотѣлъ исполнить по Указу, не есть настоящее убійство за тѣмъ, что Указъ не исправенъ; почему и объявленъ онъ не виноватымъ въ убійствѣ и душегубствѣ. Репорты Крога Р. III р. 371.

(*) Кукъ говоритъ въ третьемъ своемъ Институтѣ стран. 35, что когда Джонъ Голандъ Дюкъ Эксетерской и Вилліамъ дела Поль Дюкъ Суфольской хотѣли при Генрихѣ VI ввести Римское гражданское право, то начали пыткою, которой орудіе названо дочерью Дюка Эксетерскаго.

Неотмѣнно нужно было, отвергая ее, воспрепятствовать, чтобъ, подъ предлогомъ изысканія истины, невинный не былъ отданъ въ руки мстительныхъ его враговъ: надобно было сверхъ того избавить отъ нее и самаго уличеннаго виновнаго, изгнать совершенно такое средство, отъ котораго произошло бы то неизбѣжное слѣдствіе, что не было бы конца доносамъ (*).

Чтобъ отнять и самую возможность злоупотребленія, судъ производитъ неотмѣнно публично. Виноватый приходитъ и отвѣчаетъ въ такихъ только мѣстахъ, куда входъ не возбраненъ никому. Свидѣтели

(*) Судья Фостеръ объявляетъ, по словамъ Витлока, что когда Лондонской Епископъ сказалъ Фельтону, убившему Дюка Букингамскаго, чтобъ, если не хочетъ оговорить своихъ сообщниковъ, готовился къ пыткѣ: то онъ отвѣчалъ: *Если такъ, то не знаю, кого можно будетъ мнѣ оговорить въ жестокости мукъ; можетъ быть самаго Епископа Лауда, или какую нибудь другую особу сего Суда.* — Прекрасное разсужденіе! присовокупляетъ Фостеръ, въ устахъ бѣшенаго и злодѣя; когда же, по нѣкоторыхъ прѣніяхъ, Лаудъ предложилъ о пыткѣ, то всѣ Судьи единодушно объявили, что Англійскіе законы не позволяютъ употреблять пытки.

дѣлаютъ свои показанія, Судья подаетъ свое мнѣніе, присяжные произносятъ свой приговоръ предъ лицемъ всего народа. Напослѣдокъ Судья не можетъ перемѣнить ни мѣста, ни образа исполненія по приговору, и Шерифъ, который лишилъ бы жизни человѣка, не такъ какъ законъ предписываетъ, былъ бы повиненъ въ убійствѣ и за то сужденъ (*).

Словомъ, Англійская Конституція, какъ вольная, требовала по сему одному (такъ какъ не льзя довольно того повторять, еслибъ можно было слишкомъ часто повторять такую коренную истину) чрезвычайныхъ предосторожностей, дабы отвратить опасность власти назначать наказанія; особливо разборъ присяжными, если разсмотрѣть его въ семъ разумѣ, есть, кажется удивленія достойное установленіе.

Симъ установленіемъ судебная власть совсѣмъ взята изъ рукъ не только имѣющаго исполнительную власть, но и самаго Судьи. Не только тотъ, кому ввѣрена общенарод-

---

(*) И еслибъ кто иной, кромѣ Шерифа, взялъ на себя исполненіе смертной казни, хотябъ то былъ самъ Судья, то будетъ убійцею. Толкованія Блакстона книга IV глав. 14.

ная сила, не можетъ употреблять ее, пока не получитъ позволенія на то, такъ сказать, отъ тѣхъ, кому поручены законы, но такое же точно препятствіе удерживаетъ и ихъ самихъ, и они не могутъ объявить рѣшенія закона, пока въ свою очередь не получатъ на то позволенія.

А тѣ люди, которымъ законъ далъ исключительную власть рѣшить, слѣдуетъ ли назначить наказаніе, сіи люди, безъ согласія которыхъ исполнительная и судебная власти осуждены къ бездѣйствію, не составляютъ между собою постояннаго и такого собранія, въ которомъ успѣлибъ они увидѣть, въ чемъ власть ихъ можетъ послужить къ частной ихъ пользѣ; сихъ людей берутъ вдругъ изъ среди народа; они можетъ-быть не были никогда призываны на такую должность и не предвидятъ, что когда-либо будутъ опять къ тому призваны.

Поелику многочисленные отводы опровергаютъ съ одной стороны пронырства тѣхъ, которые, не смотря на столь многія невыгоды, хотѣлибъ упорствовать въ употребленіи судебной власти для достиженія своихъ видовъ, а съ другой исключаютъ частныя страсти: то единое чувствованіе, могущее имѣть вліяніе на праводушіе тѣхъ, которые

одни имѣютъ право приводить въ движенїе публичную силу въ часъ ввѣренной имъ власти, есть воспоминанїе, что судьба ихъ, какъ гражданъ, сопряжена съ участїю того, чей жребїй должны они рѣшить.

Наконецъ это щастливое установленїе таково, что судебная власть, сїя сама по себѣ столь страшная власть, которая располагаетъ безъ сопротивленїя жизнїю, честїю и имѣнїемъ гражданъ и, не взирая на всѣ предосторожности, какїя можно взять для ея ограниченїя, должна совсѣмъ тѣмъ остаться по большой части произвольною; эта власть, говорю, существуетъ въ Англїи, соотвѣтствуетъ во всемъ цѣли своего установленїя и ни въ чьихъ рукахъ не находится (*).

Во всемъ, что впрочемъ сказано мною о выгодахъ уголовной Юриспруденцїи, принятой въ Англїи, имѣлъ я въ виду только

(*) Слѣдствїемъ сего установленїя то, что въ Англїи не льзя видѣть такого человѣка, о которомъ можно былобъ сказать: *Этотъ человѣкъ имѣетъ власть надъ животомъ и смертїю.* Если бы можно было хотя на минуту забыть щастїе такого установленїя, то по крайней мѣрѣ надлежалобъ оному удивляться.

связь ея съ вольною Конституцiею, и въ сихъ только мысляхъ сравнивалъ ее съ Юриспруденцiею, принятою въ другихъ Государствахъ. Однакожъ и кромѣ показанныхъ мною важныхъ побудительныхъ причинъ не могу не находить еще великихъ преимуществъ въ Англiйскихъ законахъ.

Они подвергаютъ обвиняемаго опасности судопроизводства не иначе, какъ по мнѣнiю двенадцати человѣкъ по меньшей мѣрѣ (*). Какъ въ тюрьму, такъ и въ судъ не возбраняютъ входа никому изъ тѣхъ, кои могутъ подать ему совѣтъ, или утѣшенiе; позволяютъ ему даже призывать всѣхъ, которые могутъ сказать что-либо въ его пользу. Напослѣдокъ, что весьма важно, свидѣтели, показывающiе противъ него, должны показывать въ его присутствiи; онъ можетъ ихъ разспрашивать и непредвидимымъ вопросомъ разстроить всю систему клеветы, что все возбранено законами, состоящими въ другихъ Государствахъ.

И такъ, ежели судьбу обвиняемаго рѣшатъ люди (**), не имѣющiе можетъ быть всего того свѣденiя, которое въ трудныхъ

(*) Большое собранiе присяжныхъ.

(**) Малое собранiе присяжныхъ.

случаяхъ выгодно находить въ Судьѣ: то съ другой стороны законъ, доставляя ему крайнія удобности, сдѣлалъ по меньшей мѣрѣ замѣну. Если присяжный не имѣетъ долговременной практики, которою пріобрѣтается опытность, то не имѣетъ и ожесточенія сердца, отъ нее происпекающаго и, принося съ собою къ подножію Трибунала всѣ начала, скажу даже, весь инстинктъ человѣчества, отправляетъ не иначе какъ съ трепетомъ ту страшную должность, на которую призванъ, а въ сомнительныхъ случаяхъ всегда преклоняется на кротость.

Присовокуплю, что въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ присяжные имѣютъ великое уваженіе къ наставленіямъ Судьи; что когда, согласясь о самомъ дѣлѣ, затрудняются въ степени вины, съ нимъ сопряженной, то оставляютъ это на рѣшеніе Судьи, какъ мы уже сказали, дѣлая такъ называемый *особенный приговоръ* (приговоръ условный); что всякой разъ, когда человѣкъ, признанный впрочемъ виновнымъ, покажется имъ достойнымъ извиненія по обстоятельствамъ, присовокупляютъ они, дѣлая свой приговоръ, что препоручаютъ его въ милость Королевскую: что не упустительно доставляетъ смягченіе наказанія; что, хотя, въ случаѣ разрѣшенія, не льзя ни подъ какимъ видомъ предписывать новаго *разбора присяжными*, но онъ

былъ бы позволенъ въ случаѣ осужденія, сдѣланнаго по такимъ доказательствамъ, о которыхъ настояло бы явное подозрѣніе, что они ложны (*). Наконецъ отмѣнную честь приноситъ Англійскимъ законамъ та разность, отличающая ихъ отъ прочихъ, что, не зная пытки, не знаютъ и большаго наказанія, кромѣ одного лишенія жизни.

По всему этому Уголовный Судъ производится съ такою кротостію, что *разборъ присяжными*, о которомъ я говорилъ, есть такой членъ вольности, къ которому Англійскій народъ привязанъ весьма сильно и повсемѣстно, и я слышалъ по сему отъ людей, чувствительныхъ болѣе къ необходимости порядка, нежели къ уваженіямъ, принадлежащимъ человѣчеству, ту одну жалобу, что премного виновныхъ остается безъ наказанія.

(*) Блакстона Толк. кн. IV, гл. 26.

ГЛАВА XIII.

Окончаніе той же матеріи. Законы о заключеніи въ тюрьму.

Но то, что довершаетъ чувство независимости, внушаемое Англійскими законами, чувство, составляющее одну изъ величайшихъ выгодъ, сопряженныхъ съ вольностію, есть великость предосторожностей въ толь нѣжномъ дѣлѣ, каковы темничныя заключенія.

Вопервыхъ, позволяя въ премногихъ случаяхъ освобождать на поруки и не отдавая сихъ случаевъ на благоразсмотрѣніе Судьи, какъ о томъ вышеупомянуто, удалили они тѣ предлоги, какіе моглибъ представить обстоятельства, лишить человѣка вольности.

Но законодательство обратило свои усилія особливо противъ исполнительной власти, да и поздо удалось ему изторгнуть у нее такое право, которое приводило ее въ состояніе отнимать у народа его защитниковъ и устрашать желающихъ сдѣлаться таковыми, такимъ образомъ, которое имѣя всю силу ненавистнѣйшихъ средствъ, но не имѣя ихъ опасности, было въ ея рукахъ самымъ страшнымъ оружіемъ къ утѣсненію вольности.

Средствами къ освобожденію человѣка, неправедно заключеннаго, были сперва назначены въ Англійскихъ законахъ Риты, названные *de mainprize*, *de Odio et atia et de homine replegiando*. Сіи Риты, въ которыхъ не льзя было отказать, содержали въ себѣ Указъ къ Щерифу того Графства, гдѣ такой человѣкъ задержанъ, разѣдать о причинахъ его задержанія, и, смотря по обстоятельствамъ, освободить его вовсе, или на поруки.

Но средство употребительнѣйшее и притомъ такое, которымъ, какъ самымъ общимъ и вѣрнѣйшимъ, безмолвно уничтожены всѣ прочія, есть Ритъ *de habeas corpus*, такъ названный по тому, что начинается словами: habeas corpus *ad subjiciendum*. Поелику сей Ритъ принадлежитъ къ *высокой прерогативѣ*, то и слѣдовало давать его изъ *Кингсбенча*: дѣйствіе его простиралось на всѣ Графства безъ различія, и Король предписывалъ въ немъ, или почитали, что предписывалъ задержавшему одного изъ его подданныхъ, представя его въ судъ съ изъясненіемъ дня и причины его задержанія, исполнить послѣ то, что Судья прикажетъ.

Но сей Ритъ, который могъ служить пособіемъ въ случаяхъ насильственныхъ задержаній, учиненныхъ частными людьми, или тюремныхъ заключеній, послѣдовавшихъ

по ихъ прозьбѣ, пособлялъ мало, или ничего не пособлялъ противъ Государевой власти, особливо въ Царствованїе Тудоровъ и въ началѣ правленїя Стуартовъ. Да и въ первые годы Карла I го Судьи Кингсбенча, по тогдашнему разположенїю духовъ и по тому, что занимали мѣста свои, пока Королю угодно было, преданные всегда Коронѣ, рѣшили не обинуясь, „что когда заключенїе учинено по „Указу Королевскому, или Членовъ Тайнаго „Совѣта, то не льзя имъ, по подачѣ такого „Рита, ни освободить, ни принять порукъ, „хотя бы въ Указѣ о заключенїи не было про„писано никакой причины.“

Сїи начала и происходящїй отъ нихъ образъ судопроизводства обратили на себя вниманїе Парламента, и въ актѣ *требованїя правъ*, состоявшемся на третьемъ году Царствованїя Карла I го, предписано, никого не задерживать по поводу такихъ заключенїй.

Но Судьи умѣли искусно уничтожить дѣйствїе сего акта. Правда не отказывались они освобождать человѣка, заключеннаго безъ причины; но съ такою медленностїю разсматривали причины, что достигали полнаго дѣйствїя совершеннаго отказа въ правосудїи.

Законодательство опять вступилось; въ актѣ, состоявшемся на шестнадцатомъ году

„Царствованія Карла I го, въ томъ самомъ, „которымъ упразднена Звѣздная Палата, по„становлено, „что, въ случаѣ еслибъ кто по„саженъ былъ въ тюрьму самимъ Королемъ „лично, или Тайнымъ его Совѣтомъ, должно „немедленно дать ему Ритъ *habeas corpus*, „и Судья обязанъ изслѣдовать, и въ 3 дни, „по донесеніи о полученіи Рита, рѣшить за„конность заключенія. "

Казалось, что не льзя уже было сдѣлать сего акта не дѣйствительнымъ: однакожъ это случилось; и послабленіемъ Судьи задержатель могъ безъ опасенія дожидаться втораго и третьяго Рита, названнаго *alias* и *pluries*, не представляя задержаннаго.

Всѣ сіи разныя уловки подали поводъ къ установленію того славнаго Акта *Habeas corpus*, состоявшагося на тридцатомъ году Царствованія Карла II го, который почитается въ Англіи второю большею грамотою и которымъ рѣшительно прекращены всѣ способы къ утѣсненію (*).

Главныя статьи сего акта суть: 1. Назначаются разные сроки для предста-

(*) Прямое заглавіе Акта такое: *Актъ, чтобъ лучше обезпечить вольность подданнаго и отвратить изгнаніе за море.*

вленїя заключеннаго: сїи сроки соразмѣрны разстоянїю мѣстъ, и ни которой не долженъ быть свыше 20 дней.

2. Всякой Чиновникъ, или темничный надзиратель, который не представитъ заключеннаго въ назначенное время, или не выдастъ ему, или его повѣренному Указа о заключенїи чрезъ шесть часовъ послѣ требованїя, или переведетъ задержаннаго изъ одной тюрьмы въ другую безъ одной изъ причинъ, изъясненныхъ въ актѣ, будетъ повиненъ на первой случай заплатить 100, а въ другой разъ 200 фунтовъ стерлинговъ пени въ пользу обиженнаго, и объявленъ неспособнымъ отправлять свою должность.

3. Освобожденнаго по силѣ *habeas corpus* не льзя будетъ заключить снова за то же преступленїе, подъ опасенїемъ взысканїя пени 500 фунтовъ стерлинговъ.

4, Если посаженный въ темницу за измѣну или нарушенїе вѣрности (félonie) потребуетъ на первой недѣлѣ *термина*, или въ первой день засѣданїя, чтобъ судили его въ тотъ терминъ, или въ то засѣданїе: то прозьбу его должно исполнить, развѣ не льзя былобъ представить въ то же время свидѣтелей Королевскихъ. Ежели сей человѣкъ не будетъ сужденъ во второй терминъ, или во второе засѣданїе, то должно его освободить.

5. Тотъ изъ 12 Судей или Лордъ Канцлеръ, который, по предстaвленїи Варранта (Указа) о заключенїи или послѣ присяги, что въ немъ отказано, не захочетъ выдать Рита, будетъ повиненъ заплатить 500 фунтовъ стерлинговъ пени въ пользу обиженнаго.

6. Никого изъ жителей Англїи, кромѣ тѣхъ, которые какъ уличенные и осужденные попросятъ, чтобъ ихъ сослали въ ссылку, не льзя будетъ посылать для заключенїя въ Шотландїю, Ирландїю, Жерзей, Гернзей, или въ какое либо заморское мѣсто, подвластное или не подвластное Королю; исполнители же такого заключенїя и ихъ помощники будутъ повинны заплатить пени не менѣе 500 фунтовъ стерлинговъ въ пользу обиженнаго, да за убытки втрое, объявлены неспособными ни къ какой должности и подвергнуты всѣмъ наказанїямъ *praemunire* (*)

(*) Статуты *praemunire*, названные такъ по Ритy или Указу о приведенiи ихъ въ исполненiе, которой начинался словами: *praemunire* вмѣсто *praemonere facias*, установлены сперва для сопротивленiя насиліямъ Папъ. Первый постановленъ въ Царство Эдуарда Iго, а за нимъ послѣдовали другiе, которые и до революцiи полагали предѣлы такъ дѣйствительные, что одному изъ нихъ дано на-

и не льзя имъ будетъ получить Королевскаго прощенія.

званіе *execrabile statutum*. Преступленія, противъ которыхъ сіи Статуты учреждены, назывались также praemunire, и подъ симъ словомъ разумѣли всякое предпріятіе, клонившееся къ установленію *Imperium in Imperio* (Государство внутри Государства) оказываніемъ къ судопроизводствамъ Папскимъ повиновенія, которое принадлежитъ одному Королю; наказаніе, назначенное въ сихъ случаяхъ, названо также *praemunire*; оно распространилось послѣ на многія другія и заключаетъ въ себѣ конфискованіе всего имѣнія и заключеніе въ темницу на всю жизнь. Толкованія Блакстона Глава 8, Книга IV.

Конецъ первой книги.

КОНСТИТУЦІЯ АНГЛІИ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Выгоды, принадлежащія собственно Англійской Конституціи. Соединеніе исполнительной власти.

Въ предшедшихъ Главахъ видѣли мы, какими средствами удерживаютъ между собою равновѣсіе разныя части Англійскаго правленія, и какъ взаимное ихъ дѣйствіе и противодѣйствіе производятъ вольность Конституціи, которая есть не иное что, какъ равновѣсіе между управляющими властями; а теперь намѣренъ я показать, что сіи самыя части Конституціи, которыя дѣлаютъ ее такъ различною отъ устава прочихъ вольныхъ Областей, имѣютъ еще совсѣмъ особенныя и великія выгоды, до нынѣ не довольно замѣченныя.

Англійское правленіе, какъ вольное Государство, отличается вопервыхъ тѣмъ, что

въ немъ есть Король, что вся сила исполнительной власти отдана въ одни руки и сдѣлана (inamovible) неотъемлемою. Отъ сегожъ и залогъ ея сталъ священнымъ и непоколебимымъ: сдѣлавъ великаго и весьма великаго гражданина, отвратили возвышенїе многихъ и предупредили такїя дѣла, которыя во всѣхъ Республикахъ причиняли гибель вольности и, прежде потери оной, не допускали наслаждаться ею.

Ежели посмотрѣть на Области, бывшїя когда нибудь вольными, то увидимъ, что народъ, обращая ревность свою всегда, какъ-то весьма и натурально, на исполнительную власть, но не думая никогда о томъ средствѣ ограничить ее, которое толь успѣшно употреблено въ Англїи (*), не умѣлъ никогда ничего инаго сдѣлать, какъ только ввѣрять ее ежегодными избранїями, то есть предоставлять себѣ распоряженїе оной. Отъ чего происходило, что народъ, имѣя уже существенность власти, купно съ дѣйствительнымъ употребленїемъ и величествомъ, составлялъ по праву и на дѣлѣ всё Государство. И такъ, чтобъ поколебать всё Госу-

---

(*) А именно сдѣлать сію власть зависимою отъ народа, что касается до надобныхъ ей субсидій. См. о семъ дѣлѣ Гл. VI. кн. I.

дарство, стоило только привести въ движеніе нѣкоторое число людей.

Въ малой и бѣдной Области нѣтъ въ этомъ неудобства, потому что въ ней всякъ занятъ средствами прокормленія; потому что тамъ не много предметовъ большаго честолюбія и потому что это зло не можетъ быть тамъ сложнымъ. Въ такомъ Государствѣ, которое старается распространить свои предѣлы, произведеніе и опасность предпріятія внушаютъ общее благоразуміе, и каждый умѣренно употребляетъ тамъ права гражданина.

Но когда съ прекращеніемъ сихъ внѣшнихъ побудительныхъ причинъ страсти, да и самыя добродѣтели, ими возбуждаемыя, придутъ въ бездѣйствіе: то народъ станетъ опять заниматься внутренними дѣлами Республики, и каждый, стараясь принимать участіе во всѣхъ дѣлахъ, будетъ искать завести опять такое волненіе, безъ котораго разумъ его не можетъ уже обойтися, и употреблять такую власть, которая, сколь ни мала, однакожъ льститъ его самолюбію.

Нѣкоторое число гражданъ, натурально пріобрѣвъ уваженіе отъ прежнихъ произшествій, воспользуется общимъ расположеніемъ для достиженія частныхъ своихъ видовъ.

Законодательная власть будетъ безпрестанно въ движенїи ; не имѣя надлежащихъ свѣденїй и искусныхъ управителей, будетъ она при каждомъ предложенїи колебать тѣ основанїя, на которыхъ утверждены законы и слѣдовательно самая вольность.

Сверхъ того составляющїе общественныя собранїя, не имѣя по большему ихъ числу никакой надежды удовлетворить своему честолюбїю, или вообще частнымъ своимъ страстямъ, станутъ стараться по меньшей мѣрѣ удовольствовать свои прихоти, или осыпать почестями и достоинствами какого нибудь любимца, возвеличеннаго гласомъ народа.

Но какъ въ такомъ Государствѣ, по жестокости движенїй, поступаютъ почти всегда неправильно, то никогда неизвѣстно тамъ, въ какомъ точно положенїи дѣла находятся. Данная власть очень уже велика, чего дающїе ее не примѣчаютъ, а имѣющїй оную не знаетъ всей ея обширности ; но при первомъ случаѣ вдругъ разгоняетъ онъ туманъ, скрывавшїй отъ него высочайшую степень, и входитъ на оную. Народъ съ своей стороны, нашедши его опять, видитъ своего любимца, сдѣлавшагося властелиномъ, и тогда узнаетъ свою бѣду, когда уже не льзя ей пособить.

Сей власти, пріобрѣтенной такъ скрытно, не подкрѣпленной ни закономъ, ни прежнимъ теченіемъ дѣлъ, ниже почтеніемъ подчиненныхъ ей, не льзя иначе удержать, какъ употребляя оную во зло. Народъ находитъ напослѣдокъ средство соединиться гдѣ нибудь, избираетъ себѣ покровителя, сей покровитель съ своей стороны возвышается, измѣняетъ своимъ обязательствамъ, власть производитъ свое дѣйствіе и защитникъ становится тираномъ.

Это еще не все: тѣ самыя причины, которыя дали одного властелина Государству, даютъ ему двухъ, даютъ ему трехъ. Всѣ сіи соперныя власти ищутъ взаимно поглотить одна другую; отъ того лишь раздоры, сраженія — и Государство въ безпрестанномъ замѣшательствѣ.

Еслибъ народъ былъ притомъ свободенъ, то нещастіямъ его надлежалобъ быть чрезмѣрнымъ, чтобы могли сдѣлать замѣну. Но онъ порабощенъ и не имѣетъ того, что въ иныхъ мѣстахъ составляетъ удовлетвореніе за рабство, разумѣю спокойствіе.

Чтобъ доказать все это, еслибъ нужно было, стоилобъ мнѣ сослаться только на то, что всякому извѣстно о Пизистратѣ, Мегаклѣ, Маріѣ, Силлѣ, Кесарѣ и Помпеѣ.

Между тѣмъ не могу удержаться, чтобъ не перевесть части Рѣчи, говоренной нѣкогда Флорентинскимъ гражданиномъ. Въ ней сокращенно содержится Исторія всѣхъ Республикъ, разумѣю тѣхъ, которыя вольностію своею заслужили носить на себѣ это имя, и сверхъ того перешли за нѣкоторую степень великости и могущества.

„А дабы ни что человѣческое не было вѣчно и прочно, то угодно Небесамъ, чтобъ во всѣхъ Государствахъ, каковыбъ они ни были, возвышались нещастныя фамиліи, которыя губилибъ ихъ и разрушали; чему наша Республика можетъ представить столькожъ и болѣе примѣровъ, нежели какая другая, ибо ея злощастія проистекаютъ не отъ одной, а отъ многихъ фамилій. Мы имѣли сперва Буондельмонтовъ и Губертовъ, потомъ Донатовъ и Черковъ, а теперь, позорное и смѣха достойное дѣло, деремся за Рикчіевъ и Албизовъ.

Когда прежде побѣждены были Гибелины, то каждый ожидалъ, что Гвельфы, удовольствовавшись, станутъ жить спокойно. Однакожъ скоро по томъ раздѣлились они снова на партіи *бѣлыхъ* и *черныхъ*. По усмиреніи бѣлыхъ возстали новыя партіи и послѣдовали новыя безпокойства; происходили то сраженія за ссылочныхъ, то распри

между дворянствомъ и народомъ. А чтобъ дать другимъ то, чѣмъ не умѣли и не хотѣли мы сами владѣть спокойно, ввѣряли мы свою вольность то Королю Роберту, то его брату, то его сыну, и напослѣдокъ Герцогу Аѳинскому, не утверждаясь и не останавливаясь ни на какомъ правленіи, какъ будто неумѣющіе ни наслаждаться вольностію, ни сносить рабства (*).

Англійская Конституція отвратила подобныя нещастія. Уменьшая могущество, или скорѣе дѣйствительное употребленіе могущества народа (**), и допустя въ законодательство только его Депутатовъ, избѣгнула она непреоборимой наглости сихъ болѣшихъ и общихъ собраній, которыя куда ни обращаются, все повергаютъ и опрокидываютъ; а сверхъ того, какъ сила народа, когда онъ ее имѣетъ и вѣдаетъ, что хочетъ ее употребить, всегда безмѣрно страшна, то Конституція сдѣлала ей перевѣсъ, и этотъ перевѣсъ есть Королевская власть.

(*) Исторія Флоренціи, соч. Махіавеля Кн. III.

(**) Мы увидимъ послѣ, что власть народа уменьшена для того, чтобъ тѣмъ болѣе умножить его вольность.

Чтобъ дать ей силу нужную для такой должности, вопервыхъ положила она съ ея стороны, такъ какъ выше сказано, право созывать и рушить законодательную власть и противиться ея рѣшеніямъ; вовторыхъ поручила еще ей всю исполнительную власть.

Напослѣдокъ, чтобъ еще болѣе установить родъ равенства, дала она тому, кого сдѣлала единою главою Государства, всѣ преимущества, всѣ почести, всё величество, какія только можно присвоить человѣческимъ достоинствомъ. По словамъ закона, Король есть Государь, а народы подданные. Онъ помѣщикъ всего Государства, всѣ достоинства и мѣста проистекаютъ отъ его щедроты, относятся къ нему не иначе, какъ съ выраженіями и наружностію покорности почти восточной. Сверхъ того особа его священна и ненарушима, и злоумышленіе противъ него столь же преступно, какъ и злоумышленіе противу всего Государства.

Словомъ, какъ не льзя было, стараясь сдѣлать равновѣсіе дѣйствительнымъ, не пожертвовать цѣлію средствамъ, то есть не разрушить вольности, желая обезпечить Конституцію; то надлежало, хотя по наружности, дополнить тотъ недостатокъ, который надобно было неотмѣнно оставить, давъ единственному начальнику всю силу,

могущую произойти отъ мнѣнія. И посреди болненій, необходимо нужныхъ для сохраненія вольности въ Государствѣ, Королевская власть, какъ якорь, долженствующій удержать его въ извѣстныхъ предѣлахъ, противится не только великостію своего вѣса, но и своимъ утвержденіемъ.

И такъ великость прерогативъ Королевскихъ, доставляя общую твердость Государству, уменьшила возможность тѣхъ золъ, о которыхъ мы говорили выше сего. Она отвратила ее совершенно, препятствуя какому либо гражданину достигнуть когда нибудь до великости опасной.

И если начнемъ говорить о такомъ преимуществѣ, которое такъ легко ослѣпляетъ глаза народа, а именно о породѣ; то невозможно, чтобъ она когда-либо произвела дѣйствіе въ Англіи сколько нибудь важное: ибо хотя есть господа, которые, кромѣ большихъ богатствъ, могутъ похвалиться знаменитымъ происхожденіемъ; однако сія выгода, сравниваемая всегда съ блескомъ престола, превращается въ ничто, потому что въ принятой вездѣ постепенности разныхъ достоинствъ, которую допускаетъ и Англія, титулъ Самодержавнаго Государя и Короля ставитъ того, кто его носитъ, превыше всякаго сравненія.

Да и самый этикетъ Англїйскаго Двора тому сообразенъ: особы, принадлежащїя къ Королевской Фамилїи, имѣютъ титулъ Принцовъ крови, и въ семъ званїи рѣшительное преимущество (*). И знатнѣйшїе Господа украшаются разными названїями и должностями служащихъ въ Королевскомъ штатѣ. И такъ не говоря о обширности и существенности Королевской власти, такъ какъ и о великихъ и многочисленныхъ надеждахъ, которымъ она можетъ удовлетворить, а разсматривая только величество и силу одного мнѣнїя отъ того происходящую, найдемъ сїю силу такъ великою, что весьма безумно былобъ, если бы кто захотѣлъ нападать на нее одною прерогативою породы, которая и сама есть ничто иное, какъ сила мнѣнїя крайне подчиненная.

Если сїя разность угнѣтаетъ тѣхъ самихъ, которымъ надлежало бы стараться скрывать ее отъ себя, то она еще болѣе поражаетъ народъ. И еслибъ, не смотря на то, что каждый Англичанинъ, какъ вольный человѣкъ, долженъ чувствовать свою

(*) По статуту 3го года Генриха VIII, это распространяется на сыновей, внуковъ, правнуковъ, братьевъ, дядей и племянниковъ Владѣтельнаго Короля.

цѣну, нашелся кто нибудь съ такими слабыми органами, что былъ бы ослѣпленъ пышностїю и гербами знатнаго Господина; то онъ ослѣпъ бы совершенно, когдабъ обратилъ свои взоры на величество Королевское. И такъ незнающїе Англїйской Конституцїи моглибъ почесть только того человѣка способнымъ подвергнуть опасности правленїе, который бы, по великости своихъ дарованїй и услугъ, прїобрѣлъ въ высокой степени любовь народа и пользовался большимъ уваженїемъ въ Нижней Каморѣ.

Но сколь велика ни былабъ горячность Публики, однако любимецъ ея не можетъ ожидать отъ неё иной награды, кромѣ пустыхъ одобренїй. Не льзя надѣяться ни Консульства, ни Диктаторства, словомъ никакой власти, подъ сѣнїю которой могъ бы онъ вдругъ обнаружить то властолюбїе, которое въ немъ предполагалибъ, или нечувствительно испортиться, когдабъ онаго не предполагали въ немъ. Конституцїя отворяетъ большему или меньшему его честолюбїю одну только дверь къ мѣсту въ Министерствѣ, зависящему отъ воли Королевской. Если новыми услугами и удержанїемъ своего кредита приведетъ онъ себя въ состоянїе стремиться выше, то снова отворяется ему единая дверь къ засѣданїю въ Верхней Каморѣ.

Но сей шагъ народнаго человѣка къ его возвышенїю есть притомъ большїй шагъ къ уменьшенїю той силы, которая моглабъ его сдѣлать страшнымъ.

Вопервыхъ народъ, видя, что онъ зависитъ гораздо менѣе отъ его голосовъ, начинаетъ по сему одному уменьшать свою привязанность. Видя сверхъ того, что онъ украшенъ прерогативами, предметомъ его зависти, разумѣю зависть политическую, и что онъ членъ такого собранїя, котораго выгоды часто противорѣчатъ его пользамъ, воображаетъ, что сего великаго и новаго достоинства не льзя было иначе пріобрѣсть, какъ тайнымъ соглашенїемъ измѣнить ему. Онъ думаетъ, что его заступникъ, преобразившись внезапно, станетъ тотчасъ наблюдать поведенїе противное тому, которое доставило ему успѣхъ и большую славу, и въ скоромъ времени отступитъ отъ началъ, которыхъ такъ долго и явно держался. Въ этомъ народъ конечно ошибается; но въ томъ не погрѣшилъ бы, еслибъ опасался, что сїя ревность столь горячая, столь постоянная, присовокуплю даже, столь истинная, когда побуждаема была собственною пользою, гораздо ослабѣетъ, когда впредь будетъ онъ часто находить ее противною своему интересу.

Къ тому жъ и не находитъ народный человѣкъ въ новомъ своемъ достоинствѣ всего того приращенія знатности и блеска, какое можно былобъ себѣ сперьва вообразить.

Хотя прежде былъ онъ только простой частный человѣкъ, но такимъ предметомъ, которымъ вся нація занималась. Описывали его поступки въ публичныхъ Вѣдомостяхъ и почти всѣ разговоры о немъ происходили.

Знаю, что сіи знаки любви пріобрѣтаются иногда довольно легко; но чтобъ ни говорили, бываютъ они тогда только продолжительны, когда человѣкъ оказываетъ существенныя услуги, а заслуженное и отъ всѣхъ приписываемое названіе благотворителя націи, есть всегда титло весьма почтенное, которое можетъ устоять и безъ украшенія; и хотя онъ былъ только членъ нижней части законодательнаго Собранія, однако въ ней первенствовалъ, а слово первенствующій есть слово всегда очень великое.

Но теперь, когда сталъ онъ Лордомъ, вся великость дотолѣ, неопредѣленная, точно опредѣляется. Давъ ему преимущества, установленныя и назначенныя извѣстными законами, лишаютъ его знатность той неизвѣстности, которая столь драгоцѣнна въ мечтательныхъ вещахъ, и достоинство его упадаетъ точно потому, что оцѣнено.

Сверхъ того онъ Лордъ, а есть Лорды и такіе люди, у которыхъ мало дарованій и немного почтенныхъ качествъ; однакожъ онъ сидитъ съ ними. Законъ не позволяетъ ему ничего болѣе, и всё въ его великости существенное теряется въ толпѣ наслѣдственныхъ и условныхъ великостей.

Но не одни сіи потери долженъ претерпѣть народный человѣкъ. Кромѣ большихъ перемѣнъ, которыя видитъ вдали, примѣчаетъ онъ не менѣе великія и гораздо существеннѣйшія и около себя.

Когда вставалъ онъ прежде въ Нижней Каморѣ, то немедленно отличенъ былъ отъ прочихъ дарованіями и успѣхами своими.

Горячесть и пылкость общенароднаго одобренія подкрѣпляли его; почему тѣ, которые хотѣлибъ быть его совмѣстниками, принуждены были молчать, или же сдѣлаться его партизанами.

По вступленіи теперь въ такое собраніе, котораго права зависятъ отъ породы, находитъ онъ въ немъ людей, которые были доселѣ старше его; людей, завидующихъ талантамъ (homo novus) *новаго Лорда*, и твердо предпріявшихъ, чтобъ бывшій предводителемъ въ Нижней Каморѣ, не первенствовалъ между ими.

Словомъ, успѣхи народнаго человѣка были блистательны, даже страшны; но Конституція заставляетъ его находить свой остракизмъ и въ самомъ ихъ награжденіи. Движеніе его было велико, бѣгъ быстръ; это былъ, если угодно, такой потокъ, который всё опрокидывалъ, но сей потокъ по разпоряженію вещей долженъ впадать въ большое собраніе водъ, гдѣ мѣшается и теряетъ свое направленіе и движеніе

Правда, могутъ мнѣ сказать, что для избѣжанія того шага, который долженъ лишить его столь многихъ выгодъ, народному человѣку должно отказаться отъ предлагаемаго ему достоинства, и ожидать вящшихъ и рѣшительныхъ успѣховъ отъ своего витійства въ Нижней Каморѣ и отъ своего кредита въ народѣ.

Но тѣ, которые даютъ ему сей совѣтъ, не довольно его обдумали. Конечно могутъ быть и есть въ Англіи люди, кои, занимаясь достиженіемъ предмета, который почитаютъ полезнымъ обществу, былибъ способны отказаться на время отъ такого мѣста, которое лишилобъ ихъ всѣхъ средствъ оказать свою добродѣтель, или же и подвергнулобъ ее опасности. Но горе тому, кто бы сталъ упорствовать въ такомъ отказѣ съ опасными видами, и кто въ правленіи, утвер-

дившемъ вольность на толь прочныхъ основанїяхъ, хотѣлъ бы увѣрить народъ, что его спасенїе зависитъ отъ добродѣтели, и отъ упорствующей добродѣтели одного только гражданина. По узнанїи его намѣренїй (а это послѣдовалобъ скоро), упорство его удаляться отъ обыкновеннаго теченїя дѣлъ, обнаружилобъ исканїе такихъ чрезвычайныхъ вещей, что всѣ люди, приверженные къ Государству, какой бы партїи ни были, устремились бы на него, и онъ палъ бы съ такимъ осмѣянїемъ, что лучше былобъ ему упасть съ Тарпейской горы (*). Да когда бы

(*) Читатель возразитъ можетъ быть, что не льзя статься, чтобъ какой человѣкъ въ Англїи имѣлъ такїе виды, какїе предполагаю: это самое хотѣлъ я и доказать. Англїйское правленїе имѣетъ ту существенную выгоду передъ всѣми тѣми, которыя названы вольными, а въ самомъ дѣлѣ невольны, что въ Англїи нѣтъ никого, ктобъ могъ прямо заняться мыслїю возвыситься когда нибудь такъ, чтобъ сравниться съ тою властїю, которой вѣрено исполненїе законовъ. Всѣ люди въ Государствѣ, какъ бы знатны, богаты и сильны ни были, удостовѣрены безпосредственно, что на дѣлѣ и по имени будутъ они всегда подданные; и потому самому принуждены любить, защищать и хвалить законы, ограждающїе вольность подданнаго. Сїе примѣчанїе будетъ послѣ доказано пространнѣе.

и положитъ, что новый Лордъ сохранитъ весь свой кредитъ въ Публикѣ, или, что не меньше трудно, что какой нибудь Лордъ можетъ по богатствамъ и породѣ своей блистать сіяніемъ, совмѣстнымъ съ Королевскимъ величествомъ; то и тогда всѣ сіи выгоды, каковыбъ они ни были, поелику не могутъ дать ему ни малѣйшей части исполнительной власти, будутъ только выгоды тщеславія. Видя, что та самая власть, на которую хотѣлъ бы онъ нападать, страшно вооружена всѣми началами дѣятельности, потратитъ онъ весь кредитъ свой въ рѣчахъ, которыя не произведутъ дѣйствія; и когда подошедши, такъ какъ предполагается, до самаго подножія престола, не найдетъ онъ тутъ ни малѣйшей струи независимой власти, которую могъ бы себѣ присвоить, и которая оживотворилабъ его, давъ ему хотя нѣкоторый видъ политической важности, то, какъ бы сильно ни было его возрастаніе, всѣ надобно ему будетъ завянуть и засохнуть.

Боже сохрани однакожъ, чтобъ я хотѣлъ утверждать, будто народъ Англійскій доведенъ до такой недѣятельности, что въ случаѣ утѣсненія не можетъ избрать себѣ защитника. Нѣтъ, я хотѣлъ только сказать, что Англійскіе законы не отворяютъ дверей къ тѣмъ скопленіямъ властей, которыя по-

губили столь много республикъ; что они не даютъ властолюбивому никакого способа, воспользовавшись оплошностію, или признательностію народа, сдѣлаться его тираномъ, и что общественная сила, вѣренная Королю, пока дѣла останутся въ законномъ теченіи, непоколебима, а это, скажу мимоходомъ, есть весьма сильное для него побужденіе никогда изъ онаго не выходить (*).

(*) Въ Англійской Исторіи находится много произшествій, которыя очевидно доказываютъ сію идею о твердости, какую можетъ дать Государству власть Короны. Вопервыхъ представляется та удобность, съ какою лишены всѣхъ своихъ должностей Дюкъ Малбору и вся его партія въ Королевствѣ. Ганнибалъ въ обстоятельствахъ, почти сходныхъ, продолжалъ войну противъ воли Карѳагенскаго Сената; Кесарь наблюдалъ то же поведеніе въ Галліи, и когда напослѣдокъ именно приказано ему сдать команду, то онъ повелъ армію свою въ Римъ и учредилъ тамъ военный деспотизмъ. Но Дюкъ, хотя окруженный, такъ какъ и Генералы его, побѣдоносною арміею и союзниками, съ помощію которыхъ продолжалъ онъ войну, исполненную успѣховъ, Дюкъ, говорю, тотчасъ сложилъ съ себя должность по полученіи перваго приказанія. Солдаты его были совершенно предубѣждены въ пользу той власти, про-

ГЛАВА II.

Заключеніе той же матеріи. Исполнительную власть легче воздержать, когда она только одна, или въ однихъ рукахъ.

Другая большая выгода, которой не льзя былобъ сперва и чаять въ семъ единствѣ великаго градоначальника въ Англіи, въ семъ собраніи, и, такъ сказать, въ сей бесѣдѣ всѣхъ частей исполнительной власти, есть удобность ограничить ее.

тивъ которой бы онъ взбунтовался; онъ зналъ, сколь глубоко вкорененъ тотъ же предразсудокъ и въ умахъ всей націи, и что въ нѣдрахъ всей націи всё способствовало къ поддержанію той власти; не безъизвѣстно ему было, что по свойству самихъ требованій, которыя захотѣлъ бы онъ употребить, всѣ его Офицеры и Капитаны возсталибъ противъ него; словомъ, онъ видѣлъ, что переправа чрезъ проливъ морской, ему предлежавшая, есть малѣйшее препятствіе, которое онъ встрѣтитъ. Другое произшествіе, о которомъ упомяну, есть революція, случившаяся въ 1689 году. Еслибъ блескъ и издревле установленная власть Короны давно не отучили народъ обращать свои взоры на какихъ нибудь частныхъ гражданъ, еслибъ не препятствовали они вооб-

Въ тѣхъ Государствахъ, въ которыхъ исполненіе законовъ ввѣряется многимъ людямъ, и каждому даются разныя права и прерогативы, сіе раздѣленіе и шаткость мѣръ, отъ того послѣдующая, безпрестанно скрываютъ истинную причину золъ Государства, и въ вѣчной перемѣнности вещей никакое начало не устанавливается, а лучшія остаются безъ пользы.

Всю власть присвоиваютъ себѣ то военные Трибуны, то Консулы, то Патриціи, а иногда тѣ, которыхъ называютъ Ноблями (*), или же тиранствуютъ Децемвиры и Диктаторы.

ще каждому частному человѣку въ Государствѣ достигать до нѣкоторой степени власти и величія, то изгнаніе Іакова IIго могло бы имѣть слѣдствія, подобныя случившимся въ Римѣ по смерти Кесаря.

(*) Когда напослѣдокъ простолюдимы одержали ту выгоду, что можно было допускать ихъ ко всѣмъ должностямъ, и отъ того прежнее различіе между ими и Патриціями уничтожилось; то произошло соединеніе между знатными простолюдимами (commoners), имѣвшими сіи должности, и прежними Патриціями: отъ сего насталъ новый классъ людей, названныхъ nobles et nobiliias;

Тиранство въ такихъ Государствахъ не всегда испровергаетъ преграды, а часто перескакиваетъ черезъ нихъ. Когда думаешь, что оно ограничено въ одномъ мѣстѣ, то появляется опять въ другомъ. Оно ругается надъ усилїями народными, не такъ какъ непобѣдимое, а какъ неизвѣстное; пойманное руками Геркулеса вырывается съ увертливостїю Протея.

Но въ Англїи нераздѣлимость власти, исполняющей законы, и ея великость всегда отвращали заблужденїе народа, направляя взоры его и усилїе неуклонно къ одному и тому же предмету; и прочность сей власти дала прочность и правильность предосторожностямъ, принятымъ для ея ограниченїя.

Обращая свои взоры безпрестанно на сїю старинную крѣпость Королевской власти, почитаютъ они ее, тому уже семь вѣковъ, предметомъ своихъ тревогъ; разсматриваютъ съ безпокойствомъ всѣ ея части, примѣчаютъ всѣ выгоды, и даже раскопали

имена, которыми съ этого времени Титъ-Ливій безпрестанно отличаетъ и фамилїи, начальствовавшія въ Государствѣ.

землю, чтобъ открыть ея подземности и тайные ходы.

Соединенные великостїю опасности, правильно распоряжали они свои атаки, сперва расположили вдали свои окопы, по томъ приближили ихъ постепенно, и когда преграды, поставленныя ими, были повреждены усилїями изнутри, то подкрѣпляли ихъ новыми.

По установленїи большей грамоты, была она подкрѣплена 40ю подтвержденїй сряду. Актъ *прошенїя правъ* и состоявшїйся на 16 году Карла 1го послѣдовали за ними. Нѣсколько лѣтъ спустя узаконенъ актъ *Habeas corpus*, а по томъ *Биля правъ*. Наконецъ при всѣхъ обстоятельствахъ имѣли они въ предпрїятїяхъ своихъ всегда ту неоцѣненную выгоду, что вѣрно знали общее гнѣздо тѣхъ золъ, отъ которыхъ должно имъ было защищаться; и каждое нещастїе, каждое частное изверженїе, показывая слабое мѣсто, доставляло новую ограду вольности.

Чтобъ сказать всё въ двухъ словахъ, исполнительная власть въ Англїи страшна, но она предостерегаетъ и остается всё одинакова: ея средства обширны; но онѣ извѣстны; она сдѣлана неотъемлемою и нераз-

дѣлимою принадлежностїю единой особы; но всѣмъ прочимъ, какого бы званія они ни были, существенно нужно удерживать ее въ предписанныхъ ей предѣлахъ (*).

(*) Сія послѣдняя выгода великости и нераздѣлимости исполнительной власти, то есть обязанность, которую налагаетъ она знатнѣйшимъ особамъ въ Государствѣ, составлять общее дѣло съ народомъ, будетъ обстоятельнѣе разсмотрѣна послѣ, и мы предложимъ Читателю особеннѣйшее сравненіе между формами правленія Англійскаго и Республиканскаго.

ГЛАВА III.

Вторая выгода.

Раздѣленіе законодательной власти.

Вторая особенность, которую представляетъ въ своей Конституціи Англія, какъ составляющая одно только Государство, и Государство свободное, есть раздѣленіе законодательной власти. Но чтобъ лучше дать почувствовать выгоды сего раздѣленія, долженъ я положить нѣкоторыя начала.

Конечно весьма нужно, для обезпеченія Конституціи Государства, ограничить въ немъ исполнительную власть; но еще гораздо нужнѣе ограничить законодательную его власть. Что первая дѣлаетъ исподоволь, разумѣю испроверженіе законовъ, и рядомъ предпріятій болѣе или менѣе долгимъ, то послѣдняя дѣлаетъ вмигъ. Поелику къ существованію законовъ нужна только ея воля, то можетъ она и уничтожить ихъ по своей волѣ; и естьли мнѣ будетъ позволено это выраженіе; законодательная власть перемѣняетъ Конституцію, такъ какъ Богъ сотворилъ мiръ.

И такъ, чтобъ дать твердость Конституціи Государства, необходимо надобно ограничить въ немъ законодательную власть. Но вмѣсто того, что исполнительная власть, хотя соединенная, можетъ ограничиться, да и лучше еще ограничивается, законодательную напротивъ того должно неотмѣнно раздѣлить, чтобъ можно было ее ограничить. — Ибо какіе законы ни дѣлалабъ она для ограниченія себя самой, то въ отношеніи къ ней будутъ они всегда ничто иное, какъ однѣ рѣшенія. Подставы преградъ, которыя хотѣлабъ она себѣ положить, потому что онѣ утверждены на ней и въ ней, не суть подставы. Словомъ, остановить законодательную власть, когда она одна, также не возможно, какъ не возможно было Архимеду поворотить землю (*).

А раздѣленіе законодательной власти не только можетъ ее ограничить, дѣлая изъ каждой части подставу, которая должна останавлять прочія, но и дѣйствительно ее ограничиваетъ. Ежели она раздѣлена на двѣ части, то вѣроятно, что не всегда будутъ онѣ согласны, какъ дѣлать, такъ и нередѣлывать; а естьли она раздѣлена на три

(*) По тому, что у него не было подставы для положенія на ней своихъ орудій.

части, то еще гораздо болѣе вѣроятности, что не будетъ здѣлано никакой перемѣны.

Сверхъ того, какъ естественно заводится пунктъ о чести (point d'honneur) между разными частями законодательнаго собранія; то онѣ не станутъ взаимно предлагать одна другой иныхъ дѣлъ, кромѣ такихъ, которыя по меньшей мѣрѣ справдать можно, и весьма вредныя перемѣны будутъ отвращены прежде, нежели настанутъ.

Ежели исполнительная и законодательная власти столь много разнятся по надобности раздѣлять ихъ, чтобъ ограничить, то не меньше разнствуютъ и по другимъ слѣдствіямъ раздѣленія.

Раздѣленіе исполнительной власти необходимо причиняетъ дѣйствительныя сопротивленія, даже насиліе между разными частями, и та, которой удастся соединить съ собою всѣ прочія, немедленно пренебрегаетъ законы. Но сопротивленіе, которое заводится и для пользы дѣлъ, должно заводиться между разными частями законодательнаго совѣта, есть только сопротивленіе началъ и намѣреній. Все происходитъ въ областяхъ нравственныхъ, и война производится единственно хотѣніями, или не хотѣніями, соглашеніемъ и несоглашеніемъ, словами *да* и *нѣтъ*.

Сверхъ того, когда, по одержанїи нѣкотораго рода побѣды одною изъ частей, всѣ соединятся, то соединяются для того, чтобъ дать существованїе закону по всей вѣроятности хорошему; когда одна изъ нихъ проиграетъ, и предложенїе ея останется безъ вниманїя, то оттуда произойдетъ только та бѣда, что законъ не состоится въ данное время, и это не стоитъ Государству иной жертвы, кромѣ мечты, расчета, болѣе или менѣе полезныхъ, которыя не имѣли своего дѣйствїя, а могутъ имѣть его послѣ.

Словомъ, отъ раздѣленїя исполнительной власти произойдетъ болѣе или менѣе скорое установленїе *права сильнѣйшаго*, или безпрестанная война (*); а отъ раздѣленїя законодательной власти истина или покой.

(*) Извѣстны частыя вражды, происходившїя между Римскимъ Сенатомъ и Трибунами. Въ Швеціи были безконечные споры между Королемъ и Сенатомъ, въ которыхъ то одинъ, то другой одерживалъ перевѣсъ. А въ Англіи, когда исполнительная власть была удвоена, потому что Король позволялъ Парламенту взять существованіе всегдашнее и независимое, произошла немедленно междоусобная война.

И такъ вотъ общее правило: чтобъ Государство было твердо, надобно раздѣлить въ немъ законодательную власть, а чтобъ оно было спокойно, надобно въ немъ соединить исполнительную власть.

А еслибъ оставалось еще какое сомнѣніе по вышеположеннымъ началамъ, то стоилобъ только взглянуть на весь порядокъ производствъ Англійскаго законодательства, чтобъ найти тому доказательства.

Съ удивленіемъ увидѣлибъ мы, сколь мало перемѣны въ Государственныхъ законахъ произошло со времени *возстановленія*, то есть, во сто лѣтъ слишкомъ, хотя (а это примѣчаніе важно) законодательство было, такъ сказать, въ непрестанномъ дѣйствіи (и въ чемъ каждый безпристрастный человѣкъ признается) всегда старалось о пользѣ общей. Ежели исключить актъ, постановленный при Виллїамѣ III, которымъ Парламенты сдѣланы трехлѣтними и при Георгѣ I отмѣненный послѣ актомъ, которымъ сдѣланы они семилѣтними, то нѣтъ ни одного прямо нужнаго для Конституціи, который бы, состоявшись съ упомянутаго времени, былъ послѣ уничтоженъ.

Ежели сравнить сіе постоянство съ безпрестаннымъ ниспроверженіемъ законодатель-

ства нѣкоторыхъ древнихъ Республикъ, съ глупостію разныхъ законовъ, въ нихъ установленныхъ (*), и съ большею еще глупостію, съ каковою уничтожали въ нихъ самые спасительные законы въ слѣдующее утро того дня, въ который они установлены; ежели привести себѣ на память тѣ чрезвычайныя средства, которыя законодательная власть, удостовѣрясь иногда, что при всемъ своемъ величіи лучше лишь истребляетъ сама себя, принуждена была въ нихъ употреблять, чтобъ положить себѣ препоны (**), то должно будетъ убѣдиться въ томъ неоцѣненномъ преимуществѣ, какое имѣетъ въ семъ отношеніи Англійская Конституція (***).

(**) Аѳиняне между прочими законами сдѣлали было и такой, коимъ запрещали употреблять на иныя надобности, кромѣ содержанія Театровъ и Спектаклей, часть общественныхъ доходовъ.

(*) Въ нѣкоторыхъ древнихъ Республикахъ, чтобъ сдѣлать какой нибудь законъ непремѣннымъ, запрещено было предлагать объ отмѣнѣ его подъ смертною казнію: и тѣ, которые для блага Государства въ крайнихъ обстоятельствахъ хотѣли нарушить законъ, полагаясь на жалость народа, выходили въ публику, надѣвъ себѣ петлю на шею.

(***) Мы увидимъ послѣ, что истинною причиною единообразія и мудрости постановленій Англійскаго законодательства есть разность, по щастію

И за симъ раздѣленіемъ Англійскаго законодательства не послѣдовало никакого дѣйствительнаго раздѣленія въ націи. Это по истинѣ весьма щастливое обстоятельство. Каждая изъ его частей имѣетъ столько силы, что можетъ заставить уважать свои рѣшенія; однакожъ отъ того не произошло существеннаго раздѣленія въ Государственныхъ силахъ. Одна только соразмѣрно большая доля всего, что можетъ привлекать на себя почтеніе народа, присвоена тѣмъ частямъ законодательства, на которыя не льзя было не возложить меньшей степени довѣренности противъ прочихъ; и неравенства въ дѣйствительной силѣ, произшедшія между ими, соглашены волшебствомъ достоинства.

Такимъ образомъ Король, который одинъ составляетъ часть законодательства, имѣетъ съ своей стороны величество титула Королевскаго. Обѣ каморы суть по видимому только совѣты, совершенно зависящіе отъ

существующая между различными видами и интересами различныхъ сословій, его составляющихъ: уваженіе, безъ котораго всѣ политическія изслѣдованія будутъ только пустыя гаданія, и которое одно можетъ довести до практическихъ заключеній, сколько нибудь полезныхъ.

него; онѣ, кажется, собираются единственно подавать ему совѣты, и никогда не относятся къ нему иначе, какъ самымъ важнымъ и почтительнымъ образомъ.

Но какъ вельможи, составляющіе второй чинъ законодательства, ни по дѣйствительному вѣсу, ни по числу своему не имѣютъ никакой соразмѣрности съ цѣлымъ народомъ (*), то съ другой стороны получили они весь блескъ личныхъ достоинствъ и наслѣдственнаго титула.

(*) Руссо, не разсмотрѣвъ хорошо сей матеріи, ропщетъ въ одномъ мѣстѣ на тѣхъ, которые, говоря о Генеральныхъ Штатахъ Франціи, осмѣливаются называть народъ третьимъ чиномъ. Въ Римѣ, гдѣ порядокъ былъ совсѣмъ противенъ описываемому нами здѣсь, гдѣ пуки преклонялись къ стопамъ народа, и гдѣ Трибуны, которыхъ должность походила на должность Короля Англійскаго, и состояла въ томъ, чтобъ противиться учрежденію новыхъ законовъ, были ничто иное, какъ родъ нижнихъ Градоначальниковъ; въ Римѣ, говорю, происходили безпрестанныя замѣшательства. Въ Швеціи и въ Шотландіи прежде *соединенія* господствовали иные пороки. Въ первомъ изъ сихъ Королевствъ н: пр. превеликое собраніе 2000 Дворянъ, часто покоряло и Короля и народъ. —

Сверхъ того заведенный этикетъ даетъ ихъ собранію большее преимущество надъ Депутатами народа. Они суть Верхняя *Камора*, а тѣ Нижняя. Ихъ почитаютъ особеннѣе Королевскимъ совѣтомъ; престолъ его находится въ мѣстѣ ихъ собранія.

По прибытіи Короля въ Парламентъ, посылаетъ онъ за Депутатами Нижней Каморы изъ Верхней, и они приходятъ къ рѣшеткѣ для выслушанія его отзыва. Лордамъ же, какъ своимъ судьямъ, подаютъ народные депутаты и разныя свои жалобы. Когда, по утвержденіи какой били, посылаютъ они ее, для испрошенія ихъ согласія, то отряжаютъ всегда нѣкоторое число своихъ Членовъ (*), а Лорды посылаютъ свои били тожмо съ нѣсколькими чиновниками своей Каморы (**). Когда для смягченій, которыя пожелалабъ одна изъ Каморъ сдѣлать въ били, представленной отъ другой, нужно имѣть пере-

---

(*) Ораторъ Верхней Каморы, которымъ обыкновенно бываетъ Лордъ Канцлеръ, долженъ, вставши съ шерстянаго своего мѣшка, принять билю Нижней Каморы.

(**) Которые суть двенадцать великихъ Судей и правители Канцеляріи. Этикетомъ распоряжено, съ какимъ уваженіемъ должны вручать билю двое изъ нихъ, которыхъ отправляютъ съ нею.

говоры, то Депутаты Нижней Каморы въ Комитетѣ, составляемомъ тогда изъ Членовъ обѣихъ Каморъ, должны присутствовать, не надѣвая шляпъ; напослѣдокъ, гдѣбъ били рѣшительно утверждены ни были, должны оставаться въ верхней Каморѣ, и ожидать въ ней Королевскаго соизволенія.

Къ тому же Лорды суть Члены законодательства по праву принадлежащему имъ лично, и почитается, что они присутствуютъ въ Парламентѣ за себя и для поддержанія собственныхъ своихъ интересовъ; и потому имѣютъ привиллегію подавать свой голосъ чрезъ повѣреннаго (*) и *вносить*, то есть записывать въ протоколъ протестъ противъ резолюціи своей Каморы. Словомъ, сія часть законодательной власти, долженствующая часто дѣлать перевѣсъ могуществу народа, получила знатностію и наружнымъ величіемъ то, чего не могла получить дѣйствительною силою. И когда не можетъ она противиться своимъ вѣсомъ, то устрашаетъ своею массою.

Впрочемъ разныя сіи прерогативы, данныя закономъ, удобныя къ удержанію вза-

(*) Члены Нижней Каморы не имѣютъ сего права, потому что они сами повѣренные со стороны народа. Кукъ. Инст. IV. стр. 41.

имнаго равновѣсїя между обѣими Каморами, тѣсно связанныя съ Государствомъ, цвѣтущїя и увядающїя въ разныхъ превратностяхъ общенароднаго благоденствїя, какїя бы особенныя сопротивленїя ни причиняли, не могутъ произвести никакого, когда дѣло идетъ о благѣ общемъ, ясно познаваемомъ. И когда, для предостереженїя себя отъ толь великой невѣрности умствованій (a priori) о дѣлахъ, сему подобныхъ, взглянемъ на *прѣнїя* обѣихъ Каморъ изъ давнихъ лѣтъ, и увидимъ, какїе законы были предлагаемы, какїе приняты, какїе отвергнуты, и какїя причины представлены съ одной и другой стороны: то не льзя не удостовѣриться въ добротѣ началъ, на которыхъ составлено Англїйское законодательство.

ГЛАВА IV.

Третья выгода, собственно принадлежащая Англiйскому правленiю. Власть предлагать законы отдана народу.

Остается мнѣ втретьихъ показать, что Англiйское правленiе распредѣлило и распорядило должности трехъ законодательныхъ властей свойственнымъ ему одному образомъ.

Разсмотрѣвъ, увидимъ, что во всѣхъ древнихъ Республикахъ предоставлено было народу *принимать* или *отвергать* то, что ему предлагали, и окончательно установлять законы.

Должность особъ, или обществъ, которымъ ввѣряли исполнительную власть, состояла въ заготовленiи законовъ и въ предложенiи оныхъ. Они имѣли всегда то, что я назову Initiative (зачинъ), то есть силу приводить въ движенiе законодательную власть (*).

(*) Сiю власть разсматривать и предварительно одобрять законы, предлагаемые народу, употреб-

Этотъ *зачинъ*, или исключительное право предлагать въ законодательныхъ собраніяхъ, присвоенное однимъ градоначальникамъ, дѣйствительно весьма полезно и даже нужно, чтобъ дать постоянство законамъ, такъ какъ и отвратить вышепомянутые безпорядки и споры о превосходствѣ власти;

лялъ всегда Сенатъ въ первыя времена Римской Республики. Законы установлялись *populi jussu, ex auctoritate Senatûs.* Да и въ случаѣ выборовъ надобно было сперва одобреніе (*auctoritas*) Сената въ разсужденіи начальниковъ, чтобъ имѣть голоса народа. Tum enim non gerebat is Magistratum, qui ceperat, si patres auctores non erant facti. Cic. pro Plautio. 3.

Въ Венеціи Сенатъ употребляетъ подобную власть относительно къ большому Совѣту, или къ собранію Дворянъ. Въ Бернскомъ Кантонѣ всѣ предложенія долженъ разсматривать малый Совѣтъ, составленный изъ 27 Членовъ, прежде нежели представлены онѣ будутъ 200му Совѣту, въ которомъ заключается самодержавіе всего Кантона. Въ Женевѣ есть законъ, „что ни о чемъ „не льзя трактовать въ общемъ Совѣтѣ, или „въ собраніи гражданъ, чего предваритєльно не „разсмотрѣно и не аппробовано въ 200мъ Совѣтѣ, и „что ни о чемъ трактовать не должно въ 200мъ „Совѣтѣ, чего не разсмотрѣлъ и не аппробовалъ на„передъ Совѣтъ 25.“

но вникнувъ въ это прилѣжнѣе, найдемъ, что сіе средство сопряжено съ неудобствами столь же великими, какъ и тѣ непорядки, которые хотятъ онымъ отвратить.

Правда, что сіи Градоначальники, или сіи общества часто прибѣгали сперва къ законодательной власти для испрошенія себѣ такихъ частей права, которыхъ не смѣли самовластно себѣ присвоить, и для отвращенія такихъ препятствій въ новомъ своемъ начальствѣ, отъ которыхъ опасались освободиться рѣшительно. Но когда власть ихъ пріобрѣтала нѣкоторую степень твердости, равно какъ и обширности, и выраженія законодательной воли препятствовали уже ея употребленію, то они видѣли въ ней только врага, котораго надлежало остерегаться разбудить. Въ слѣдствіе чего созывали они то собраніе сколько можно рѣже; созвавъ же старались всѣми мѣрами не предлагать ничего въ пользу вольности; а вскорѣ и совсѣмъ перестали созывать, и народъ лишась такимъ образомъ власти защищать законно свои права, подвергался высочайшей степени политической гибели, безсилію отыскивать ихъ; если не находилъ какихъ нибудь постороннихъ средствъ, которыми могъ отъ времени до времени возбуждать спящія свои привиллегіи: средства, которыя могутъ находиться и быть дѣйствительны въ ма-

лыхъ Государствахъ, гдѣ можно принимать мѣры, соотвѣтствующія предположеннымъ предметамъ; но въ Государствахъ сколько нибудь обширныхъ оказывалось всегда подъ конецъ, что они производили другія злоупотребленія одинакаго рода съ тѣми, которыя хотѣли отвратить.

Но какъ главное начало Англійской Конституціи разнствуетъ во всемъ отъ того, которое составляетъ основаніе Республиканскихъ правленій, то первая можетъ доставлять народу такія выгоды, какихъ послѣднимъ не льзя достигнуть. Народу, или по меньшей мѣрѣ его Депутатамъ принадлежитъ *засѣдать*, то есть заготовлять законы и предлагать ихъ. И между новостями, которыя нашлибъ въ сей Конституціи древніе Политики, не мало удивились бы они той, что особа, которой ввѣрена исполнительная власть, дѣлаетъ то, что они почитали необходимо принадлежащимъ народу, а народъ то, что считали они неотмѣнною должностію своихъ градоначальниковъ.

Конечно сдѣлаютъ мнѣ возраженіе, что Король Англійской, имѣя власть рушить свой Парламентъ, или же не созывать его, имѣетъ право въ самомъ дѣлѣ одинакое съ тѣмъ, которое называю я такъ опаснымъ.

На это отвѣчаю, что надобно соображать всё вмѣстѣ. Еслибъ Англiйской Король могъ обойтись безъ своего Парламента, то безъ сомнѣнiя давно уже пересталъ бы его созывать; и сiе собранiе, такъ какъ и нацiональныя собранiя многихъ Государствъ, существовалобъ токмо въ Исторiи.

Но поелику, какъ выше означено, нужды Государственныя и надобности самаго Государя приводятъ его въ необходимость прибѣгать часто къ своему Парламенту, то и видна тогда разность между правомъ не созывать, когда по существу дѣлъ необходимо должно это сдѣлать, и тѣмъ правомъ, когда кто, по составленiи собранiя, можетъ одинъ только предлагать въ немъ.

Въ послѣднемъ случаѣ, и тогда, когдабъ Государь, для соблюденiя благопристойности, могъ рѣшиться говорить о чемъ нибудь иномъ, кромѣ своихъ надобностей, сталъ бы онъ предлагать для одного виду объ уступкѣ какой нибудь прерогативы ему, не нужной, или объ отмѣнѣ злоупотребленiй, которымъ подражать не имѣетъ онъ склонности, а отнюдь не коснулся бы до такихъ мѣстъ, которыя по властолюбiю своему могъ бы почитать щекотливыми.

Сверхъ того какъ всѣ его подвиги дѣлаются, или, кажется, дѣлаются по собственному его побужденію и нѣкоторымъ образомъ происходятъ отъ его усердія ко благу общему: то все, что ни сдѣлалъ бы онъ незначущаго, или по меньшей мѣрѣ малозначущаго, былобъ по его мнѣнію весьма важно и требовалобъ большей признательности. Напослѣдокъ, какъ ему же надлежалобъ дѣлать смягченія и изъятія въ законахъ, на которыя онъ согласился, и сочинять ихъ, то неразсудительно былобъ ожидать, чтобъ онъ употребилъ великое стараніе избѣгать двоякостей (*).

(*) При первомъ установленіи Нижней Каморы представляли били Королю въ образѣ прошеній, а тѣ, на которыя Король соглашался, вписываны были въ Парламентскіе протоколы съ его отвѣтомъ, и въ концѣ каждаго Парламента Судьи дѣлали изъ нихъ статуты; но какъ въ сіи производства вкрались разныя злоупотребленія, то учреждено, чтобъ Судьи составляли статутъ прежде окончанія засѣданія. Напослѣдокъ и это показалось недостаточнымъ, и билѣ введены въ употребленіе въ томъ видѣ, какой имѣютъ нынѣ, то есть, что каждая Камора сама сочиняетъ статутъ въ томъ видѣ и въ тѣхъ выраженіяхъ, которыя должны остаться по полученіи согласія Королевскаго.

Но Англійской Парламентъ, какъ уже сказано, не осужденъ ожидать терпѣливо и въ молчаніи тѣхъ законовъ, которые захотятъ предложить ему. При открытіи каждаго засѣданія беретъ онъ самъ въ руки большую книгу Государства, развертываетъ всѣ страницы и пересматриваетъ всѣ статьи оной. Да и не спѣшитъ кончить. Узнавъ злоупотребленія, изыскиваетъ ихъ причины; когда происходятъ онѣ отъ нарушенія законовъ, то поддерживаетъ ихъ; когда же отъ ихъ непредусмотрительности, то пособляетъ всему новыми законами (*).

(*) Народное собраніе никогда не имѣло такого права открывать, изслѣдовать и предлагать какія либо новыя мѣры, каковое имѣетъ въ Англіи Нижняя Камора. Во Франціи, когда Генеральнымъ Статамъ позволено было собираться, рѣдко уважали ихъ представленія, а частные чины уѣздовъ едва смѣли ихъ и дѣлать. Во Швеціи власть предлагать новыя учрежденія недавно принадлежала собранію, называемому *Тайнымъ Комитетомъ*, составленному изъ дворянъ и нѣсколькихъ духовныхъ. Теперь принадлежитъ она Королю. Въ Шотландіи, до *соединенія*, всѣ предложенія, подносимыя Парламенту, сочиняли особы, которыхъ именовали Лордами статей. Въ Ирландіи всѣ били, заготовленныя Королемъ въ Тайномъ его Совѣтѣ, предлагаетъ Парламенту Лордъ Намѣстникъ для согласія или отверженія: Членамъ Пар-

А особливо большой предметъ субсидій, по его мнѣнію, не требуетъ большой поспѣшности. Ему одному предоставлено судить о ихъ количествѣ, такъ какъ о способѣ и средствахъ собирать ихъ; и онъ не рѣшится въ томъ, пока не утвердитъ прочно всѣхъ надежностей подданнаго. Словомъ, *законодательство* въ такомъ состояніи дѣлъ есть не *даровой* договоръ, и въ которомъ народъ принужденъ брать то, что ему даютъ, и такъ какъ ему даютъ; а такой договоръ, которымъ онъ покупаетъ и платитъ, и котораго условія предписываетъ и самъ сочиняетъ.

ламента позволено только разсматривать между собою то, что они называютъ статьями билл, которую просятъ они по томъ Лорда Намѣстника доставить Королю, а онъ выбираетъ изъ нея такія постановленія, какія ему угодны, или кладетъ все подъ сукно, не имѣя долга рано или поздо дать точный на то отвѣтъ. А что касается до Республиканскихъ правленій, то Градоначальники ихъ никогда не довольны, пока не захватятъ всей важной власти предлагать; и не должно думать, что это происходитъ единственно отъ ихъ властолюбія, но есть слѣдствіе и того положенія, въ какомъ они находятся по самимъ началамъ сего образа правленія.

Это не всё. Англiйской Парламентъ распространилъ еще далѣе свои прерогативы по сему важному предмету; не только присвоилъ себѣ право предлагать законы и поправленiе злоупотребленiй; но побудилъ и власть исполнительную отказаться отъ всякаго требованiя дѣлать тоже. Есть также непремѣнное правило, что ни Король, ни Тайный его Совѣтъ не могутъ дѣлать перемѣнъ въ билiяхъ, предложенныхъ обѣими Камарами; и Король долженъ только принять ихъ, или отвергнуть; и если хотя мало вникнемъ въ дѣло: то окажется, что такая предосторожность нужна для того, чтобъ дать совѣтованiямъ совершенную свободу и правильность (*).

(*) Правда, что Король отъ времени до времени посылаетъ посланiе въ одну или другую Камору, и никто, думаю, не хотѣлъ бы, чтобъ между имъ и Парламентомъ не было никакого сношенiя. Но сiи посланiя составляются всегда въ общихъ выраженiяхъ; онѣ дѣлаются только для побужденiя Каморы, совѣтовать о нѣкоторыхъ матерiяхъ; въ нихъ не упоминается о статьяхъ, ни объ особенныхъ клаузулахъ. Нижняя Камора не обязана формально объявить въ уреченное время, что принимаетъ или отвергаетъ Королевское предложенiе; словомъ, Камора поступаетъ съ сими посланiями, такъ какъ съ прошенiями частныхъ

Признаюсь, что при устроенiи Государства, кажется, весьма естественно поручать толь важную работу заготовлять и предлагать законы людямъ, прiобрѣвшимъ въ должностяхъ и опытомъ совершенство благоразумiя. Но практика по нещастiю доказываетъ, что отъ обращенiя въ важныхъ дѣлахъ не столько созрѣваетъ разумъ, сколько портится сердце, и найдено, что предосторожность, по видимому внушенная сперва самимъ благоразумiемъ, приводитъ народъ по дѣлу, касающемуся до его благоденствiя, въ самое невыгодное оборонительное состоянiе, и подвергаетъ его безпрестаннымъ нападенiямъ тѣхъ, которые съ превеликими искушенiями его обманывать, соединяютъ величайшее средство въ томъ успѣть.

Если заглянемъ въ Исторiю древнихъ Государствъ въ тѣ времена, когда исполнительная власть, находясь въ зависимости, принуждена была часто прибѣгать къ законо-

---

людей. Одинъ или другой членъ открываетъ мнѣнiе о дѣлѣ, выраженномъ въ Королевскомъ посланiи, или составляетъ билю обыкновеннымъ образомъ; она можетъ быть уничтожена всякой разъ, когда ее разсматриваютъ; но Камора разсматриваетъ и окончательно принимаетъ и отвергаетъ не предложенiе Двора, а мнѣнiе нѣкоторыхъ своихъ Членовъ.

дательной власти, то увидимъ, что сія послѣдняя, вопрошаемая и управляемая тѣми, которые хотѣли ввергнуть ее въ пропасть, почти всегда наносила только раны Государству своими постановленіями.

И тѣ люди, на благоразумїе которыхъ законъ сперва надѣялся столь много, теряли напослѣдокъ весь стыдъ, такъ что когда не успѣвали убѣжденіями и доказательствами, тогда употребляли силу; законодательныя собранія становились побоищами, а власть ихъ сущимъ бѣдствіемъ.

Впрочемъ весьма понимаю, что, по разности обстоятельствъ, дѣла въ Англіи не могли бъ взять такого нещастнаго оборота (*).

Но съ другой стороны надобно вспомнить, что особа, которой ввѣренъ въ ней залогъ исполнительной власти, соединяетъ въ себѣ всю силу и все величество общества.

Представьте себѣ великаго и единаго Градоначальника націи, который домогается

(*) Здѣсь разумѣю особенно то обстоятельство, въ какомъ находится народъ, отдавши всю свою власть повѣреннымъ своимъ. Слѣдствія сего учрежденія будутъ разсматриваны въ слѣдующей главѣ.

утвердить предложенные имъ законы съ усердіемъ своихъ надобностей, всегда столь великихъ, съ горячностію монархической гордости, не терпящей отказа, и съ употребленіемъ всѣхъ безмѣрныхъ своихъ средствъ.

Слѣдовательно необходимо нужно было распорядить дѣла въ Англіи, такъ какъ онѣ распоряжены. Ежели движущія пружины исполнительной власти суть священный залогъ, ввѣренный Королю, то и пружины законодательной власти суть залогъ, не менѣе священный въ рукахъ обѣихъ Каморъ; когда надобно привесть ихъ въ движеніе, то и на Короля находитъ также неподвижность, въ которой должны оставаться всѣ прочіе, коль скоро дѣло идетъ о собственныхъ его прерогативахъ. Будучи въ Парламентѣ, оставляетъ онъ всю свою власть за дверьми, и входитъ токмо съ органомъ своимъ, чтобъ сказать *да* или *нѣтъ*. Еслибъ такая громада, какъ власть Королевская, могла дѣйствовать въ законодательномъ собраніи, то испровергнулабъ его немедленно.

ГЛАВА V.

Въ которой разсматривается, выгодноль для общественной вольности, чтобъ самъ народъ давалъ голоса на уложенїе законовъ.

Но скажутъ, сколь ни мудры Англїйскїе законы, сколь ни велики предосторожности для безопасности частнаго человѣка, однако народъ, потому что не самъ установляетъ ихъ, не можетъ быть почтенъ вольнымъ народомъ. Авторъ *общежительнаго договора* поступаетъ еще далѣе, онъ рѣшитъ, что „народъ Англїйскїй, почитающїй себя „вольнымъ, весьма ошибается; онъ воленъ „только при выборѣ Парламентскихъ Членовъ, „а по окончанїи выбора рабъ, ничто (*)."

Прежде нежели стану отвѣчать на это возраженїе, примѣчу, что слово *вольность* есть одно изъ тѣхъ, которыя употребляютъ во зло болѣе всѣхъ.

Такимъ образомъ въ Римѣ малое число дѣйствительно господствовавшихъ надъ всѣми, чувствуя, что законная власть въ рукахъ одного прекратитъ всѣ его тиранства,

(*) Общежительной договоръ Гл. 15.

увѣряло народъ, что пока тѣ, которые умерщвляютъ его по военному обряду, обременяютъ бѣдностїю и ругательствами, будутъ называться *Консулами*, *Диктаторами*, *Патрицїями*, *Ноблями*, словомъ всякимъ другимъ именемъ, кромѣ страшнаго имени *Рех*, до тѣхъ поръ будетъ онъ воленъ, и что такое неоцѣненное положенїе заслуживаетъ, чтобъ для сохраненїя его сносилъ онъ всё.

Также писали и Авторы въ наши времена: прельстясь безразсуднымъ пристрастїемъ къ правленїямъ древности, а можетъ-быть и удовольствїемъ блистать въ сволочѣ новѣйшихъ нашихъ временъ, умѣли они видѣть образецъ только въ учрежденїи Спарты или Рима. По ихъ словамъ гражданину надобно быть *безпрестанно въ собранїи, на площади, или ходить на сраженїя*; надобно, чтобъ *онъ былъ храбръ, прїученъ къ трудамъ, горѣлъ любовїю къ отечеству*, которая въ существѣ есть ничто иное, какъ горячее желанїе вредить другимъ людямъ въ пользу того общества, котораго онъ членъ, и *горячею любовїю славы* (*) (которая так-

(*) Я беру сіи слова въ томъ смыслѣ, какой давали имъ въ древнихъ Республикахъ и даютъ тѣ, которые намъ говорятъ объ нихъ.

же ничто иное, какъ горячее желанїе убивать ихъ, чтобъ тѣмъ послѣ похвалиться). По симъ только дѣламъ, казалося имъ, достоинъ уваженїя общежительный человѣкъ; а чтобъ подкрѣпить такїя идеи, то расточая увеличенныя, слѣдовательно такїя выраженїя, которымъ не почто быть точными, и неопредѣленныя слова *подлости*, *униженїя*, *великодушїя*, *добродѣтели*, не сказали они намъ ничего, что надобно былобъ сказать, а именно былиль люди щастливы въ тѣхъ Государствахъ, которымъ подражать они увѣщеваютъ насъ?

И такимъ образомъ опознавшись въ единомъ разсудительномъ предметѣ обществъ, не менѣе опознались они и въ цѣли того правила, которое должно ими управлять. Они были довольны, видя, что малое число, которое дѣйствительно рѣшило все, исполняло отъ времени до времени обманчивый обрядъ созывать большее для совѣтованїя будто съ нимъ; и имъ казалось вольностїю то, когда подавали голоса, каковабъ ни была невыгода формы, и хотябъ тотъ законъ остался безъ исполненїя, о которомъ думали, что онъ постановленъ съ общаго согласїя.

Но сїи Авторы говорятъ правду: кто способствуетъ своимъ голосомъ къ

установленію закона, тотъ самъ уложилъ законъ; повинуясь ему, онъ самъ себѣ повинуется, слѣдовательно онъ свободенъ. Это игра словъ и ничто болѣе. Тотъ, кто подавалъ голосъ въ законодательномъ народномъ собраніи, не сдѣлалъ закона; въ сей сборъ положилъ онъ только тысячную, или же десятитысячную свою долю. Ему не было позволено ни возражать, ни разсуждать, ни предлагать отмѣнъ, а можно было только сказать *да* или *нѣтъ*. Когда состоится законъ, сообразный его голосу, то успѣхомъ своей воли обязанъ онъ не сему голосу, а тому, что и другіе случайно того же хотѣли; когда же установленъ законъ, противный его мыслямъ, то и сему долженъ онъ равномѣрно повиноваться.

Сверхъ того, когдабъ и положено было, что подавать голосъ, необходимо составляетъ вольность: то сія вольность не можетъ продолжаться долѣе одной минуты, послѣ которой должно неотмѣнно полагаться на благоразсужденіе другаго, то есть не быть болѣе вольнымъ; надобно, на примѣръ, гражданину, подававшему голосъ, полагаться на честность собирающаго голоса; а не однократно случалось, что объ нихъ дѣланы ложныя объявленія.

Надобно ему еще положиться на кого нибудь и въ исполненіи того, что поста-

новлено: и когда собраніе разойдется и онъ будетъ одинъ противъ тѣхъ, которымъ ввѣрена общественная сила; на примѣръ противъ Консула, или Диктатора, то безопасность его будетъ очень не велика, если у него нѣтъ иной, кромѣ той, что голосомъ своимъ способствовалъ къ постановленію такого закона, надъ которымъ рѣшились они ругаться. Чтожъ такое вольность? Вольность, скажу въ отвѣтъ, поколику можетъ быть въ обществѣ такихъ тварей, которыхъ нужды почти всегда противоположны, состоитъ въ томъ, *чтобы всякъ, когда уважаетъ личность другихъ, и даетъ имъ спокойно наслаждаться плодами трудовъ своихъ, былъ увѣренъ, что и онъ взаимно будетъ наслаждаться плодами своей промышленности, и что самъ будетъ въ безопасности.* Способствовать же своимъ голосомъ къ установленію того порядка, того сцѣпленія, посредствомъ котораго человѣкъ, утопшій, такъ сказать, въ толпѣ, вѣрно будетъ защищенъ; предписывать правила, которымъ долженъ послѣдовать тотъ, кому съ большею силою поручается оборона частныхъ людей; принимать предосторожности, чтобы онъ не преступилъ ихъ, суть обязанности, дѣла правленія, а не части, составляющія вольность.

Чтобъ сказать все въ двухъ словахъ: способствовать своимъ голосамъ къ утвержде-

нїю законовъ, *значитъ*, имѣть нѣкоторую часть власти, но въ употребленїи оной, скажу еще разъ, воля наша не всегда исполняется.

Жить въ Государствѣ, гдѣ законы равны для всѣхъ, и вѣрно исполняются (какимибъ средствами ни достигали сихъ выгодъ), значитъ быть вольнымъ.

Пусть такъ: соглашаемся, что давать свой голосъ не есть вольность, а средство къ установленїю оной, да и такое средство, которое можетъ превратиться въ простый обрядъ: соглашаемся сверхъ того, что могутъ быть другїе, и что то рѣшенїе конечно опрометчиво, когда кто заключитъ, что Государство, о Конституцїи и внутреннемъ правленїи котораго не имѣемъ никакого познанїя, есть такая земля, гдѣ народъ есть *рабъ*, *ничто и ничто болѣе* по тому единственно, что не находимъ въ немъ *комисовъ* (общенародныхъ собранїй) древняго Рима. Но съ другой стороны кажется намъ, что вольность былабъ гораздо совершеннѣе, еслибъ самъ народъ призыванъ былъ для объявленїя своего мнѣнїя о тѣхъ правилахъ, которыя должны ее установить, и что законы Англїйскїе на примѣръ, еслибъ дѣлались съ согласїя всѣхъ, былибъ благоразумнѣе, справедливѣе, а особливо вѣрнѣе испол-

няемы. На сїе возраженїе, потому что оно по меньшей мѣрѣ походитъ на дѣло, стану отвѣтствовать.

Еслибъ въ какомъ-либо совокупленїи людей не было иной надобности, какъ только узаконить единожды то, чѣмъ каждый обязанъ другому и Государству; еслибъ тѣ, на кого возложено стараться объ исполненїи всего этого, не имѣли ни властолюбїя, ни вообще тѣхъ страстей, которыя такая должность возбуждаетъ и подаетъ способъ удовлетворять имъ; словомъ, еслибъ, почитая свою должность только за тягостный трудъ, никогда не имѣли они искушенїя уклоняться отъ намѣренїй тѣхъ, которые сдѣлали ихъ начальниками, то признаюсь, что тогда не былобъ въ томъ неудобства, еслибъ каждый ставилъ себѣ за удовольствїе принимать маленькое участїе въ правленїи того общества, котораго онъ членъ; или, лучше сказать, ошибаюсь, въ такомъ обществѣ и между такими существами не настояло бы надобности въ правленїи.

Но опытъ научаетъ насъ, что надобно много другихъ предосторожностей, чтобъ принудить людей быть справедливыми между собой; да и въ самихъ началахъ, которыя по сему положить можно, находится преизобильный источникъ тѣхъ золъ, которыя же-

лательно отвратить. Законы, которые должны быть равны для каждаго, станутъ скоро говорить уже только сообразно тому, что внушаетъ польза тѣхъ, кому сей залогъ ввѣренъ. Хотя они установлены для охраненія всѣхъ, но скоро будутъ защищать токмо насильства нѣкоторыхъ; и какъ народъ не перестаетъ ихъ уважать, а блюстители вмѣняютъ ихъ ни во что, то напослѣдокъ будутъ они имѣть только то дѣйствіе, что наверстаютъ неравенство существенныхъ силъ въ маломъ числѣ, согласившемся властвовать обществомъ, и сдѣлаютъ правильнымъ и безбѣдственнымъ тиранство сего малаго числа надъ большимъ. И такъ, чтобъ отвратить неудобства, необходимо послѣдующія отъ свойства вещей, принудить владычествующихъ нѣкоторымъ образомъ надъ закономъ, сообразоваться оному, и сдѣлать тщетнымъ потаенный, сильный и непрестанно дѣйствующій заговоръ правящихъ, на то надобны свѣденія и духъ твердости, каковыхъ не льзя ожидать отъ толпы народной.

Большая часть составляющихъ ее, развлекаемые крайними нуждами прокормленія, не имѣютъ ни свободнаго времени, ни, по недостаточному своему воспитанію, познаній, потребныхъ для такихъ попеченій. Впрочемъ Природа, скупо удѣляющая дары свои, дала не многимъ людямъ голову, способную къ

трудным соображеніям законодательства: и какъ больной ввѣряется врачу, тяжущійся стряпчему, такъ и самое большое число гражданъ должно полагаться на людей искуснѣе себя въ исполненіи предметовъ, имъ столь существенно нужныхъ и требующихъ при томъ столь многихъ качествъ, чтобъ хорошо ихъ сдѣлать.

Къ симъ уже столь сильнымъ уваженіямъ присовокупляется еще другое, буде можно, рѣшительнѣйшее. А именно, народъ по тому самому что народъ, не можетъ принять никакой обдуманной резолюціи.

Составляющихъ часть народнаго собранія не побуждаетъ чистый и точный видъ настоящей и личной пользы. Видя впрочемъ, что они смѣшаны въ толпѣ съ призванными къ исполненію той же должности; зная, что ихъ рѣшеніе не сдѣлаетъ отмѣны въ общемъ положеніи, и что, къ какой бы сторонѣ ни пристали, слѣдствіе будетъ тоже, не стараются они узнать, въ чемъ предложенные имъ предметы согласны съ цѣлостію существующихъ законовъ, или съ обстоятельствами; ибо никто не принимается за большой трудъ, когда увѣренъ, что онъ не произведетъ никакого дѣйствія.

Однакожъ съ такими расположенїями и съ тѣмъ, что каждый полагается на всѣхъ, составляется собранїе. Но отъ того, что не многїе разсуждали, въ чемъ долженъ состоять его предметъ, весьма не многїе приносятъ туда мнѣнїе, или по крайней мѣрѣ свое собственное мнѣнїе, въ которомъ бы они твердо стояли. Какъ однакожъ надобно взять резолюцїю, то почти всѣ рѣшатся по такимъ основанїямъ, которыя стыдились бы принять въ случаяхъ не столь важныхъ. Необыкновенное зрѣлище, перемѣна въ мѣстѣ собранїя, движенїе, молва бываютъ, въ общей нерѣшимости, достаточною причиною постановленїя большаго числа (*), а изъ совокупленїя хотѣнїй, составленныхъ на обумъ и безъ разсужденїя, составляется воля цѣлаго, также необдуманная.

Еслибъ при всѣхъ сихъ невыгодахъ собранїе могло поступать по своей волѣ, и никто не имѣлъ бы нужды заводить его въ заблужденїе, то бѣда, хотя очень великая,

---

(*) Можно видѣть въ Исторіи Римскаго народа, сколь важно было собирать его въ одномъ мѣстѣ предпочтительно другому. Онъ не одобрялъ, напримѣръ, внѣ городскихъ стѣнъ того, что одобрялъ увидѣвши капитолію.

не была бы безмѣрная, потому что отъ такого собранїя требуется только, чтобъ оно сказало *да* или *нѣтъ*, то есть, чтобъ согласилось изъ двухъ вещей на одну, почему вѣроятность для каждой изъ нихъ равна; и можно бы по меньшей мѣрѣ надѣяться, что изъ двухъ разъ однажды выберетъ оно хорошую.

Но партїя, имѣющихъ участїе въ правительствѣ, или въ его выгодахъ, не остается въ такомъ бездѣйствїи. Они бодрствуютъ, когда народъ спитъ: занимаясь единственно своею властїю, стараются они только о ея умноженїи: будучи совершенно свѣдущи въ дѣлахъ, вдругъ обозрѣваютъ они всѣ слѣдствїя вещей, и располагая пружинами правленїя, производятъ по своей волѣ всѣ тѣ случаи, кои могутъ имѣть вліянїе на умъ толпы народной, которая не остерегается и ждетъ только, чтобъ что-нибудь побудило ее рѣшиться.

Они созываютъ собранїе и распускаютъ его, предлагаютъ ему и говорятъ рѣчи. Умѣя искусно пользоваться всѣмъ, обращаютъ въ свою выгоду какъ покорность народа во время общественнаго бѣдствїя, такъ и его безразсудность во время благоденствїя. Когда дѣла берутъ оборотъ, противный ихъ надеждѣ, то они распускаютъ народъ. Дѣлая ему

многія предложенія вдругъ, которыя надобно принять *оптомъ*; скрываютъ то, что клонится къ собственнымъ ихъ видамъ, или извиняютъ, соединяя съ такими предметами, о которыхъ знаютъ, что они пріятно тронутъ большое число (*). Представляя въ своихъ рѣчахъ такія умствованія и обстоятельства, объ истинѣ которыхъ нѣкогда выправиться, заводятъ они въ грубыя, но рѣшительныя заблужденія; и общія Риторическія мѣста, при помощи личнаго ихъ вліянія, приводятъ ихъ въ состояніе одержать большинство голосовъ (**).

(*) Такимъ образомъ Сенатъ присвоилъ себѣ въ Римѣ власть налагать подати. Во время войны противъ Веіи обѣщалъ онъ давать жалованье тѣмъ гражданамъ, которые запишутся въ воины и для того учредилъ подать. Народъ, обрадовавшись единственно той выгодѣ, что не будетъ служить на собственномъ иждивеніи, пришелъ въ такое отъ того восхищеніе, что толпою собрался у дверей Сената, и схватя за руки Сенаторовъ, называлъ ихъ своими отцами. Nihil acceptum un quam a plebe, tanto gaudio traditur; concurſum itaque ad curiam eſſe, prehenſataſque exeuntium manus patres verè appellatos etc. Tit. Liv. Lib. IV.

(**) Все это могъ бы я подтвердить многими примѣрами, взятыми изъ древней Исторіи. Но да

Съ другой стороны малое число тѣхъ (ибо есть наконецъ и такіе), которые обдумавъ предложенный предметъ, видятъ слѣдствіе предпринимаемаго поступка, теряясь въ толпѣ, не могутъ объяснить своего голоса

будетъ мнѣ позволено заимствовать ихъ только изъ своего отечества *et celebrare domeſtica facta*; никакіе примѣры не могутъ лучше доказать того, что я себѣ здѣсь предполагаю. Въ Женевѣ сдѣланъ законъ въ 1707, созывать народное собраніе каждыя пять лѣтъ, для разсужденія о дѣлахъ Республики. Но Начальники, страшась сихъ собраній, скоро выходили у гражданъ отмѣну сего закона; и первымъ положеніемъ, какое сдѣлалъ народъ въ первомъ изъ сихъ собраній въ 1712, уничтоженъ онъ на всегда. Глубокая тайность, съ какою заготовляли Начальники то предложеніе, которое хотѣли сдѣлать о семъ уничтоженіи, и непредвидѣнный способъ объявленія его гражданамъ, тогда только какъ по собраніи надобно имъ уже было приступить къ поданію голосовъ, могли несовершенно только оправдать такое странное положеніе народа; а смущеніе, въ какое пришло все собраніе, когда провозглашено послѣдствіе голосовъ, подтверждаетъ то мнѣніе, въ коемъ находятся многіе честные люди, что тогда употреблено было плутовство. Сія тайна беззаконія содержится по нынѣ подъ спудомъ. Но общее мнѣніе, которому послѣдовалъ Руссо въ своихъ *Lettres de la montagne*, есть то, что Градоначальники научили

среди всеобщихъ восклицанiй. Столь же не властны они удержать общее движенiе, какъ и человѣкъ, въ срединѣ арміи, находящейся на походѣ, не можетъ не итти: между тѣмъ голоса даются, большинство объ-

---

злодѣевъ, которымъ граждане должны были на ухо сказывать *тихо* свои голоса такъ, что когда гражданинъ говорилъ *согласенъ*, то разумѣли, что онъ соглашается на предложенiе Градоначальниковъ; когда же говорилъ *отвергаю*, то предполагали, что онъ отвергалъ *періодическія собранія*. Въ 1738 году граждане дали силу закона не большому уложенiю, состоящему изъ 44 статей, изъ которыхъ одна только строчка обязываетъ ихъ избирать на всегда четырехъ своихъ Синдиковъ, то есть Правителей 25 го Совѣта, только изъ Членовъ сего Совѣта, а до того времени выборъ ихъ былъ неограниченъ. Тогда же включили они въ законъ упомянутый мною въ примѣчанiи, (смот. стр. 240) и слово *аппробовано*, списанное съ другаго уложенiя, отъ чего Градоначальники сдѣлались совершенными Властелинами Законодательства.

Такимъ образомъ граждане, лишась мало по малу всѣхъ своихъ *политическихъ* правъ, удержали за собою только то удовольствiе, что ихъ именовали *Самодержавнымъ собранiемъ*, когда они собирались (эта мысль однакожъ поддерживала въ нихъ духъ сопротивленiя, который опасно былобъ

является, его называютъ волею всѣхъ, а въ самомъ существѣ оно есть ничто иное, какъ дѣйствіе хитрости нѣсколькихъ властолюбцевъ, которые тайно смѣются.

Словомъ, знающіе внутренность Республикъ, и какимъ образомъ вообще производятся дѣла въ весьма большихъ собранїяхъ, согласятся, что малое, но единодушное число дѣйствуетъ и видимо имѣетъ такую выгоду надъ большимъ числомъ, котораго глаза на него обращены, и которое не имѣетъ согласія, что и съ посредственнымъ искусствомъ всегда оно властно въ резолюціяхъ; что по самому существу вещей нѣтъ такой не-

---

Градоначальникамъ раздражить) и власть, по крайней мѣрѣ, *не хотѣть* избирать четырехъ *Синдиковъ*. По сему одному преимуществу сдѣлали граждане за нѣсколько лѣтъ до сего послѣднее свое усиліе; и какъ особенное стеченіе обстоятельствъ по щастію возбуждало и сохраняло между ими необычайный духъ согласія и терпѣливости, то напослѣдокъ удалось имъ частію поправить тѣ обиды, которыя по обольщенію дѣлали они сами себѣ лѣтъ 200 и больше. Съ того времени произведена посторонними силами совершенная перемѣна въ правленіи Республики въ 1782; о чемъ здѣсь не мѣсто дѣлать какія-либо замѣчанія.

лѣпости, на которую не льзя былобъ преклонить большаго скопища людей, и что законы былибъ благоразумнѣе и чаятельно выгоднѣе для всѣхъ, еслибъ установляли ихъ, кидая кости на удачу, нежели голосами народа.

Конецъ перваго Тома.

КОНСТИТУЦІЯ
АНГЛІИ.

ВТОРЫЙ ТОМЪ.

КОНСТИТУЦІЯ АНГЛІИ,

или

Состояніе Англійскаго Правленія, сравненнаго съ Реслубликанскою формою и съ другими Европейскими Монархіями.

Сочиненіе Г. де-Лолма,

Члена двухъ-сотнаго Совѣта

Женевской реслублики.

Напечатано по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

ВТОРЫЙ ТОМЪ.

Перевелъ съ Французскаго Коллежскій Ассессоръ Иванъ Татищевъ.

МОСКВА, 1806.

Въ Университетской Типографіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Втораго Тома.

Стран.

ГЛАВА VI. Какія выгоды приноситъ народу власть назначать особъ, представляющихъ его. - 3

—— VII. Продолженіе той же матеріи. Способность назначать своихъ повѣренныхъ принеслабъ народу мало прибыли, еслибъ въ тоже время не вѣрилъ онъ имъ всей своей законодательной власти. - 7

—— VIII. Заключеніе сей матеріи. Какое дѣйствіе въ Англійскомъ Правленіи имѣлъ тотъ поступокъ, учиненный народомъ, что онъ отдалъ всю свою власть повѣреннымъ. - - 12

—— IX. Вторая невыгода республиканскихъ Правленій. Народу по необходимости измѣняютъ тѣ, на которыхъ онъ полагается. - 17

—— X. Главная разность между Англійскимъ Правленіемъ и описанными теперь. Въ Англіи не имѣютъ участія въ исполнительной власти тѣ, на которыхъ народъ полагаетъ свою довѣренность. Полезность власти, какую имѣетъ Корона. - - 26

—— XI. Власти, какія употребляетъ самъ народъ. Избраніе Членовъ Парламентскихъ. - 34

—— XII. Продолженіе той же матеріи. Вольность писменія. - 36

Оглавленіе.

Стран.

ГЛАВА XIII. Продолженіе той же матеріи. 49
— — XIV. Право сопротивленія. - 57
— — XV. Доказательства, взятыя изъ дѣяній объ истинѣ началъ, положенныхъ въ семъ сочиненіи. Революціи въ Англіи оканчивались всегда отмѣннымъ образомъ. - 66
— — XVI. Вторая разность. Какимъ образомъ законы, полезные вольности подданнаго, исполняются въ Англіи. - - 84
— — XVII. Объясненіе Англійскаго Правленія. Въ чемъ Англійская Монархія, какъ Монархія, разнствуетъ отъ всѣхъ прочихъ извѣстныхъ Монархій. - - - - - 128
— — XVIII. Продолженіе той же матеріи. 161
— — XIX. До какой степени можно приложить къ Англіи примѣры другихъ Націй, лишенныхъ своей вольности. - - 220
— — XX. Нѣкоторыя идеи о тѣхъ попыткахъ, какія можно былобъ сдѣлать въ разныя времена къ уменьшенію власти Короны, и о непріятныхъ слѣдствіяхъ, какія произошлибъ отъ того. - 247
— — XXI. Нѣкоторыя примѣчанія на право налагать подати, принадлежащее Депутатамъ народа; какимъ неудобствамъ можетъ быть подвержено сіе право. - 263
— — XXII. Заключеніе. Нѣкоторыя замѣчанія о свойствѣ раздоровъ, случившихся въ Англіи. - - 278

КОНСТИТУЦІЯ АНГЛІИ.

ГЛАВА VI.

Какія выгоды приноситъ народу власть назначать особъ, представляющихъ его.

Какъ же отвратитъ народъ невыгоды, неизбѣжно сопряженныя съ его положеніемъ? Какъ воспротивится фалангѣ тѣхъ, которые соединяютъ въ себѣ чины, богатства, достоинства, власти?

Всего этого достигнетъ онъ, употребляя для защищенія тѣ же средства, какими дѣлаютъ они нападеніе, заимствуя ихъ оружіе, устройство, подчиненность.

Число ихъ не велико, слѣдовательно они удобно соединяются, и такъ надобно имъ противоположить малое число, чтобъ было также дружно. Потому что число ихъ не велико, разсуждаютъ они обо всемъ, и послѣдуютъ мнѣніямъ здраво обдуманнымъ; потому что число ихъ не велико, имѣютъ они формы, которыя служатъ имъ безпре-

станно пунктомъ соединенія ; правила , отъ которыхъ никогда не отступаютъ, и планы, которыхъ никогда не теряютъ изъ виду. И такъ , повторяю , противоположите имъ малое число , то и будете имѣть всѣ сіи выгоды.

Сверхъ того правящіе , по новому слѣдствію того , что ихъ не много , имѣютъ большее участіе и слѣдовательно вящшую нужду въ успѣхѣ своихъ предпріятій. Явно презирая своихъ соперниковъ и ведя всегда наступательную войну , они возлагаютъ на себя необходимый долгъ побѣждать. Они имѣютъ дѣло (тѣ , которыхъ побуждаютъ сильнѣйшія причины , и которые желаютъ пріобрѣтать) съ народною толпою , которая хочетъ только сохранять , и потому долго бываетъ въ бездѣйствіи и хладнокровна ; а назначая своихъ повѣренныхъ и заключая такимъ образомъ власть свою въ маломъ числѣ людей , народъ доставляетъ себѣ средство , какого у него не было , имѣть равныя выгоды , и возбуждаетъ въ своихъ защитникахъ страсти , какихъ не можетъ самъ чувствовать.

Народные Депутаты , которымъ исключительно ввѣренъ залогъ публичной вольности , будутъ побуждаемы чувствомъ величества порученныхъ имъ дѣлъ ; отличенные

отъ прочей націи и, составляя особенное собраніе, будутъ они защищать права, данныя имъ на сохраненіе совсѣмъ тѣмъ жаромъ, какой вперяетъ духъ собранія (*). Находясь на большомъ театрѣ, будутъ они надѣяться, что отличатся на ономъ; а хитрости и дѣятельности властолюбія будетъ противопоставлена живость, твердость, какую даетъ любленіе славы.

Напослѣдокъ естественно избираютъ повѣренныхъ народа изъ состоянія гражданъ, которымъ болѣе прочихъ благопріятствуетъ щастіе, и какъ по тому надобно имъ многое сохранить, то будутъ они и въ спокойныя времена неусыпно назирать за движеніями власти. Собственныя выгоды заставляютъ ихъ дѣлать безпрестанное сравненіе съ правящими; зависть, какую они возимѣютъ къ нимъ, дастъ имъ чрезмѣрную чувствительность ко всѣмъ приращеніямъ ихъ могущества. Наподобіе машинъ, показывающихъ дѣйствія Природы въ то время, когда

(*) Безъ такого расположенія духа нижняя Англійская Камора никогда не охранялабъ своего права налагать подати съ такою бдительностію отъ покушеній Лордовъ, часто можетъ - быть невольныхъ.

они еще не примѣтны нашимъ чувствамъ, увѣдомятъ они народъ о томъ, что онъ видитъ всегда очень поздно; а большая соразмѣрность ихъ имѣнія, дѣйствительнаго или мнимаго, сдѣлаетъ ихъ, если могу такъ изъясниться, барометрами, которые откроютъ въ самомъ началѣ всѣ наклонности къ перемѣнамъ Конституціи (*).

(*) Всё это предполагаетъ *существенно*, что народные повѣренные соединены своею пользою съ народомъ: мы скоро увидимъ, что это есть образцовое произведеніе Англійской Конституціи.

ГЛАВА VII.

Продолженіе той же матеріи.

Способность назначать своихъ довѣренныхъ принеслабъ народу мало прибыли, еслибъ въ то же время не ввѣрилъ онъ имъ всей своей законодательной власти.

Примѣчанія, сдѣланныя въ предшедшей главѣ, такъ ясны, что народъ въ тѣхъ правленіяхъ, въ которыхъ имѣетъ онъ какое нибудь участіе, всегда чувствовалъ надобность всего этого, и никогда не почиталъ возможнымъ пособить самъ собою невыгодамъ положенія своего. Когда ни чувствовалъ онъ утѣсненіе и хотѣлъ употребить свое могущество, то всегда отдавался въ управленіе немногихъ людей, которые его наставляли и ободряли; и когда обстоятельства требовали отъ него поведенія нѣсколько твердаго, то достигалъ своего предмета не иначе, какъ повинуясь слѣпо тѣмъ начальникамъ, которыхъ себѣ избиралъ.

Но сихъ начальниковъ, избранныхъ такимъ образомъ наудачу, можно легко устрашить ужасомъ власти; неограниченная довѣренность, возлагаемая на нихъ, оказывается

тогда только, когда зло уже чрезмѣрно, и соблюдается только чрезвычайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, въ которомъ правящіе находятся рѣдко болѣе одного разу; почему народъ почти всегда старался пользоваться минутами превосходства, какое давали ему обстоятельства, чтобъ сдѣлать прочными сіи временныя выгоды и учредить такихъ людей, которымъ былабъ именно поручена его защита и которыхъ признавалабъ Конституція. Такимъ образомъ народъ въ Лакедемонѣ выпросилъ себѣ Эфоровъ, а въ Римѣ Трибуновъ.

Очень хорошо, скажутъ; но Римской народъ не позволялъ своимъ Трибунамъ *ничего рѣшить окончательно*; онъ хотѣлъ самъ *утверждать* принятыя ими рѣшенія (*). Но это-то болѣе всего и способствовало къ тому, что учрежденіе ихъ сдѣлалось тщетнымъ. Народъ, хотѣвъ мѣшать свой голосъ съ голосомъ тѣхъ, на которыхъ по благоразумію своему обѣщалъ полагаться, хотѣвъ объявлять сто тысячами голосовъ то, что его предводители объявилибъ также, разрушалъ такимъ образомъ все дѣйствіе своихъ предосторожностей; и чтобъ сохранить видъ самодержавія (видъ химерической, потому

(*) Руссо общежительный договоръ.

что онъ подавалъ голоса подъ чужею дирекцïею), подвергался опять всѣмъ тѣмъ неудобствамъ, о которыхъ мы выше говорили.

Сенаторы, Консулы, Диктаторы, знатные люди, которыхъ онъ страшился по благоразумïю, а по простотѣ имъ вѣрилъ, продолжали съ нимъ обращаться и употреблять свое искуство; они еще говорили ему рѣчи (*); еще перемѣняли мѣсто собранïй; предъявляя, будто предзнаменованïя не благопрïятны, подъ симъ предлогомъ, или подъ другими, распускали его, или управляли имъ (**), а Трибуны, когда удавалось имъ

(*) Валерій Максимъ разсказываетъ, что когда Трибуны хотѣли предложить распоряженïя о хлѣбѣ во время неурожая: то Сципіонъ Назика удержалъ собраніе, сказавъ имъ: „Тише Римляне! Я знаю „лучше, что полезно для Республики.“ Tacete quaeſo Quirites; plus enim ego quam vos, quid Reipublicae expediat, intelligo. Quâ voce audita, omues pleno venerationis silentio, majorem ejus autoritatis, quam ſuorum alimentorum curam egerunt.

(**) Quid enim majus ert? ſi de jure augurum quaerimus: сказалъ Цицеронъ, который былъ самъ Авгуромъ, а что еще больше Сенаторомъ, quam poſſe à ſummis imperiis, et ſummis poteſtatibus, comitiatus et concilia vel inſtituta dimittere, vel habita reſcindere? Quid gravius, quam rem ſuſceptam dirimi, ſi unus

соединиться, съ отчаяніемъ видѣли, что предпріятія, производимыя съ величайшимъ трудомъ и даже съ величайшимъ бѣдствіемъ, были испровергаемы скаредными хитростями.

Когда же противная имъ сторона была въ согласіи, и они теряли всю надежду успѣть такими средствами, или страшились употреблять ихъ съ расточеніемъ, то прибѣгали къ другимъ хитростямъ. Они давали Консулу, одною формулою (*), неограниченную власть надъ жизнію гражданъ, или назначали Диктатора. Народъ унывалъ, видя представляемый ему Государственный Маскерадъ, а Трибуны, сколькобъ прозорливы ни были, трепетали, оставшись безъ защитниковъ (**).

---

augur *Alium* (id eſt, Alium diem) dixerit? De Legib. Lib. II. §. 12.

(*) Videat Conſul, ne quid detrimenti Reſpublica Capiat.

(**) Народные Трибуны, говоритъ Титъ-Ливій, великій почитатель власти Дворянъ, „и самъ народъ „не смѣютъ ни взглянуть, ни пикнуть передъ Диктаторомъ!„ Nec adverſus dictatoriam vim aut tribuni plebis, aut ipſa, plebs attolere oculos, aut hiſcere audebant. Tit Liv. L. VI. §. 16.

Въ другое время злословили они Трибуновъ передъ самимъ собранїемъ, или понося ихъ тайно, приводили въ совершенное безславїе. Такимъ образомъ народъ глядѣлъ спокойно на умерщвленїе Тиверїя Гракха, единаго Римлянина дѣйствительно добродѣтельнаго, единаго, который истинно любилъ народъ. Такимъ образомъ Каїй, котораго не устрашилъ примѣръ его брата, былъ напослѣдокъ такъ оставленъ, что не сыскался ни одинъ человѣкъ, который бы хотѣлъ ссудить его лошадью, чтобъ избѣгнуть отъ ярости Дворянъ, и онъ принужденъ былъ самъ себя умертвить, жалуясь богамъ на непостоянство гражданъ.

Иногда заводили они раздоры въ народѣ, страшныя пронырства открывались вдругъ наканунѣ важнаго предпрїятїя; и умѣренные люди убѣгали собранїй, на которыхъ должно было ожидать только мятежа и замѣшательства.

Въ довершенїе удобности, съ каковою они ругались надъ народными собраніями, дѣлали они ложныя объявленїя о числѣ голосовъ: нѣкогда дошли до того, что украли урны, въ которыя должно было гражданамъ класть свои голоса (*).

(*) О всемъ этомъ можно читать Плутарха, особливо въ *Жизни* Гракховъ. Впрочемъ увольняю Чита-

ГЛАВА VIII.

Заключеніе сей матеріи.

Какое дѣйствіе въ Англійскомъ Правленіи имѣлъ тотъ поступокъ, учиненный народомъ, что онъ отдалъ всю свою власть повѣреннымъ.

Но когда народъ отдаетъ свою власть малому числу людей, то дѣла вдругъ принимаютъ иной оборотъ. Правящіе находя, что вмѣсто тѣхъ собраній, которыя тщатся они презирать, сравнивая ихъ безпрестанно съ бурею и *Евриломъ* (*) и съ которыми слѣ-

---

телей своихъ отъ такихъ собраній, въ которыхъ вооружали одну часть народа противъ другой; я говорю съ ними только о временахъ предшедшихъ, или послѣдовавшихъ вскорѣ за третьею Пуническою войною, то есть, о тѣхъ, которыя называютъ прекрасными временами Республики.

(*) Цицеронъ не истощимъ объ этомъ: Quid enim fretuni, quem Euripum, tot motus, tantas et tam varias habere putatis agitationes fluctuum; quantas perturbationes, et quantos aestus habet ratio comitiorum. Or. pro Muraena. — Concio, говоритъ онъ еще, quae ex impertissimis constat etc. etc. de amictia §. 25.

дователно почитаютъ за нужное быть справедливыми, находя, говорю, что имѣютъ дѣло съ людьми, которые ниже ихъ однимъ условіемъ, тотчасъ перемѣняютъ мысли, и особливо остерегаются говорить предъ ними о священныхъ курицахъ, о Сивилиныхъ книгахъ и о дняхъ *черныхъ и бѣлыхъ*. Новые ихъ соперники требуютъ уваженій; а это одно уже и внушаетъ имъ оное: видя, что они поступаютъ постояннымъ образомъ, что послѣдуютъ твердымъ правиламъ; словомъ, имѣютъ формы, начинаютъ они уважать ихъ по той же причинѣ, для которой народъ почитаетъ ихъ самихъ.

Съ другой стороны народные Депутаты скоро пріобрѣтаютъ все, чѣмъ могутъ дѣйствительно оказать ввѣренную имъ власть, всё что можетъ довести до того, чтобъ ихъ рѣшенія были послѣдствіемъ разсужденія, разума. Такимъ образомъ Депутаты Англійскаго народа требовали въ самомъ началѣ своего учрежденія, чтобъ имъ собираться особо: за тѣмъ удалось имъ назначить себѣ Президента, вскорѣ потомъ хотѣли они, чтобъ съ ними совѣтовались о послѣдней формѣ актовъ, ими учиненныхъ, наконецъ хотѣли ихъ сами сочинять.

Чтобъ отвратить у себя всю возможность обмана, принято за правило, что

всякое предложеніе, или всякую билю должно читать три раза въ разные и назначенные дни, прежде нежели будетъ она окончательно утверждена: и прежде каждаго чтенія били, такъ какъ и при первомъ ея введеніи, надобно именно рѣшить, что должно продолжать заниматься ею; ежели биля будетъ отринута, въ которомъ бы то ни было изъ разныхъ сихъ дѣйствій, то она уничтожается, и не льзя уже ее представить въ нынѣшнемъ засѣданіи (*).

Члены Нижней Каморы старались особливо сохранить свободу слова въ своемъ собраніи. Они требовали именно, какъ мы уже сказали, чтобъ ихъ поступки, или слова не

(*) Еще принято за правило въ Нижней Каморѣ, что всякой Членъ можетъ говорить только одинъ разъ въ одинъ и тотъ же день. Когда разныя статьи били требуютъ свободнѣйшаго разбирательства, то оное поручается *Комитету*, который послѣ дѣлаетъ докладъ. Когда предметъ важенъ, то Комитетъ составляется изъ всей Каморы, собранной въ томъ же мѣстѣ, но не столь торжественнымъ образомъ и подъ другимъ предсѣдателемъ, котораго называютъ *Черманомъ* Комитета. Чтобъ снова составить Камору, кладутъ опять *всѣ бумаги* на столъ и *Ораторъ* снова занимаетъ свое мѣсто.

могли быть индѣ разсматриваемы; напослѣдокъ, чтобъ удалить отъ совѣтованій всякую причину, не принадлежащую къ самому дѣлу, не дали они своему Президенту ни мнѣнія, ни голосовъ; приняли даже за правило, чтобъ не только не могъ Король предлагать имъ, но чтобъ и его имя не было никогда произносимо (*).

Но пользу Конституціи, въ которой народъ дѣйствуетъ только своими Депутатами, то есть посредствомъ немногочисленнаго собранія, и въ которомъ каждый предлагаетъ, разсуждаетъ и разбираетъ, болѣе всего доказываетъ то, что она одна можетъ имѣть ту чрезвычайную выгоду, которую не знаю, хорошо ли умѣлъ я изъяснить, когда говорилъ объ ней выше сего (**), что вручаетъ народу главныя пружины Законодательной власти.

Въ Конституціи, въ которой призываютъ народъ сказать свое мнѣніе о законахъ, успѣваютъ, или же и заболятся вы-

---

(*) Еслибъ кто сказалъ въ своей рѣчи, что Король желаетъ, или что ему пріятно будетъ, тому былобъ тотчасъ *приказано молчать*, какъ будто бы онъ хотѣлъ *управлять* преніями.

(**) Въ Главѣ IV сей книги.

слушать только тѣхъ, которые видны, слѣдовательно управляющихъ; и они пріобрѣтаютъ напослѣдокъ, такъ какъ случалось во всѣхъ Республикахъ, исключительное право предлагать, буде имъ угодно, когда угодно и какъ угодно. Прерогатива, которая подвергнула бы собраніе, составленное изъ величайшихъ людей, произволу двухъ, или трехъ дураковъ и дѣлаетъ совершенно мечтательною хваленую власть народа: прерогатива, которая, находясь притомъ въ рукахъ его соперниковъ, принуждаетъ его безпрестанно оставаться страдательнымъ и отнимаетъ у него единственное спасительное средство, какое могъ бы онъ противоположить ихъ нападеніямъ.

Словомъ, *представительная* Конституція вручаетъ лѣкарства чувствующимъ болѣзнь, а *народная* Конституція отдаетъ лѣкарства въ руки людей, причиняющихъ зло, и необходимо ведетъ къ нещастію, къ тому политическому бѣдствію, что ввѣряетъ средство и попеченіе обуздывать власть имѣющимъ власть.

ГЛАВА IX.

Вторая невыгода Реслубликанскихъ Правленій. Народу по необходимости измѣняютъ тѣ, на которыхъ онъ полагается.

Но сіи общія собранія народа, котораго заставляли рѣшить о томъ, чего онъ не разумѣлъ и не изслѣдовалъ, сіе замѣшательство, въ которомъ властолюбивый скрывалъ свои хитрости и вѣрно шелъ къ своей цѣли, составляли не одно неудобство древнихъ Республикъ. Былъ порокъ тайнѣйшій, но безпосредственнѣе изпровергающій начало, сопряженное съ симъ родомъ правленія.

Народу не возможно было имѣть истинныхъ защитниковъ. Ни тѣ, которыхъ онъ выбиралъ, ни тѣ, которые съ помощію обстоятельствъ разпоряжали его собраніями (ибо народъ, скажу еще разъ, имѣетъ власть только для того, чтобъ ее отдавать, или позволять брать), не могли быть привязаны къ нему чувствомъ одинакихъ пользъ. Въ силѣ своей равнялись они нѣкоторымъ образомъ съ блюстителями исполнительной власти, и потому мало помышляли укрощать наглости, отъ которыхъ были сами предохранены. Сверхъ того боялись они уменьшить такую

власть, которая долженствовала принадлежать когда нибудь имъ самимъ, хотя они еще и не имѣли въ ней участія. (*)

Такимъ образомъ Трибуны не имѣли никогда инаго ревностнаго и твердаго предмета, кромѣ того, чтобъ народъ, то есть они сами, былъ допущенъ ко всѣмъ достоинствамъ. Успѣвши въ томъ, что простолюдимы были допущены въ Консульство, выходили они, чтобъ браки были безпрепятственны между ими и Патриціями; по томъ заставили себя допустить въ Диктаторство, въ военной Трибунатъ, въ Цензорство, словомъ, употребляли власть народа только для умноженія прерогативъ, которыя называли Прерогативами всѣхъ, но которыми должны были въ самомъ дѣлѣ пользоваться только они и ихъ сообщники.

Но мы не видимъ, чтобъ они употребляли народную власть на дѣла, прямо полез-

---

(*) Вѣроятно ли, чтобъ люди, которые ожидали сами сдѣлаться Преторами, согласились ревностно ограничивать власть Преторовъ? чтобъ, домогаясь Консульства, могли они желать сократить могущество онаго? Чтобъ, увѣрены будучи, что по любви народной сдѣлаются Сенаторами, старались дѣйствительно умеиьшить уваженіе Сената?

ныя народу. Не видимъ, чтобъ ограничивали страшную силу его правителей, чтобъ удерживали когда-либо тотъ классъ гражданъ, который умѣетъ заставить уважать свои преступленія; словомъ, чтобъ они старались съ одной стороны обуздать, а съ другой подкрѣпить судебную власть: предосторожности, безъ которыхъ, хотя бы кто трудился до скончанія вѣка, не могъ бы найти истинной вольности; предосторожности, безъ которыхъ, какъ говоритъ Попе, законы будутъ всегда *очень слабы для сильныхъ, очень сильны для слабыхъ.*

Судебная власть, сей вѣрный признакъ Правленія, была въ Римѣ ничто иное, какъ орудіе тиранства. Консулы употребляли тамъ во всѣ времена право жизни и смерти. Диктаторы имѣли оное; Преторы имѣли, народные Трибуны имѣли, а Сенатъ и подавно имѣлъ его; и триста семьдесятъ бѣглыхъ воиновъ, которыхъ, по словамъ Тита-Ливія, велѣлъ онъ вдругъ сбросить съ Тарпейской горы, показываютъ довольно, что могъ онъ дѣлать. Можно даже сказать, что въ Римѣ право жизни и смерти, или лучше сказать, право убивать, принадлежало всякой власти, какова бы она ни была, и той самой, которая происходитъ отъ знатности или богатства; и единственнымъ слѣдствіемъ умерщвленія Гракховъ, случившагося по-

слѣ убійства трехъ сотъ и такого же по томъ избіенія четырехъ тысячь обезоруженныхъ гражданъ, было то, что Сенатъ приказалъ построить храмъ согласію. *Законъ порція* de tergo civium, столь много превозносимый, не имѣлъ инаго дѣйствія, кромѣ того, что совершенно охранилъ отъ мщенія Консуловъ, Преторовъ, Квесторовъ и проч., которые, также какъ и Верресъ (*), приказывали, когда имъ хотѣлось, сѣчь розгами и распинать на крестѣ, простыхъ гражданъ. Напослѣдокъ Римской Сенатъ имѣлъ власть налагать подати, увольнять отъ дѣйствія

(*) Если взглянемъ на Лакедемонъ, то, по разнымъ чертамъ правосудія Эфоровъ, увидимъ, что дѣла тамъ были распоряжены не многимъ лучше. Напослѣдокъ въ самихъ Аѳинахъ, единой изъ древнихъ Республикъ, гдѣ, кажется, существовала вольность, Градоначальники поступали почти такъ, какъ теперь дѣлаютъ у Турковъ: въ доказательство чего приведу только Исторію цырюльника *Пирейскаго*, пропустившаго по городу вѣсти о пораженіи Аѳинянъ въ Сициліи, сказанныя ему иностранцемъ, остановившимся передъ его лавкою, который, по приказанію Архонтовъ, былъ пытанъ за то, что не зналъ именовать того, отъ кого слышалъ тѣ вѣсти. *Плутархъ Жизнь Никія.*

законовъ, и даже отмѣнять ихъ (*): что доказываетъ, сколь мало-знающи и въ Исторіи тѣ, которые выхваляютъ намъ правленіе древняго Рима.

Словомъ, по причинѣ *прилипчивости* силы, существенно принадлежащей Республиканскому правленію, не возможно, чтобъ она подлежала правиламъ. Могущіе обуздать ее становятся потому самому ея защитниками. Произшедши, буде хотите, изъ состоянія самаго низкаго, которое, кажется, болѣе всего успокоивало о ихъ видахъ, коль скоро достигали они до нѣкоторой степени, то простирали ихъ далѣе. Прежде стара-

(*) Консулы часто уносили изъ Капитоліи скрижали законовъ, постановленныхъ при ихъ предмѣстникахъ; и это не было, какъ сперва можно подумать, насиліе, оправдаемое только успѣхомъ, а слѣдствіе точной власти, какую имѣлъ Сенатъ, cujus erat graviſſimum judicium de jure legum, какъ то можно видѣть на разныхъ мѣстахъ Цицероновыхъ сочиненій. Сами Авгуры, говоритъ еще Цицеронъ, имѣли это право. „Когда законъ „не предложенъ народу въ надлежащей формѣ: „то Авгуры могутъ его уничтожить: такова „была судьба закона *Tetia* по опредѣленію Колле„гіи; то же случилось съ законами *Liviae* по со„вѣту Филиппа, Консула и Авгура.“ Legem, si non jure regata est, tollere poſſunt; ut Tetiam, dec-

лись они только о томъ, чтобъ законы были наблюдаемы; теперь помышляютъ единственно о томъ, какъ бы отъ нихъ освободиться; и сравнявшись съ тѣмъ сословіемъ, которое располагаетъ и наслаждается всѣмъ, не заботятся ни о чемъ болѣе, какъ войти въ то сословіе (*).

Народъ въ такихъ областяхъ бываетъ въ той неизбѣжной необходимости, что ему

---

reto Collegii; ut Livias, consilio Philippi Consulis et Auguris. De Legib. Lib. II. §. 12.

(*) Это имъ всегда легко сдѣлать. Въ Республикахъ классъ людей, правящихъ Государствомъ, безпрестанно устремляетъ глаза на народъ, чтобъ узнать пріобрѣвшихъ вліяніе надъ нимъ и привлечь ихъ на свою сторону, и чѣмъ демократнѣе форма правленія, тѣмъ необходимѣе для него такое вниманіе.

Римская Конституція учредила это именно. Не только могли Цензоры переводить каждаго гражданина въ ту статью, въ какую имъ угодно было, даже въ Сенатъ (и безъ сомнѣнія не упускали дѣлать Политическаго употребленія изъ сей привиллегіи); но было постановлено, что всякій опредѣленный народомъ къ какой нибудь должности, на пр. въ Консульство, Едильство, въ Трибунатъ, становился потому самому членомъ Сената. См. Мидлетонову Диссертацію о Римскомъ Сенатѣ.

измѣняютъ сдѣлавшіеся по его пріязни сильными и независимыми отъ законовъ. Заражая, такъ сказать, все, до чего ни дотронется, отличаетъ онъ человѣка только для того, чтобъ развратить его добродѣтель: возвышаетъ, чтобъ погубить, и слѣдовательно ослабить себя самаго. Что говорю! онъ даетъ ему выгоды, совсѣмъ противныя собственнымъ пользамъ, и посылаетъ его умножать число своихъ враговъ.

Такимъ образомъ въ Римѣ, по ниспроверженіи слабой препоны, которая заграждала народу путь къ достоинствамъ и власти, тѣ изъ простолюдимскихъ фамилій, которымъ голоса народа начали ихъ давать, составили со старинными фамиліями Патриціевъ новую связь nobiles и nobilitas, и какъ она состояла не изъ особеннаго какого класса людей, а изъ всѣхъ тѣхъ, которые были столь сильны, что могли въ ней удержаться, или въ оную вступить, то въ Республикѣ видна была одна только голова, которая, какъ составленная изъ всѣхъ знатныхъ и богатыхъ, распоряжала по своей волѣ, законами, властію, народомъ; и потому не наблюдала ни умѣренности, ни осторожности (*).

(*) Уничтоженіе Патриціевъ было великимъ несчастіемъ Римскаго народа, что бы ни говорили

И такъ всякая Конституцïя, которая не будетъ имѣть уваженïя ко всему этому, будетъ Конституцïя существенно несовершенная. Тѣ нещастïя, отъ которыхъ надобно защищаться, находятся въ самомъ человѣкѣ; и такъ можно ласкаться отвратить ихъ всеобщими только предосторожностями. Если гибельно то заблужденïе, когда отъ правящихъ не ожидаютъ ничего инаго, кромѣ справедливости и правды, то столь же вредно воображать себѣ, что когда добродѣтель, умѣренность, суть свойства противящихся злоупотребленïямъ власти, то все высокомѣрïе, все желанïе властвовать перешли на другую сторону.

Хотя благоразумный человѣкъ, увлеченный властïю именъ и горячностïю политическихъ споровъ, можетъ иногда потерять изъ виду цѣль, однако онъ знаетъ, что надобно направлять предосторожности не противъ *Аллïевъ*, *Корунканïевъ*, *Цетеговъ*, а противъ всѣхъ, которые могутъ заставить молчать, или говорить законы; что страшиться должно не Консула, не Претора, не Архонта, не Министра, не Короля; что слѣпо ввѣряться должно не Трибунамъ, не народнымъ Депутатамъ, но что пред-

---

писавшïе о сей матерïи, хотя, правду сказать, это не могло не послѣдовать.

мѣтами нашей ревности должны быть всѣ тѣ безъ разбору, которые, какимъ бы способомъ и съ какимъ бы то именемъ ни было, нашли средство обращать противъ каждаго силу всѣхъ; и распорядили вещи вокругъ себя такъ, что кто захочетъ имъ противиться, тотъ останется всегда одинъ противъ тысячи.

ГЛАВА X.

Главная разность между Англiйскимъ Правленiемъ и описанными теперь. Въ Англiи не имѣютъ участiя въ исполнительной власти тѣ, на которыхъ народъ полагаетъ свою довѣренность. Полезность власти, какую имѣетъ Корона.

Какъ же Англiйская Конституцiя отвратила тѣ нещастiя, которыхъ, съ перваго взгляду, кажется, отвратить не льзя? Какъ побудила она тѣхъ, для которыхъ народъ сложилъ съ себя всю власть, къ признательности сильной и постоянной? тѣхъ, которые имѣютъ особенную власть помышлять только о выгодѣ всѣхъ? тѣхъ, которые дѣлаютъ законы, дѣлать только справедливые? Отвѣчаю, подчиняя онымъ ихъ самихъ и, для того, отнимая у нихъ исполненiе.

Парламентъ можетъ учредить регулярныхъ войскъ, сколько ему угодно; но по томъ является другая власть, которая беретъ надъ ними начальство, наполняетъ всѣ ихъ мѣста и приводитъ ихъ въ движенiе по своей волѣ. Парламентъ можетъ учредить подати, но другая власть тотчасъ беретъ къ себѣ все ихъ количество, имѣя одна

выгоду и славу раздачи. Парламентъ можетъ, если хотите, уничтожить законы, служащіе основаніемъ безопасности подданнаго, но испровергнувъ подпоры вольности, удовлетворитъ прихотямъ и мечтамъ не своихъ членовъ, а другихъ людей.

Не довольно было отнять у законодателей исполненіе законовъ, слѣдовательно и увольненіе, отъ того проистекающее; а надобно было отнять у нихъ и то, что произвело бы тѣ же слѣдствія, надежду присвоить себѣ когда нибудь эту власть.

Сія власть сдѣлалась въ Англіи прерогативою единственною, нераздѣлимою, издавна неотъемлемо присвоенною одной только особѣ, законами торжественными и обычаемъ постояннѣйшимъ; и всѣ дѣятельныя силы Государства соединены вокругъ ея.

Чтобъ еще болѣе обезпечить сей залогъ, Конституція дала тому, кому ввѣрила его, всю власть, могущую произойти отъ мнѣнія, а особливо вручила ему раздачу и сохраненіе милостей, и собственною пользою побудила само честолюбіе защищать его.

Она дала ему участіе въ законодательной власти; участіе правда страдательное и такое только, какое можно ему назначить,

не подвергая Государства опасности; но посредствомъ онаго отражаетъ онъ удары, какіе хотѣлибъ нанести Конституціональному властительству.

Наконецъ, онъ есть одна только власть, сама собою существующая и независимая въ Государствѣ. Генералъ, Министръ, человѣкъ служащій зависятъ отъ продолженія Государева благоволенія: онъ освободился бы отъ самаго Парламента, еслибъ этотъ усилился когда либо слишкомъ; и ему нужно произнесть одно только слово, чтобъ уничтожить всякую власть, каковабъ она ни была, которая моглабъ его подвергнуть опасности: страшныя Прерогативы! Но подумавъ съ одной стороны о тѣхъ великихъ правахъ, которыми они уравновѣшены, а съ другой о щастливыхъ слѣдствіяхъ, происходящихъ отъ ихъ соединенія, можно быть спокойнымъ.

Изъ сего соединенія и, если могу такъ изъясниться, изъ сего совершеннаго секвестрованія исполнительной власти, слѣдуетъ вопервыхъ та выгода, которую мы уже дали замѣтить въ одной изъ предшедшихъ главъ, что вниманіе всей націи обращается къ одному и тому же предмету. Сверхъ того народъ пользуется такимъ образомъ другою выгодою, которая существен-

нѣе всѣхъ: онъ можетъ давать довѣренность, не давая власти надъ собою и противъ себя; можетъ учреждать блюстителей, не дѣлая ихъ своими властелинами.

Тѣ, которымъ народъ поручилъ власть дѣлать законы, знаютъ, что сами возчувствуютъ всю тягость оныхъ; они могутъ умножить исполнительную власть, но не могутъ дать ее себѣ; не могутъ привести ее въ движенїе, а могутъ только развязать ей руки; важность и даже самое существованїе ихъ зависитъ отъ надобности, какую въ нихъ имѣетъ сїя власть; они знаютъ, что коль скоро совершатъ мѣру беззаконїя и измѣнятъ довѣренности народной: то будутъ разпущены, брошены какъ испорченныя и впредь негодныя орудїя.

Тоже распоряженїе дѣлъ въ Англїи отвращаетъ тамъ и упомянутый въ предшедшей главѣ существенный недостатокъ, неотдѣлимый отъ народнаго правленїя.

Въ семъ родѣ правленїя, дѣло народа, какъ примѣчено, безпрестанно пренебрегаютъ и ему измѣняютъ. Произвольнымъ прерогативамъ правящихъ властей благопрїятствуютъ во всякое время явно, или скрытно, не только тѣ, которые могутъ по справедливости надѣяться, что нѣкогда получатъ

участïе въ употребленïи оныхъ ; но и цѣлая толпа другихъ людей , которые , по обыкновенному расположенïю смертныхъ имѣть всегда слишкомъ хорошее мнѣнïе о своемъ состоянïи и достоинствахъ , безумно воображаютъ себѣ , что придетъ время , когда и они въ свою очередь будутъ имѣть какую нибудь отрасль правленïя , или же , что уже принадлежатъ однимъ, или другимъ образомъ къ правящей власти.

Но какъ сïя власть въ Англïи сдѣлана нераздѣлимою и неотъемлемою принадлежностïю одного только, то собственная польза по тому самому побуждаетъ всѣхъ прочихъ Членовъ Государства оставаться въ своихъ предѣлахъ. Такимъ образомъ вольность сдѣлалась общимъ дѣломъ всѣхъ ; законы, ее обезпечивающïе, охраняютъ люди всякаго званïя и степени; и актъ habeas corpus на примѣръ, ревностно защищаютъ знатнѣйшïе вельможи Государства, такъ какъ и послѣднïй подданный.

Самъ Министръ , по причинѣ сей *неотъемлемости* исполнительной власти , находитъ свою пользу не менѣе , какъ и его сограждане , охранять законы , на которыхъ основана общественная вольность. Сколько бы ни занимался онъ наслажденïемъ своей власти и средствами удержать ее ; но ему не

безъизвѣстно, что придворное пронырство, прихоть, могутъ повсечасно разстроить его планы и смѣшать его самаго съ народомъ; что злоба преемника, долго удаляемаго, можетъ заключить его въ ту же тюрьму, какую поощрялибъ его мгновенныя страсти приготовить для другихъ.

И такъ по разпоряженїю дѣлъ знатные Господа находятся въ необходимости составлять общее дѣло съ народомъ, чтобъ обуздать правящую власть въ ея самовольствахъ; и, что не менѣе существенно для благосостоянїя народнаго, принуждены по той же причинѣ остерегаться, чтобъ не преступить предѣловъ своей власти и частнаго вліянїя: такимъ образомъ общїй духъ справедливости разливается во всѣхъ частяхъ Государства.

Богатый частный человѣкъ, народный Депутатъ, сильный Перъ, видя передъ собою безпрестанно страшную власть, власть, которой могутъ противуположить только стражу законовъ, и которая воздала бы имъ сторицею за малѣйшїя ихъ нарушенїя, принуждены желать хорошихъ только законовъ и наблюдать ихъ съ крайнимъ раченїемъ.

И такъ пусть народъ страшится (это надобно для его вольности), но пусть никогда не перестаетъ совсѣмъ любить пре-

стола, единственнаго залога дѣятельныхъ силъ Государства.

Пусть вѣдаетъ, что, вооружая безмѣрною силою мышцу правосудія, приводитъ онъ ее въ состоянїе подвергнуть отчету слабаго, такъ какъ и сильнаго законопреступника; что онъ уничтожилъ, и, если могу такъ изъясниться, выпололъ всѣ тиранства, то союзныя, то соперныя, которыя непрестанно силятся произрастать изъ нѣдръ обществъ, и которыя тѣмъ страшнѣе, чѣмъ менѣе обезпечены.

Пусть вѣдаетъ, что отдавая милости на произволъ единаго, заключилъ онъ въ частную округу тѣ предпрїятїя, которыя прежде колебали Государства; что сраженїя, ярости властолюбїя перемѣнилъ онъ въ происки; и что сїи споры, теперь только забавляющїе, суть такїе Вулканы, которые причиняли пожары въ древнихъ Республикахъ.

Что онъ, не показывая богатому иной безопасности для его палатъ, кромѣ той, какую имѣетъ земледѣлецъ для своей хижины, соединилъ его дѣло съ своимъ, дѣло сильнаго съ дѣломъ слабаго, дѣло знатнаго гражданина, съ дѣломъ простаго.

Особливо ПрестолЪ, сія ревнивая власть, увѣряетЪ его, что народные Депутаты останутся навсегда Депутатами, и есть КарбагенЪ всегда существующій, который отвѣчаетЪ за ихЪ добродѣтель.

ГЛАВА XI.

Власти, какія употребляетъ самъ народъ. Избраніе Членовъ Парламентскихъ.

Конституція Англіи, соединивъ участь тѣхъ, которымъ народъ ввѣряетъ свою власть, съ участію самаго народа, кажется сею одною предосторожностію сдѣлала всё для его безопасности.

Но какъ цѣпь произшествій можетъ современемъ совершить такія дѣла, которыя сначала казались совсѣмъ невѣроятными, то служителямъ исполнительной власти былобъ возможно, не смотря и на великость предосторожностей, принятыхъ именно для возпрепятствованія ихъ вліянію, употребить напослѣдокъ средства къ изпроверженію нѣкоторыхъ законовъ, обезпечивающихъ вольность. Даже въ то время, когдабъ сія опасность была мечтательна, могло бы статься, что народные Депутаты, по меньшей мѣрѣ угождая порочному Министерству, и небережно раздавая плодъ трудовъ народа, причинилибъ ему нѣсколько золъ дурнаго правленія.

Напослѣдокъ, какъ долгъ ихъ есть, не только предохранить его отъ золъ произ-

вольной власти ; но сверхъ того и доставить ему сколько возможно лучшее правленïе , то спаться можетъ , что они показалибъ въ семъ отношенïи такую холодность , которая значилабъ то же , что и существенныя нещастïя.

И такъ надобно было Конституцïи прïискать средство и на всё это , а оно и находится въ правѣ избранïя.

По истеченïи срока полномочïю, данному отъ народа , собирается онъ въ разныхъ городахъ или Графствахъ ; созываетъ вновь тѣхъ изъ своихъ повѣренныхъ , которыхъ поведенïемъ онъ доволенъ , отвергая тѣхъ , которые подали ему причину къ жалобамъ. Средство простое и совершенно принаровленное къ способностямъ народа , потому что предполагаетъ только знанïе произшествïй ; но средство при томъ сильнѣйшее изъ всѣхъ; ибо зло происходитъ не отъ порока правленïя , а отъ особенныхъ расположенïй нѣкотораго числа людей ; слѣдовательно исключить сихъ людей , есть исторгнуть самый корень.

Но вижу , что мнѣ должно говорить о другомъ правѣ Англïйскаго народа , чтобъ дать почувствовать тѣ выгоды , какïя можетъ онъ получить отъ права *избранïя* и отъ средствъ , какïя имѣетъ производить его въ дѣйство.

ГЛАВА XII.

Продолженїе той же матерїи.

Вольность тисненїя.

Нещастїя Государства происходятъ не только отъ недостатка законовъ его, но также отъ неисполненїя оныхъ, и часто отъ такого неисполненїя, что не возможно подвергнуть его наказанїю, или даже опредѣлить его свойство; почему выдумано во многихъ Государствахъ средство, которое могло бы дополнить несовершенство законодательствъ, и начать тамъ, гдѣ они кончатся; я хочу говорить о Цензорствѣ: такой власти, которой дѣйствїя могутъ быть очень велики, но которой употребленїе, въ отличїе отъ законодательной власти, должно быть предоставлено народу.

Цѣль законодательства, какъ мы видѣли, не та, чтобъ узнать и исполнять частныя хотѣнїя каждаго гражданина, а единственно открыть и объявить то, чего требуетъ общая польза въ данныхъ обстоятельствахъ; почему и не нужно каждаго о томъ спрашивать; и коль скоро окажется, что это средство, которое кажется сперва столь естественнымъ, узнавать изъ мнѣнїя всѣхъ то что прилично всѣмъ, на практикѣ

подлежитъ величайшимъ неудобствамъ, то и должно не обинуясь оставить оное. Но какъ всеобщее мнѣнїе принадлежитъ одно къ вѣдомству Цензорской власти, то не льзя иначе достигнуть цѣли, какъ дѣлая, чтобъ это самое мнѣнїе было объявлено; о немъ только долженъ настоять вопросъ; слѣдовательно надобно, чтобъ самъ народъ говорилъ и объявилъ оное. И такъ особенный Трибуналъ Цензорства удаляется существенно отъ своей цѣли, да и сверхъ того имѣетъ онъ большїя неудобства.

Какъ онъ учрежденъ только для рѣшенїя дѣлъ, выходящихъ изъ порядка, то и не можетъ подлежать никакому правилу. Сверхъ того, по существу самаго дѣла, не льзя ему имѣть Конституцїональнаго перевѣса, и онъ представляетъ зрѣлище власти, совершенно произвольной и въ разныхъ своихъ производствахъ могущей довести гражданъ до отчаянїя, нарушая ихъ тишину и благополучїе самымъ жестокимъ образомъ. Онъ производитъ еще и то великое зло, предписывая сужденїя народу, что отнимаетъ у него свободу мыслить, прекраснѣйшую привиллегїю, такъ какъ и подпору вольности, собственно называемой (*).

(*) Монтескьё, Руссо и даже всѣ, сколько мнѣ извѣстно, писавшїе о сей матерїи, выхваляютъ съ

И такъ свободу, которую имѣетъ народъ разсматривать и порицать поведеніе правленія и всѣхъ управляющихъ какою нибудь его отраслію, можно почитать новою и весьма большею выгодою Англійскихъ законовъ. Не только обезпечиваютъ они каж-

---

великимъ жаромъ Трибуналъ Цензорства, установленный въ Римѣ. Они не примѣтили, что сія власть, порученная особымъ Градоначальникамъ съ другими произвольными властьми, къ ней присоединенными, была только Государственная хитрость одинакаго свойства съ упомянутыми нами въ предшедшихъ главахъ, изобрѣтенная, такъ какъ и всѣ прочіе Сенатомъ, для утвержденія своего Начальства. Кавалеръ Томасъ Муръ, въ своей системѣ правленія, названной: *Извѣстіе объ утопіи* (*Щастливой Религіи*), послѣдовалъ по сей матеріи такимъ же мнѣніямъ: онъ не хочетъ, чтобъ народъ могъ хулить поступки правящихъ, и тотъ человѣкъ, который говоритъ о поведеніи правленія въ его землѣ, достоинъ смерти.

Мнѣ пріятно, признаюсь, дать замѣтить Читателю при семъ случаѣ, что, хотя нѣкоторые люди назвали меня стряпчимъ власти, однако я разпространилъ идею вольности далѣе, нежели многіе Писатели, которые произносятъ ея имя съ выразительною важностію. —

дому частному человѣку право подавать прошенія Королю, или обѣимъ Каморамъ; но еще позволяютъ ему представлять жалобы и всякія примѣчанія въ Трибуналъ Публики, способомъ писненія. Право страшное правящимъ и которое, разгоняя безпрестанно туманъ величества, въ какомъ они скрываются, равняетъ ихъ съ прочими людьми и колеблетъ самое основаніе ихъ власти.

Да сія привиллегія и пріобрѣтена отъ исполнительной власти послѣ всѣхъ и съ величайшимъ трудомъ. Вольность во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ была уже обезпечена, а въ разсужденіи явнаго выраженія своихъ мыслей находились Англичане еще подъ игомъ, такъ сказать, деспотическимъ. Исторія наполнена строгостями Звѣздной Каморы противъ дерзнувшихъ писать о дѣлахъ правленія: она назначала число типографовъ и станковъ и учредила Цензора, безъ одобренія котораго не можно было ничего издать въ свѣтъ. Какъ впрочемъ сей Трибуналъ не зналъ въ своихъ дѣлопроизводствахъ *Суда присяжными*, и рѣшилъ самовластно, то находилъ виновными всѣхъ, которыхъ угодно было Двору почитать такими; и Кукъ, котораго понятія о вольности заражены еще были предразсудками того времени, въ коемъ онъ жилъ, говоритъ не безъ основанія, приписавъ похвалу сему Трибуналу, что когда

правила его наблюдаются, то онъ содержитъ всю Англію въ покоѣ.

По уничтоженіи Звѣздной Каморы, *долгой* Парламентъ, котораго начальству не менѣе страшно было изслѣдованіе, возобновилъ постановленія противъ вольности тисненія. Карлъ II, а по немъ и Яковъ II, выходили еще возобновленіе онаго: и какъ срокъ сему Акту минулъ въ 1692 году, то въ эту эпоху, хотя и послѣ революціи, продолженъ онъ былъ на два года; а вольность тисненія, сія привиллегія, которой правительство, кажется, не могло рѣшиться выпустить изъ рукъ, установлена окончательно уже въ 1694 году, когда Парламентъ не хотѣлъ отсрочить сего Акта далѣе.

Такъ въ чемъ же точно состоитъ сія вольность? Не уже ли позволено каждому печатать всё, что ему придетъ въ голову? Злословить, поносить кого онъ заблагоразсудитъ? Нѣтъ, тѣ же законы, которые защищаютъ личность и собственность гражданина, обезпечили и доброе его имя, и назначаютъ противъ ругательныхъ сочиненій, собственно называемыхъ, почти тѣ же наказанія, какія назначены повсюду. Но съ другой стороны не хотѣли они, такъ какъ въ другихъ Государствахъ, чтобъ человѣкъ былъ почитаемъ виновнымъ за то одно, что печа-

таетъ ; а опредѣляютъ наказанія только противъ тѣхъ, которые дѣйствительно напечатали что нибудь преступное, и объявлены виновными двенадцатью изъ своихъ товарищей, избранныхъ съ тѣми предосторожностями, какія показали мы прежде.

И такъ вольность тисненія, существующая въ Англіи, чтобъ опредѣлить ее точнѣе, состоитъ въ томъ, что Трибуналы, или какіе нибудь Судьи могутъ только по событіи входить въ разбирательство того, что печатается, и въ такомъ случаѣ не могутъ иначе дѣйствовать, какъ употребляя *судъ присяжными*.

Сіе послѣднее обстоятельство составляетъ болѣе всего вольность тисненія. Если бы Градоначальникъ, хотя ему позволено судить только о сочиненіяхъ, уже обнародованныхъ, былъ властенъ въ своихъ рѣшеніяхъ, то моглобъ случиться, что въ такомъ дѣлѣ, которое, такъ какъ это, возбуждаетъ толь особенно зависть власти, упорствовалъ бы онъ столько въ своихъ усиліяхъ, что напослѣдокъ удалось бы ему срубить всѣ головы Гидры.

Но хотя бы Судья былъ приведенъ въ движеніе частнымъ человѣкомъ, или самимъ Правленіемъ, то единственная его должность

есть объявить наказанїе, а присяжные должны рѣшить и о существѣ закона и о существѣ дѣла, т. е. объявить, подлинно ли также сочиненїе составлено, или забыто такимъ-то, писано ли оно противъ такого-то и преступно ли то, что въ немъ содержится.

И хотя законъ не позволяетъ въ Англїи, чтобъ человѣкъ, обвиняемый въ томъ, что написалъ пасквиль, доказалъ то, что утверждаетъ (что имѣло бы весьма непрїятныя послѣдствїя и запрещено вездѣ) (*); но какъ съ другой стороны въ экстрактѣ должно быть означено, что тѣ дѣянїя *ложны*, *злобны* и проч. и присяжные совершенно властны въ своемъ *изреченїи*, т. е. властны включить въ составленїе своего мнѣнїя всё, о чемъ могутъ имѣть свѣденїе: то и нѣтъ сомнѣнїя, что они оправятъ въ такомъ случаѣ, когда объявленныя дѣянїя будутъ очевидны и вообще вредны по своимъ слѣдствїямъ.

Это послѣдовало бы особливо, если бы дѣло касалось до правленїя, потому что къ

(*) Въ тяжбахъ за убытки между частными людьми бываетъ, ежели не ошибаюсь, иначе; и отвѣтчику позволяется представить свидѣтелей въ тѣхъ дѣяніяхъ, которыя онъ утверждаетъ.

сему свѣденію присовокупилибъ они чувство начала, обще разпространеннаго въ Англіи и недавно ясно изтолкованнаго присяжнымъ по дѣлу довольно славному: „Что хотя гово„ришь дурно о частныхъ людяхъ можетъ „быть достойно порицанія; но публичныя дѣя„нія правительства должны подлежать публич„ному испытанію, и свободно изъясняться „объ оныхъ есть оказывать услугу своимъ „согражданамъ (*)."

Сія же крайняя безопасность, съ какою можетъ каждый сообщать свои мысли Публикѣ, и большое участіе, какое принимаетъ каждый въ Англіи во всемъ, что зависитъ отъ правленія, чрезвычайно умножили тамъ и всѣ роды публичныхъ листовъ. Кромѣ издаваемыхъ въ концѣ года, мѣсяца, или недѣли, и повторяющихъ всё, что сдѣлано, или сказано важнаго въ разныя времена, многіе выходятъ повседневно или черезъ день, увѣдомляютъ Публику о производствахъ правленія, такъ какъ и о разныхъ важныхъ дѣлахъ гражданскихъ или уголовныхъ съ разными чертами взаимныхъ судныхъ рѣчей.

(*) Смот. Рѣчь Адвоката Глина въ пользу Вудфала, на котораго просилъ Генералъ-Прокуроръ въ томъ, что онъ обнародовалъ письмо Юнія къ Королю.

Во время засѣданія Парламента *голоса* или повседневныя резолюціи Нижней Каморы печатаются съ дозволенія ; и самыя интересныя рѣчи , говоренныя въ обѣихъ Каморахъ, сообщаются Публикѣ сокращенно посредствомъ тисненія.

Напослѣдокъ нѣтъ и частныхъ анекдотовъ столицы и провинцій , которыхъ не помѣщалибъ тутъ же ; и какъ разные листы ходятъ и перепечатываются по разнымъ городамъ , разсылаются даже по деревнямъ , гдѣ и всѣ земледѣльцы читаютъ ихъ съ жадностію : то каждый частный человѣкъ повседневно получаетъ свѣденія о состояніи націи отъ одного края до другаго ; и сообщеніе такъ удобно , что три Королевства составляютъ , кажется , одинъ только городъ.

И сія власть , столь нужная , какъ мы сказали , къ дополненію неизбѣжнаго несовершенства законовъ и обуздывающая тѣхъ , которые имѣютъ какое нибудь участіе въ Правительствѣ , заключается въ этой самой публичности всего. Зная за - подлинно , что всѣ ихъ дѣянія будутъ обнародованы , не смѣютъ они пускаться на тѣ лицепріятія , на тѣ скрытныя потворства , на тѣ мелочныя притѣсненія , которыя позволяетъ себѣ человѣкъ , находящійся

при должности, когда отправляя свое званіе сокрыто отъ глазъ публики, и такъ сказать, въ углу, знаетъ, что если будетъ благоразуменъ, то можетъ уволить себя быть справедливымъ. На какое злоупотребленіе ни хотѣлось бы имъ поступить, то знаютъ, что оно будетъ тотчасъ оглашено: присяжный знаетъ на примѣръ, что его рѣшеніе, судья, что его наставленіе будутъ сообщены Публикѣ; и нѣтъ человѣка при дѣлахъ, который бы не былъ каждый разъ принужденъ избирать между своею должностію и потерею всей своей славы честности.

Впрочемъ не должно думать, что я говорю слишкомъ великолѣпно о семъ дѣйствіи публичныхъ листовъ или вѣдомостей. Знаю очень, что всѣ содержащіяся въ нихъ сочиненія не образцы логики, или острой насмѣшки: но съ другой стороны никогда не случается, чтобъ предметъ, прямо вредный законамъ, или благу Государства, не возбудилъ какого нибудь искуснаго Писателя, который однимъ или другимъ образомъ сообщаетъ свои примѣчанія или жалобы. Присовокуплю, что хотя человѣкъ безпорочный, временная жертва нещастнаго предразсудка, можетъ, чувствуя свою правость, пренебрегать обвиненіе, даже важное; но вѣроломный человѣкъ, если разсудимъ только то, что онъ

самъ себѣ говоритъ, отнюдь не имѣетъ сей выгоды; и самая презрительная колкость можетъ пронзить того, кого угрызаетъ уже собственная совѣсть (*).

Тѣ самые, которые по знатности своей, кажется, болѣе всѣхъ не уважаютъ пересудовъ публики, не менѣе чувствуютъ ихъ дѣйствія. Они имѣютъ надобность въ одобреніи простаго народа, хотя показываютъ видъ, будто его презираютъ; ибо въ самомъ существѣ онъ раздаетъ славу, предметъ честолюбивыхъ ихъ стараній. Хотя не всѣ они имѣютъ искренность Александра Великаго, однакожъ должны сказать: *о народы!*

(*) При семъ случаѣ примѣчу, что вольность тисненія не только не гибельна доброму имени частныхъ людей, но и весьма надежно ограждаетъ его. Когда нѣтъ никакого средства къ сообщенію съ Публикою, то каждый подверженъ безъ защиты тайнымъ ударамъ коварства и зависти. Человѣкъ, занимающій должность, теряетъ свою честь, купецъ свой кредитъ, частный человѣкъ славу своего праводушія, не зная ни своихъ враговъ, ни ихъ ходу: но при вольномъ тисненіи невинный человѣкъ тотчасъ выводитъ дѣла наружу и вдругъ сокрушаетъ своихъ обвинителей публичнымъ вызовомъ, чтобъ доказали то, что говорятъ.

чего мы не дѣлаемъ, чтобъ пріобрѣсть отъ васъ похвалу?

Признаюсь, что въ такомъ Государствѣ, гдѣ народъ смѣетъ изъясняться только для того, чтобъ сказать что нибудь пріятное, Государь, или тѣ, коимъ ввѣрилъ онъ свою власть, могутъ иногда ошибаться въ общественныхъ мысляхъ; или что за недостаткомъ любви, въ изъявленіи которой имъ отказываютъ, умѣютъ они ограничиваться тѣмъ, что внушаютъ страхъ и находятъ свое удовольствіе по меньшей мѣрѣ въ томъ, что смущенный народъ скрываетъ свои жалобы.

Но когда законы даютъ свободное теченіе выраженію мыслей публики, то правящіе не могутъ скрыть отъ себя непріятныхъ истинъ, слышимыхъ отовсюду. Они принуждены даже выдерживать насмѣшки и болѣе всего оскорбляютъ ихъ всегда самыя дурныя. Такъ какъ баснословный Левъ, получаютъ они удары отъ непріятелей, которыхъ наиболѣе презираютъ, и напослѣдокъ вдругъ останавливаются и принуждены покидать неправедныя предпріятія, о коихъ большія попеченія, вмѣсто того удивленія, которое есть ихъ наградою и цѣлію, навлекаютъ имъ наконецъ одно только оскорбленіе и досаду.

Словомъ, кто размыслитъ о томъ, что составляетъ побудительную причину такъ называемыхъ великихъ дѣлъ, и непреодолимую чувствительность человѣка къ образу мыслей подобныхъ ему, тотъ не усумнится сказать, что еслибъ вольность тисненія могла существовать въ деспотическомъ правленіи, и, что не менѣе трудно, существовать тамъ, не перемѣняя Конституціи, то она одна составила бы перевѣсъ Государской власти; что еслибъ на примѣръ въ Восточной Имперіи находилось святилище, которое, сдѣлавшись почтеннымъ по древней религіи народовъ, доставляло бы безопасность дѣлающимъ какія нибудь замѣчанія; еслибъ оттуда выходили печатныя сочиненія, которымъ приложеніе печати пріобрѣтало бы также почтеніе, и которыя, выходя повседневно, изслѣдывалибъ и опредѣляли свободно свойство, поведеніе Кадіевъ, Пашей, Визирей, Дивана и самаго Султана, то это немедленно ввело бы тамъ вольность.

ГЛАВА XIII.

Продолженїе той же матерїи.

Другое весьма важное дѣйствїе свободы тисненїя то, что она приводитъ народъ въ состоянїе употребить существенныя средства, данныя ему Конституцїею, имѣть вліяніе на правительство.

Мы видѣли прежде, что большому числу людей, призванныхъ рѣшиться обществомъ, не возможно было немедленно принять обдуманную резолюцїю. Но это неудобство, неизбѣжное слѣдствїе ихъ положенїя, не доказываетъ, что они лично не имѣютъ столько способностей, какъ тѣ, коихъ нѣкоторыя особенныя выгоды приводятъ въ состоянїе управлять ими. Не щастїе, а Природа произвела существенныя разности между людьми; и какое названїе ни далобъ собранїю подобныхъ себѣ небольшее число безразсудныхъ людей; однако Государственный человѣкъ и другой изъ такъ называемой черни часто разнятся одною только оболочкою, которая хотя груба, но при случаѣ тотчасъ спадаетъ, и неоднократно бывало, что изъ нѣдръ народа, по видимому презрительнаго, выходили вдругъ Виріаты и Спартаки.

И такъ повторяю еще разъ, народу недостаетъ только обстоятельствъ и времени, а вольность тисненія отвращаетъ сію невыгоду. Ея посредствомъ можетъ всякой на досугѣ и въ безмолвіи узнать всё, что касается до вопросовъ, о которыхъ онъ долженъ рѣшиться. Ея посредствомъ нація собирается на совѣтъ и разсуждаетъ, правда медленно (ибо нація не выправляется такъ какъ собраніе Судей); но вѣрно и въ лучшей формѣ. Ея посредствомъ всѣ дѣянія напослѣдокъ обнаруживаются и изъ противорѣчія разныхъ отвѣтовъ и возраженій остаются только основательные доводы (*).

(*) Сіе право, разсматривать публично политическія дѣла есть уже одна большая выгода для народа, который имъ пользуется. Если Женевскіе граждане, на примѣръ, лучше сохранили свою вольность, нежели народъ въ другихъ Швейцарскихъ Республикахъ: то, думаю, обязаны тѣмъ обширному праву, какое имѣютъ дѣлать публичныя представленія своимъ Градоначальникамъ. Они обыкновенно подаютъ ихъ въ Совѣтъ 25 *ти*, и сіи Градоначальники принуждены отвѣчать на оныя. Ежели представляющіе граждане не довольны ихъ отвѣтомъ, то берутъ время (недѣли двѣ, или три) на изготовленіе возраженія, на которое Градоначальники должны также отвѣчать, и число гражданъ, собирающихся при каждомъ новомъ пред-

А по сему хотя очень позволено не повиноваться слѣпо мятежнымъ рѣшеніямъ народа, возбуждаемаго Ораторами; но съ другой стороны, когда сей народъ предоставленъ будучи самъ себѣ, упорствуетъ во мнѣніяхъ, долго разсматриванныхъ въ сочиненіяхъ публичныхъ, и отъ которыхъ особливо отдалили онѣ всякое практическое заблужденіе, то сіе упорство почитаю весьма почтеннымъ рѣшеніемъ; и тогда, хотя только тогда, можно сказать: *Гласъ народа гласъ Божій.*

Что же можетъ Англійской народъ дѣлать, когда по собственному своему мнѣнію при-

---

ставленіи возрастаетъ по мѣрѣ справедливости съ ихъ стороны. Представленія, сдѣланныя за нѣсколько лѣтъ по случаю приговора, учиненнаго противъ славнаго Руссо, служатъ тому достопамятнымъ примѣромъ: первое подали до гражданъ: число провождавшихъ послѣдующія за тѣмъ умножилось до девяти сотъ. Это обстоятельство и приготовленіе, съ каковымъ подаются сіи *представленія* (какъ ихъ обыкновенно называютъ), наноситъ ужасъ Начальникамъ: онѣ были еще полезнѣе Женевскимъ гражданамъ для упрежденія злоупотребленій, нежели для отвращенія оныхъ; и вѣроятно, что страхъ, чтобъ не подать причины къ *представленію*, будетъ дѣйствительнѣе всего удерживать Градоначальниковъ.

носитъ жалобы на Правительство? Приступить къ выбору, какъ мы видѣли, своихъ Депутатовъ, и то же самое средство сообщенія, которое наставило его въ томъ, о чемъ онъ жалуется, приводитъ его въ состояніе и поправить оное.

Симъ средствомъ знаетъ онъ, какія мнѣнія и кѣмъ были подаваны, кто ихъ подкрѣплялъ, знаетъ какія причины показаны, и по образу, какъ подаются голоса, извѣстны ему всѣ соглашающіеся постоянно на вредныя мѣры.

И не только знаетъ народъ расположенія каждаго изъ Членовъ въ Нижней Каморѣ; но публичность всего открываетъ ему и политическія мысли весьма многихъ изъ нѣхъ, которые по своему положенію способны занимать въ ней мѣсто. И пользуясь или открывающимися вакансіями, которыя по разнымъ причинамъ бываютъ не рѣдки, или случаемъ общаго выбора, очищаетъ онъ мало по малу, или вдругъ, Законодательное Собраніе; и не перемѣняя правленія, поправляетъ его начало.

Знаю, что нѣкоторые люди усумнятся, чтобъ Англійской народъ имѣлъ тѣ Патріотическіе и порядочные виды, какіе ему приписываю, и возразятъ мнѣ, что иные выборы происходятъ безпорядочно. Но этотъ

попрекъ, который, скажу мимоходомъ, не очень приличенъ со стороны желающихъ, чтобъ народъ дѣлалъ все самъ собою; этотъ попрекъ, говорю, хотя до нѣкоторой степени основателенъ, но не столько, какъ думаютъ разсмотрѣвшіе только слегка состоянїе вещей.

Въ такой Конституціи, въ которой толь дѣйствительно отвращены большія причины страха, не льзя конечно, чтобъ народъ не былъ часто невнимателенъ. Будучи созванъ тогда назначить себѣ вдругъ повѣренныхъ, не испыталъ онъ напередъ требующихъ у него голоса, а они, въ общей пишинѣ, не имѣли случая отличиться.

Избиратель, увѣренный съ другой стороны, что тому, кого онъ изберетъ, будетъ столь же нужно, какъ и ему самому, сохранить вольность, не входитъ въ трудныя разбирательства, видя, что можетъ безъ нихъ обойтись. Но какъ онъ долженъ дать кому нибудь предпочтенїе, то рѣшится по такимъ причинамъ, которыя по тому только извинительны, что надобно рѣшиться по причинамъ, а у него нѣтъ иныхъ на то время; и признаюсь, что въ спокойномъ теченїи вещей и съ избирателями нѣкотораго состоянїя можно опасаться, что тотъ изъ Кандидатовъ, который дастъ великолѣпнѣйшій пиръ, будетъ имѣть много выигрышу.

Но когдабъ съ одной стороны поступки правленія, а съ другой послабленіе большаго числа Членовъ Нижней Каморы, нанесли важную тревогу націи, тогда оказались бы для сохраненія вольности тѣ же причины, которыя способствовали къ ея установленію. Составилась бы общая связь изъ настоящихъ Членовъ Парламента, искренно радѣвшихъ о политическомъ дѣлѣ, и изъ людей всякаго состоянія въ народѣ. Въ подобномъ случаѣ заводятся переговоры, открываются даже подписки на разходы толь нужной опозиціи (противной партіи); маленькія и частныя побудительныя причины принуждены молчать при видѣ Національной опасности, а чувства любви къ вольности, изповѣдуемыя и даже превращаемыя въ дѣйство, становятся единственными основаніями, которыя рѣшатъ выборомъ.

Такимъ образомъ составились тѣ Парламенты, которые уничтожили опозиціи и произвольныя заключенія въ темницы и Звѣздную Камору. Такимъ же образомъ при Карлѣ II народъ, излѣчась отъ того рода восторга, съ каковымъ принялъ Короля, такъ долго гонимаго, далъ ему напослѣдокъ Парламенты, составленные изъ большинства людей, приверженныхъ къ политическому дѣлу. Такимъ образомъ, упорствуя въ поведеніи, нужномъ по обстоятельствамъ, разрушилъ онъ хитрости

правленія; и Карлъ распускалъ три Парламента сряду, для того только, чтобъ безпрестанно находить себѣ противниками тѣхъ же людей, которыхъ щипалъ уволенными.

Такимъ же образомъ и Яковъ II, которому пріобрѣли снерва любовь народа обѣщанія, коихъ отнюдь не хотѣлъ онъ исполнить, долженъ былъ напослѣдокъ имѣть дѣло только съ Патріотическими Парламентами, упорно поддерживаемыми народомъ; а захотѣвъ упорствовать самъ, кончилъ свое Царствованіе нещастіемъ, которое всѣмъ извѣстно.

Словомъ, тѣ, которые разсудятъ, что Конституція такъ разпорядила вещи, что общее дѣло есть дѣло вольности, и что однѣ только случайныя причины могутъ побудить Членовъ Нижней Каморы благопріятствовать мѣрамъ, ей противнымъ, что по тому не остается народу инаго, какъ перемѣнить ея Членовъ, чтобъ ее поправить и что Парламентъ, составленный изъ новыхъ людей, бываетъ почти навѣрно народнымъ Парламентомъ, удостовѣрятся въ дѣйствительности права *избранія*, и согласятся, что народъ есть окончательный властелинъ пружинъ правленія.

А хотя жалобы его не всегда имѣютъ поспѣшное и немедленное дѣйствіе (поспѣш-

ность, которая была бы признакомъ гибельной шаткости въ частяхъ Конституціи и рано или поздно произвелабъ ея разрушеніе); однакожъ, когда разсмотрѣть прилѣжно ходъ и средства сихъ самихъ частей, то окажется, что мы не слишкомъ смѣло утверждаемъ, говоря, что не возможно, чтобъ жалобы, въ которыхъ упорствуетъ народъ, т. е. повторяю еще разъ, основательныя жалобы, не были удовлетворены рано или поздно.

ГЛАВА XIV.

Право сопротивленія.

Но всѣ сіи прерогативы суть сами по себѣ слабыя только оружія противъ дѣйствительныхъ силъ Правящихъ. Всѣ сіи предосторожности, всѣ сіи взаимныя права, предполагаютъ существенно, что дѣла остаются въ законномъ и предвидѣнномъ теченіи. И такъ къ чему прибѣгнулъ бы народъ въ такомъ случаѣ, еслибъ Государь, освобождаясь вдругъ отъ всякихъ узъ, и бросаясь, такъ сказать, вонъ изъ Конституціи, не сталъ уважать ни личности, ни собственности гражданина и захотѣлъ или царствовать безъ Парламента, или принудить его повиноваться своей волѣ. Онъ прибѣгъ бы къ сопротивленію.

Не входя здѣсь въ разбирательство такой темы, которая принудилабъ разсмотрѣть начало правленія, и слѣдовательно великія подробности, въ которыхъ непредубѣжденные люди впрочемъ довольно согласны, удовольствуюсь сказать (и этого будетъ довольно для того предмета, который себѣ предполагаю), что сія тема такъ рѣшена Англійскими законами, и что сопротивленіе въ

этой землѣ почитается законнымъ и окончательнымъ прибѣжищемъ противъ насилій власти.

Сопротивленіе дало существованіе той большой Грамотѣ, на которой основана вольность; и безмѣрность власти, установленной силою, укрощена силою (*). То же средство доставило въ разныя времена подтвержденіе той Грамоты. Напослѣдокъ сопротивленіе Королю, который щиталъ свои обязательства за ничто, возвело на престолъ нынѣ Царствующую Фамилію.

Сверхъ того сіе средство, которое долѣ было только насиліе, противуполагаемое насилію, признано при этой эпохѣ самимъ закономъ. Лорды и Члены Нижней Каморы, собравшись, торжественно объявили, что

(*) Милордъ Лительтонъ очень хорошо говоритъ въ Персидскихъ своихъ письмахъ: „Если привилегіи Англійскаго народа суть уступки Короны, „то власть самой Короны не уступки ли народа.“ Можно бы сказать столь же справедливо, и въ выраженіяхъ, болѣе сходныхъ съ содержаніемъ сей главы: Если привиллегіи народа похищены у власти Королей, то сія самая власть Королей первоначально похищена (нужды нѣтъ, было ли то по нечаянности) у естественной вольности народа.

„Король Яковъ II усиливался испровергнуть „Конституцію Королевства, нарушая перво„начальный договоръ между Королемъ и на„родомъ, и нарушивъ фундаментальные за„коны, и выѣхавъ изъ Государства, отказался „отъ правленія, и что слѣдовательно пре„столъ опорожнился (*).“

А чтобъ сіи начала, революціею утвержденныя, не походили современемъ на тѣ Государственныя тайны, которыя принимаются за истинныя только нѣкоторымъ классомъ гражданъ, то тѣмъ же Актомъ дано именно каждому частному человѣку право формально жаловаться на злоупотребленія власти, и сверхъ того имѣть оружіе для своей обороны. Вотъ какъ изъясняется Судья Блакстонъ въ своихъ толкованіяхъ на законы Англіи.

„А для защиты сихъ правъ, когда ихъ „нарушаютъ, или оскорбляютъ, Англійскіе „подданные имѣютъ *право*, вопервыхъ, на про„изводство и свободное теченіе правосудія „въ законныхъ Трибуналахъ; вовторыхъ, „подавать прозьбы Королю или Парламенту; „и напослѣдокъ имѣть и употреблять оружіе „для своей защиты (**).“

(*) Билею правъ послѣ утверждены вновь всѣ сіи начала.

(**) Блакстонъ Толков. Кн. 1. гл. 1. стр. 150.

Напослѣдокъ сїе право противиться насилїю, въ какомъ бы видѣ и съ какой бы стороны оно ни произходило, столь признано, что Трибуналы принимали его иногда за основанїе своихъ рѣшенїй. Приведу о семъ случай довольно чрезвычайный.

Констапель арестовалъ не въ своей *округѣ*, или вѣдомствѣ женщину, по имени *Анну Декинсъ*. Нѣкто, по имени *Тули*, вступился за нее, и въ жару ссоры убилъ Констапелева помощника. На него принесена жалоба въ убїйствѣ. Въ оправданїе свое говорилъ онъ, что незаконность заключенїя была *столь раздражительною причиною*, что могла сдѣлать человѣкоубїйство *извинительнымъ*, и потому требовалъ о допущенїи его къ привиллегїи Духовенства. Присяжные, произнеся приговоръ о статьѣ дѣла, предоставили статью права на рѣшенїе Судьи, дѣлая *особенный вердиктъ* (приговоръ съ условїемъ). Дѣло перенесено въ Трибуналъ *Кингсбенса*, а оттуда потребовано на разсмотрѣнїе двенадцати великихъ Судей. Вотъ мнѣнїе, поданное Судьею *Голтомъ*:

„Заключенїе человѣка незаконною властїю „есть довольное раздраженїе для всѣхъ людей, „послѣ ихъ состраданїя; а еще гораздо боль„шее, когда заключенїе сдѣлано безъ виду „справедливости. Когда вольность подданнаго

„нарушается, то это есть раздраженïе для „всѣхъ подданныхъ Англïи: человѣкъ дол„женъ защищать большую Грамоту и законы; „и если кто заключаетъ другаго беззаконно, „то онъ преступникъ противъ большой Гра„моты.“ Послѣ нѣкоторыхъ споровъ, произшедшихъ особливо по тому, что помянутый Тули не имѣлъ, кажется, свѣденïя, что Констапель былъ не въ своей *округѣ*, семеро Судей были того мнѣнïя, что арестантъ виновенъ только въ невольномъ убïйствѣ и допущенъ къ привеллегïи Духовенства (*).

Но выгода такого средства, какъ вольность писменïя, видна особливо въ отношенïи къ сему праву окончательнаго сопротивленïя. Какъ величайшïя права народа не значатъ ничего, безъ надежды сопротивленïя, устрашающаго тѣхъ, которые смѣлибъ явно нарушить ихъ, такъ и это самое право *сопротивленïя* есть ничто, ежели нѣтъ средства соглашенïя между разными частями народа.

Каждый гражданинъ въ особенности, не извѣстный всѣмъ, безмолвно сноситъ обиды, видя, что никто не принимаетъ въ нихъ

(*) *Рапорты* случаевъ изслѣдованныкъ и рѣшенныхъ въ *Кингс-Бенчѣ* во время покойной Королевы Анны.

участïя: не имѣя иной подпоры, кромѣ личной своей силы, трепещетъ онъ предъ страшною и всегда готовою властïю управляющихъ; а они чувствуя и даже увеличивая въ своемъ умѣ выгоды своего положенïя, могутъ, или, что на то же выходитъ, думаютъ, что все могутъ предпринять.

Но когда они видятъ, что всѣ ихъ поступки обнаруживаются; что по горячности, съ каковою всё сообщается, нацïя составляетъ, такъ сказать, одно цѣлое *раздражительное*, и что ни до которой его части не льзя дотронуться, чтобъ не произошло *содроганïя* во всемъ составѣ; тогда чувствуютъ, что дѣло каждаго есть дѣло всѣхъ, и что нападать на послѣдняго изъ народа есть нападать на весь народъ.

Здѣсь же должно еще замѣтить заблужденïе тѣхъ, которые, видя вольность народа только въ его силѣ, видятъ его силу только въ его дѣйствïи.

Когда народъ дѣйствуетъ много самъ собою, то ему не льзя пріобрѣсть когда-либо точнаго познанïя о состоянïи дѣлъ. Произшествïе дня разрушаетъ идеи, которыя онъ началъ получать наканунѣ. Въ безпрестанномъ колебанïи, нѣкогда установиться никакому началу, а особливо со-

глашенію. Хотите ли, чтобъ народъ любилъ и защищалъ свои законы и вольность? Дайте ему время узнать, что такое законы и вольность, и соединиться по сему предмету. Вы хотите соединенія, *союза*, до котораго можно достигнуть только медленными и мирными *постулками*, а безпрестанно потрясаете сосудъ.

Скажу болѣе, не совмѣстно, чтобъ народъ дѣйствовалъ, и былъ существенно силенъ. Ежели чувство угнетенія принудило его выйти изъ законнаго порядка, въ которомъ не находилъ онъ уже безопасности, то для того чтобъ вдругъ покориться немногимъ, предводителямъ, которые тѣмъ самовластнѣе что ихъ титулъ не объясненъ, хотя ненуженъ имъ лагерь и военное повиновеніе.

Ежели народъ призванъ дѣйствовать поступать обыкновеннымъ и законнымъ порядкомъ, то каждый изъ частныхъ людей принужденъ для какого нибудь успѣха, который онъ себѣ предполагаетъ, пристать къ партіи; и эта партія не можетъ быть безъ предводителя. Граждане раздѣляются и привыкаютъ признавать Начальниковъ, напослѣдокъ бываютъ они зависимы только отъ нѣкотораго числа покровителей; а сіи связывая руки, такъ какъ властвовали голосами, щитаютъ народъ за ничто; ибо одною его частью могутъ воздерживать другую.

Но когда пружины правленія находятся совершенно внѣ народа; то ихъ движенія по тому самому освобождаются отъ всего, что могло ихъ запутывать, или закрывать. Народъ, разсматривая отъ нынѣ дѣла умозрительно, и будучи, такъ сказать, судьею предпріятій, дѣлаетъ себѣ только справедливыя идеи; и какъ сіи идеи въ общемъ спокойствіи вящше распространяются и укореняются, то наконецъ имѣетъ онъ по предмету своей свободы одну только волю, одну только душу.

Соединясь такимъ образомъ въ одно цѣлое, онъ властенъ повсеминутно нанести рѣшительный ударъ, который долженъ сравнять всѣ наподобіе тѣхъ механическихъ силъ, изъ которыхъ самая большая есть сила мгновенія, предшествующаго ихъ дѣйствію. Есть у него сила точно для того, что еще не употребляетъ ее; и прямое ея *мгновеніе* находится въ семъ состояніи недвижимости, но вниманія.

Тѣ съ другой стороны, которые по имуществу, или по особенному препорученію народа приводятъ въ движеніе пружины правленія, видя, что они, такъ сказать, на побойщѣ, и за ними наблюдаютъ издалека люди свободные отъ духа партіи, и имѣющіе къ нимъ условную довѣренность, опасаютъ-

ся сдѣлать движенїе, которое разрушилобъ не всякую власть, а былобъ, чтобы ни послѣдовало послѣ, неотмѣнно и сперва гибелью ихъ собственной власти. И полагая, что, когдаби причины, упомянутыя нами выше, потеряли вдругъ свое дѣйствїе, прїуготовились бы они пожертвовать между собою законами, на которыхъ основана вольность, то, взглянувъ на то превеликое собранїе, которое устремляетъ свои взоры на нихъ, почувствовалибъ, что колеблющаяся ихъ добродѣтель очень скоро утверждается, и поспѣшилибъ ухватиться опять за тѣ начала, внѣ которыхъ нѣтъ для нихъ ничего инаго, кромѣ разоренїя и гибели.

Словомъ, какъ великое число можетъ дѣйствовать только для того, чтобъ быть покорнымъ, или разрушать, то одно выгодное участїе, какое можетъ оно имѣть въ Конституцїи, должно быть то, чтобъ оно не вмѣшивалось, а имѣло вліянїе, чтобъ могло дѣйствовать, а не дѣйствовало.

Сила народа оказывается не тогда, когда онъ поражаетъ. Онъ никогда не можетъ дѣйствовать, когда можетъ всё изпровергать; и Манлїй заключилъ всё въ четырехъ словахъ, когда сказалъ Римскому народу: Oitendite Bellum, pacem habebitis.

ГЛАВА XV.

Доказательства, взятыя изъ дѣяній объ истинѣ началъ, положенныхъ въ семъ сочиненіи. Революціи въ Англіи оканчивались всегда отмѣннымъ образомъ.

Не довольно того, что умствованіемъ доказалъ я выгоды Конституціи Англійской. Меня спросятъ конечно, соотвѣтствуютъ ли дѣйствія теоріи. Но на этотъ вопросъ, который, признаюсь, очень у мѣста, отвѣтъ мой готовъ: онъ будетъ тотъ, каковъ, думаю, сдѣлалъ одинъ Лакедемонянинъ: *приди и виждь.*

Читая Англійскую Исторію, должно удивляться особливо такому обстоятельству, которое выгодно отличаетъ Англійское правленіе отъ всѣхъ прочихъ вольныхъ правленій; а именно, какимъ образомъ оканчивались всегда революціи въ Англіи.

Если взглянемъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ на Исторію другихъ вольныхъ Областей, то увидимъ, что раздоры, произходившіе въ нихъ, оканчивались всегда договорами, въ которыхъ ревностно старались только о пользѣ *малаго числа*, а на выгоды народа мало смотрѣли. Совсѣмъ противное случалось въ Англіи, гдѣ за революціями послѣдовали всегда

пространнѣйшія и лучше соображенныя предосторожности для обезпеченія всеобщей вольности.

Исторія древнихъ Греческихъ Республикъ, особливо Римской, о которой дошло до насъ очень много цѣлыхъ памятниковъ, явно доказываетъ сказанное мною въ заглавіи.

Что, на примѣръ, было слѣдствіемъ большой революціи, когда Короли выгнаны изъ Рима, а Сенатъ и Патриціи остались Совѣтниками и вождями народа? Діонисій Галикарнасскій и Титъ-Ливій увѣдомляетъ насъ о томъ. Сенаторы тотчасъ присвоили себѣ ту власть, употребляемую Королями, на которую они жаловались такъ горько. Исполненіе постановленій, которыя сдѣлаютъ они впредь, ввѣрено двумъ Градоначальникамъ, взятымъ изъ ихъ общества, и совершенно зависящимъ отъ нихъ, которыхъ назвали они Консулами, возложа на нихъ наружные знаки, каковыми украшались Короли. Учреждено только носить не передъ двумя Консулами, а передъ однимъ вдругъ, топоръ и пуки, символы власти жизни и смерти надъ гражданами, которую Сенатъ предоставилъ себѣ, для того чтобъ не усугубить ужаса въ народѣ (*).

(*) Omnia jura, (regum) omnia insignia primi Consules tenuere; id modo cautum est, ne, si ambo fasces haberent, duplicatus terror viderentur. Tit. Liv. II. 1.

Это не все: Сенаторы преклонили на свою сторону тѣхъ, которые значили болѣе прочихъ въ народѣ и приняли ихъ въ Члены своего собранія (*). Правда эта предосторожность была нужна, и они не могли не принять ее безъ нарушенія благоразумія; но и то не менѣе справедливо, что, по такомъ обезпеченіи выгодъ знатныхъ Особъ въ Республикѣ, революція была кончена. Новые Сенаторы, такъ какъ и старые, прилагали крайнее стараніе, чтобъ власть, сдѣлавшаяся ихъ собственною, не уменьшилась отъ того, что настояли о мѣрахъ, какія надобно было принять для волности народа. Они поступили далѣе: сдѣлали эту власть еще ужаснѣе прежняго; и казнь, на которую по военному осудилъ Консулъ множество оставшихся приверженными къ прежней формѣ, и своихъ собственныхъ сыновей, показала народу, чего онъ долженъ былъ ожидать, если дерзнетъ противиться властительству тѣхъ, которыхъ, не думая о томъ, сдѣлалъ своими Государями.

Изъ законовъ, или утѣснительныхъ обычаевъ, кои Сенатъ оставилъ въ силѣ, по

(*) Сіи новые Сенаторы названы *Conscripti*, отсюда произошло названіе *Patres Conscripti*, которое давали послѣ безъ разбору всему Сенату. Ibid.

изгнанїи Королей, народъ жаловался болѣе всего на тѣ, которые, осуждая на рабство гражданъ, когда не могли они въ срокъ заплатить своихъ долговъ съ процентами (они были чрезвычайно велики въ Римѣ), отдавали ихъ связанныхъ заимодавцамъ: почему и названъ сей родъ рабовъ Nexi (связнями). Жестокости, употребляемыя заимодавцами надъ сими нещастными, которыхъ число гораздо увеличивалось отъ домашнихъ бѣдствїй, причиняемыхъ имъ частыми войнами, въ которыя безпрестанно замѣшивали Римъ; сїи жестокости, говорю, напослѣдокъ подвигли весь народъ на бунтъ: онъ оставилъ городъ и безчеловѣчныхъ своихъ согражданъ, и удалился на другую сторону *Анїоны.*

Но эта вторая революцїя, такъ какъ и первая, послужила единственно къ возвышенїю нѣкоторыхъ частныхъ людей. Учредили новый чинъ, названный Трибунатомъ. Въ оный произвели тѣхъ, которыхъ народъ выбралъ своими Начальниками, оставляя городъ. Имъ надлежало впредь защищать гражданъ; для чего даны имъ нѣкоторыя прерогативы. Сїя Конституцїя, должно признаться, могла бы сдѣлаться весьма выгодною для народа, еслибъ приняты были нѣкоторыя предосторожности къ упрежденїю безмѣрной личной важности, какую могли

пріобрѣсть себѣ новые Градоначальники (*). Но они не разсудили за благо внушить сихъ предосторожностей; а что касается до самихъ злоупотребленій, которыя первоначально подали поводъ къ жалобамъ народнымъ; то о поправленіи оныхъ не настояло уже рѣчи (**).

Однакожъ въ сіи первые вѣки Республики Сенатъ и Патриціи были такъ тѣсно соединены, что эти новые Градоначальники, со всѣми своими личными привиллегіями, не могли войти ни въ Консульство, ни въ Сенатъ, и такимъ образомъ отдѣлить совершенно свое состояніе отъ народнаго. Сіе положеніе, въ которомъ желательно было удержать ихъ навсегда, произвело сперва очень хорошія дѣйствія, и поведеніе ихъ большею частію соотвѣтствовало ожиданію народа. Трибуны горько жаловались на безмѣрную силу, похищенную Сенатомъ и Консулами, и не худо примѣтить здѣсь (чему

(*) Ихъ было только десять, а надлежалобъ быть болѣе; и не должно былобъ имъ соглашаться на власть, предоставленную каждому изъ нихъ, останавливать немедленно мѣры другихъ однимъ своимъ сопротивленіемъ.

(**) Для чего и были послѣ другіе бунты по сему случаю.

Многіе читатели можетъ быть удивятся), что въ теченіе шестидесяти лѣтъ послѣ учрежденія Королей, власть, присвоенная сими Начальниками надъ жизнію гражданъ, не была подвержена никакому извѣстному закону. И такъ Трибуны настояли о уложеніи законовъ, которымъ бы Консулы обязаны были впредь послѣдовать, дабы не было имъ уже позволено поступать по своимъ прихотямъ въ употребленіи сей опасной власти (*).

Сколь ни справедливо было сіе требованіе, однако Сенатъ и Патриціи противились оному съ жаромъ и, назначая Диктаторовъ, или призывая Преторовъ на помощь, или другими средствами, умѣли они всегда дѣлать усилія Трибуновъ не дѣйствительными. Напослѣдокъ однакожъ, потому что сіи послѣдніе поступали тогда чистосердечно, Сенатъ принужденъ былъ уступить, и издалъ законъ *Терентила*, которымъ положено сдѣлать всеобщую книгу законовъ.

Сіи начала обѣщали, кажется, вожделѣннѣйшій успѣхъ дѣлу народа; но по нещастію Сенату удалось выходить, чтобъ Трибунатъ

(*) Quod populus in se jus dederit, eo Consulem usurum, non ipsos libidinem, ac licentiam suam pro lege habituros. Tit. Liv. III. 9.

остался праздным на все то время, въ которое будутъ сочинять уложенïе; онъ же выхлопоталъ, чтобъ *совѣтъ десятерыхъ*, названныхъ Децемвирами или десяти-начальниками, которымъ должно было поручить сïю работу, былъ выбранъ изъ Патрицïевъ; такимъ образомъ одинакïя причины произвели и дѣйствïя одинакïя, и власть Сената и Консуловъ оставлена въ уложенïи, которое названо закономъ двенадцати скрыжалей, не опредѣленною также, какъ и прежде. Что касается до законовъ, упомянутыхъ нами о должникахъ, на которые народъ не переставалъ горько жаловаться, и по которымъ надлежало ему доставить какое нибудь удовольствïе: то они подтверждены, и по выраженïямъ, въ каковыхъ сочинены, сдѣлались даже страшнѣе.

Истиннымъ побужденïемъ Сената въ учрежденïи сего новаго градоначальства Децемвировъ было то, чтобъ имѣть предлогъ, остановляя древнее званïе Консуловъ, остановить и чинъ Трибуновъ, и такимъ образомъ избавиться отъ докукъ народныхъ во время важнаго занятïя сочиненïемъ уложенïя. Чтобъ вѣрно достигнуть въ томъ своего предмета, думалъ онъ, что не можетъ лучше поступить, какъ отдать всю власть Республики въ руки сихъ новыхъ Градоначальниковъ. Но въ этомъ случаѣ Сенатъ и Па-

прицїи въ свою очередь испытали опасность ввѣрять власть безусловную. Децемвиры обманули ихъ, такъ какъ они сами обманывали народъ: они удержали самовольно неограниченную власть, ввѣренную имъ; и наконецъ дали ее почувствовать какъ Патрицїямъ, такъ и простолюдинамъ, пока соединенїе обѣихъ сторонъ противъ нихъ не произвело ихъ гибели.

Прежнїя достоинства Республики были возстановлены, а съ ними и Трибунаты. Тѣ изъ народа, которые служили орудїями къ разрушенїю Децемвирата, выбраны въ Трибуны, какъ того можно было естественно и ожидать, и вступили въ должность съ чрезвычайною народною любовїю; а кредитъ Сената и Патрицїевъ, по причинѣ продолжительнаго тиранства, недавно прекратившагося, очень умалился. Сїи два обстоятельства вмѣстѣ доставили Трибунамъ большую удобность, кончить эту революцїю, такъ какъ и прочїя были кончены, употребляя ее къ собственному своему возвышенїю. Они заставили присовокупить новыя личныя привиллегїи къ тѣмъ, какїя уже имѣли: выходили законъ, предписывающїй, чтобъ резолюцїи, принятыя *въ собранїяхъ статей*, *tribus* (собранїя, въ которыхъ позволено было Трибунамъ предлагать новые законы) обязывали всю республику; законъ,

которымъ они составили *Государство въ Государствѣ*, и пріобрѣли, какъ говоритъ Титъ-Ливій, самое опасное оружіе (*).

Съ этого времени Республика стала подвержена великимъ замѣшательствамъ, которыя, такъ какъ и прежнія, клонились всегда къ умноженію власти *малаго числа*. Трибуны предлагали часто объ освобожденіи народа отъ долговъ, о равномъ раздѣлѣ земель, завоеванныхъ у непріятеля, объ уменьшеніи процентовъ за полученныя заимообразно деньги. Сіи учрежденія былибъ прекрасны и похвально было ихъ предлагать; но, по нещастію для народа, они служили только вмѣсто предлога Трибунамъ. Истиннымъ предметомъ, котораго они хотѣли достигнуть, было Консульство, жречество и другія должности исполнительной власти: имъ надлежало только надзирать надъ ними, а они хотѣли ихъ раздѣлять. Къ симъ видамъ всегда относили они то, что, казалось, дѣлали для общаго блага. На примѣръ: чтобъ достигнуть Консульства, поступили они слѣдующимъ образомъ.

Пользовавшись въ теченіе многихъ лѣтъ всѣми случаями, какіе представлялись, гово-

(*) Acerrimum telum.

рить рѣчи къ народу, заводивши даже бунты, чтобъ преодолѣть сопротивленїе Сената, употребили они въ свою пользу обстоятельства *междоцарствїя*, то есть такого времени, когда въ Республикѣ не было иныхъ Градоначальниковъ, кромѣ ихъ; и предложили *статьямъ*, созваннымъ ими, издать слѣдующїе три закона: 1е, Установить таксу, сколько процентовъ брать за отдаваемыя въ займы деньги. 2е, Учредить, чтобъ ниодинъ гражданинъ не могъ имѣть за собою болѣе 500 десятинъ земли. 3е, Требовать, чтобъ одинъ Консулъ былъ избираемъ изъ общества простолюдиновъ. Но при семъ случаѣ оказалось явно, говоритъ Титъ Ливїй, какїе законы изъ помянутыхъ были прїятны народу, и какого изъ трехъ хотѣлось тѣмъ, которые ихъ предлагали; ибо *статьи* согласились на законы о денежныхъ процентахъ и земляхъ, а касающїяся до простолюдинскаго Консульства отвергли; и первые два закона былибъ тогда же установлены, еслибъ Трибуны не объявили, что *статьи* созваны для того, чтобъ принять или отринуть три предложенїя вмѣстѣ (*). Про-

(*) A tribunis, velut per interregnum, concilio plebis habito, apparuit quae ex promulgatis placebi, quae latoribus gratiora essent; nam de faenore atque agro re-

исходили большія волненія чрезъ цѣлой годъ; и напослѣдокъ Трибуны, упорно требовавшіе, чтобъ *статьи* подали свои голоса на три запроса вмѣстѣ, достигли того, чего хотѣли, и вдругъ преодолѣли сопротивленіе Сената и упрямство народа.

Такимъ же образомъ поступили они, домогаясь, чтобъ ихъ объявили способными быть избранными на всѣ мѣста исполнительной власти и публичнаго кредита въ Государствѣ. Но по удовлетворенiи всѣмъ ихъ видамъ сего рода, Республика не была спокойнѣе, и выгоды народа отъ того не умножились. Происходили новые раздоры о дѣйствительномъ опредѣленiи Трибуновъ на сiи мѣста, о доставленiи оныхъ родственникамъ и пріятелямъ ихъ, о полученiи Намѣстничества въ Провинцiяхъ и начальства въ войскѣ. Правда что отъ времени до времени человѣколюбивые Трибуны старались ревностно отвратить жалобы народныя; но Исторiя объявляетъ, что такимъ людямъ неотмѣнно противились ихъ товарищи, а съ ними и всё общество тѣхъ людей, которымъ народъ далъ въ разныя времена Консульства,

---

gationes jubebant, de plebeis consulatu antiquabant: et perfecta utraque res esset, ni tribuni se in omnia simul consulere plebem dixissent. Tit. Liv. VI. 39.

Единства, Цензорства и другія безчисленныя достоинства. Всѣ сіи люди противоборствовали съ крайнимъ неистовствомъ истиннымъ Патріотамъ, и всегда напослѣдокъ убивали ихъ. Таковъ былъ жребій Гракховъ и Фульвія!

Я нѣсколько разпространился о дѣйствіяхъ, какія производили разныя революціи въ Римской Республикѣ, по тому что ее Исторія намъ извѣстна лучше всѣхъ древнихъ народовъ, и что Діонисій Галикарнассѣй и Титъ Ливій оставили намъ важныя ея памятники. Между тѣмъ нашлибъ мы и въ Исторіи Греческихъ Республикъ множество дѣяній, которыя равномѣрно доказываютъ мою тему; на пр. Революція, которою изгнаны Пизистраты изъ Аѳинъ: та, которою учреждены *четыре ста*, а потомъ *тридцать*, изгнанные въ свою очередь; всѣ сіи перевороты кончились всегда тѣмъ, что Правленіе отдавали въ руки немногихъ. Республики Сиракузская, Корцирская, о которой Ѳукидидъ предалъ намъ обстоятельное извѣстіе; напослѣдокъ Флорентинская, которой Исторію писалъ Махіавель: всѣ сіи Республики были въ свое время театрами народныхъ смятеній, кончившихся такими условіями, въ которыхъ очень мало уважали жалобы народа, въ которыхъ часто совсѣмъ забывали ихъ, сколь ни притворялись въ началѣ

тѣ, которые играли ролю его защитниковъ (*).

Но если взглянемъ на Англiйскую Исторiю, то она представитъ намъ совсѣмъ иныя сцены; мы увидимъ напротивъ, что Революцiи имѣли тамъ всегда такiя послѣдствiя, которыми всѣ состоянiя народа существенно и безъ различiя воспользовались.

Сколь ни чрезвычайными кажутся сiи дѣянiя, однако онѣ существуютъ, и по всѣмъ обстоятельствамъ, которыя ихъ сопровождаютъ, явно, что симъ феноменомъ обязаны были всегда тому, о чемъ я такъ много настоялъ, что повѣреннымъ народнымъ невозможно было присвоить себѣ никакой отрасли исполнительной власти и тѣмъ отдѣлить своего состоянiя отъ состоянiя прочаго народа.

(*) Всѣ Революцiи во Францiи имѣли то же окончанiе. Достопамятный тому примѣръ можно видѣть въ примѣчанiи стр. 38 Томъ I сего сочиненiя. Въ Исторiяхъ Испанiи, Данiи, Швецiи, Шотландiи и пр. находятся подобныя черты. Но я отложилъ говорить о Монархическихъ Правленiяхъ, пока не сдѣлаю нѣсколько примѣчанiй, которыя найдены будутъ въ главѣ XVII.

Не восходя до условій, учиненныхъ съ первыми Королями Нормандскаго поколѣнія, остановимся при *большой грамотѣ*, которая служитъ и понынѣ основаніемъ Англійской вольности. Разныя обстоятельства, изъясненныя нами въ первой Части сего сочиненія, способствовали тогда къ усиленію власти Королевской, такъ что не оставалось въ Государствѣ никого, кто бы могъ принять иное намѣреніе, какъ только положить предѣлы сей власти. Отсюда величайшее соединеніе между всѣми состояніями народа; отсюда та большая грамота, которая простирается на все, которая все разпоряжаетъ. Всѣ предметы, могущіе естественно побудить людей жить въ обществѣ, разпоряжены въ 38 ми ея статьяхъ. Судебная власть въ нихъ точно опредѣлена, личность и собственность каждаго, безопасность купца и чужестранца охранены; граждане знатнѣйшаго состоянія отказались отъ многихъ утѣснительныхъ привиллегій, которыя пріобыкли они издавна почитать несумнѣннымъ своимъ правомъ (*). Обезпечены даже пахатныя збруи *раба*, и это былъ

(*) Всѣ владѣльцы земель обязались установить въ пользу своихъ Ленниковъ, или Васаловъ (ergo suos) тѣ же вольности, какія даны имъ самимъ отъ Короля. Magn. Chart. 38.

можетъ быть первый примѣръ въ лѣтописяхъ свѣта, что междоусобная война прекращена постановленіями въ пользу сихъ нещастныхъ, которымъ почти во всѣхъ другихъ мѣстахъ продолжали отказывать въ правахъ человѣчества жадность и властолюбіе.

При Генрихѣ III произошли большія возмущенія, которыя всѣ прекращены торжественнѣйшими подтвержденіями большой грамоты. При Эдуардѣ I, Эдуардѣ II, Эдуардѣ III и Ричардѣ II, тѣ, которымъ народъ ввѣрилъ свои интересы, не упускали ни одного случая подкрѣплять всё болѣе это основаніе публичной вольности и брать всѣ предосторожности, которыя могли умножить хорошія его дѣйствія. Они были всегда увѣрены, что дѣло ихъ одинаково съ народнымъ.

Когда Генрихъ Ланкастерской утвердилъ свои требованія на Корону, то Члены Нижней Каморы покорились закону побѣдителя. Но въ самомъ актѣ, которымъ возложили на него Корону подъ именемъ Генриха III, приняли они предосторожности, описанныя въ Томѣ II *Исторіи Англійскаго Парламента*. Удивляясь благоразумію постановленныхъ тогда условій, писатели сей исторіи примѣчаютъ, что Члены Нижней Англійской Каморы *были тогда не дураки.*

Выраженïе само по себѣ можетъ быть слишкомъ просто. Имъ надлежало сказать, что Члены Нижней Каморы имѣли щастïе образовать собранïе, въ которомъ могъ каждый Членъ предлагать и разбирать свободно то, что хотѣлъ; что въ пользу частныхъ своихъ видовъ не возможно имъ было употребить тѣхъ выгодъ, ни вообще той довѣренности, какïя возложилъ на нихъ народъ; что потому не тратили они времени, а выговорили себѣ полезное условïе со стороны той власти, отъ которой повсеминутно зависѣло ихъ распущенïе и разсѣянïе; стараясь такимъ образомъ благоразумно о благоденствïи народа, въ которомъ одномъ могли они найти свое собственное.

Во время продолжительныхъ раздоровъ между домами Іоркскимъ и Ланкастерскимъ, Члены Нижней Каморы оставались зрителями безпокойствъ, которыхъ не могли отвратить; они признавали постепенно права побѣдителей, какъ то Эдуарда IV, Ричарда III, и напослѣдокъ Генриха VII, который кончилъ сïи распри; но признавая ихъ, умѣли они всегда пользоваться важностïю услугъ, каковыхъ требовалъ отъ нихъ новый Государь, и достигать условïй, полезныхъ всему народу.

При вступленïи на Престолъ Якова I, которое можно почитать родомъ революцïи,

потому что тогда возведена новая фамилія на Престолъ Англійскій, предводители націи не постановили ничего, чтобъ не было полезно всеобщей вольности.

По возшествіи на Престолъ Карла I, были неудовольствія весьма устрашительнаго рода; но онѣ скоро прекращены актомъ, названнымъ *требованіе правъ*, который почитается понынѣ исправнѣйшимъ и точнѣйшимъ изображеніемъ народныхъ правъ (*).

По возвращеніи Карла II, Конституція возстановлена на первыхъ своихъ началахъ, а по сему и послѣдовали тѣ же дѣйствія, какія производила она и прежде. Да и видимъ, что во все теченіе сего правленія

(*) Соглашаюсь, что безпокойства, послѣдовавшія въ концѣ сего правленія, совершенно противорѣчатъ тому предложенію, о которомъ разсуждается въ сей главѣ; но онѣ же доказываютъ истину великихъ началъ, положенныхъ въ этомъ сочиненіи. Сіи безпокойства, которыя, можно мнѣ возразить, начались съ самаго того времени, когда Карлъ I отказался отъ власти распускать свой Парламентъ, т. е. съ того времени, когда Члены сего собранія пріобрѣли власть независимую, личную и постоянную, которую скоро обратили противъ народа, давшаго имъ оную.

непрерывно принимаемы были предосторожности для обезпеченія всеобщей вольности.

Напослѣдокъ великое произшествіе, послѣдовавшее въ 1689 году, явно подтверждаетъ сказанное въ сей главѣ.

Тогда оказался опять Политической феноменъ революціи, конченной рядомъ публичныхъ актовъ, въ которыхъ смотрѣли на одни выгоды народа вообще, въ которыхъ не включена и потаенно ниодна статья въ пользу настоящаго властолюбія или видовъ будущаго величія тѣхъ, которые старались о постановленіи сихъ актовъ. По истинѣ, если что нибудь можетъ подать намъ совершенную идею о превосходствѣ, а притомъ и о чрезвычайности началъ, на которыхъ основано Англійское правленіе, такъ это внимательное чтеніе сей системы публичныхъ договоровъ, къ которымъ подала поводъ революція 1689 года, т. е. били правъ со всѣми ея разными постановленіями и разными актами, ее подтверждающими и укрѣпляющими, состоявшимися при двухъ послѣдующихъ правленіяхъ до возшествія на Престолъ Ганноверскаго Дома.

ГЛАВА XVI.

Вторая разность. Какимъ образомъ законы, полезные вольности подданнаго, исполняются въ Англіи.

Вторая упомянутая мною разность между Правленіемъ Англіи и другихъ вольныхъ Государствъ касается до важнаго предмета исполненія законовъ. По сей части найдемъ еще, что вся выгода находится на сторонѣ Англійскаго Правленія; и по сравненіи Исторіи сихъ другихъ Государствъ съ Англійскою, увидимъ, что сколь несовершенны ни были въ другихъ вольныхъ Государствахъ законы, касающіеся до вольности гражданъ, но исполненіе оныхъ еще недостаточнѣе. Въ Англіи напротивъ законы, ограждающіе безопасность подданнаго, не только весьма обстоятельны, но образъ исполненія оныхъ дѣлаетъ ихъ еще выгоднѣе; и духъ справедливости и кротости, дѣйствующій во всѣхъ отрасляхъ правленія, столько же благопріятствуетъ вольности Англійскихъ подданныхъ, сколько и мудрость самихъ законовъ.

И здѣсь Римская Республика подаетъ намъ примѣры, доказывающіе первую часть

сказаннаго теперь. Сказавъ въ предшедшей главѣ, что во времена безпокойствъ не было ничего выговорено для народа вообще, разумѣлъ я, ничего такого, чтобы окончательно соотвѣтствовало цѣли. Когда народъ былъ раздраженъ до нѣкоторой степени, или его содѣйствіе нужно было для исполненія нѣкоторыхъ резолюцій, или для принятія нѣкоторыхъ мѣръ, полезныхъ особливо имѣющимъ власть въ рукахъ; то не благоразумно поступилибъ они, еслибъ явно оказали презрѣніе къ желаніямъ народа; почему и не упускали они присовокуплять къ постановленнымъ законамъ всеобщія объявленія въ пользу всенародной вольности. Но поступками явно опровергали послѣ сіи всеобщія объявленія и начала, кои, казалось, должны онѣ были установить.

Такимъ образомъ, когда спустя около года по изгнаніи Королей, заставили народъ утвердить голосами, что Монархическое правленіе не будетъ уже никогда возстановлено, и покушающійся оное ввести будетъ принесенъ въ жертву богамъ; то присовокупили статью, которою въ общихъ выраженіяхъ подтверждено право гражданъ, какое имѣли они при Корояхъ подавать аппелляцію народу на уголовные приговоры, учиненные противъ нихъ. Но (что удивитъ Читателя) не опредѣлено наказанія

противъ нарушителей сего закона; а потому и видимъ въ Дїонисїи Галикарнасскомъ и въ Титѣ Ливїи, что Консулы мало заботились объ аппелляцїяхъ гражданъ, и что въ отправленїи должности своей болѣе, нежели военной, насмѣхались они надъ такимъ правомъ, которое надлежалобъ имъ уважать; сколь несовершенно и слабо ни было его узаконенїе.

По томъ присовокуплена статья того же содержанїя къ законамъ двенадцати скрижалей; но Децемвиры, которымъ сперва поручено было исполненїе сихъ законовъ, поступили въ семъ отношенїи еще хуже Консуловъ; а по изгнанїи оныхъ (*), Градоначальники, ихъ преемники, уважали, кажется, жизнь гражданъ столь же мало, какъ и предмѣстники ихъ. Изъ многихъ примѣровъ объявлю только одинъ, который покажетъ,

(*) По изгнанїи Децемвировъ, издалъ также законъ, чтобъ не учреждать Градоначальниковъ, на которыхъ не можно жаловаться народу (magistratus sine provocatione, Tit. Liv. III. 55). И симъ закономъ думалъ народъ, что уничтожилъ Диктаторство; но произшествїе, о которомъ будетъ разсказано и которое послѣдовало лѣтъ десять спустя, показываетъ, что этотъ законъ былъ наблюдаемъ не лучше прочихъ.

подъ какими пустыми предлогами часто подвергали гражданъ опасности лишиться жизни. Спурій Мелій, по доносу, что хочетъ сдѣлаться Королемъ, получилъ повѣстку отъ Начальника надъ конницею явиться къ Диктатору для оправданія себя въ этомъ нѣсколько странномъ обвиненіи. Спурій укрылся въ толпѣ народной, Начальникъ надъ конницею погнался за нимъ туда и убилъ его на площади. Народъ вознегодовалъ на такое насиліе; для чего Диктаторъ велѣлъ ему собраться предъ своимъ Трибуналомъ и объявилъ, что Спурій преданъ смерти законно, хотябъ и былъ невиненъ въ томъ преступленіи, въ которомъ на него доносили, потому что не хотѣлъ повиноваться, когда Начальникъ надъ конницею звалъ его на судъ къ Диктатору (*).

Спустя около ста сорока лѣтъ послѣ того времени, о которомъ говоримъ, законъ объ аппелляціи къ народу постановленъ въ третій разъ; но для того не лучше былъ наблю-

(*) *Tumultuantem deinde multitudinem, incerta existimatione facti, ad concionem vocari jussit, et Maelium jure caesum pronunciavit, etiamsi regni crimine insons fuerit, qui vocatus a magistro equitum ad dictorem non venisset. Tit. Liv. IV. 15.*

даемъ въ послѣдствіи времени; и мы находимъ, что часто нарушали его не только разные Градоначальники Республики, но и самъ Сенатъ въ противность сему закону дѣлалъ страшныя наказанія гражданамъ. Одинъ изъ сихъ примѣровъ представляютъ триста воиновъ, грабившихъ городъ *Регіумъ*. Сенатъ самовластно приказалъ всѣхъ ихъ предать смерти. Тщетно Трибунъ Флавій дѣлалъ представленія противъ сей чрезмѣрной строгости, употребленной надъ Римскими гражданами: Сенатъ, говоритъ Валерій Максимъ, упорствовалъ въ своей резолюціи (*).

Всѣ сіи законы для охраненія жизни гражданъ были постановляемы доселѣ, не угрожая ни малѣйшимъ наказаніемъ тѣхъ, которые ихъ нарушатъ. Напослѣдокъ слав-

---

(*) Вал. Макс. кн. 2. гл. 7. Сей Авторъ не объявляетъ точнаго числа преданныхъ смерти при семъ случаѣ; а говоритъ только, что казнили ихъ по пятидесяти вдругъ чрезъ нѣсколько дней сряду: другіе Писатели полагаютъ число ихъ до четырехъ тысячъ. Титъ Ливій говоритъ о цѣломъ Легіонѣ: *Legio Campana quae regium occupaverat, obsessa, deditione facta securi percussa est.* Tit. *Liv. XV.* Письмо. Я послѣдовалъ здѣсь Полибію, который говоритъ, что схвачено и приведено въ Римъ 300 человѣкъ.

ный *законъ Porcia* опредѣлилъ наказанїе изгнанїя противъ тѣхъ, которые засѣкутъ розгами и умертвятъ Римскаго гражданина. Однакожъ великое множество примѣровъ, случившихся послѣ сего закона, показываетъ, что его наблюдали не лучше прочихъ. Это побудило Каїя Гракха уложить законъ *Sempronia*, снабдѣнный новымъ подтвержденїемъ: но онъ былъ столь же безсиленъ спасти жизнь его собственную и друзей его, какъ законъ *Porcia* не могъ сохранить жизни его брата и сообщниковъ. Напослѣдокъ всѣ произшествїя того времени доказываютъ явно, что зло было неизлѣчимо. Упомяну здѣсь объ одномъ случаѣ, поелику онъ представляетъ достопамятный примѣръ, сколь мало совѣстились Римскїе Градоначальники отнимать жизнь у гражданъ. Когда нѣкто Меммїй пришелъ искать Консульства, котораго также домогался человѣкъ, покровительствуемый Трибуномъ Сатурнїемъ, то онъ велѣлъ его схватить и прибить до смерти на самой площади. Наглость Трибуна, по словамъ Цицерона, простиралась такъ далече, что, въ присутствїи всего собравшагося народа, далъ онъ сему варварскому поступку наружность и видъ дѣйствїя общественнаго правосудїя (*).

(*) Цицеронъ въ своей Рѣчи *за Робирїя* говоритъ, что въ собранїи народа, въ которое со стороны

Это не всё. Римскіе Градоначальники позволяли себѣ подобныя несправедливости не въ званіи только публичныхъ Особъ и для поддержанія прерогативъ своихъ обществъ. Жадность и хищность каждаго особенно присоединялись къ публичному властолюбію. Сперва утѣсняли они Провинціи. Вскорѣ сія болѣзнь заразила самую Италію, нутрь Республики, пока законъ *Calpurnia de repetundis* не состоялся для удержанія ея успѣховъ. Сей законъ далъ право гражданамъ и союзникамъ отъискивать въ судѣ возвращенія отнятаго у нихъ Градоначальниками и Вельможами; а послѣ *законъ Junia* привовокупилъ наказаніе заточенія къ обязательству дѣлать возвращеніе.

Censorовъ запрещено приходить палачу, слышна была гибельная формула (cruciatus carmina), которую употребляли Градоначальники при казни человѣка; *J. lictor colliga manus, caput obnubito; arbori infilici fuspendito.* Какъ Меммій былъ знатный гражданинъ (это смѣло можно предполагать, потому что онъ съ успѣхомъ домогался Консульства), то всѣ Вельможи Республики были встревожены симъ ужаснымъ случаемъ: на другой день Сенатъ говорилъ сіи торжественныя слова Консуламъ: *videant ne quid detrimenti Respublica capiat;* и Трибунъ убитъ на баталіи, происходившей у подошвы Капитоліи.

Но безпорядокъ принялъ только иной видъ. Судьи показали себя столь же мздоимными, сколько Градоначальники показывали себя тиранами. Они не радѣли въ своихъ Провинціяхъ о ввѣренномъ имъ дѣлѣ Республики, и лучше хотѣли дѣлиться добычею съ Консулами, Преторами и Проконсулами, нежели употреблять законы противъ нихъ.

Надобно было прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, чтобъ отвратить сіе новое зло. Изданы законы для сужденія и наказанія самихъ Судей; а особливо дѣлали безпрестанныя перемѣны въ образѣ составлять собранія. Но болѣзнь такъ усилилась, что не можно было ее излѣчить обыкновенными средствами Законодательства. Вѣроломные Судьи, чтобъ избавиться отъ улики, употребляли тѣ же способы, какіе спасли виновныхъ Градоначальниковъ; и сіи удивительныя перемѣны, происходившія въ Конституціи судебныхъ обществъ (*), вмѣсто того, чтобъ остано-

(*) Судей, въ собраніи которыхъ обыкновенно предсѣдательствовалъ Преторъ, брали изъ Сената до окончанія послѣдней Пунической войны, когда *законъ Sempronia*, предложенный *Кайемъ С. Гракхомъ*, предписалъ брать ихъ впредь изъ Рыцарскаго чина. Послѣ того Консулъ *Цепіонъ* издалъ законъ, по которому должно было брать Судей

вить лакомства Судей, доставили только другимъ людямъ прибытокъ, отъ того происходящій. Уже во время Гракховъ жаловались всѣ, что не льзя было никакъ наказать того, кто могъ давать деньги (*). Цицеронъ объявляетъ, что въ его время всѣми было принято и утверждаемо то же мнѣніе (**); и рѣчи его наполнены одними сѣтованіями о томъ, что называется *нещастіемъ и лозоромъ* публичныхъ приговоровъ.

Республика претерпѣвала бѣдствіе не отъ одной ненаказанности мздоимныхъ

изъ одного и изъ другаго чина. Вскорѣ по томъ *законъ Servilia* ввѣрилъ *судебную власть* одному Рыцарскому чину; а *законъ Livia* отдалъ ее совершенно Сенату. За тѣмъ послѣдовалъ *законъ Плавтія*, чтобъ Судей брать изъ трехъ чиновъ, а именно: изъ Сенаторовъ, Рыцарей и простолюдиновъ. *Законъ Cornelia*, сочиненный Диктаторомъ *Силлою*, ввелъ опять Сенатъ въ исключительное владѣніе судебной власти. *Законъ Aurelia* отдалъ ее тремъ чинамъ. *Помпей* перемѣнилъ число Судей, и сократилъ ихъ до 75. Онъ также перемѣнилъ образъ избирать ихъ. Напослѣдокъ Цесарь возстановилъ первоначальный обычай брать Судей только изъ Сенаторскаго чина.

(*) App.de Bell. Civ.

(**) Act. in Verr. l. 5.

Судей. Напослѣдокъ все Государство пришло въ замѣшательство. Ужасныя притѣсненія, не смотря на ихъ извѣстность, оправданіе Аквилія, Проконсула Сирійскаго, и разныхъ другихъ тирановъ, виновныхъ въ тѣхъ же преступленіяхъ, повергли въ отчаяніе Азію. Тогда-то возгорѣлась страшная война Митридатова, которая началась умерщвленіемъ восьми десяти тысячь Римлянъ, послѣдовавшимъ въ одинъ день по всѣмъ городамъ Азіи (*).

Такимъ образомъ законы и публичные суды не только не достигли той цѣли, для которой установлены, но и сдѣлались новыми средствами притѣсненія, въ дополненіе къ существовавшимъ уже. Обвиняли и осуждали достаточныхъ гражданъ, которыхъ богатства хотѣли себѣ присвоить, частныхъ людей, на которыхъ одно, или другое общество могло злобствовать, или немногихъ Градоначальниковъ столь еще добродѣтельныхъ, что могли противиться стремленію общаго развратa; а между тѣмъ оставили безъ наказанія Пизона, о которомъ Цицеронъ въ своемъ словѣ противъ него объявляетъ дѣла, наносящія ужасъ, и Верреса, виновнаго въ злодѣйствахъ того же рода.

(*) Appian. de B. C.

Отъ этого произошла война еще страшнѣе прежней, и удивительно, что лютость ея не погубила Рима. Большая часть Италіи, раздраженная публичными приговорами, взволновалась вдругъ. Цицеронъ, увѣдомляя насъ о причинѣ сего бунта, который называетъ онъ *союзною войною*, описываетъ плачевное состояніе Республики, и какъ употреблены во зло мѣры, принятыя къ отвращенію онаго. „Не прошло еще, говоритъ онъ, ста „десяти лѣтъ съ того времени, какъ Три„бунъ Калпурній Пизонъ предложилъ законъ „о взысканіи денегъ, исторгнутыхъ Гради„начальниками. Многіе другіе законы о „томъ же предметѣ, которыхъ строгость „все прибавлялась, послѣдовали за симъ: но „доносовъ и осужденій было столь много, и „война въ Италіи была возжена ужасомъ публичныхъ приговоровъ толь страшная, а когда „законы и приговоры остановлены, ущѣсне„нія и грабительство нашихъ союзниковъ „такъ усилились, что мы существуемъ уже „не собственною силою, а слабостію дру„гихъ (*).“

Я вошелъ въ сіи подробности относительно къ Римской Республикѣ для того, что дѣянія, на которыхъ онѣ основаны, не

(*) Cic. de off. II. 75.

только сами по себѣ достойны примѣчанія, но и по тому, что не льзя вывести изъ нихъ вѣрнаго слѣдствія, если не будутъ онѣ представлены Читателю въ своей связи, и въ отношеніяхъ, какія имѣютъ между собою. Весьма погрѣшилибъ тѣ, которые поставилибъ сіе дѣяніе на щетъ роскоши, господствовавшей въ послѣднія времена Республики, которые приписывалибъ ихъ порчѣ нравовъ между гражданами и пренебреженію прежнихъ началъ ихъ. Это однѣ фразы, которыми можно изъяснить, какимъ образомъ зло обнаруживается, но они не показываютъ причинъ онаго.

Упомянутыя нами замѣшательства произошли отъ самаго свойства Республиканскаго Правленія, гдѣ исполнительная и верховная власть вся заключалась въ собраніи тѣхъ, на которыхъ народъ возлагалъ свою довѣренность, и слѣдовательно не оставалось при немъ иной власти въ Государствѣ, которая имѣлабъ надъ ними столько вліянія, чтобъ побуждала ихъ не выходить изъ предѣловъ справедливости и благопристойности. А между тѣмъ какъ народъ, долженствовавшій держать сіе собраніе въ уздѣ, безпрестанно давалъ участіе въ исполнительной власти тѣмъ, которымъ поручалъ попеченіе о своихъ дѣлахъ, то всегда умножалъ онъ зло, на которое жаловался, когда ни

принималъ мѣры для отвращенія онаго ; и вмѣсто того , чтобъ набирать защитниковъ противъ непрїятелей своей вольности, такъ какъ онъ себѣ воображалъ , въ самомъ дѣлѣ снабдѣвалъ ихъ только новыми сообщниками.

Отсюда всегдашняя безпечность о дѣлѣ народа , которая оказывалась явно и во время революціи , хотя страсти народа были въ движеніи и умы согласнѣе. Признаки упоминаемаго здѣсь большаго Политическаго недостатка можно открыть въ первыхъ вѣкахъ Республики , такъ какъ и въ послѣднихъ періодахъ ея продолженія. Пока Римъ былъ малъ и бѣденъ , до тѣхъ поръ сей недостатокъ дѣлалъ въ немъ безполезными всѣ права и власти , принадлежавшія народу, и испровергалъ всѣ мѣры , какія принималъ онъ для защищенія своей вольности, такимъ же точно образомъ , какъ въ самыя блистательныя эпохи истреблялъ онъ весь плодъ, какого ожидали отъ спасительнѣйшихъ учрежденій , обращая и сіи послѣднія единственно въ пользу властолюбія и скупости малаго числа. Словомъ , величайшее счастіе Республики не произвело порока въ Конституціи , а дало ему только свободное теченіе.

Но если взглянемъ на Исторію Англійской націи , то увидимъ , что совсѣмъ иныя дѣйствія происходили отъ Правленія ,

не имѣвшаго тѣхъ же недостатковъ: увидимъ, съ какою искренностію соединялись всегда люди всякаго состоянія, чтобъ положить надлежащіе предѣлы исполнительной власти, зная, что она не можетъ никогда имъ принадлежать. Мы уже сказали, что, во время Публичныхъ революцій, назначали съ величайшимъ раченіемъ границы сей власти, и что, по возстановленіи тишины въ Государствѣ, оставшіеся предводителями націи оказывали постоянную ревность о соблюденіи выгодъ, пріобрѣтенныхъ соединенными усиліями всѣхъ.

Такимъ образомъ по одной изъ статей большой грамоты исполнительная власть не должна касаться до личности подданнаго иначе, какъ по приговору, учиненному противъ него *равными* (*pairs*): и общее соединеніе о соблюденіи сего закона было послѣ таково, что судъ присяжными (trial by jury), сіе удивительное производство, ограждающее народъ отъ всѣхъ насилій власти, даже отъ тѣхъ, которые можно былобъ сдѣлать съ соизволенія Судебнаго Начальства; сіе судопроизводство, говорю, сохранилось понынѣ во всей своей первоначальной цѣлости, когда между тѣмъ постепенно измѣнялось и напослѣдокъ совсѣмъ утратилось оно во всѣхъ прочихъ мѣстахъ Европы, гдѣ было изобѣ-

стно (*). Да и не довольно этого сказать: сія привиллегія быть судимымъ равными себѣ не только что сохранилась въ Англіи: ещо было сперва прерогативою однихъ завоевателей, Господъ, присвоенною изключительно тѣмъ частямъ націи, которыя начали

(*) Судопроизводство присяжными было въ употребленіи у Нормандцовъ за долго до нашествія ихъ на Англію: теперь оно совсѣмъ утрачено въ Нормандіи. Да и весьма рано начало тамъ отступать отъ перваго своего установленія: мы видимъ въ *Исторіи о земскомъ правѣ Англіи, сочиненной Гелемъ*, что единодушіе присяжныхъ не нужно было въ сей Провинціи для ихъ приговора; а когда присяжные не были согласны, то нѣкоторыхъ изъ нихъ исключали, и на ихъ мѣста опредѣляли другихъ, пока такимъ образомъ достигали единодушія. Въ Швеціи, гдѣ, по мнѣнію тамошнихъ Ученыхъ, *судопроизводство присяжными* взяло свое начало, нѣкоторые только обряды сохранились въ отдаленныхъ мѣстахъ сего Королевства; ибо впрочемъ присяжные учреждены тамъ по жизнь, и по тому получаютъ жалованье. Смотри *Состояніе Швеціи, сочиненія Робинсона.* Въ Шотландіи смѣжность Англіи не могла тамъ сохранить въ судахъ присяжными прежней и истинной ихъ формы. Единодушіе присяжныхъ тамъ не нужно, какъ мнѣ сказано, для состовленія приговора; его рѣшитъ большинство.

обижать и покорять прочихъ оружіемъ; здѣсь распространилась она постепенно на всѣ состоянія народа.

Не только личность, но и собственность каждаго предохранена отъ всякаго произвольнаго предпріятія исполнительной власти. Мало по малу сія послѣдняя доведена до того, что не можетъ взять ни малѣйшей части собственности подданнаго, ниже подъ предлогомъ Государственныхъ нуждъ, иначе какъ съ согласія повѣренныхъ народа. И ревность сихъ повѣренныхъ о поддержаніи въ семъ отношеніи выгодъ націи, съ которыми собственныя ихъ пользы нераздѣльны; сія ревность, говорю, была такъ искренна и постоянна, что привиллегія налагать самимъ на себя подати, основанная сперва на самомъ непрочномъ правѣ, и на которую Государь согласился для собственной только пользы, какъ на образъ правленія, сдѣлалась современемъ установленнымъ правомъ народа, которое Государь разсудилъ напослѣдокъ за нужно признать торжественно и неоднократно.

Сверхъ того повѣренные народа употребили сіе право *налагать подати* еще благороднѣе, нежели для одного предохраненія собственности; современемъ удалось имъ превратить его въ средство правильное и

Конституціональное, имѣть вліяніе на предложенія исполнительной власти. Симъ правомъ пріобрѣли они ту выгоду, что ихъ всегда призываютъ соглашаться на мѣры Государя, что онъ оказываетъ величайшее уваженіе къ ихъ прозьбамъ и рачительно исполнялъ обязательства, въ которыя вступалъ съ ними. Такимъ образомъ изъ всѣхъ народовъ какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, одинъ только Англичанинъ достигъ того единственнаго благополучія, что имѣетъ участіе въ правленіи, избирая повѣренныхъ, которые, по особеннымъ обстоятельствамъ, въ каковыхъ находятся, и, по обширности своихъ правъ, имѣютъ и *волю* служить вѣрно своимъ учредителямъ, и *способность* исполнить это.

Члены Нижней Каморы не были довольны тѣмъ, что утвердили единожды навсегда вольность народа помянутыми нами средствами, а поставили себѣ главнымъ предметомъ своего старанія сохраненіе сихъ средствъ (*), и пользовались всѣми случая-

(*) Первое дѣло Членовъ Нижней Каморы въ началѣ засѣданія есть, назначить четыре большіе Комитета. Одинъ Комитетъ о Религіи, другой о жалобахъ, другой о теченіи правосудія, другой напослѣдокъ о торговлѣ и пр. Сіи Комитеты остаются чрезъ все засѣданіе.

ми, какіе представлялись, чтобъ дать имъ, такъ сказать, новую жизнь.

Когда при Карлѣ I сія привиллегія народа давать субсидіи Коронѣ, была нарушена такимъ образомъ, который не могъ не встревожить всей націи; то Члены Нижней Каморы, не теряя времени, поддержали сіе важное право, сію Конституціональную ограду всѣхъ прочихъ правъ, и поспѣшили воспротивиться въ самомъ началѣ всякому предпріятію, которое моглобъ служить примѣромъ, и произвесть подъ конецъ совершенную гибель всенародной вольности.

Они на этомъ не остановились, а разпространили свои попеченія на всѣ вкравшіяся злоупотребленія. Судебная власть, на примѣръ, какую нечувствительно присвоила себѣ исполнительная власть, въ разсужденіи какъ личности, такъ и собственности подданнаго, уничтожена тѣмъ же актомъ, которымъ упразднена Палата Звѣздной Каморы; и Корона заключена въ настоящей своей Конституціональной должности, а именно, силою своею охранять и защищать исполненіе законовъ.

Усилія законодательства, послѣдовавшія засимъ, разпространили еще далѣе привиллегіи народа: они привели Корону въ невозможность брать подъ караулъ и заключать въ темни-

ну, даже на малое время, кого нибудь изъ подданныхъ, выключая случаи, назначенные закономъ, о которыхъ должны рѣшить надлежащіе судьи.

И не должно думать, чтобъ сія безпримѣрная вольность, разпространенная такимъ образомъ на щетъ исполнительной власти, сдѣлалась исключительною привиллегіею знатныхъ и сильныхъ. Всѣ подданные безъ различія имѣютъ право ею пользоваться: обида, учиненная простому гражданину, дала существованіе тому постановленію, которымъ совершенно утверждена сія важная отрасль публичной вольности. „Притѣсненіе мало „знаемаго частнаго человѣка (говоритъ судья „Блакстонъ) произвело славный актъ *Habeas „corpus*.“ Юній ссылался на это примѣчаніе сего судьи, и стоитъ труда повторить оное здѣсь, потому что оно даетъ справедливое понятіе о томъ разположеніи всѣхъ состояній соединяться для защиты общей вольности, которое есть характеристическая черта Англійскаго Правленія (*).

(*) Частный человѣкъ, о коемъ здѣсь рѣчь идетъ, назывался *Францъ Дженксъ*, который предлагалъ въ 1676 году въ Гилдгалѣ просить Короля о новомъ Парламентѣ. Онъ былъ допрашиванъ въ Тайномъ Совѣтѣ и отосланъ въ тюрьму, гдѣ

Сіе всеобщее соединеніе защищать публичную вольность не довольствовалось тѣмъ, что составило только законы, ее охраняющіе; оно дѣйствовало съ тою же силою, когда надобно было наказывать покусившихся нарушить ихъ; и Государь былъ всегда принужденъ жертвовать нарушителями оныхъ справедливости своего отечества и въ то время, когда они были его ревностнѣйшіе служители.

Если спросятъ примѣровъ тому, о чемъ здѣсь говорю, то могу ихъ показать любопытнымъ даже въ правленіе Эдуарда I. Судьи, обвиненные и уличенные въ томъ, что брали взятки въ отправленіи своихъ должностей, были тогда осуждены приговоромъ Парламента (*). И когда разсудимъ, какія чрезвычайныя пени положены на нихъ,

продержали его около двухъ мѣсяцовъ посредствомъ проволочекъ, употребленныхъ разными судьями, у которыхъ онъ просилъ *Habeas corpus*. См. State-Tryals T. VII 1676 года.

(*) Кавалеръ Рафъ Генгамъ, Главный Судья Кингсбенча, долженъ былъ заплатить штрафу 7000 маркъ; у Кавалера Томаса Вейланда, Главнаго Судьи общихъ тяжебъ, конфисковано все имѣніе, а Кавалеръ Адамъ Стратенъ, первый Баронъ Экчекера, долженъ былъ заплатить пени 34,000 маркъ.

которыя, кажется, были они въ состоянiи заплатить; то смѣло заключить можно, что и въ семъ младенчествѣ Конституцiи лѣкарство было употреблено въ болѣзни нѣсколько поздно: однакожъ оно употреблено напослѣдокъ.

При Ричардѣ II показаны такiе же примѣры. Мичель Поль, Графъ Суфолкскiй, Государственный Канцлеръ, Дюкъ Ирландскiй и Архiепископъ Iоркскiй, употребили во зло свою власть, принимая мѣры, клонящiяся къ испроверженiю общенародной вольности, и для того объявлены виновными въ преступленiи *высокой измѣны*; и множество Судей, которые въ своемъ званiи согласились на ихъ намѣренiя, подвергнулись тому же осужденiю (*).

(*) Знатнѣйшiе изъ сихъ Судей были Кавалеръ Робертъ Белкнапъ и Кавалеръ Робертъ Трезильянъ, Главный Судья Кингсбенча. Послѣдній написалъ нѣсколько вопросовъ, клонящихся къ тому, чтобъ вручить Деспотическую власть Коронѣ, или лучше сказать, вышепомянутымъ Министрамъ, которые нашли средство овладѣть совершенно особою Короля. Кавалеръ Робертъ Трезильянъ предложилъ сiи вопросы Судьямъ, для того собраннымъ, и они подали голосъ въ ихъ пользу. Одно изъ мнѣнiя сихъ Судей клонилось къ тому, чтобъ одиимъ

При Генрихѣ VIII Кавалеръ Томасъ Емпсонъ и Эдмонъ Додлей, за то, что споспѣшествовали грабительствамъ, происходившимъ въ прежнее правленіе, были жертвами ревности Членовъ Нижней Каморы защищать дѣло народа. При Королѣ Яковѣ I ни достоинство, ни личныя качества Канцлера Бакона не могли предохранить его отъ строжайшаго наказанія за дурныя дѣла, въ которыхъ онъ оказался виновнымъ. При Карлѣ I Судьи отважились подражать примѣру бывшихъ при Ричардѣ II, подавая голосъ противъ правъ народа, и испытали со стороны Членовъ Нижней Каморы ту же бдительность, которая была причи-

---

разомъ уничтожить всѣ права Членовъ Нижней Каморы, отнявъ у нихъ важную привиллегію, выше сего помянутую, предлагать на разсмотрѣніе всѣ дѣла, какъ они за благоразсудятъ, и разбирать ихъ свободно: хотѣли запретить Членамъ Нижней Каморы подъ опасеніемъ, что будутъ наказаны какъ измѣнники, разсуждать объ иныхъ матеріяхъ, кромѣ назначенныхъ Королемъ. Всѣ сообщники въ вышепомянутыхъ отзывахъ Судей уличены въ *высокой измѣнѣ*. Нѣкоторые изъ нихъ повѣшены, между прочими Кавалеръ Робертъ Трезильянъ, а другіе только изгнаны по ходатайству Епископовъ. См. *Исторію Англійскаго Парламента*. Т. I.

ною нещастія первыхъ. Лордъ Финкъ, Канцлеръ, принужденъ былъ для спасенія своего ѣхать за море. Судьи Давенпортъ и Кралей посажены въ тюрьму, а Судью Берклея, по словамъ Росворда, отставили отъ мѣста, которое онъ занималъ.

Въ царство Карла II находимъ новые примѣры сей бдительности Членовъ Нижней Каморы. Кавалеръ Вильямъ Скрогсъ, Лордъ Главный Судья Кингсбенча, Францъ Нортъ, Главный Судья общихъ тяжебъ, Томасъ Джонсъ, одинъ изъ Судей Кингсбенча, и Ричардъ Вестонъ, одинъ изъ Бароновъ Эксчекера, были обвиняемы Членами Нижней Каморы въ томъ, что оказывали пристрастіе въ производствѣ суда; и Судья Скрогсъ, противъ котораго доказали совершенно нѣкоторыя положительныя обвиненія, отрѣшенъ отъ должности.

Разные приведенные здѣсь примѣры взяты изъ разныхъ періодовъ Англійской Исторіи, чтобъ показать, что ни вліяніе, ни достоинство преступившихъ законы, и въ то время, когда они были надежнѣйшими служителями короны, не могли остановить ревности Членовъ Нижней Каморы объ охраненіи правъ народа. Можно былобъ, чаятельно, представить и другіе примѣры, клонящіеся къ тому же предмету; но я почитаю за долгъ увѣдо-

мить тѣхъ, которые захотѣлибъ принять на себя трудъ ихъ пріискивать, что по причинѣ опасности, несомнѣнно сопряженной всегда съ нарушеніями законовъ, найдутъ они ихъ не столь много, какъ можетъ быть думаютъ.

Правильность, заведенная въ дѣйствованіяхъ исполнительной власти въ Англіи, была такъ велика, слѣдовательно тамошній народъ привыкъ съ этой стороны ожидать справедливости такъ строгой, что и самъ Государь, если позволялъ себѣ когда нибудь нарушить безопасность подданнаго, не избѣгалъ строгаго сужденія. Посягательство, учиненное по Указу Карла II го противъ Кавалера Джона Ковентри, изумило націю; а насиліе, на которое поступилъ тогда Государь для удовлетворенія собственной своей мстительности (самовольство, какое въ нѣкоторыхъ другихъ земляхъ почитаютъ своимъ правомъ цѣлые классы людей), сіе насиліе, говорю, произвело всеобщее волненіе. „Это произшествіе (говоритъ Епи„скопъ Бурнетъ) надѣлало много шуму въ „Нижней Каморѣ. — Оно доставило большія „выгоды всѣмъ противившимся Двору; и име„на партіи *Дворской и отечественной*, кото„рыя кажется были забыты, возобновились (*)."

(*) Смотри *Исторію Бурнета* Т. I. 1669 г. Парламентъ издалъ при семъ случаѣ постановленіе, ко-

Вотъ какіе предѣлы положило Англійское правленіе дѣйствованіямъ исполнительной власти, предѣлы, которымъ нѣтъ подобныхъ ни въ какомъ вольномъ Государствѣ, древнемъ или новѣйшемъ; они обязаны своимъ существованіемъ тому самому обстоятельству, которое, кажется, дѣлаетъ его невозможнымъ, то есть, великости этой власти, которая, какъ видно по слѣдствію, послужила только къ тому, чтобъ соединить для защищенія похищеннаго предмета виды и усилія всѣхъ состояній народа.

Отъ сей силы и отъ сей особенной твердости исполнительной власти въ Англіи произошло другое весьма выгодное слѣдствіе, (о немъ говорили мы выше, но не худо повторить и въ сей главѣ, назначенной къ подтвержденію началъ, объявленныхъ въ предшедшихъ), то есть, продолженіе общаго соединенія людей всякаго состоянія, и духъ взаимной справедливости, разпространившійся отъ того во всѣхъ званіяхъ.

Какъ ни окружена корона упомянутыми нами предѣлами, однако она сохранила свою

торое болѣе разпространило предосторожности, принятыя для личной безопасности подданнаго: на него всегда ссылаются подъ именемъ Акта о *Ковентри*.

прерогативу нераздѣльною. Она и теперь имѣетъ всю свою дѣйствительную силу, а связана только собственными обязательствами, и уваженіемъ того, чѣмъ сама себѣ должна, драгоцѣннѣйшихъ своихъ выгодъ.

Знатные и богатые люди въ націи, которые съ помощію всего народа могли заключить употребленіе сей власти въ границы, толь ясно опредѣленные, могутъ ожидать, что она останется въ нихъ до тѣхъ, только поръ, пока надлежащимъ поведеніемъ будутъ они сами заслуживать то вспоможеніе народа, которое одно можетъ заставить Государя почитать ихъ достойными уваженія, и тогда только могутъ они надѣяться, что корона будетъ наблюдать законы, ограждающіе богатство, достоинства и вольность ихъ, когда они сами станутъ наблюдать тѣ законы.

Сверхъ того всѣ усилія, употребляемыя ими для охраненія своихъ правъ отъ короны, ободряютъ народъ защищать свои права отъ нихъ. Всегдашнимъ своимъ сопротивленіемъ всякому произвольному поступку сей власти, безпрестанно объявляютъ они свое несогласіе на какое-либо притѣснительное дѣйствіе, которое, по преимущественнымъ своимъ выгодамъ, моглибъ они покуситься сдѣлать своимъ соподданнымъ, кои

ниже ихъ состоянїемъ. Не должно думать, на пр. что сїе строгое сужденїе, которому вздумали они подвергнуть насильный и неосмотрительный поступокъ своего Государя, было только ограниченїемъ безпосредственныхъ поступковъ будущихъ Королей Англїйскихъ: нѣтъ, это есть обширнѣйшая предосторожность, принятая для обезпеченїя публичной вольности; это торжественное обязательство всѣхъ сильныхъ людей въ Государствѣ съ цѣлымъ народомъ, тщательно уважать личность послѣдняго человѣка въ народѣ.

И въ самомъ дѣлѣ постоянное поведенїе обѣихъ Каморъ Парламента показываетъ намъ, что сїи примѣчанїя не умозрительны только. Восходя до отдаленнѣйшихъ временъ, увидимъ, что Члены Нижней Каморы всегда совѣстились присвоивать себѣ какое-либо отличїе, которое моглобъ ихъ лишить любви народной (*). Коль скоро привиллегїи, казав-

(*) Во всѣхъ случаяхъ публичнаго преступленія, даже малѣйшаго нарушенія общественной тишины, Члены Нижней Каморы не имѣютъ никакого преимущества передъ прочимъ народомъ: *мирный Судья* можетъ посадить ихъ въ тюрьму, и надъ ними можно производить судъ, такъ какъ надъ всякимъ подданнымъ. По гражданскимъ дѣламъ не льзя брать ихъ подъ стражу, пока засѣданіе

шїяся имъ нужными для исполненїя своей должности, были признаваемы обременительными обществу: то они всегда отказывались отъ нихъ. А когда находились между ими люди, которые употребляли сїи привиллегїи, или вообще вліяніе, произходящее отъ ихъ положенїя, для какого нибудь утѣснительнаго предмета: то они сами старались подвергать ихъ наказанїю.

Такимъ образомъ при Яковѣ I. Кавалеръ Джейлсъ Момпесонъ, Членъ Нижней Каморы, оказавшїйся виновнымъ въ монополіяхъ и въ другихъ поступкахъ, тягостныхъ народу, не только выгнанъ изъ Каморы, но обвиненъ, преслѣдованъ съ величайшею горячностїю и наконецъ осужденъ. Верхняя Камора приговорила лишить его публично званїя Кавалера, почитать навсегда безчестнымъ, и держать чрезъ цѣлой вѣкъ въ тюрьмѣ.

При томъ же правленїи Кавалеръ Джонъ Беннетъ, Членъ Нижней Каморы, оказавшись виновнымъ въ разныхъ притѣсненїяхъ, учи-

---

продолжается, ни въ теченіе сорока дней предшествующихъ и сорока дней послѣдующихъ оному; но во всѣ сіи времена можно начинать съ ними тяжбу, относительно къ ихъ имѣнію за всякой справедливый долгъ.

ненныхъ въ званіи Судьи *прерогативной* Палаты Кантербургской, какъ на примѣръ въ томъ, что бралъ великія взятки и проч., выгнанъ изъ Каморы и преданъ суду за сіи преступленія.

Въ 1641 году Генрихъ Бенсонъ, Депутатъ Нересборгскій, который продавалъ покровительства, подвергнулся такому же негодованію Каморы и выгнанъ.

Напослѣдокъ, чтобъ явно доказать, что ни званіе народнаго Депутата, ниже какая-либо степень вліянія въ Каморѣ, не могутъ ни одного Члена уволить отъ точнаго наблюденія правилъ справедливости, Нижняя Камора сдѣлала при одномъ случаѣ строжайшее наказаніе и своему Оратору за то, что нѣкогда осмѣлился превратить должность своего званія въ способъ наживаться. Кавалеръ Джонъ Треворъ, Ораторъ Нижней Каморы, получившій на VI году царствованія Вильяма III. тысячу гиней отъ города Лондона „въ награжденіе за ста„раніе, которое прилагалъ онъ, когда рѣчь на„стояла объ узаконеніи *сиротской били*:“ признанъ виновнымъ въ высокой измѣнѣ и лихоимствѣ, и выгнанъ изъ Каморы. Даже незначущая сумма 20 гиней, которыя другой Членъ М. Гонгесфордъ имѣлъ слабость

принять по тому же случаю, почтена заслуживающею вниманіе Каморы, и онъ также выгнанъ изъ оной (*).

Если обратимъ взоры на Верхнюю Камору, то найдемъ, что и Лорды всегда старались, чтобъ частныя привиллегіи не обращались во вредъ общей справедливости, принадлежащей прочему народу (**). Они всегда

(*) Можно былобъ привесть другіе примѣры внимательности Нижней Каморы на поведеніе своихъ Членовъ, какъ предшествующіе, такъ и послѣдующіе этому. Относительно къ сей матеріи можно видѣть описаніе поведенія Нижней Каморы по дѣлу о проэктѣ *Южноморской компаніи*; и спустя нѣсколько лѣтъ послѣ по дѣлу *человѣколюбиваго общества*, плутовской выдумки, утѣснительной особливо для бѣдныхъ, за которую выгнаны многіе Члены.

(**) Въ случаѣ публичнаго преступленія, или только нарушенія общественной тишины, мирный Судья можетъ заключить въ тюрьму Пера, пока не поставитъ онъ по себѣ порукъ; и можно подвергнуть Перовъ суду обыкновеннымъ порядкомъ закона за всякое преступленіе, не столь великое, какъ вѣроломство (félonie). По дѣламъ гражданскимъ не льзя ни въ какое время взять ихъ самихъ подъ караулъ, а можно положить запрещеніе на ихъ имѣніе, точно такъ какъ и на имѣніе другихъ подданныхъ.

соглашались на все, предлагаемое имъ отъ Нижней Каморы по сей матеріи. И подлинно, если разсудимъ, сколь много привиллегій присвоиваютъ себѣ почти во всѣхъ земляхъ *Дворяне*, и съ какою гордостію и насиліемъ защищаютъ ихъ: то Англійское Дворянство (вмѣстѣ же и то Правленіе, котораго часть оно составляетъ) окажется достойнымъ не малаго почтенія за добровольное свое согласіе на то, чтобъ привиллегіи его были такъ какъ теперь ограничены, т. е. точно въ такой степени, какъ надобно для достиженія Конституціональной цѣли сей Каморы.

Въ употребленіи судебной своей власти по дѣламъ гражданскимъ, Лорды оказывали духъ правоты отнюдь не менѣе, какъ и въ законодательномъ своемъ званіи. Они исполняли эту должность (болѣе всѣхъ подверженную искушенію) съ честностію превосходнѣе той, какою можетъ похвалиться Судебное Мѣсто въ какой либо другой націи. И думаю не погрѣшу, сказавъ, что поведеніе Каморы Лордовъ въ качествѣ гражданскихъ Судей было всегда такое, что поставило ее превыше клеветы и даже подозрѣнія.

Та привиллегія сама, какую они имѣютъ судить исключительно своихъ Членовъ въ

случаѣ обвиненїя, могущаго касаться до ихъ жизни (право, которое, кажется, съ перваго взгляда должно быть противно идеи порядочнаго Правленїя и устрашать прочїй народъ); сїя привиллегїя, говорю, была всегда такъ употребляема Лордами, что они отдавали справедливость своимъ сподданнымъ. Если посмотримъ *на судопроизводства Государственныя*, или на Исторїю Англїи: то найдемъ очень мало примѣровъ, чтобъ Перы, дѣйствительно виновные въ тѣхъ преступленїяхъ, въ коихъ были обвиняемы, получали отъ того какую нибудь выгоду, что не были судимы присяжными Нижней Каморы.

Сїя умѣренность и сїя справедливость обѣихъ Каморъ Парламента въ употребленїи своей власти (столь противоположная сказанному выше о поведенїи сильныхъ людей въ Римской Республикѣ) была не однимъ щастливымъ слѣдствїемъ спасительной ревности сихъ двухъ сословїй противъ власти Короны. Та же причина побудила ихъ стараться съ крайнимъ вниманїемъ и о другомъ существенномъ пунктѣ общественной вольности, заключить Судебныя Мѣста въ надлежащїе предѣлы.

Съ самыхъ древнихъ временъ благопрїятствовали они жалобамъ о вліянїи Короны на сїи

Судебныя мѣста, и напослѣдокъ издали законы для отвращенія онаго. Сими мѣрами (что весьма нужно замѣтить) изъявили они сильнѣйшимъ образомъ, что ни одинъ подданный не долженъ думать освободиться отъ повиновенія, принадлежащаго единообразному теченію закона. И строгіе примѣры, которые согласились они показать надъ Судьями, сдѣлавшимися орудіями страсти Государя, или видовъ его Министровъ, суть грозные уроки Судьямъ, послѣдовавшимъ за ними, чтобъ не дерзали никогда и для самаго знатнаго человѣка отступать отъ той черты правосудія, которую предписала имъ соединенная мудрость трехъ отраслей законодательства.

Сіе отмѣнное положеніе Англійскихъ Судей въ разсужденіи трехъ властей, составляющихъ Государство и сильное защищеніе, какое всеконечно будетъ имъ оказываемо отъ нихъ, пока останутся они вѣрными служителями правосудія, произвели напослѣдокъ такое безпристрастіе въ отправленіи общенароднаго правосудія въ Англіи, ввели такую сильную привычку въ Судебныхъ Мѣстахъ не смотрѣть на вліяніе и богатство тяжущихся особъ, доставили каждому частному человѣку такой удобный доступъ въ сіи мѣста, и такую увѣренность достигнуть правосудія, что тщетно былобъ

искать чего нибудь тому подобнаго во всякомъ другомъ Правленіи. Филиппъ Коминъ уже за триста лѣтъ хвалилъ точность, съ какою давали расправу въ Англіи подданнымъ всѣхъ состояній (*); а безпристрастіе, съ каковымъ производится судъ въ наши времена, должно еще болѣе наполнить удивленіемъ всякаго иностранца, который имѣетъ случай наблюдать обычаи этой земли (**).

(*) См. стр. 42. Тома I. сего сочиненія.

(**) Да будетъ мнѣ позволено привесть себя самаго во свидѣтели этого обстоятельства. Вскорѣ послѣ перваго моего пріѣзда въ Англію, начался искъ въ одной изъ Судебныхъ Палатъ противъ Принца, ближняго родственника Королю, и почти въ то же время одинъ Лордъ производилъ тяжбу о собственности нѣкоторыхъ свинцовыхъ рудниковъ, весьма важныхъ въ Іоркширѣ. Примѣчу, что рѣшеніе по обоимъ дѣламъ послѣдовало противное сильнѣйшимъ соперникамъ: это поразилобъ меня болѣе, еслибъ я давно не зналъ большаго безпристрастія, господствующаго въ судопроизводствахъ Англіи: я былъ приготовленъ видѣть своими глазами примѣры сего рода. Признаюсь однакожъ, что меня изумило то, что никто, кажется, не удивлялся той строгости, съ какою наблюдено

Въ самомъ дѣлѣ отправленіе публичнаго правосудія доведено въ Англіи до такой степени безпристрастія, что по всей справедливости сказать можно, что всякое нарушеніе законовъ, хотябъ учинено было самыми сильными людьми, и даже по точному приказанію первыхъ служителей Короны, будетъ поправлено публично и совершенно; и самый послѣдній изъ подданныхъ достигнетъ такого поправленія, когда смѣло предстанетъ и прибѣгнетъ къ законамъ своего отечества. Надобно признаться, что сіи обстоятельства весьма чрезвычайны; что еслибъ онѣ не были столь извѣстны, то не моглибъ показаться вѣроятными тѣмъ, которые знаютъ, сколь трудно установить

обыкновенное теченіе закона, а особливо по первому изъ сихъ дѣлъ: на сіи судопроизводства, которыя расположенъ я былъ почитать славными примѣрами правосудія, къ произведенію коихъ долженствовали болѣе или менѣе содѣйствовать нѣкоторыя обстоятельства времени, или чрезвычайная добродѣтель Судей, на сіи судопроизводства, говорю, смотрѣли всѣ тѣ, съ которыми я разговаривалъ, какъ на обыкновенное теченіе дѣлъ, коего ожидали. Это обстоятельство сдѣлалось для меня весьма сильнымъ побужденіемъ изслѣдовать свойства того правленія, которое производило такія дѣйствія.

между людьми справедливые законы, и по томъ достигнуть надлежащаго исполненія по онымъ, и что не льзя этого иначе изъяснить, какъ взглянувъ на самую Конституцію, то есть, разсмотрѣвъ отношенія, въ какихъ находится исполнительная власть (или Корона) къ двумъ собраніямъ, составляющимъ съ нею законодательство, въ какихъ находятся сіи два собранія къ Коронѣ, и между собою, и напослѣдокъ положеніе всѣхъ трехъ относительно къ цѣлому народу (*).

(*) Сказанное выше о безпристрастіи, съ каковымъ производится судъ по всѣмъ дѣламъ въ Англіи, есть не такого свойства, чтобъ можно было то доказать, приводя одни дѣянія; почему и не входилъ я въ подробности. Но здѣсь разскажу два случая, которые, кажется, должны поразить Читателя.

Первый изъ сихъ случаевъ есть тяжба, начатая въ 1761 году нѣкоторыми Типографщиками противъ Экзекуторовъ Королевскихъ за то, что ими были они арестованы и на короткое время заключены въ тюрьму по силѣ *общаго Варанта*, или по указу Статскихъ Секретарей объ арестѣ; и заведенная послѣ другимъ частнымъ человѣкомъ противъ одного изъ сихъ же Секретарей. Въ сихъ искахъ точно наблюдены

Напослѣдокъ другое обстоятельство весьма замѣчательное въ Англійскомъ Правленіи и которое одно означаетъ нѣчто особенное и превосходное въ его свойствѣ, есть тотъ духъ крайней кротости, съ каковымъ производится Уголовный Судъ въ Англіи; относительно къ сему особенно можно сказать, что Англія разнствуетъ отъ всѣхъ другихъ земель на свѣтѣ.

всѣ обряды судопроизводства, употребляемыя частными людьми. За симъ прошу Читателя замѣтить, что разобравъ всѣ обстоятельства, сопровождавшія это дѣло, трудно было предложить такой случай, въ которомъ Министры имѣлибъ болѣе искушенія воспользоваться непозволеннымъ вліяніемъ, чтобъ остановить обыкновенное теченіе правосудія. Надобно еще замѣтить, что поступки, за которые осуждены сіи Министры, были не изъ тѣхъ дѣяній явно притѣснительныхъ, которыхъ никто не можетъ взять на себя оправдать. Они послѣдовали только обыкновенію, котораго примѣры хранились въ ихъ Канцеляріяхъ: и дѣло ихъ, если я хорошо увѣдомленъ, было такое, что всякой другой въ подобныхъ обстоятельствахъ почелъ бы себя уполномоченнымъ поступить такъ, какъ они.

Другой случай представляетъ отмѣнную черту той довѣренности, съ каковою всякой Англій-

Когда разсмотримъ наказанія, употребительныя въ другихъ Европейскихъ Государствахъ, то удивимся, видя, съ какою жестокостію поступаютъ тамъ люди съ подобными себѣ. Одинъ видъ сихъ наказаній удостовѣряетъ, когда бы не доказывали того другія обстоятельства, что люди, которые дѣлали въ тѣхъ Государствахъ законы и надзираютъ за исполненіемъ оныхъ, ма-

---

ской подданный отыскиваетъ того, что почитаетъ справедливо принадлежащимъ ему, и въ той неизвѣстности, съ какою открываются ему законныя средства во всѣхъ случаяхъ. Я хочу говорить о послѣдовавшемъ, въ правленіе Королевы Анны въ 1708 году, арестованіи Посла Россійскаго, котораго кредиторы велѣли взять изъ кареты за пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ, имъ должныхъ. Это не всё. Послѣдствія сего произшествія еще достопамятнѣе. Россійской Государь былъ весьма огорченъ сею обидою и требовалъ, чтобъ Миддлесекскій Шерифъ и Офицеры, употребленные для арестованія, были казнены. „Но, говоритъ Судья Блакстонъ, „изъ котораго выписалъ я сіе произшествіе, „Королева поручила своему Министру при Рос„сійскомъ Дворѣ отвѣчать, что она не мо„жетъ казнить ни одного изъ своихъ поддан„ныхъ, ниже послѣдняго изъ нихъ, если не бу„детъ къ тому уполномочена Англійскими зако-

ло опасаются, что будутъ когда нибудь сами или ихъ пріятели жертвами сихъ законовъ, такъ безразсудно установленныхъ.

Въ Римской Республикѣ обстоятельства, подобныя упомянутымъ нами, произвели величайшіе недостатки въ томъ родѣ Уголовнаго Суда, который тамъ существовалъ. Классъ людей, правившихъ Республикою и очень умѣвшихъ освобождать себя взаимно отъ всякаго закона, или отъ обрядовъ слишкомъ суровыхъ, не только позволялъ себѣ большія вольности, какъ мы то показали, располагая жизнію нижнихъ гражданъ, но и ввелъ еще крайнюю степень жестокости въ употребленіи беззаконныхъ властей, которыя присвоилъ себѣ въ семъ отношеніи (*).

„нами.“ Парламентъ издалъ по сему случаю актъ, которымъ запрещается арестовать Посла, или тѣхъ изъ его служителей, которыхъ онъ записалъ въ Канцеляріи Статскаго Секретаря, и конфисковать ихъ имѣніе. Хорошо расписанная и раскрашенная копія сего акта послана въ Москву съ Чрезвычайнымъ Посломъ.

(*) Сенатъ обыкновенно предавалъ смерти гражданъ, приказывая сбрасывать ихъ съ Тарпейской горы. Иногда Консулы или другіе частные Правители умерщвляли гражданъ на крестѣ, а чаще

Если посмотримъ на Греческія Республики, то увидимъ, что тамъ не лучше управляли дѣлами. По демократическому ихъ свойству и по частымъ революціямъ, которымъ онѣ были подвержены, надлежалобъ ожидать, что тамъ употребляли съ умѣренностію такую власть, о которой должно было знать имѣвшимъ ее, что она не прочна. По наглости, съ какою производились сіи революціи, духъ неправильности и жестокости овладѣлъ Греками въ употребленіи каратедьной власти. Извѣстны неразумные законы Дракона, писанные, какъ говорили, не чернилами, а кровью. Жестокіе законы двенадцати скрижалей у Римлянъ заимствованы почти всѣ у Грековъ; и народное мнѣніе въ Римѣ было то, что въ жестокостяхъ, какія оказывали Градоначальники надъ гражданами, подражали они только примѣру, который подали имъ въ томъ Греки (*).

приказывали ихъ засѣкать розгами до смерти, пришкнувъ голову вилами, что они называли cervicem furcae inſerere.

(*) Кесарь именно укоряетъ Грековъ симъ дѣяніемъ въ своей рѣчи за сообщниковъ Катилины, которую предалъ намъ Салюстій: *ſed eodem illo tempore Graeciae morem imitati (Majores uostri) verberibus*

Напослѣдокъ употребленіе пытки сего способа производить судъ, въ которомъ, можно сказать, глупость соединена съ жестокостію, было введено у Грековъ по тѣмъ же причинамъ, кои способствовали къ произведенію неправильности уголовнаго ихъ суда, и этотъ обычай продолжается еще и въ наши времена на твердой землѣ Европы по всеобщему распоряженію вещей, причиняющему тамъ какое-то нерадѣніе о поправленіи злоупотребленій публичной власти.

Но свойство Правленія, которое доставило Англійскому народу всѣ выгоды, описанныя нами выше, освободило его тѣмъ болѣе и отъ средствъ притѣсненія самыхъ вопіющихъ, употребительныхъ въ другихъ земляхъ.

Сіе легкомысліе располагаетъ важнѣйшими правами человѣчества, сіи обиды болѣе, или менѣе неизбѣжно наносимыя человѣческой природѣ въ другихъ Государствахъ, по слѣдствію ихъ формъ Правленія, всё это возбранено въ народѣ, котораго дѣла по щастію поручены попеченію людей, подлежащихъ тѣмъ же законамъ, какіе способству-

---

animadvertebunt in cives, de condemnatis ultimum supplicium sumptum.

ютъ они дѣлать, и подверженныхъ тираническимъ поступкамъ, какіе позволяютъ они вводить; людей, которые по тому самому, что имѣютъ болѣе выгодъ, нежели прочій народъ, подвержены еще болѣе злоупотребленіямъ, кои должны они отвращать, и опасностямъ, отъ коихъ должны защищать общество (*).

А по сему и видимъ, что употребленіе пытки въ самыя первыя времена было отнюдь неизвѣстно въ Англіи: и всѣ усилія о введеніи оной оставались всегда тщетными, не смотря на великую власть и силу старавшихся о томъ, и на обстоятельства времени, въ какихъ эта попытка была повторяема (**).

(*) Историки примѣчаютъ, что, въ Царство Карла II Нижняя, Камора поспѣшила уничтожить старинный статутъ о *Haeretiquo comburendo* (о сожженіи еретиковъ), коль скоро стало всѣмъ извѣстно, что мнимый преемникъ Короны Католикъ. Можетъ быть не оказалабъ она столько ревности и усердія, еслибъ не были удостовѣрены, что ея члены или ихъ родственники могутъ подвергнуться суду, также какъ и всякой другой человѣкъ въ народѣ, пока можно будетъ предъявить противъ нихъ точный письменный законъ.

(**) Можно по сей матеріи прочесть примѣчаніе стр. 190. Іго Тома сего сочиненія, гдѣ упоминается

КЪ той же причинѣ должно относить замѣчательное раченіе, съ какимъ избѣгали въ Англійскихъ законахъ всякаго рода суровости въ наказаніяхъ, которыхъ установленіе признано по опыту нужнымъ для безопасности общества. Самое большое мщеніе, употребляемое сими законами за тяжчайшія преступленія, никогда не простирается далѣе единаго лишенія жизни (*).

Англійское законодательство такъ заботилось постановить кореннымъ началомъ Правленія милосердіе и противъ уличенныхъ преступниковъ, что нарочная статья включена въ великомъ публичномъ договорѣ, учиненномъ при важной эпохѣ революціи о запрещеніи всякаго жестокаго и неупотре-

---

о сопротивленіи, какое испытали Графъ *Софолкъ* и Дюкъ *Эксетеръ*, когда хотѣли ввести пытку: это же покушеніе было одною изъ причинъ обвиненія, сдѣланнаго послѣ противъ послѣдняго.

Надобно также прочесть примѣчаніе (2) на страницѣ 190, гдѣ упомянуто о формальномъ отзывѣ судей противъ пытки по дѣлу *Фелтона*, который убилъ Дюка *Букингама*.

(*) Въ Исторіи, въ 1605 году, находится отмѣнная черта того попеченія, какое прилагало Англійское

бительнаго наказанія (*). О томъ же присовокуплено условіе и въ присягѣ, которую дѣлаютъ Короли при Коронаціи, возлагая на нихъ такимъ образомъ обязанность творить судъ съ кротостію (**).

законодательство не допустить, чтобъ примѣры жестокости были введены. Когда приговорены къ смерти оказавшіеся сообщниками въ пороховомъ заговорѣ, то въ Нижней Каморѣ сдѣлано было предложеніе просить Короля объ отсрочкѣ казни, пока будетъ постановлено, какое чрезвычайное наказаніе должно учинить преступникамъ; но это предложеніе отринуто. Оно имѣло ту же участь и въ Верхней Каморѣ. См. *Парламентскую Исторію Англіи Т. V.* 1605 года.

(*) *Билли Правъ* стат. 10 „Не требовать излишнихъ порукъ; не учреждать тягостныхъ пеней; „не налагать наказаній жестокихъ и неупотребительныхъ.“

(**) Тотъ же духъ Англійскаго законодательства, который заставилъ его принять такія предосторожности въ пользу даже уличенныхъ преступниковъ, побудилъ оное тѣмъ болѣе охранить подозрѣваемыхъ и обвиняемыхъ только въ какомъ нибудь злодѣяніи. Отсюда та ревность, съ какою пользовались всѣми важными случаями, и между прочимъ революціею, чтобъ утверждены

ГЛАВА XVII.

Объясненїе Англїйскаго Правленїя. Въ чемъ Англїйская Монархїя, какъ Монархїя, разнствуетъ отъ всѣхъ прочихъ извѣстныхъ Монархій.

ВЪ семъ сочиненїи постоянно доказываемо и думаю достаточно снабдѣно сравненїями, взятыми изъ Исторїи другихъ земель, то предложенїе, что очевидная вольность, какою пользуется Англїйская нацїя, происте-каетъ существенно отъ того, что ея правителямъ и вообще всѣмъ сильнымъ у нее людямъ не возможно захватить себѣ никакой отрасли исполнительной власти, исключительно и неизмѣнно присвоенной Коронѣ. Отсюда та забота и то безпокойство, съ каковыми безпрестанно смотрятъ они на употребленїе сей власти. Отсюда ихъ постоянство въ наблюденїи обязательствъ всякаго рода, въ какїя могли они войти съ прочимъ народомъ.

и подкрѣплены были установленїе суда присяжными, законы о заключенїяхъ и вообще система Уголовной Юриспруденцїи, описанной нами въ первой Части сего сочиненїя, куда и отсылаемъ нашихъ Читателей.

Важное разсужденіе представляется здѣсь само собою: какъ можетъ Корона въ Англіи, (такъ постоянно, какъ мы видимъ, что она то дѣлаетъ) удерживать за собою всю исполнительную власть въ Государствѣ и сверхъ того внушать знатнымъ Господамъ въ націи поведеніе, толь выгодное публичной вольности, о которомъ здѣсь рѣчь идетъ. Это такія дѣйствія, каковыхъ едва могла ли по нынѣ произвесть власть какой другой *Короны* на земли.

Мы видимъ правда, что во всѣхъ Государствахъ Монархической формы люди, передъ прочимъ народомъ возвышенные своимъ богатствомъ, или кредитомъ личнымъ, всегда составляли между собою заговоры противъ власти Монарха. Но не худо замѣтить, что ихъ виды, при составленіи сихъ связей, отнюдь не клонились къ ограниченію Самодержавной Власти общимъ и безпристрастнымъ образомъ. Они старались совершенно избавиться отъ сей власти, или же, смотря по обстоятельствамъ, и вовсе уничтожить ее.

Такимъ образомъ во всѣхъ Областяхъ Греціи Короли напослѣдокъ уничтожены и истреблены. Тѣ же произшествія послѣдовали и въ Италіи, гдѣ въ древнія времена существовали однодневныя разныя маленькія Королевства, такъ какъ увѣдомляютъ

насъ Историки и Стихотворцы. Знаемъ даже, какимъ образомъ такая революція произошла въ Римѣ.

Въ тѣ времена, которыя ближе къ нашимъ, Монархическія Самодержавія, воздвигнутыя на развалинахъ Римской Имперіи, были одно за другимъ разрушены сильными партіями; и обстоятельства почти сходныя послѣдовали въ разныя времена въ разныхъ Европейскихъ Королевствахъ.

Въ Швеціи, въ Даніи, въ Польшѣ, на примѣръ, *Дворяне* часто приводили Государя въ состояніе простыхъ предсѣдателей своихъ собраній, выставляемыхъ только напоказъ Начальниковъ правленія.

Въ другихъ земляхъ, какъ-то во Франціи и Германіи, гдѣ Монархи, имѣющіе за собою большія владѣнія, могли лучше охранить свою власть, большіе Господа осмѣливались вести съ ними войну то по одиначкѣ, то совокупно. То же бывало въ Шотландіи, въ Испаніи и въ новѣйшихъ Королевствахъ Италіи.

Напослѣдокъ большая часть сихъ Королей могли только посредствомъ регулярныхъ армій отыскать мало по малу прерогативы своихъ Коронъ; и не иначе могли сохранить

свои прерогативы, какъ продолжая содержать сіи силы въ готовности по примѣру Восточныхъ Монарховъ, или, лучше сказать, по примѣру всѣхъ Монарховъ, когда-либо существовавшихъ.

Какъ же, повторю еще, можетъ Англійская Корона сохранить великое множество своихъ прерогативъ безъ помощи подобной силы? какъ можетъ она удерживать за собою всю исполнительную власть Государства? ибо надобно примѣтить, что Корона Англійская не получаетъ на то никакого вспоможенія отъ регулярныхъ войскъ, зависящихъ отъ нее, и если кто-либо сомнѣвается въ семъ обстоятельствѣ, то пусть взглянетъ только на удивительную зависимость отъ гражданской власти, въ какой содержатся войска, чтобъ удостовѣриться, что Англійской Король отнюдь не обязанъ арміи своею властію (*).

Положимъ, что арміи Короля Испанскаго, или Французскаго, на примѣръ, могли бъ вдругъ быть уничтожены. Власть сихъ Государей превратится конечно въ ничто пре-

(*) Генрихъ VIII, Государь самовластнѣйшій, какой царствовалъ когда-либо, не имѣлъ регулярнаго войска.

жде истеченія шести мѣсяцовъ. Какъ ни страшны теперь ихъ прерогативы, однако онѣ былибъ у нихъ тотчасъ отняты и раздроблены (*). И хотя бы все еще существовала при ихъ владѣніи форма регулярнаго Правленія, однако былибъ они принуждены довольствоваться вліяніемъ, мало разнствующимъ отъ того, какое имѣютъ въ Правленіи своихъ Республикъ Дожи Венеціанской и Генуезской (**).

Какъ же (не могу довольно часто повторять вопроса, который почитаю самымъ интереснымъ относительно къ Политикѣ), какъ же Англійская Корона, обнаженная отъ всякой вооруженной силы, можетъ избѣгнуть тѣхъ опасностей, которымъ подвержены всѣ другіе Государи? Какъ можетъ она безъ всякой такой силы производить дѣла, несравненно большія, нежели какія могутъ совершить другіе Государи съ страшными своими арміями? Какъ воздерживаетъ она тѣ всеобщія усилія, неизвѣстныя въ другихъ Монархіяхъ, которыя, какъ мы видѣли, упо-

(*) Въ такихъ обстоятельствахъ находились разныя Королевства Испаніи и самой Франціи во времена не очень отдаленныя отъ нашихъ.

(**) Или отъ того, какое угодно было оставить Королямъ Шведскимъ до послѣдней революціи сего Государства.

требляются противъ нее безпрестанно и публично? Какъ противоборствуетъ она съ такою силою, которая отнимаетъ у людей даже надежду, что успѣютъ въ чемъ-либо иномъ, кромѣ того, что положатъ точные и общіе предѣлы употребленію ея власти? Какъ, напослѣдокъ, вперяетъ она всѣмъ Вельможамъ Государства такую только постоянную ревность къ ея власти, какую должно имѣть, чтобъ принудить ихъ, даже въ употребленіи неоспоримыхъ правъ и привиллегій своихъ, непрестанно искать и заслуживать любовь прочаго народа?

Отвѣчаю, что сіи Вельможи, которые толь страшны другимъ Монархамъ даже въ мирное время, раздѣлены въ Англіи на два Собранія; и что, какъ-то необходимо нужно присовокупить, отъ началъ, на которыхъ сіе раздѣленіе учинено, происходитъ неизбѣжно твердость и нераздѣлимость власти Короны.

Читатель могъ примѣтить въ теченіи сего сочиненія, что я распространилъ его гораздо за тѣ предѣлы, въ каковыхъ донынѣ заключались Авторы, писавшіе о Правленіи; или, лучше сказать, что я шелъ совсѣмъ иною дорогою, нежели какую брали сіи Авторы. Но какъ сдѣланное мною примѣчаніе

о твердости Государской Власти и о причинѣ сей твердости ново въ своемъ родѣ, то и не удивительно, что начала, которыми доказывается истина моихъ примѣчаній, совершенно разнствуютъ отъ тѣхъ, кои почитались доселѣ основаніями Политики. Читатель могъ бы ожидать, чтобъ я изъяснилъ ему здѣсь сіи начала такимъ образомъ, чтобъ не оставалось ему ничего желать по сей матеріи: но это завело бы насъ въ изслѣдованія столь же пространныя, сколь и чуждыя содержанію сей книги, о томъ, что дѣйствительно составляетъ основаніе Правленія и власти между людьми. И такъ удовольствуюсь доказать сіе примѣчаніе дѣяніями, а это уже больше нежели сколько Политическіе Писатели дѣлаютъ въ подтвержденіе своихъ умозрѣній.

Какъ я предположилъ себѣ особливо показать, что большая вольность, какою наслаждаются Англичане, происходитъ отъ свойственной имъ только формы Правленія, и при семъ случаѣ сравнить ее съ республиканскою формою; то намѣреніе мое съ самаго начала было держаться того обстоятельства, которое составляетъ существенную разность сихъ двухъ Правленій, и есть притомъ безпосредственною причиною Англій-

ской вольности. Это обстоятельство состоитъ въ томъ, что вся исполнительная власть Государства находится не въ рукахъ тѣхъ, на которыхъ народъ возлагаетъ свою довѣренность. Что касается до отдаленной причины, то есть, до твердости силы Государевой, которою сія исполнительная власть такъ надежно охранена, объ оной умолчалъ бы я, можетъ быть, еслибъ не находился въ необходимости упомянуть объ ней, чтобы предварить тѣ возраженія, кои моглибъ мнѣ безъ того сдѣлать затруднительнѣйшіе изъ моихъ Читателей, какъ на представленныя мною примѣчанія, такъ и на нѣкоторыя другія, кои вскорѣ сдѣланы будутъ.

Впрочемъ признаюсь, что я часто опасался въ теченіе сего сочиненія, чтобъ Читатели мои вообще, введенные въ заблужденіе сходствомъ именъ, не привязали слишкомъ обширнаго смысла къ тому, что я сказалъ о пользѣ Государевой силы въ Англіи; чтобъ не подумали, напримѣръ, что я приписываю преимущества Англійской формы Правленія передъ республиканскою формою тому, что первая подходитъ ближе къ свойству Монархій, установленныхъ въ другихъ частяхъ Европы, и что всякой родъ Монархіи считаю предпочтительнымъ, по существу своему, республиканскому Правленію.

Этого я отнюдь не думаю. Для сего я слишкомъ пристрастенъ, или, буде угодно, предубѣжденъ въ пользу того Правленія, въ которомъ родился; и если съ одной стороны извѣстны мнѣ его недостатки, то съ другой знаю и всю цѣну выгодъ, которыя замѣняютъ ихъ.

Вотъ что заставило меня поспѣшить нѣкоторымъ образомъ воспользоваться первымъ представляющимся случаемъ, чтобъ изъясниться о семъ предметѣ, и показать, что Государева власть въ Англіи утверждена на основаніяхъ совсѣмъ иныхъ, нежели каковыми подкрѣплена та же власть въ другихъ земляхъ, и побудить Читателя примѣтить (чего теперь довольно будетъ), что какъ Англійская Монархія по свойству своему различна отъ всѣхъ прочихъ, то все сказанное здѣсь о сихъ выгодахъ принадлежитъ ей собственно, и должно разумѣть объ ней одной.

Но чтобъ приступить къ доказательствамъ прочности, какую даетъ Государской власти въ Англіи существованіе двухъ Собраній, совокупно составляющихъ Англійской Парламентъ; то сперва покажу Читателю разные извѣстные акты обѣихъ Каморъ, которыми они поперемѣнно уничтожали предпріятія одной противъ другой.

Не восходя за примѣрами далѣе Правленїя Карла II, видимъ, что при семъ Государѣ Нижняя Камора начинала употреблять способъ прикладывать къ субсиднымъ своимъ билямъ другїя били, которыя хотѣлось ей узаконить. Это понудительное употребленїе, которое хотѣла Нижняя Камора дѣлать изъ своей привиллегїи, впрочемъ несомнѣнной, давать субсидїи, разрушило бы совершенно равновѣсїе между ими и Короною, еслибъ позволено ей было присвоить себѣ оное. Но Лорды почли за долгъ охранить сїе равновѣсїе; они жаловались съ большимъ жаромъ на многїе примѣры сей новости; требовали, чтобъ били составляемы били *по прежнему и скромному обычаю Парламента*; и напослѣдокъ Верхняя Камора приняла себѣ за непремѣнное правило, отвергать безъ изслѣдованїя всѣ били, прикладываемыя къ субсиднымъ билямъ.

Около тридцать перваго года того же Правленїя многочисленная партїя существовала въ Нижней Каморѣ, которой виды, если вѣрить Историкамъ того времени, не ограничивались единственно тѣмъ, чтобъ служить вѣрно своимъ учредителямъ, и стараться о благѣ Государства. Между билями, предложенными сею партїею въ Каморѣ, находилась одна объ исключенїи отъ Престола того, кто былъ ближайшимъ наслѣдникомъ. Эта

статья, какъ видно, была очень важна, и можно весьма сомнѣваться, имѣютъ ли законодательныя Собранія право принимать въ семъ отношеніи резолюцію безъ изъясненнаго точно согласія всего народа? Какъ бы то ни было, Лорды, отвергнувъ эту билю при самомъ первомъ ея чтеніи, избавили отъ бѣдствія такой новости Корону и націю.

Въ царство Виллїама III, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ революціи, Верхняя Камора злобствовала на Государя. Въ ней составилась сильная партія, которой виды, по словамъ Борнета, *въ Исторіи его времени*, были весьма скрытны, и между прочими тотъ, чтобъ отнять у Короны ея прерогативу собирать Парламенты и судить о удобнѣйшихъ къ тому временахъ (*):

(*) Другое изъ ихъ предложеній было, остановить въ своей Каморѣ всѣ субсидныя били, пока пріобрѣтутъ они право налагать подати на свои земли, и также назначить Комитетъ, составленный изъ Перовъ и Членовъ Нижней Каморы для разсужденія вмѣстѣ о состояніи націи. Этотъ Комитетъ, говоритъ Борнетъ, скоро сдѣлался бы Государственнымъ Совѣтомъ, подъ надзираніемъ коего надлежало бы производить всѣ дѣла, и который предлагали только въ то время,

Въ слѣдствіе чего сіи Лорды сочинили и предложили въ своей Каморѣ билю, чтобъ постановить, что Парламентъ будетъ засѣдать *изъ года въ годъ*; но эту билю, принятую въ Верхней Каморѣ, отвергла Нижняя (*).

Вскорѣ по возшествіи на Престолъ Георга I, сдѣлана другая попытка въ Верхней Каморѣ, исторгнуть у Государя прерогативу, для него важнѣйшую изъ всѣхъ, и служащую единственнымъ средствомъ къ обузданію опасныхъ видовъ, какими моглабъ заниматься когда нибудь сія Камора, имѣющая власть останавливать всякія билю; разумѣю право принимать новыхъ Членовъ въ сію Камору, и судить о времени, когда будетъ нужно это сдѣлать. Почему биля представлена и принята въ Каморѣ Лордовъ, чтобъ ограничить Членовъ сей Каморы нѣкоторымъ опредѣленнымъ числомъ, коего не льзя былобъ преступить; но сколь ни старались обезпечить успѣхъ сей биля, однако она наконецъ отринута Нижнею Каморою.

когда опасались междоусобной войны. *См. Исторію Бернета* 1695 года.

(*) 28 Ноября 1698 года.

Напослѣдокъ разныя попытки, которыя дѣлало съ своей стороны большинство въ Нижней Каморѣ, чтобъ заключить въ тѣснѣйшіе предѣлы то вліяніе, какое даетъ Коронѣ раздача должностей и другихъ выгодъ, уничтожены Верхнею Каморою, и всѣ били, предложенныя о должностяхъ съ самаго начала нынѣшняго столѣтія, всегда были задерживаны въ сей Каморѣ.

Отъ этого произошло для власти Короны не одно то выгодное дѣйствіе, что сіи два сильныя Собранія отражали съ успѣхомъ явныя на нее взаимныя нападенія: ихъ сосуществованіе и начала, на которыхъ каждое изъ нихъ учреждено, произвели другое болѣе обширное, хотя сперва не столь примѣтное, а именно отвращены подобныя нападенія и для переду, и притомъ въ такія времена, когда Корона была сама собою безсильна защитить свою власть. Виды одной изъ двухъ Каморъ всегда испровергали въ семъ отношеніи противные виды другой: такимъ же образомъ въ противныхъ сторонахъ уравненія, равныя числа, положительныя или отрицательныя, уничтожаютъ одно другое.

Этому имѣемъ мы многіе достопамятные примѣры, между прочими, во время малолѣтства Государя. Если раскроемъ Исто-

рію другихъ націй, то найдемъ, что сей случай былъ всегда сопровождаемъ явными нападеніями на власть, или же и совершеннымъ безповоротнымъ ея раздѣленіемъ. Въ Англіи, напротивъ того, взглянемъ ли на царство *Ричарда* II, *Генриха* VI, или *Эдуарда* VI: увидимъ, что Королевскую власть спокойно отправляли Совѣты, назначенные въ помочь симъ Государямъ, которымъ отдали ее въ цѣлости, когда они достигли совершенныхъ лѣтъ.

Но не льзя представить по сему предмету ничего замѣчательнѣе того поведенія, какое наблюдали обѣ Каморы во время праздности Престола, когда зависѣло отъ нихъ, не только возвести на оный, когобъ онѣ захотѣли, но учредить и прерогативы по своей волѣ. Подобныя обстоятельства неотмѣнно производили въ другихъ Королевствахъ раздѣленіе Королевской власти, а иногда и самаго Государства. Въ Швеціи напримѣръ (чтобъ говорить о томъ только Королевствѣ, которое почитаютъ очень сходнымъ съ Англійскимъ), когда Королева Христина принуждена была отказаться отъ Правленія, и Корона досталась тому, кто долженствовалъ быть ближайшимъ ея наслѣдникомъ, исполнительную власть Государства тотчасъ раздробили. Одну ея часть раздѣлили между Дворянствомъ, другую

назначили Сенату, въ который могли быть допущены одни Дворяне, и въ которомъ новому Королю надлежало быть только Предсѣдателемъ.

По смерти Карла XII, не оставившаго по себѣ наслѣдниковъ мужеска пола, власть Короны (которую умѣлъ снова сдѣлать неограниченною Карлъ XI) досталась опять Чинамъ, и они вручили ее Принцессѣ Улрикѣ и Принцу ея супругу. Но Сенатъ, какъ и въ предшествовавшемъ случаѣ, захватилъ себѣ властительство, принадлежащее Коронѣ, власть собирать Государственныхъ Чиновъ, вести войну, заключать миръ, производить переговоры съ иностранными Державами, раздавать мѣста, управленіе общественныхъ доходовъ, предводительство флота и арміи. Сей Сенатъ составленъ былъ изъ 16 Членовъ; большинствомъ голосовъ надлежало рѣшить во всѣхъ случаяхъ. Единственная привиллегія новаго Короля была та, что онъ имѣлъ два голоса; и если отказывался, по какому бы то случаю ни было, присудствовать въ Собраніи, то дѣло должно было, не смотря на то, производиться, и безъ него, имѣть свое дѣйствіе (*).

(*) Сенатъ велѣлъ сдѣлать печать для прикладыванія къ своимъ опредѣленіямъ, въ случаѣ если

Въ Англіи революція 1689 кончилась совсѣмъ инымъ образомъ. Правда, что у Короны отняты прерогативы, вредныя всенародной вольности, которыя присвоилъ себѣ послѣдній Король, и притомъ съ общаго согласія обѣихъ Коморъ. Но не настояло и

бы Король не захотѣлъ дать своей. Читатель найдетъ еще нѣкоторыя подробности о прежнемъ Правленіи Швеціи въ главѣ XIX.

Въ Даніи сдѣланы были нѣкоторыя учрежденія того же свойства, кои оставались въ силѣ съ легкими перемѣнами до самой революціи, которая въ прошломъ вѣкѣ доставила Королю всю власть Государства безъ всякаго изъятія. Разныя Королевства, которыя въ старину раздѣляли Испанію, управляемы были почти такимъ же образомъ.

А въ Шотландіи, театрѣ раздоровъ, причиненныхъ безначальствомъ и аристократіею, всѣ знатныя должности Государственныя были не только отдѣлены отъ Короны, но и сдѣланы наслѣдственными въ главныхъ родахъ Дворянскаго Собранія; таковы были должности Великаго Адмирала, Великаго Интенданта, Великаго Констапеля, Великаго Канцлера, и Великаго Юстиціарія. Сіе послѣднее званіе соединяло въ себѣ власть, походившую на тѣ, какія имѣютъ Великій Канцлеръ и Президентъ Кингсбенча въ Англіи.

рѣчи о раздѣленіи, или о какомъ-либо переносѣ Королевской власти. Прерогативы, отнятыя у Короны, уничтожены и не существовали болѣе въ Государствѣ. Но вся исполнительная власть, которой продолженіе признано нужнымъ Правленію, предоставле-

---

Малолѣтство Короля, или его неспособность къ правленію, равно какъ и споры, кои могли произойти въ Государствѣ, были всѣ такія причины, которыми не упускали пользоваться предводители Шотландской націи, чтобъ захватить правленіе въ свои руки. Замѣчательный примѣръ того права, которое они присвоили себѣ въ сихъ случаяхъ, можно видѣть въ билѣ, изданной въ 1703 году для установленія наслѣдствъ по кончинѣ Королевы, подъ заглавіемъ: *Актъ о безопасности Королевства.*

Шотландскій Парламентъ долженъ былъ ежегодно 1 го Ноября собираться собственною своею властію, и назначать дни засѣданія по своему благоразсужденію.

Король долженъ былъ давать свое согласіе на всѣ законы, постановленные и представленные ему Чинами, или назначать для исполненія того надлежащихъ людей.

Комитетъ изъ 31 Члена, избранныхъ Парламентомъ, которому одному обязанъ онъ былъ отдавать отчетъ, долженствовалъ называться

на ей въ цѣлости, такъ какъ она имѣла ее прежде.

Такимъ же образомъ вся сія власть Короны ввѣрена послѣ Принцессѣ, преемницѣ Короля Виллїяма III, не имѣвшей къ тому инаго права, кромѣ даннаго ей Парламентомъ. Такимъ же образомъ обезпечили оную заранѣе Гановерскимъ Принцамъ, которые вступили на Престолъ послѣ сей Государыни (*).

Королевскимъ Совѣтомъ и править во время ваканціи.

Король не долженъ былъ заключать трактатовъ съ иностранными Державами безъ согласія Парламента.

Всѣ должности, и всѣ мѣста, какъ гражданскія, такъ и военныя, также и пенсіи, жалованныя прежде Королемъ, долженъ былъ навсегда впередъ давать Парламентъ. Смотри *преніе Парламентскія* 1703.

(*) Я сказалъ выше, что нераздѣлимость Государской власти происходитъ отъ особенной конституціи Англійскаго Парламента. Здѣсь присовокупляю въ новое доказательство сей истины, что Королевскій Совѣтъ не таковъ, каковъ былъ прежде Шведскій Сенатъ. Этотъ Совѣтъ не имѣетъ никакого участія въ исполнительной власти, которая вся заключается въ Государѣ.

Это не всё: мнѣ остается еще объявить одно изъ чрезвычайнѣйшихъ дѣяній; которое прошу Читателя замѣтить. Не смотря на всѣ помянутыя мною революціи, и хотя Парламентъ засѣдалъ ежегодно съ самаго начала нынѣшняго столѣтія съ свободою постояннѣйшею и неограниченною; какъ въ отношеніи къ предметамъ, такъ и въ разсужденіи его совѣщованій; не взирая на безчисленное множество предложеній, сдѣланныхъ въ теченіи сего времени, объ Каморы могли такъ сильно уничтожать, упреждать и ограничивать виды одна дру-

---

Если я хорошо увѣдомленъ, то не считаются даже голоса Членовъ сего Совѣта; да и въ самомъ дѣлѣ пишется всегда въ законѣ: *Король въ Совѣтѣ*, а не *Король и Совѣтъ*. Правда, включается иногда статья въ билляхъ, что дѣла, упомянутыя въ тѣхъ биляхъ, будутъ разсматриваны Королемъ въ Совѣтѣ, но это одна только предосторожность, принятая въ томъ намѣреніи, чтобъ важнѣйшія дѣла націи были изслѣдываны торжественнѣйшимъ образомъ, и отвращено всякое возраженіе, какое моглибъ выводить изъ неизвѣстности, въ которой можно былобъ безъ того находиться, подлинно ли Король согласился, или не согласился на нѣкоторое особенное постановленіе. Король назначаетъ Членовъ тайнаго Совѣта, а исключаетъ ихъ, вычеркивая ихъ имена въ книгѣ.

гой ; что Государь не былъ ни одинъ разъ принужденъ употребить отрицательнаго своего голоса. Послѣдняя биля, отвергнутая Королемъ Англійскимъ, есть та, которую отринулъ Король Виллїямъ III въ 1692 году о трехлѣтнихъ Парламентахъ (*).

Другой, еще достопамятнѣйшій примѣръ сего уваженія Парламента къ Королевской власти ; чему бы ни приписывали оное, и который показываетъ, сколь мало побуждаетъ его *духъ собранія*, и въ самомъ иногда видимомъ жару преній, похищать исполнительную власть. Я хочу говорить о той удобности, съ какою уступалъ онъ всѣ существенныя отрасли сей власти, и послѣ того какъ по стеченію предшествовавшихъ обстоятельствъ дѣйствительно доставались онѣ ему въ руки ; примѣръ однакожъ довольно рѣдкой въ Англійской Исторіи. Упомяну только о нѣкоторыхъ чертахъ. Вопервыхъ представляется актъ, добровольно изданный Парламентомъ на первомъ году по возстановленіи Карла II, которымъ онъ уничтожилъ однимъ разомъ неограниченную власть дѣлать законы, и всѣ

(*) Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, далъ онъ свое согласіе на сію билю, когда сдѣланы были въ ней разныя перемѣны.

требованія на сію власть, присвоенную въ продолженіе предшедшихъ безпокойствъ. Статутомъ 13 Карла II гл. I запрещено, подъ опасеніемъ наказанія *praemunire*, утверждать, что одна или другая изъ двухъ Каморъ Парламента, или обѣ вмѣстѣ, имѣютъ законодательную власть безъ участія Королевскаго. На четвертомъ году по возстановленіи другая существенная часть Королевской власти возвращена Коронѣ также безъ всякаго пренія. Напослѣдокъ Статутомъ 16, Карла II, гл. I, отмѣненъ актъ, коимъ постановлено было, что если Король упуститъ созывать Парламентъ по меньшей мѣрѣ одинъ разъ въ три года, то Перы разошлютъ повелѣнія о выборѣ; а если сами того не сдѣлаютъ, то прежніе Члены съѣдутся для избранія новыхъ.

Здѣсь надобно примѣтить, что въ тоже правленіе, о которомъ говорю, Парламентъ издалъ актъ *Habeas corpus*, такъ какъ и другіе приготовительные акты, и вообще оказывалъ преимущественное желаніе наблюдать вольность подданнаго, какого можетъ быть не имѣлъ ни въ какомъ другомъ обстоятельствѣ, описанномъ въ Англійской Исторіи; что явно доказываетъ вновь сказанное мною въ предшедшихъ главахъ о томъ, какимъ образомъ оканчивались всегда безпокойства, колебавшія націю.

Мы находимъ здѣсь рядъ Парламентовъ, которые вмѣняли себѣ въ славу стараться о благѣ общемъ народа, и рачительно прилѣплялись къ тѣмъ родамъ статей, которыхъ никогда не удостоивали прямо уважать вельможи въ другихъ Государствахъ, и всегда нерадѣли включать ихъ въ тѣ условія, которыми возстановляема была внутренняя тишина; сверхъ того видимъ, что сіи самые Парламенты отступались безъ упорства отъ тѣхъ главныхъ отраслей верховной власти, которыя старались всегда себѣ присвоивать Вельможи, окружающіе Престолъ въ другихъ ограниченныхъ Монархіяхъ, и которыхъ Короли, потерявъ ихъ, не могли никогда поворотить назадъ иначе, какъ силою оружія, соединенною съ хитростію, или народными возмущеніями. Это всѣ такія подробности въ дѣлахъ политическихъ, кои конечно не недостойны замѣчанія. Есть еще другое обстоятельство, не мало способствующее къ прочности исполнительной власти, какую имѣетъ Англійская Корона (о чемъ разсуждается въ сей главѣ), а именно, что тѣ самые люди, которые, кажется, могутъ исторгнуть у нее оную, не смѣютъ о томъ и помыслить (*).

(*) Я приведу другое обстоятельство о прямо бескорыстливыхъ видахъ Парламента относительно

Въ новое доказательство твердости Короны въ Англіи можно привесть ту легкость, съ какою, стараясь о собственной и Государственной безопасности, могла она

къ правамъ Короны, и даже о ревностномъ желаніи этого Собранія сдѣлать Короля главнымъ блюстителемъ исполнительной власти націи. Хочу говорить о томъ, какимъ образомъ привыкъ онъ распоряжать, чтобъ резолюціи, принимаемыя имъ отъ времени до времени по дѣламъ, требующимъ нѣкоторой твердости, были немедленно исполняемы; для этого прибѣгаетъ онъ всегда къ Королю, прося его употребить свою власть, чтобъ дѣло произведено было въ дѣйствіе. Даже Нижняя Камора, когда хочетъ приказать напечатать свои журналы, относится ко Двору, обѣщая заплатить за издержки. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ въ этомъ Собраніи была какая нибудь сокрытая заботливость, какое нибудь дѣйствительное властолюбіе, (хочу говорить о его поведеніи вообще) клонящееся къ присвоенію себѣ исполнительной власти Государства; то не упускалобъ такимъ образомъ тѣхъ средствъ, какія имѣетъ оно захватить ее. Собственная его власть подаетъ ему предлогъ опредѣлять у себя чиновниковъ, зависящихъ только отъ него, имѣть особую казну, словомъ, привесть себя въ почтенное положеніе, поелику и Дворъ не могъ бы съ благопристойностію противиться тому желанію, какое моглобъ оно имѣть

отнимать у всякаго подданнаго разныя его должности, какъ бы великою и даже опасною власть его ни казалась. Весьма достопамятный тому примѣръ сего рода видимъ, когда Дюкъ Марлбору вдругъ лишенъ былъ всѣхъ

издавать собственные свои журналы; и не вѣроятно, чтобъ Публика оное опорочила. Дѣло, о коемъ говорю, можетъ показаться нѣкоторымъ изъ моихъ Читателей маловажнымъ; но мнѣ не кажется оно таковымъ: признаюсь, что когда ни случается мнѣ читать такую статью въ публичныхъ листахъ, гдѣ упоминается объ адресѣ къ Королю для заимствованія исполнительной власти по вышеозначенному малому предмету; то не могу не остановиться на минуту. Должны быть конечно причины весьма чрезвычайнаго свойства, которыя производитъ въ Собраніи такъ важномъ виды толь безкорыстливые, удерживающіе его разпространять далѣе свои выгоды, и внушаютъ ему ту великую умѣренность по дѣламъ политическимъ, о коей мы уже говорили, и толь явное вообще равнодушіе ко всему, что касается до исполнительной власти, которую почитаетъ оно принадлежащею только Коронѣ, что въ самомъ дѣлѣ кажется оно было бы въ затрудненіи, еслибъ присвоило ее себѣ, или не знало бъ, какую пользу отъ нее получить.

своихъ достоинствъ. Вотъ какое извѣстїе подаетъ о томъ Деканъ Свифтъ въ своей *Исторїи о четырехъ послѣднихъ годахъ правленїя Королевы Анны.* „Такъ, говоритъ „онъ, что Королева Анна принуждена была, „лишая одного человѣка такого тяжнаго мѣ„ста, избавиться вдругъ отъ всѣхъ „хлопотъ; Ея Величество рѣшилась на это „послѣднее средство, какъ на самое кротkое „и надежное; и о святкахъ написала письмо „къ Дюку, увѣдомляя, что служба его не „надобна ей болѣе.“

„Нынѣшнее столѣтїе (продолжаетъ тотъ „же Авторъ) не представляетъ можетъ „быть разительнѣйшаго доказательства о „шаткости власти, неосновавной на добро„дѣтели; и это можетъ показать Государямъ, „которые обладаютъ сердцами подданныхъ, „что всякую безмѣрную власть, хотя и под„крѣпленную превеликими богатствами, мо„жно съ твердостїю уничтожить безъ вся„кой опасности для Государства. Сей Госпо„динъ, который былъ безпрекословно одинъ „изъ величайшихъ людей, существовавшихъ „тогда въ Христїанскомъ свѣтѣ, вдругъ ли„шенъ своей власти, кредита, вліянїя, и „кромѣ немногаго числа друзей и сообщни„ковъ, всѣ прочїе изчезли со временемъ и проч.“

Приведенный мною Авторъ приписываетъ удобность, съ какою свергнутъ человѣкъ толь знатный, какъ Дюкъ, выгодамъ нужнымъ для Государей, обладать сердцами своихъ подданныхъ, и естественному безсилію власти, неосновавной на добродѣтели. Но сіи причины недостаточны. Въ древней Исторіи Европы находится непрерывный рядъ произшествій, которыя доказываютъ противное. Мы видимъ въ ней безчисленные примѣры Государей безпрестанно занимающихся, предводительствуя арміею, противиться подданнымъ, имѣвшимъ знаменитое достоинство въ Государствѣ, и которые конечно не превосходили ихъ въ добродѣтели, хотя желали сравниться съ ними во власти; или въ другой разъ живущихъ въ подданствѣ сильнаго человѣка, которому не смѣли они противиться; ибо не возможно было *разомъ и въ мигъ испровергнуть* его власти однимъ письмомъ, хотя сопровожденнымъ *нѣкоторою твердостію*, (чтобъ употребить слова Декана Свифта) и притомъ безъ всякихъ опасныхъ слѣдствій.

Нѣкоторые же Короли, какъ-то Генрихъ III во Франціи, противъ Дюка Гизскаго, и Яковъ II въ Шотландіи, противъ двухъ Графовъ Дугласовъ сряду, употребили наконецъ измѣну и убійство; къ такимъ же средствамъ прибѣгаютъ всегда Восточные

Монархи; да конечно и не могутъ никогда употребить иныхъ (*).

Да и теперь въ Европейскихъ Монархіяхъ, не смотря на грозную наружность, ихъ окружающую, Королевская власть затрудняется болѣе или менѣе, когда надобно отставить Государственнаго Министра, особливо если во время своей должности пріобрѣлъ онъ много вліянія. Обыкновенно ссылаютъ такого человѣка въ одну изъ его деревень, которую Дворъ ему назначаетъ; не позволяютъ ему даже пріѣзжать въ столицу, а еще менѣе жаловаться народу, обращать рѣчи къ Публикѣ, или къ людямъ подозрительнымъ, имѣющимъ какое нибудь важное

(*) Можно бы также упомянуть о случаѣ Императора Фердинанда II, и Герцога Валштейна, который, кажется, надѣлалъ тогда много шуму въ свѣтѣ. — Дюки Дугласы имѣли иногда за собою 2000 конниковъ (*См. Робертсонову Исторію Шотландіи*). — Когда предувѣдомили Дюка Гизскаго, за нѣсколько часовъ до его смерти, объ опасности, которой онъ подвергался ѣдучи къ Королю, то онъ отвѣчалъ: *не посмѣютъ.*

Еслибъ Марія, Королева Шотландская, имѣла столько власти, какъ Королева Анна; то можетъ быть избѣгнулабъ тѣхъ погрѣшностей, которыя довели ее до такой плачевной кончины.

мѣсто ; словомъ , предаваться своему огорченію , употребляя средства , внушаемыя злобою , а иногда отчаяніемъ , которыя по Конституціи здѣшней земли (Англіи) почитаются совершенно невинными.

Но распущеніе Парламента , то есть , уволненіе цѣлаго Собранія , которое составляютъ вельможи націи , созванные для уложенія и уничтоженія законовъ , есть обстоятельство примѣчанія достойное въ Англійскомъ Правленіи , и заслуживаетъ вышшую степень вниманія , нежели паденіе простаго частнаго человѣка, лишеннаго своихъ должностей , какой бы кредитъ онъ себѣ ни пріобрѣлъ. Когда разсудимъ, съ какою удобностію и какимъ совершеннымъ образомъ производится это распущеніе въ Англіи , то не можемъ не удостовѣриться въ необычайной , хотя сокрытой , силѣ основанія Королевской власти , особливо когда разсмотримъ то , что происходитъ въ другихъ земляхъ.

Во Франціи , на примѣръ , Дворъ , не смотря на грозную наружность , его окружающую , употребляетъ крайнюю осторожность въ разсужденіи Парижскаго Парламента , имѣющаго власть только судить , а не дѣлать законы , или дѣлать справедливыя требованія ; словомъ , отнюдь не имѣющаго такой важности въ Королевствѣ , какъ Англійскій Парламентъ. Король не ѣздитъ

никогда въ это Собранїе для объявленїя своей воли или засѣданїя *на одрѣ правосудїя* иначе, какъ въ провожанїи своей гвардїи, и съ самыми грозными приготовленїями, предпочитая всегда казаться тамъ скорѣе предводителемъ армїи, нежели Королемъ.

И когда покойный Король, дѣйствительно испугавшись предпрїятїй своего Парламента, рѣшился наконецъ уничтожить его; то окопался, такъ сказать, съ армїею своею, и послалъ гвардейцовъ, которые съ величайшею тайною и съ таковоюжь поспѣшностїю схватили на разсвѣтѣ въ одинъ часъ каждаго Члена въ его домѣ, и отправили немедленно въ назначенную ему отдаленную провинцїю, не давая времени опомниться, а еще менѣе снестися съ товарищами своими.

Но въ Англїи, имѣющему власть Королевскую, не надобно инаго оружїя, ни иной артилеріи, кромѣ внѣшнихъ знаковъ своего достоинства, чтобъ распустить Парламентъ. Король, ставъ посреди его Членовъ, говоритъ имъ, что они распущены, и они распущены. Онъ говоритъ имъ, что они уже не составляютъ Собранїя, и они не составляютъ его болѣе. Подобно жезлу Попилїеву (*), распущенїе прекращаетъ въ ту же

(*) Тотъ, который остановилъ армїю Антїоха.

минуту самыя горячія пренія и насильственнѣйшія мѣры. Слова, извѣщающія ихъ объ ономъ, походятъ на очарованіе, и коль скоро коснутся до ихъ ушей, то вся законодательная ихъ власть какъ будто цѣпенѣетъ. Хотя можетъ-быть сидятъ они еще на своихъ мѣстахъ, однако не почитаютъ себя уже составляющими Собраніе, ни товарищами между собою. Какъ будто бы употреблено было между ими какое нибудь дивное орудіе, или какая нибудь талисманическая сила, всѣ связи ихъ союза рвутся, и они выходятъ, не думая продолжать своего засѣданія ни на минуту (*).

(*) Нѣтъ тогда и довольнаго числа лошадей въ Лондонѣ для отвоза ихъ въ провинціи, когда въ объявленіи, извѣщающемъ ихъ о распущеніи Парламента, сказано также, что новый будетъ избранъ.

Когда о распущеніи объявляетъ публичный крикунъ въ провожаніи нѣсколькихъ герольдовъ, то это производитъ тоже дѣйствіе.

Къ сказанному нами о средствѣ, какое употребилъ покойный Король для уничтоженія Парижскаго Парламента, можно присовокупить извѣстіе, какимъ образомъ Испанскій Дворъ, можетъ быть болѣе Французскаго Деспотической, поступилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, выгоняя Эзуитовъ, которыхъ тайные происки и вліяніе на дѣла политическія наносили ему безпокойство. Они схва-

Ко всѣмъ этимъ примѣчаніямъ, сдѣланнымъ для того, чтобъ доказать особенную прочность Англійской Короны, присовокуплю еще другое, къ которому подаетъ поводъ вся Исторія сего Государства, а именно, что хотя часто были въ этомъ Государствѣ внутреннія затрудненія, безпокойства, сопровождаемыя кровопролитіемъ, и хотя неоднократно производили войну съ Королемъ, однако

чены вооруженною силою, въ тотъ же часъ и день, въ каждомъ городѣ или селѣ сей большой Монархіи, гдѣ они жили, и со всевозможною поспѣшностію провождены потомъ на корабли, которые ожидали ихъ для отвоза въ другія мѣста. Весь планъ всего дѣла производился съ такою скоростію и тайною, которыя превосходятъ все, что повѣствуютъ о славнѣйшихъ заговорахъ.

Распущеніе Парламента, созваннаго Карломъ II въ Оксфордѣ, есть произшествіе весьма любопытное; подробное тому описаніе находится въ Англійской Исторіи Олдмиксона.

Если когда-либо произойдутъ нѣкоторыя перемѣны, какъ бы непримѣтными ни казались онѣ въ глазахъ Публики; то можетъ настать время, въ которое Англійская Корона не будетъ уже имѣть власти распускать Парламентъ, то есть, когда сіе распущеніе не будетъ уже производить тѣхъ же дѣйствій, какія теперь производитъ.

что происходило почти всегда отъ людей, явно домогавшихся Короны. Даже и въ то время, когда Кромвель спорилъ объ ней вооруженною рукою съ Карломъ I, производилъ онъ съ нимъ войну именемъ Королевскимъ, какъ то извѣстно всякому, читавшему Англiйскую Исторiю.

Можно бы изъяснить сказанное мною образомъ еще болѣе общимъ и вѣрнѣе, сказавъ, что въ Англiи употребляли оружiе противъ Королевской власти тогда только, когда надобно было охранять права нацiи вообще, то есть, когда находились въ нерѣшимости объ участи Короны, или когда происходили повсюду жалобы на правленiе, или на перемѣну богослуженiя: въ примѣръ сихъ жалобъ можно привесть тѣ, которыя подали поводъ къ войнѣ противъ Короля Iоанна, кончившейся изданiемъ большой грамоты; междоусобныя войны въ царство Карла I и революцiю въ 1689 году. По симъ произшествiямъ можно также заключить, что Корона не можетъ быть увѣрена въ своей безопасности, если не будетъ исполнять своихъ обязательствъ относительно къ народу, и уважать законовъ, составляющихъ договоръ, связывающiй ее съ народомъ. А очевидныя опасности, или по меньшей мѣрѣ тревоги и безпрестанныя безпокойства, которымъ всегда подвергались Короли Англiй-

скіе, когда хотѣли противоборствовать волѣ націи вообще, явно доказываетъ, что все упомянутое выше о безопасности и достопамятной твердости, принадлежащихъ нѣкоторымъ образомъ къ ихъ титулу, должно разумѣть не о власти человѣка, управляемаго прихотію, а о законной власти Главы Государства (*).

(*) Можно былобъ сдѣлать еще одно примѣчаніе по сей матеріи, а именно, что въ Англіи, когда имѣвшаго Королевскую власть лишали оной, то труднѣе было ему, нежели гдѣ индѣ, возвратить или оспорить ее: во всѣхъ другихъ земляхъ на свѣтѣ Король de jure (которому принадлежитъ право преемничества) имѣетъ гораздо большія выгоды передъ избираемымъ, нежели какія можетъ произвесть то же обстоятельство въ Англіи. Власть другихъ Монарховъ утверждена не такъ крѣпко, какъ власть Короля Англійскаго; напротивъ того ихъ титулъ неизгладимѣе, т. е. пока соперники не истреблены сами и ихъ фамиліи, то они имѣютъ въ высочайшей степени власть возобновлять свои требованія, и возмущать Государство. Тотъ родъ преимущества, какой присвоиваютъ себѣ нѣкоторыя фамиліи, и вообще тѣ права первенства, которымъ согласились люди приписывать столь много силы, не производятъ почти никакого дѣйствія въ Англіи

ГЛАВА XVIII.

Продолженїе той же матерїи.

Всѣ обстоятельства, описанныя нами въ предшедшей Главѣ, въ самомъ дѣлѣ весьма чрезвычайны: люди, знающїе Исторїю другихъ земель, не могутъ не примѣтить съ нѣкоторымъ удивленїемъ той твердости Государевой власти въ Англїи, той таинственной прочности, той внутренней и привлекательной силы, которая приводитъ его въ состоянїе безбоязненно исполнять свои законныя предпрїятїя посреди роптанїя и

противъ того, кому поручена Королевская власть, коль скоро части и пружины правленія будутъ приведены въ движеніе; словомъ, когда машина правленія начнетъ прямо дѣйствовать. Страшно только общее волненіе въ націи подобное тому, которое произвело предшедшее безпокойство.

Внутреннее спокойствіе, каковымъ наслаждается Англійская нація около ста лѣтъ, и которое послѣдовало за революціею 1689 года, есть замѣчательное доказательство объ истинѣ вышесказаннаго; и я не думаю, чтобъ, буде все хорошо разсудить, могла какая нибудь другая земля ласкаться подобною выгодою.

мятежа, обыкновенно его оружающихъ, и не имѣя надобности въ вооруженной силѣ для устрашенія. Я не намѣренъ, какъ уже сказалъ прежде, доказывать здѣсь, какимъ образомъ все это производится, и какими тайными средствами совершается: начала, на которыхъ должно основываться такое доказательство, предполагаютъ изслѣдованіе природы человѣка и вещей человѣческихъ, принадлежащее скорѣе къ Философіи (хотя къ такой части, которой глубина еще не изслѣдована), нежели къ Политикѣ: по меньшей мѣрѣ такое изслѣдованіе конечно превосходитъ понятіе тѣхъ, которые схватили только вершки этой науки (*).

Между тѣмъ я имѣлъ весьма важную причину упомянуть о всѣхъ вышеписанныхъ дѣяніяхъ относительно къ твердости особенной власти Англійской Короны, потому что они подаютъ поводъ къ замѣчанію весьма важному въ Политикѣ, а именно, что сія твердость производитъ разныя суще-

(*) Она можетъ, буде угодно Читателю, принадлежать къ *Метаполитикѣ* въ томъ же смыслѣ, въ какомъ говорятъ *Метафизика*, т. е. къ наукѣ о вещахъ не принадлежащихъ къ физическимъ предметамъ, или существамъ самобытнымъ.

ственныя отрасли Англiйской вольности, которыя безъ того не существовалибъ. Ибо весьма нужно разсуждать во всякой наукѣ; хотя это иногда проскакиваетъ мимо глазъ умозрителей, что для того, чтобъ вещи могли существовать, надобно имъ быть *возможными*; что политическiя учрежденiя, какогобъ рода ни были, не должны терпѣть никакого безпосредственнаго противорѣчiя, ни явнаго, ни скрытнаго касательно до свойства вещей, или другихъ обстоятельствъ правленiя, чтобъ они могли имѣть свое дѣйствiе. Умствуя на семъ основанiи, найдемъ, что твердость исполнительной власти въ Англiи, и весь, которой даетъ она всей машинѣ Государства, доставили Англiйской нацiи, поколику она вольная, разныя выгоды, каковыхъ не возможно былобъ достигнуть въ другихъ Государствахъ, упомянутыхъ нами выше, какуюбъ степень добродѣтели ни предполагали мы въ тѣхъ, которые управляли народомъ въ сихъ Государствахъ, или имѣли власть дѣлать законы (*).

(*) Я былъ бы весьма доволенъ, еслибъ составляющiе разсудительную часть моихъ Читателей хорошо поняли цѣль сей главы; впрочемъ она гораздо умножена противъ того, какова была въ прежнихъ изданiяхъ.

Одна изъ сихъ выгодъ есть чрезвычайная свобода, какою пользуется Англїйскій народъ на щетъ Правленія. Въ Римской Республикѣ, напримѣръ, вѣрены были Сенату многія власти, клонившіяся къ совершенному разрушенію вольности гражданъ, и продолженіе сихъ властей безъ сомнѣнія происходило большею частію отъ преступной трусости тѣхъ, на которыхъ народъ полагался въ обузданіи оныхъ; можетъ быть отъ точнаго ихъ намѣренія не касаться до сихъ прерогативъ. Между тѣмъ, если разсмотримъ внимательно всегдашнее положеніе дѣлъ въ сей Республикѣ, то сколь искренно привязанными къ дѣлу народа ни предполагалибъ мы сихъ людей, увидимъ, что никакъ не возможно было доставить ему совершенной безопасности. Право, какое имѣлъ Сенатъ назначать внезапно Диктатора, котораго власть не подлежала законамъ; право вѣрять Консуламъ власть почти такую же, и рѣшительность, на которую поступалъ онъ иногда показывать примѣры произвольнаго правосудія, все это составляло такія средства, которыхъ неблагоразумно былобъ совершенно лишить Республику; и хотя почти всегда употребляли ихъ на разрушеніе справедливой вольности н а р о д а, однако надобно признаться, что часто были они способами къ спасенію Республики.

На семъ же основанїи найдемъ можетъ быть, что *Остракизмъ*, сїя произвольная метода посылать гражданъ въ заточенїе, былъ прибѣжищемъ, нужнымъ Аѳинской Республикѣ. Можетъ быть по той же причинѣ безъ труда согласился бы Венецїанской Нобль, что сколь страшною самимъ Ноблямъ ни казалась бы Государственная Инквизицїя, установленная въ его Республикѣ, однако не благоразумно былобъ уничтожить ее вовсе. Да не сказалъ ли бы чаятельно того же и Французской Министръ, какъ бы добродѣтеленъ и умѣренъ онъ ни былъ, о тайныхъ темничныхъ заключенїяхъ по *Бланковымъ Указамъ* (*lettres de cachet*), и о другихъ уклоненїяхъ отъ обыкновеннаго теченїя законовъ, на которыя поступаютъ не только въ семъ Королевствѣ, но и во всѣхъ другихъ Монархїяхъ въ Европѣ. Не сомнѣваюсь ни мало, чтобъ такой человѣкъ, какъ я теперь предположилъ, не признался мнѣ откровенно, что упомянутыя мною средства были въ премногихъ случаяхъ употребляемы во зло для удовлетворенїя страсти и личной мести Министровъ, или ихъ сообщниковъ; но можетъ быть не преминулъ бы присовокупить, что за всѣмъ тѣмъ Корона, не смотря на видимость безмѣрной своей силы, не можетъ не прибѣгать иногда къ подобнымъ средствамъ, и что безъ край-

ней опасности не льзя ей отвергнуть ихъ явно, и совершенно отъ нихъ отказаться.

И такъ весьма выгодно для Англїйскаго Правленїя то обстоятельство, что прочность его дѣлаетъ такїя средства излишними, и что народные повѣренные не только были всегда расположены стараться о публичной вольности, но и всеобщее положенїе дѣлъ привело ихъ въ состоянїе распространить свои предосторожности въ семъ отношенїи такъ далеко, какъ они то сдѣлали. И подлинно, когда разсудить, отъ какихъ прерогативъ искренно отказалась Корона въ Англїи; что по слѣдствїю независимости, доставленной Судьямъ, и методы *производить судъ присяжными*, она лишена всѣхъ средствъ имѣть вліянїе на порядокъ, установленный закономъ по дѣламъ какъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ; что она отреклась отъ всякой власти конфисковать имѣнїе людей и даже ограничивать, какимъ бы образомъ то ни было, на самое короткое время личную ихъ вольность: то не знаешь, чему болѣе удивляться, публичной ли добродѣтели тѣхъ, которые лишили верховную исполнительную власть всѣхъ сихъ опасныхъ прерогативъ, или свойству сей самой власти, которое привело ее въ состоянїе уступить ихъ безъ собственной гибели, или щастливому образу

Англійскаго Правленія, заставляющаго наблюдать толь вѣрно свою должность тѣхъ, которые пользуются довѣренностію народа; или твердости сего Правленія, которое можетъ дать народу такую большую вольность (*).

(*) Во время нашествій претендента, которому помогали непріятельскія націи, актъ *habeas corpus*, былъ дѣйствительно при остановленъ. Это, скажу мимоходомъ, служитъ доказательствомъ, что по мѣрѣ того, какъ правленіе находится въ какой нибудь опасности, нужно уменьшать вольность подданнаго; но исполнительная власть сдѣлала это не своею волею; ибо тѣ, которые представляли народъ, зрѣло разсуждали о томъ, и за при остановленіемъ акта назначенъ былъ срокъ задержанію людей. Хотя по обстоятельствамъ надлежало опасаться враговъ, сокрытыхъ внутри Королевства, однако отступили отъ обыкновеннаго теченія законовъ въ одномъ только этомъ пунктѣ. Съ людьми, задержанными по Указу правленія, должно было поступать также, какъ и съ задержанными по частнымъ тяжбамъ; должно было судить ихъ публично; должно было ихъ судить *равными* (*pairs*). Они должны были имѣть обыкновенныя средства законной обороны, какъ то призывъ свидѣтелей, рѣшительный отводъ присяжныхъ и проч.

Другая большая выгода, какую имѣетъ Англiйская нацiя, есть вольность писменiя, не существующая ни въ какой иной Монархiи въ Европѣ, какъ бы утвержденною ни показалась она съ перваго взгляда, и можно былобъ даже доказать, что она существовать тамъ не можетъ. Мы видимъ, что сiи Монархiи весьма бдительно назираютъ за всѣмъ, что издается въ печать, и обращаютъ ревностное вниманiе на разговоры подданныхъ, сколько нибудь вольные. Иной сказалъ бы тотчасъ, что по меньшей мѣрѣ прилагается о томъ очень много напраснаго старанiя; но если разсмотримъ единообразное поведенiе всѣхъ сихъ Правленiй, всегдашнее и неутомимое ихъ попеченiе въ семъ отношенiи, то удостовѣримся безъ дальняго изслѣдованiя, что въ самомъ существѣ должно быть какой-нибудь крайней необходимости, которая заставляетъ ихъ принимать сiи предосторожности.

Въ республиканскихъ областяхъ причины, существенно одинакiя, побуждаютъ правящихъ стѣснять народъ такимъ же образомъ. Въ Римской Республикѣ, на примѣръ, вольность писать была обуздана строжайшими законами (*); а свобода говорить не

(*) Законъ двенадцати скрыжалей опредѣлилъ смертную казнь сочинителю *пасквиля*; и не *пря-*

многимъ менѣе ограничена: это можно заключить по разнымъ дѣйствіямъ, и я могъ бы показать множество примѣровъ, съ какимъ страхомъ граждане сообщали въ нѣкоторыхъ случаяхъ политическія свои мнѣнія Консуламъ, или Сенату. Въ Венеціанской Республикѣ смотрятъ за писменіемъ съ крайнею строгостію; а воздержаніе говорить какъ нибудь о поведеніи Правительства есть такое правило, которое вперяютъ народу во всемъ ея владѣніи (*).

ежные, какъ у Англичанъ, должны были рѣшить, насквиль ли то сочиненіе. *Si quis carmen accentassit, actitassit, condidissit, quod alteri flagitium faxit, capital esto.*

(*) Я самъ видѣлъ тому доказательство нѣсколько чрезвычайное, о которомъ да будетъ мнѣ позволено упомянуть. Въ 1763 былъ я въ Бергамѣ, первомъ Венеціанскомъ городѣ, который встрѣчается по выѣздѣ изъ Милана, миляхъ во 120 отъ Венеціи. Я прохаживался ввечеру въ сосѣдствѣ этого города, и желая знать имена нѣкоторыхъ мѣстъ, которыя видѣлъ въ недалекомъ разстояніи, подошелъ къ молодому крестьянину спросить его о томъ. Я скоро примѣтилъ, что онъ не дуракъ, и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Ему очень хотѣлось побывать въ Венеціи, и онъ спросилъ меня, не туда ли я ѣду? Я отвѣчалъ: да; послѣ чего онъ предостерегъ меня тот-

И такъ въ семъ отношеніи можно еще похвалить Англійское Правленіе за то, что народомъ предводительствовали люди, которые были не только всегда расположены въ пользу вольности сего народа, но которымъ и возможно было ее доставить, за то, что оно могло по твердости своей допустить ту великую вольность говорить и писать, которою пользуется народъ Англійскій. Какъ драгоцѣнна эта привиллегія! Она даетъ каждому человѣку средства изъяснять свои жалобы публикѣ, и представляетъ ему величайшую вѣроятность, что онъ получитъ удовлетвореніе за обиду, претер-

---

часъ, чтобъ, когда буду тамъ, не говорилъ о Государѣ (*del principe*); такъ угодно Венеціанскому Правленію, чтобъ его называли, тщательно для того, чтобъ внушить народу великое понятіе о согласіи, существующемъ между его членами. Какъ мнѣ хотѣлось слышать, что онъ станетъ болтать о сей матеріи, то я притворился несвѣдущимъ, и спросилъ, для чего не должно говорить о Государѣ? Тогда, по обыкновенію Италіанцовъ, которые, когда сильно тронетъ ихъ какая нибудь идея, охотно изъясняются тѣлодвиженіями, вдругъ схватилъ онъ себя рукою за шею, желая тѣмъ выразить, что петля или плаха будетъ безпосредственнымъ слѣдствіемъ такой вольности.

пѣнную отъ какого нибудь притѣснительнаго поступка. Сверхъ того она предоставляетъ ему власть сообщать свое мнѣніе о всѣхъ дѣлахъ публичныхъ. И такъ, давая ему вліяніе на мысли націи, и слѣдовательно на самое законодательство, долженствующее рано или поздно сообразоваться съ сими мыслями, доставляетъ ему родъ законодательной важности, который гораздо дѣйствительнѣе и полезнѣе, нежели когдабъ онъ имѣлъ какое нибудь формальное право подавать голоса одними *да* или *нѣтъ*, о предложеніяхъ общихъ, которыя былибъ ему сдѣланы внезапно, о составленіи которыхъ не совѣтовались бы съ нимъ, и на которыя не далибъ ему ни времени, ни случая что нибудь возразить, или ихъ смягчить.

Привиллегія, какова эта, безпрестанно поддерживаетъ въ народѣ чувство его безопасности, доставляя ему несомнѣнныя доказательства, что Правленіе, каковабъ ни была его форма, окончательно назначено обезпечить благосостояніе повинующихся оному; такая привиллегія, говорю, есть одна изъ величайшихъ выгодъ вольности, и характеристическій ея знакъ самый очевидный. Если подданные, совершенно лишенные сей привиллегіи, наслаждаются иногда личною и имущественною безопасностію, то могутъ почитать себя тогда развѣ только собствен-

ностію, хорошо управляемою, такими Господами, которые прямо понимаютъ свою пользу; но одно только право порицать безъ опасности поведеніе поставленныхъ правителями, составляетъ вольную націю (*).

Неограниченная вольность, каковою пользуется Англійскій Парламентъ въ своихъ преніяхъ, есть также слѣдствіе замѣчательной твердости правленія. Всѣ Государи страшились привиллегій такихъ Собраній, которыя обращаютъ на себя такъ высокую степень вниманія прочаго народа, которыя въ послѣдствіе времени вступаютъ въ столь многія тѣсныя связи съ цѣлою націею, и пріобрѣтаютъ столько вліянія тѣмъ великимъ участіемъ, какое необходимо надобно имѣть имъ въ правленіи дѣлъ; словомъ, знатными услугами, какія могутъ они оказать народу вообще (**). По сему-то во всѣхъ зем-

(*) Если разберемъ прилѣжно, какія выгоды получаетъ публичная вольность отъ производства судовъ присяжными, и отъ свободы тисненія; то найдемъ, что Англія гораздо болѣе демократическая, нежели какое нибудь другое извѣстное Государство. Судебная и Цензорская власть ввѣрена тамъ народу.

(**) И какія дѣйствительно оказываютъ они теперь, пока можно имъ будетъ освободиться отъ узъ без-

ляхъ Монархи или простые правители прилагали стараніе не имѣть надобности въ помощи подобныхъ Собраній, не смотря на то, что отъ ихъ услугъ моглибъ получить великія выгоды въ правленіи Государства; или, если по обстоятельствамъ, въ какихъ находились, почитали они за нужно созывать ихъ, то употребляли крайнія усилія уменьшить ихъ привиллегіи и требованія на законодательное право, которыя скоро находили столь вредными своей безопасности; словомъ, они находили всегда неудобнымъ возлагать совершенную довѣренность на такія Собранія.

Можно бы привести здѣсь Кромвеля, потому что онъ былъ поддерживаемъ многочисленною арміею, и пользовался властію такъ великою, какъ кто-либо изъ Монарховъ на твердой землѣ. Но послѣ того какъ посредствомъ Полковника Прейда, командовавшаго корпусомъ войскъ, *очистилъ* Парламентъ, собранный въ то время,

---

пристрастія и умѣренности; чего потому, что составляютъ ихъ люди, никогда не упустятъ они сдѣлать, когда власть ихъ будетъ обще установлена и представятся благопріятные случаи. Государи это знаютъ, и слѣдовательно того боятся.

когда власть его была утверждена, изгнавъ такимъ образомъ всѣхъ своихъ противниковъ числомъ до двухъ сотъ, скоро узналъ онъ, что власть его находилась въ опасности отъ ихъ подъисковъ, и принужденъ былъ напослѣдокъ употребить насилïе, всѣмъ извѣстное. Видя однакожъ, что такое Собранïе необходимо нужно, чтобъ сдѣлать военную власть его законною, созвалъ онъ тотъ Парламентъ, который названъ *barebone* (*ободранныхъ*). Онъ самъ выбралъ его Членовъ числомъ около 120, и каждый изъ нихъ получилъ отъ него повѣстку; однако не смотря на это обстоятельство и на совершенную неспособность большой части изъ нихъ, началъ онъ, спустя нѣсколько мѣсяцовъ, хотя былъ вооруженъ побѣдоносною и сильною армïею, ощущать крайнее безпокойство о ихъ постановленïяхъ. Они скоро стали говорить о божественномъ своемъ посланïи, и о власти, полученной ими отъ Бога. Напослѣдокъ видя, что не можетъ на нихъ положиться, послалъ онъ другаго Полковника распустить ихъ. Почтенъ будучи тогда законнымъ титуломъ *Протектора*, осмѣлился онъ созвать Парламентъ, избранный большею частïю народа; но хотя существованïе сего Парламента было основано и, такъ сказать, привито на его собственномъ, и хотя онъ поставилъ команды солдатъ по переходамъ, для отдаленïя Членовъ, которые от-

кажутся вступить съ нимъ въ нѣкоторыя обязательства; однако не смотря на всё это, говорю, такъ спѣшилъ подъ конецъ засѣданія отъ нихъ освободиться, что подъ пустымъ предлогомъ, и употребляя хитрость, сократилъ время его десятью или двенадцатью днями (*). Онъ созвалъ снова четвертое Собраніе; но хотя выборы были такъ распоряжены, что онъ могъ ожидать формальнаго предложенія Короны въ первое засѣданіе, однако поспѣшилъ прекратить второе, крайне досадуя на неудачу (**).

Здѣсь же можно привести примѣръ Римскихъ Императоровъ, которыхъ власть ка-

---

(*) Засѣданію ихъ должно было продолжаться пять мѣсяцовъ; но Кромвель хотѣлъ, чтобъ мѣсяцъ состоялъ только изъ 28 дней; потому что сей образъ счисленія употребляли при выдачѣ жалованья флоту и арміи.

(**) Можно въ короткихъ словахъ изъяснить, какое поведеніе наблюдаютъ Собранія, о которыхъ рѣчь идетъ, въ разсужденіи своихъ Государей или Правителей, какова бы ни былъ ихъ титулъ, когда ихъ созываютъ. Если Монархъ не подкрѣпленъ силою оружія, то они столько имъ властвуютъ, что посылаютъ его за строй; если же власть его состоитъ въ шпагѣ, то составляютъ связи съ войскомъ.

залась такъ безмѣрною. Обыкновенно оказывали они своимъ поведенїемъ великую ревность къ Сенату, и этому Собранїю, сдѣлавшемуся, такъ сказать, нужнымъ по предубѣжденїю народа, почитавшаго оное древнимъ остаткомъ Республики, не льзя было иначе засѣдать, какъ при обнаженныхъ шпагахъ Преторской стражи.

Да и Короли Французскїе, хотя власть ихъ столь же несомнительна и столь же всѣми уважаема, сколь сильно и поддерживаема, часто безпокоились о правахъ, какїя хотѣлъ себѣ присвоить Парламентъ Парижскїй, Собранїе гораздо менѣе важное, нежели Англїйскїй Парламентъ. Говорено уже, сколько напослѣдокъ былъ встревоженъ его мѣрами покойный Король, и какое средство употребилъ къ уничтоженїю онаго. А когда нынѣшнїй Король разсудилъ за благо возстановить сей Парламентъ (поступокъ весьма благоразумный въ началѣ его правленїя), то принялъ въ то же время всѣ предосторожности, какїя внушаетъ ревность, для уменьшенїя тѣхъ привиллегїй, на которыхъ могъ бы онъ основать какїя нибудь отдаленныя требованїя, или права, клонящїяся къ сокращенїю верховной власти.

Можно возразить, что гордость Королей или Правителей Государства, внушаетъ имъ отвращенїе къ такимъ собранїямъ и заставляетъ

ихъ пренебрегать тѣ услуги, какія моглибъ они получить отъ нихъ для блага своихъ Государствъ. Соглашаюсь, что это быть можетъ. Но если разсмотримъ общее положеніе дѣлъ въ разныхъ областяхъ, и примѣры, какими снабдѣваетъ насъ Исторія ихъ, то найдемъ также, что гордость сихъ Королей въ существѣ согласна съ пользою и спокойствіемъ подданныхъ, и что если препятствуютъ они тѣмъ Собраніямъ, о которыхъ говоримъ, засѣдать, или по созванiи присвоивать себѣ слишкомъ большое участіе въ правленіи дѣлъ, то конечно по сущей необходимости.

Для чего можно почитать то за величайшую выгоду, что Англія не въ такомъ положеніи. Ибо правленіе составлено такимъ образомъ, что великая исполнительная власть можетъ позволять обѣимъ Каморамъ собираться, и возлагать на нихъ совершенную довѣренность; особливо когда они дѣйствуютъ для установленія законовъ и сохраненія связей, составляющихъ основаніе Государства.

Въ самомъ дѣлѣ обѣ Каморы Парламента пользуются всесовершенною свободою въ своихъ преніяхъ о злоупотребленіяхъ ли, или о какихъ нибудь новыхъ учрежденіяхъ, которыя надобно сдѣлать, не подлежатъ

никакому ограниченію, и могутъ предлагать и разсуждать о какихъ дѣлахъ захотятъ. Дворъ не долженъ мѣшаться въ ихъ совѣщованія; не должно упоминать о его желаніяхъ, ниже именовать его въ преніяхъ; словомъ, свободу разсуждать, какую имѣютъ обѣ Каморы, дѣлаетъ дѣйствительно неограниченною и безусловною привиллегія, или лучше сказать самодержавіе, каковымъ каждая пользуется въ своихъ стѣнахъ: въ слѣдствіе чего нельзя инде требовать отчета въ томъ, что дѣлается, или что говорится въ Парламентѣ. И знающіе Англійскую Исторію конечно не скажутъ, что сіи Парламентскія привиллегіи не имѣютъ ничего существеннаго, кромѣ бумаги, на которой онѣ написаны; что Дворъ ихъ презиралъ, когда хотѣлъ, и что обѣ Каморы спокойно сносили нарушеніе оныхъ. Напротивъ того всѣ признаются, что сіи замѣчательныя выгоды, сіе совершенное освобожденіе отъ всякаго помѣшательства, даже боязни, словомъ, сія неограниченная свобода въ преніяхъ, о сохраненіи которой Парламентъ прилагаетъ такое большое попеченіе, и на которую Дворъ такъ охотно соглашается; все это дѣлается ежегодно, чрезъ долгое время, не производя ни малѣйшаго послабленія въ законахъ, ни малѣйшей степени Анархіи; признаются, говорю, что это конечно отмѣнный феноменъ въ Политикѣ.

Можно сказать, что достопамятная прочность исполнительной власти въ Англіи производитъ по тѣмъ предметамъ, о которыхъ разсуждаю, двойную выгоду для народа. Сперва преграждаетъ она вельможамъ націи всѣ честолюбивые виды, клонящіеся къ присвоенію себѣ этой власти, предупреждая такимъ образомъ тѣ распри болѣе или менѣе кровопролитныя, которыя произошлибъ отъ ихъ преній, и проложилибъ дорогу къ Анархіи, такъ часто гибельной другимъ Государствамъ. Вовторыхъ внушаетъ она симъ вельможамъ то благородное соревнованіе, которое побуждаетъ ихъ съ такою дѣйствительностіи заключить ее въ надлежащіе предѣлы. По сему примѣчу, что эта твердость, усматриваемая въ исполнительной власти Англіи, изъясняетъ, отъ чего такимъ чрезвычайнымъ образомъ оканчивались всегда междоусобныя войны въ этой землѣ, въ сравненіи того, какъ они прекращались индѣ. Когда въ предшедшей главѣ упомянулъ я о сей чрезвычайности въ Англійскомъ правленіи, то есть, о точности, безпристрастіи и общемъ стараніи, какое прилагали о возстановленіи прочнаго мира послѣ внутреннихъ безпокойствъ; то ограничилъ свои сравненія доводами, взятыми изъ республиканскихъ правленій, отлагая говорить о Монархіяхъ, пока сдѣлаю примѣчаніе, содержащееся въ сей Главѣ; а

именно, что власть другихъ Королевствъ не могла сама по себѣ произвесть такихъ же дѣйствій, какъ въ Англіи, то есть, не была въ состоянїи внушить знатнымъ господамъ что нибудь подобное тому благородному соревнованїю, о которомъ говорилъ я выше, ниже побудить ихъ соединиться для общаго дѣла съ прочимъ народомъ.

Въ другихъ Монархїяхъ (*) предводившїе народомъ во время безпокойствъ, видя, что могутъ воспользоваться симъ обстоятельствомъ, чтобъ раздѣлить болѣе или менѣе верховную власть, или иногда Государство, и присвоить оную себѣ, дѣлали то всегда такимъ же образомъ и по тѣмъ же причинамъ, какъ случалось постоянно въ древнихъ Республикахъ; какъ сїи Монархическїя Правленїя совершенно походятъ въ этомъ отношенїи на Республики, то верховная власть находилась такимъ образомъ напослѣдокъ въ тѣхъ же неограниченныхъ

(*) Разумѣю, прежде нежели вошло въ обычай имѣть регулярное войско, которое содержатъ теперь всѣ Дворы Европейскіе. Съ этой эпохи не очень древней, ни одинъ Дворъ не договаривался съ своими подданными, такъ какъ то случилось во Франціи, когда война о *благѣ общемъ* кончилась. Я упоминалъ о томъ выше.

предѣлахъ, въ какихъ была прежде. Но въ Англіи Вельможи націи, находясь совсѣмъ въ иномъ положеніи, не гонялись напрасно за тѣми побудительными причинами, кои обыкновенно бывали цѣлію Господъ въ другихъ земляхъ, и до которыхъ надѣялись они достигнуть. Каждый Членъ законодательства видѣлъ ясно по разобранію дѣлъ и собственныхъ своихъ чувствъ, что верховная исполнительная власть Государства должна напослѣдокъ соединиться въ одной особѣ и остаться таковою. Какъ сверхъ того онъ увѣренъ, что ни личныя выгоды, ни сила партіи, а одинъ только законъ можетъ послѣ сего служить ему надлежащими границами; то и не оставалось ему иной мысли и цѣли, какъ стараться рачительно составлять законы, которые должны быть непремѣннымъ основаніемъ общей вольности, и обуздывать власть, которую онъ считалъ за невозможное присвоить себѣ, или доставить своей партіи. Я разсудилъ за нужное присовокупить сіи примѣчанія къ сдѣланнымъ мною въ Главѣ XV, на которую и ссылаюсь.

Эта великая свобода разбирать и основательно разсматривать матеріи, касающіяся до политическихъ дѣлъ, не ограничена Членами законодательства, и не заключена въ округѣ Вестминстерской, то есть, въ

той округѣ, гдѣ засѣдаютъ обѣ Каморы: та же привиллегія позволена и другимъ состоянїямъ націи, въ которыхъ предаются безъ принужденія духу партіи, и въ которыхъ сіи многочисленныя и неправильныя собранія пользуются полною безопасностію; что, особливо когда рѣчь настоитъ о Правленіи, причиняетъ такъ много безпокойства Государямъ другихъ земель. Даже частные люди могутъ въ такихъ собраніяхъ стараться лично, чтобъ поступки, дѣлаемые публично, которыхъ исполненіе желаютъ видѣть, имѣли хорошее дѣйствіе. Они могутъ сочинять прошенія, и подавать Двору или обѣимъ Камерамъ объ отмѣнѣ ли принятыхъ мѣръ, или для воспрепятствованія, чтобъ не состоялись нѣкоторыя разсматриваемыя били, или напослѣдокъ объ узаконеніи какого нибудь новаго учрежденія. Они могутъ каждый особенно подписывать сіи прошенія: законъ не изъясняется о ихъ числѣ. Можно даже сказать, что онъ не старался о средствахъ для отвращенія злоупотребленій, могущихъ произойти отъ сей вольности.

Тисненіе, это сильное политическое орудіе, зависитъ также отъ ихъ воли. Они могутъ употребить его для назначенія времени, мѣста и цѣли своего собранія. Сверхъ того позволено имъ изъяснять публикѣ и

внушать, какія выгоды могутъ послѣдовать отъ тѣхъ идей, которыя хотятъ они, чтобъ были приняты.

Сіи Собранія могутъ повторяться, и каждый Членъ можетъ подавать свое мнѣніе, какъ ему угодно, о предложенныхъ матеріяхъ, какъ бы оно противно ни было видамъ и намѣреніямъ, одобреннымъ отъ Правительства. Всякой Членъ законодательства можетъ, если разсудитъ заблаго, имѣть входъ въ сіи Собранія, и предлагать на разсужденіе матеріи, не имѣвшія того успѣха, какого онъ ожидалъ въ той Каморѣ, гдѣ онъ засѣдаетъ; Государственный человѣкъ, лишившійся своей надежды, уволенный Министръ, также находятъ себѣ туда свободный доступъ. Они могутъ принесть туда всю важность своего кредита и связей, и приводить въ движеніе всѣ пружины, чтобъ побудить Собраніе вступиться за нихъ. Ихъ даже приглашаютъ употребить все возможное, и подвигнуть небо и землю: такимъ образомъ ѣздятъ они по всей провинціи отъ одного сборища до другаго. Крики умножаются, и страшатся жалобъ. Иной сказалъ бы, что Конституція скоро поколеблется до основанія. Но сіи великія усилія находятъ всегда однимъ или другимъ образомъ соразмѣрную степень противудѣйствія: новыя трудности, и напослѣдокъ непреодоли-

мыя препятствïя преграждаютъ дорогу тѣмъ, которые желалибъ воспользоваться общимъ волненïемъ, чтобъ возвыситься на развалинахъ верховной власти. Тайная сила даетъ себя чувствовать, и мало помалу опять приводитъ дѣла въ состоянïе тишины и умѣренности; и сïе бурное море, по видимому столь глубоко взволнованное, останавливается у нѣкоторыхъ предѣловъ, за которые, кажется, не имѣетъ силы перейти: *Sic non plus ultra.*

Безпристрастïе, съ каковымъ производится судъ для всѣхъ классовъ людей въ Англïи, происходитъ также большею частïю отъ непоколебимой прочности Правленïя. Самая степень, до которой доведено сïе удивительное безпристрастïе, есть одна изъ тѣхъ вещей, которыя хотя не возможны въ другихъ земляхъ, но въ Англïи не невозможны. Въ древнихъ Республикахъ, по примѣрамъ уже приведеннымъ, и по другимъ, которые можно еще показать, не льзя было получить удовлетворенïя за обиды, причиненныя людьми сильными или богатыми, нижнимъ классамъ гражданъ, которыхъ они хотѣли притѣснить. Въ Европейскихъ Монархïяхъ дѣлалось прежде много злоупотребленïй сего рода, да и въ наши времена, не смотря на высокую степень силы, пріобрѣтенную многими Правленïями, весьма трудно подданнымъ нижнихъ классовъ достигнуть управы

противъ нѣкоторыхъ людей законнымъ порядкомъ; а въ иныхъ земляхъ это и невозможно, и сколькобъ ни была извѣстна обида, опасно еще и жаловаться явно. Даже въ Монархіи Европейской, поддержанной какъ существенною силою, такъ и выгодными учрежденіями, касающимися до Полиціи, происходятъ иногда между людьми великіе споры о удобности достигнуть правосудія; а во многихъ случаяхъ столь же трудно и ненадежно искать управы, какъ и отнять у обиженныхъ людей всякое желаніе сдѣлать эту попытку. Да и не должно приписывать упоминаемыхъ нами злоупотребленій, которыя происходили прежде и нынѣ происходятъ въ разныхъ областяхъ Европы, не должно, говорю, приписывать ихъ единственно недостатку твердости въ правителяхъ сихъ областей. Въ нѣкоторыхъ земляхъ, еслибъ Государь захотѣлъ явно вывесть сіи злоупотребленія, вдругъ подвергнулъ бы опасности всю свою власть, а въ другихъ встрѣтилось бы ему столько препятствій въ его предпріятіи, что онъ былъ бы принужденъ, и можетъ быть очень скоро, оставить оное. Ибо какъ можетъ Государь устоять одинъ противъ явнаго ожиданія, соединенной надежды всѣхъ вельможъ окружающихъ его, и противъ смѣлыхъ притязаній сильныхъ людей? А въ

Республикѣ, что должны дѣлать правящіе, видя, что ихъ отказъ принять въ покровительство сильнаго преступника, который стоитъ на одинакой съ ними степени, или позволить богатому гражданину избавить родственника, или любимца, отъ строгости закона, — что сей отказъ, говорю, произведетъ, по всей вѣроятности, большіе раздоры между ими, или можетъ быть ропотъ въ народѣ?

Если посмотримъ на строгое и всеобщее безпристрастіе, съ каковымъ производится судъ въ Англіи; то скоро удостовѣримся, что есть какая нибудь существенная разность между Правленіемъ ея и другихъ земель, и что власть его основана совсѣмъ на иныхъ причинахъ. Людямъ самымъ знатнымъ не приходитъ и на мысль дѣлать малѣйшее сопротивленіе теченію закона. Жалобы самаго простаго человѣка, если онѣ сдѣланы въ пору, и производятся обыкновеннымъ порядкомъ, тотчасъ обращаютъ на себя ревностное вниманіе. Самый сильный утѣснитель, хотя посреди множества служащихъ ему людей, и даже въ счастливѣйшее время гордаго своего поприща, и не смотря на то, что окруженъ тысячьми ласкателей, или сообщниковъ, останавливается вдругъ, увидя законный приказъ, который

ему вручаютъ, и одного приказнаго пристава довольно, чтобъ взять и отвесть его въ Трибуналъ.

Великость и непрерывная *сила* закона (*), словомъ, цѣлость верховной власти, непреоборимаго превосходства, которое она производитъ, есть такова, что публика напослѣдокъ и не примѣчаетъ обширности ея дѣйствій.

Знатные и богатые не должны также искать управы иною дорогою, какъ только открытою для всѣхъ: самъ Государь удержался итти иною; и опытъ показалъ, что онъ можетъ безопасно ввѣрить свою личность и имѣніе медленной и тяжебной помощи закона (**).

Другая весьма большая выгода, происте-кающая отъ сей достопамятной твердости

(*) Lex magna est et praevalebit.

(**) Помню, что въ первую бытность мою въ этой землѣ видѣлъ я листы, прибитые въ разныхъ мѣстахъ снаружи по оградѣ Ричмондскаго парка, на которыхъ написаны были сіи слова: „Кто будетъ пойманъ въ томъ, что станетъ „дѣлать вредъ на этой землѣ, на того будетъ „принесена жалоба *въ Судѣ*.“

Англiйскаго Правленiя, которую здѣсь описываемъ, есть та, что это дѣлается безъ помощи регулярнаго войска, средство, какое обыкновенно употребляютъ другiя Короны. При семъ случаѣ приведу мѣсто изъ сочиненiя Доктора Адама Смита (*), изданнаго послѣ того, какъ эта Глава была впервые написана, въ которомъ конечно находится неправое мнѣнiе: и которое, по причинѣ признаннаго достоинства Автора, привлекаетъ на себя вниманiе. Сей ученый Мужъ, пораженъ будучи безъ сомнѣнiя надобностiю достаточной силы противодѣйствiя, крѣпости правленiя, довольно знатной, чтобъ противиться волненiямъ, сопровождающимъ вольность, посмотрѣлъ вокругъ себя и судилъ, не знаю по какимъ ложнымъ видамъ, будто Англiйская Корона получаетъ особенную твердость отъ войскъ, которыя содержитъ на своемъ жалованьѣ; онъ изъясняется такъ: „Государь, который чув„ствуетъ, что онъ подкрѣпленъ не только „естественною аристократiею въ Государ„ствѣ, но и послушною армiею, не имѣетъ „нужды много безпокоиться о мятежныхъ „жалобахъ и возмутительнѣйшихъ рѣчахъ,

(*) Изслѣдованiе о причинахъ и свойствѣ могущества и богатства нацiи. Кн. V. гл. I. Томъ II. стр. 313, 314.

„обыкновенно неосновательныхъ. Онъ мо„жетъ безопасно ихъ прощать, или со„всѣмъ не уважать, и увѣренность въ пре„восходствѣ своей силы естественно по„буждаетъ его къ тому. *Эта степень „вольности, которая подходитъ къ само„вольству, можетъ быть терпима толь„ко въ тѣхъ земляхъ, гдѣ Государь под„крѣпленъ послушною арміею* (*).“

Вышеписанная система основана на какомъ-то предубѣжденіи, что Государь, повелѣвающій арміею, имѣетъ силу соединенную, необоримую, которая не подлежитъ никакому приключенію, никакой трудности, и не терпитъ изъятія; но это предположеніе несогласно съ опытомъ. Еслибъ Государь имѣлъ власть чрезвычайную, принадлежащую ему самому, и могъ, напримѣръ, потопить вдругъ цѣлые легіоны бунтовщиковъ, или ихъ прогнать и истребить вихрями электрической жидкости; тогда могъ бы онъ дѣйствительно употребить вышеска-

---

(*) Намѣреніе Автора, во всемъ этомъ мѣстѣ, клонится къ тому, чтобъ показать, что содержаніе арміи съ наблюденіемъ надлежащей дисциплины, не можетъ быть вредно публичной вольности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и полезно, освобождая Государя отъ всякаго безпокойства по сему предмету.

занное терпѣнїе, хотя, кажется, невѣроятно, чтобъ захотѣлъ спокойно сносить *жалобы* и *возмутительныя* рѣчи своихъ подданныхъ, однакожъ могъ бы то дѣлать или не дѣлать по своей доброй волѣ. Но армїя не есть оружїе только, какъ здѣсь предполагается, которымъ можно владѣть по произволенїю; она составлена изъ Офицеровъ и солдатъ, чувствующихъ одинакїя страсти съ прочимъ народомъ, то же расположенїе защищать собственную пользу и кредитъ, когда усмотрятъ свою силу, и случай къ тому представится. И такъ къ чему прибѣгнетъ Государь, если въ этой армїи, на помощь которой онъ полагается, окажется тотъ же духъ партїи, который заставляетъ другихъ подданныхъ дѣйствовать? Гдѣ укроется онъ, если тѣ же политическїя прихоти, поддерживаемыя существеннымъ властолюбїемъ нѣкоторыхъ Шефовъ, если та же нетерпѣливость, и наконецъ, можетъ быть, то же вѣроломство, которыя возмущаютъ всю нацїю, начнутъ распространяться въ армїи?

Существенный пунктъ искусства царствовать въ правленїяхъ, поддерживаемыхъ безпрестанною вооруженною силою, есть упреждать подобныя опасности. Мѣшать нацїональныя войска съ иностранными наемными, располагать ихъ многочисленными корпусами по всему Государству, и непрестанно

перемѣнять гарнизоны, суть употребительныя методы, которыхъ описанїе столь же мало принадлежитъ къ нашей матерїи, какъ и чрезвычайныя средства, употребляемыя восточными Монархами для достиженїя тѣхъ же намѣренїй. Но объ одной существенной предосторожности, которой никогда не упускаютъ означенныя нами правленїя принимать прежде всѣхъ прочихъ, должно намъ здѣсь упомянуть, а именно, что они лишаютъ свѣтскихъ своихъ подданныхъ вольности, которая, еслибъ была дана солдатамъ, произвелабъ опасныя слѣдствїя; чувство ихъ самолюбїя побуждаетъ ихъ отвращать, чтобъ такїе дурные примѣры не заразили тѣхъ, которые охраняютъ ихъ жизнь и власть; въ слѣдствїе чего и стараются они всѣми силами воспрепятствовать, чтобъ толь страшная зараза не пристала и не распространилась.

Можно положить за общее правило, что гдѣ Государь старается охранить себя и свою власть армїею, тамъ должны распространяться и на всю нацїю тѣ же законы, которые обуздываютъ эту армїю, не по должности солдатъ и не по маневрамъ, а по всему относящемуся къ повиновенїю, какое должно имѣть къ Государю и его повелѣнїямъ. Воинскїй законъ, содержащїй въ себѣ сїи нѣжные пункты, долженъ быть все-

общій. Уставовъ, предписываемыхъ относительно къ возмущеніямъ и презрѣнію повелѣній, не льзя строго наблюдать надъ сею частію націи, которая обезпечиваетъ повиновеніе прочихъ; именно же надъ всѣми степенями, начиная отъ солдата до Офицера, а отъ него до самаго Шефа военной системы, когда позволяютъ нижнему и многочисленнѣйшему классу народа необузданное самовольство: тайное сіе расположеніе, которое внушаетъ людямъ противиться своимъ начальникамъ и дѣлать имъ помѣшательства, не можетъ быть съ одной стороны подвергнуто обузданію толь страшному, а съ другой предоставлено на своевольство и развратъ.

Въ Государствѣ, гдѣ содержится армія, могущая устрашать націю, сія армія употребитъ въ свою пользу упомянутое своевольство, а между тѣмъ будетъ унимать его въ народѣ. Всякой Офицеръ и всякой солдатъ въ такой землѣ присвоиваетъ себѣ превосходство надъ прочими людьми, и по мѣрѣ того, какъ Правленіе полагается на ихъ помощь, ожидаютъ они большаго или меньшаго повиновенія со стороны прочаго народа (*).

(*) Въ началѣ того мѣста, которое здѣсь разсматриваемъ, Авторъ (Докторъ Смитъ) говоритъ, гдѣ Государь самъ Полководецъ, а главные

Тотъ же Авторъ кончитъ свои примѣчанія, касающіяся до безопасности Государской власти, поддерживаемой силою оружія, присовокупляя: въ такихъ только земляхъ не нужно Государю имѣть неограниченной власти, чтобы унять безпорядки, происходящіе отъ сего необузданнаго своевольства. Идея, которую выражаютъ сіи слова, со-

---

изъ Дворянъ и первыхъ фамилій Генералы; и гдѣ военная власть находится въ рукахъ тѣхъ, которымъ весьма нужно сохраненіе гражданскаго начальства, потому что они имѣютъ въ немъ очень много участія; тамъ, говоритъ онъ, регулярное войско не можетъ вредить вольности, напротивъ того въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть оно ей полезно и проч. Въ такой землѣ армія не можетъ вредить вольности: нѣтъ, по меньшей мѣрѣ вольности знатнаго и мѣлкаго Дворянства, особливо когда господствуетъ между ими довольно бодрости и согласія соединиться противу Государя. Соединеніе гражданской власти съ военною въ аристократическомъ корпусѣ націи не оставляетъ никакого прибѣжища Государю и народу. Еслибъ прежніе Короли Шотландскіе придумали средство регулярнаго войска, и ввѣрили начальство надъ сею арміею, состоящею на ихъ жалованьѣ, тѣмъ знатнымъ и мѣлкимъ Дворянамъ, которые присвоили себѣ наслѣдственно мѣста Адмираловъ, великихъ Интендантовъ, высокихъ Констапелей, Оберъ-Камергеровъ, глав-

гласна съ разсмотрѣнными уже мною; почему и не скажу объ ней ничего болѣе. Это мѣсто включилъ я для того, что оно заставляетъ меня примѣтить чрезвычайное обстоятельство въ Англійскомъ Правленіи. По сему выраженію, *не нужно Государю имѣть неограниченной власти*, Авторъ, кажется, думаетъ, что Государь, предводительствующій армією, ограждающею власть его, обык-

---

наго Судьи, Провинціальнаго Шерифа и пр.; то отвратилибъ только несовершенно безпорядки, господствовавшіе въ правленіи государства ихъ; они далибъ только симъ Дворянамъ новыя оружія однимъ противъ другихъ, противу Государя и народа.

Еслибъ Члены Британскаго Парламента, наполняющіе націю иногда жаромъ своихъ споровъ, имѣли каждый армію въ своей командѣ и моглибъ употреблять ее къ поддержанію своихъ требованій; то прочему народу не было бы отъ того лучше. По счастію, опасность отъ мечей отвращена и насиліе изгнано изъ ихъ преній.

Помянутый Авторъ конечно почиталъ Правленіе простою машиною, которую приводятъ въ движеніе съ разныхъ сторонъ, а войско однимъ только орудіемъ. И подобно многимъ другимъ ученымъ людямъ, занимаясь нѣкоторымъ разсужденіемъ, пропустилъ онъ другія не менѣе важныя.

новенно ожидаетъ отъ нее позволенїя выступить въ походъ, то есть, когда получитъ *власть* это сдѣлать. Это понятїе Автора, приведеннаго нами, можно приложить къ твердому и благоустроенному Правленїю здѣшней земли. Но та же система, или политическое начало, не находится ни въ какой другой. Во всѣхъ Монархїяхъ, (такъ какъ и въ Республикахъ) подъ исполнительною властїю Государства разумѣютъ въ происхожденїи и по существу ея всякой родъ законной власти; всѣ ея побудительныя причины почитаются законными; и всегда остаются таковыми, когда не будутъ остановлены какимъ нибудь положительнымъ учрежденїемъ нарочно сдѣланнымъ. Государь, равно какъ и Градоначальникъ, если не посвященъ какимъ нибудь формальнымъ закономъ, можетъ, не опасаясь ничего, прижѣснять подданныхъ, когда заблагоразсудитъ. Онъ можетъ требовать отъ нихъ отчета въ ихъ поступкахъ, и криво толковать оные, потомъ опредѣлять наказанїя по своей волѣ; въ сихъ отношенїяхъ можно думать, что онъ употребляетъ во зло свою власть, но не преступаетъ ее. Словомъ, предполагаютъ, что власть Правленїя не ограничена, пока нѣтъ видимыхъ предѣловъ, ее связывающихъ: по ту и по сю сторону сихъ предѣловъ находится вольность подданныхъ.

Въ Англіи все этому противно. Не власть Правленія, а вольность подданнаго предполагаютъ неограниченною. Всѣ поступки человѣка почитаются законными, пока не именуютъ закона, который даетъ имъ иное названіе. *Onus probandi* переходитъ здѣсь отъ Государя къ подданному. Подданный не всегда обязанъ оправдывать свое поведеніе. Когда Государь или Градоначальники разсудятъ заблаго употребить власть, то надобно имъ отыскать и показать законъ, на которомъ основываются они въ своихъ поступкахъ, и которой уполномочиваетъ ихъ издать свои запрещенія противъ подданнаго (*).

(*) Я приму смѣлость привесть здѣсь другой случай, который до меня касается, потому что онъ можетъ послужить объясненіемъ вышеупомянутыхъ примѣчаній, или по крайней мѣрѣ моего образа выражать ихъ. Помню, что когда я началъ замѣчать дѣйствія Англійскаго Правленія, то имѣлъ предразсудокъ, совсѣмъ отмѣнный отъ предубѣжденія того Автора, котораго мнѣніе теперь разсматривалъ. Я почиталъ за вѣрное, что каждая отрасль вольности, какою пользуется подданный въ этой землѣ, основана на какомъ нибудь положительномъ законѣ, который обезпечилъ ему оную. Что касается до вольности мысленія, то не сомнѣвался, чтобъ это не было такъ, и чтобъ не существовалъ какой нибудь особенный законъ, или лучше сказать, множество пара-

Сія система въ Юриспруденціи, о которой я теперь говорилъ, получая свою силу отъ всеобщаго духа, который приводитъ въ движеніе всѣ части правленія, простирается такъ далеко, что всякой случай, или обстоятельство, могущее позволить престу-

---

графовъ въ законныхъ книгахъ, въ которыхъ сія вольность точно опредѣлена и именно означена, и какъ вольность писать простиралась въ то время очень далеко, и возбуждала величайшее вниманіе (ибо бунтъ, причиненный Миддлесекскимъ выборомъ, не былъ еще усмиренъ); то я желалъ видѣть тѣ законы, о которыхъ думалъ, что существуютъ, не сомнѣваясь, чтобъ не было чего нибудь достопамятнаго въ образѣ, какъ они составлены. Я разсматривалъ сочиненія Юриспруденческія, какія могъ достать, какъ-то законные Лексиконы Іакова и Куннингама, Институты Вуда, и толкованія Судьи Блакстона; но тщетно. Я нашелъ средство видѣть также Дигестъ законовъ Англійскихъ, соч. Комина; однако и тутъ рылся напрасно. Этотъ Авторъ, хотя сочиненіе его состоитъ въ пяти Томахъ въ листъ, не имѣлъ, такъ какъ и упомянутые мною, довольно мѣста включить въ нихъ важный законъ, котораго я искалъ. — Напослѣдокъ пришло мнѣ на мысль, хотя не скоро, что сія вольность тисненія позволена, потому что нѣтъ на нее запрещенія, и что этого одного довольно, чтобъ ее

пнику избавиться, хотя съ трудомъ, отъ власти законовъ, сильны предохранить его отъ наказанія, сколь ни извѣстны Публикѣ развратность его нравовъ и виновность его поведенія (*).

Конечно границы, толь тѣсныя въ дѣйствіяхъ Правленія, кажется, очень чрезвычайны; да и нѣтъ этого въ иной землѣ, кромѣ здѣшней, и не моглобъ индѣ существо-

---

уполномочить. Это побудило меня, когда послѣ вздумалъ я писать о Правленіи здѣшней земли, сдѣлать опредѣленіе сей вольности, присовокупляя къ тому важное разсужденіе всѣхъ тяжебъ, начатыхъ за изданіе сочиненій или бумагъ запрещенныхъ, и зависящихъ отъ рѣшенія присяжныхъ.

(*) Можно былобъ привесть множество примѣровъ, даже забавныхъ, въ подтвержденіе сказаннаго мною. Малѣйшая неисправность въ выраженіяхъ повѣстки сильна сдѣлать ее недѣйствительною.

Не помню имени того возмутительнаго писателя, который, издавъ скаредное сочиненіе, избѣгнулъ однако же наказанія, и отвѣчалъ своимъ друзьямъ, которые укоряли его за дерзость: *я зналъ заподлинно, что написанное мною поставитъ меня на перстъ отъ висѣлицы.* Державшись въ своихъ отвѣтахъ всей точности закона; могъ онъ довести дѣла до желаемой степени

вать ; ибо положеніе другихъ Правленій таково, что имъ не льзя позволить изключить себя такимъ образомъ изъ неограниченной округи, неподлежащей законамъ, чтобъ заключиться въ толь тѣсныхъ предѣлахъ, начертанныхъ справедливою прозорливостію. Какъ власть сихъ Правленій болѣе или менѣе непрочна, то имъ надобна степень благоразумія, соотвѣтствующая оной (*).

Основаніе сего законнаго правила, ограничивающаго употребленіе верховной власти одними случаями, изъясненными писаннымъ закономъ, — сіе основаніе, говорю, положено во время установленія большой граматы: это ограниченіе означено именно въ одной изъ тѣхъ общихъ статей, которыя могли

(*) Можно былобъ также показать, что большая кротость, употребляемая въ Англіи въ производствѣ Уголовнаго Суда, въ разсужденіи какъ небольшой суровости, съ каковою наказываютъ за преступленіе, такъ и даруемыхъ часто прощеній, что сія кротость, говорю, особенно связана съ *твердостію* Правленія: опытъ доказываетъ, что безполезно употреблять излишнюю строгость противъ злодѣевъ, и верховная власть не имѣетъ нужды показывать дурный примѣръ подчиненнымъ градоначальствамъ въ семъ отношеніи.

пріобрѣсть отъ Государя Дворяне, соединенные съ народомъ. Корона получала тогда отъ иностранныхъ своихъ владѣній ту твердость и ту внутреннюю силу относительно къ Англійской націи, которыя сопряжены теперь непримѣтнымъ образомъ съ гражданскою отраслію ея должности, и которыя, хотя дѣйствуютъ разными средствами, всегда сохраняютъ сей родъ союза противъ нее и соединеніе между различными состояніями народа. Статьею упомянутой большой граматы Государь обязался *не налагать и не насылать* на подданнаго иначе, какъ по рѣшенію равнаго состоянія людей и по земскому закону (*). Сія статья была однакожъ послѣ пренебрежена по поводу права, которое присвоилъ себѣ Король въ своихъ *прокламаціяхъ*, а особливо установленіемъ Трибунала *Звѣздной Каморы*, основывавшей свои поступки не только на сихъ прокламаціяхъ, но и на особенныхъ правилахъ, ею принятыхъ. Уничтоженіемъ сего Трибунала (*также какъ и высокой Коммисіи*) въ царство Карла I го, вышеозначенная статья, изъясненная въ большой гаматѣ, приведена въ исполненіе, и послѣдствіе показало, что

(*) *Nec super eum ibimus, nec super eum mittemus, nisi per legale judicium parium vel per legem terrae. cap. XXIX.*

это самое ограниченіе, которое кажется толь чрезвычайнымъ въ разсужденіи верховной власти и ея должностей, есть только то, что вещи сами по себѣ и сила Конституціи могутъ сносить (*).

Я почитаю, что вышеписанное положеніе закона и точное его наблюденіе вышнею властію отмѣнно характеризуютъ образъ, какъ управляется Англія, и доказываютъ весьма убѣдительно существенную

(*) Трибуналъ Звѣздной Каморы былъ, такъ сказать, судная Палата по дѣламъ уголовнымъ. Онъ бралъ на себя рѣшить случаи обиды, когда ординарные Трибуналы, не имѣвъ на то повелѣнія отъ Двора, не хотѣли этого сдѣлать, или по причинѣ молчанія писаннаго закона, или по поводу осрбенныхъ правилъ, установленныхъ ими въ разныхъ своихъ вѣдомствахъ; что собственно составляетъ должность Трибунала Канцеляріи и Екчекера относительно къ случаямъ собственности. Большая польза Трибуналовъ сего рода произвела то, что были поддержаны и учреждены совѣстныя Палаты по дѣламъ гражданскимъ. Но опытъ показалъ, какъ выше примѣчено, что не можетъ произойти большаго неудобства позволить подданному свободу, пріобрѣтенную совершеннымъ уничтоженіемъ всѣхъ произвольныхъ Трибуналовъ по дѣламъ уголовнымъ.

вольность, происходящую отъ всего ея Правленія. Метода исполнительной власти распоряжать такимъ образомъ свои движенія по законамъ и по тѣмъ только, которые напередъ утверждены и обнародованы, не можетъ быть послѣдствіемъ того рода твердости, какую могла получить Корона отъ копруса войскъ, или, какъ вышереченный Авторъ сказалъ, отъ того, что Государь имѣетъ въ своемъ повелѣніи армію: поведеніе такъ единообразное противно даже должностямъ Генерала, поелику успѣхъ его предпріятій зависитъ большею частію отъ ихъ поспѣшности, и отъ непредвидимыхъ его движеній.

Вообще сія твердость власти Англійской Короны, которую мы описали, не можетъ быть послѣдствіемъ того рода силы, какую даетъ армія: такія средства очень непрочны, сложны и подвержены нещастіямъ; словомъ, эта сила не подходитъ къ степени непоколебимости, нужной для того, чтобъ перевѣсить, и напослѣдокъ успокоить тѣ большія волненія въ народѣ, которыя, кажется, угрожаютъ иногда Правленію и устремляются на испроверженіе установленнаго порядка. Войскомъ послушнымъ можно, правда, воспрепятствовать начатки сихъ замѣшательствъ и успокоить нетерпѣливость народа; но оно не можетъ

его воздержать, когда онъ единожды преступитъ предѣлы.

Если отъ общихъ доказательствъ и уваженій поступимъ къ простымъ дѣяніямъ, то найдемъ, что Англійская Корона дѣйствительно не полагается на помощь подвластной ей арміи, и никогда не полагалась. Отъ первыхъ временъ, то есть, за долго до введенія Европейскими Государями методы содержать регулярныя войска, Англійскіе Короли имѣли власть столь же совершенную и обширную, какъ теперь.

Послѣ того, какъ они лишились помощи, какую получали отъ заморскихъ своихъ владѣній, начало составляться внутри Государства нѣкоторое распоряженіе, которое доставило имъ другой родъ силы не менѣе прочной, и они получили отъ гражданской отрасли Королевской власти то надежное могущество, какого не имѣлъ никогда другой Монархъ иначе, какъ посредствомъ легіоновъ и преторской стражи, или корпуса янычаръ.

Говоря о достопамятномъ періодѣ Англійской Исторіи, скажутъ, что хотя Государи Тудорова дома не имѣли иной видимой силы, кромѣ простой свиты людей, составлявшихъ статъ ихъ; однако были въ состояніи употреблять равную той, какую

имѣли величайшіе Деспоты, царствовавшіе когда нибудь; какую имѣли Домитіане, Комоды, или Амураты, или Баязеты: она была даже больше этой, если разсудимъ, съ какою медленностію она укоренилась, и какая наружность равенства сопровождала ее во всѣхъ частяхъ.

Сопротивленіе, которое могли дѣлать Короли Стуартова Дома, хотя безъ помощи оружія, а подкрѣпленныя только гражданскою властію Королевскаго своего достоинства въ теченіе многихъ лѣтъ, неспокойному и мятежному духу, который началъ тогда дѣйствовать надъ націею, и не смотря на горячіе споры о Политикѣ и Религіи, тогда происходившіе; сіе сопротивленіе, говорю, еще достойнѣе примѣчанія, нежели безмѣрная сила самихъ Тудоровъ, въ правленіе которыхъ существовали общіе предразсудки совсѣмъ инаго свойства.

Споры начались съ правленіемъ Іакова I; но онъ имѣлъ щастіе выдержать съ спокойнымъ видомъ начало грозы, и предать въ цѣлости власть своему сыну. Правда, что Карлъ I наконецъ задавленъ подъ развалинами Конституціи; но если разсудимъ, что сдѣлавъ толь важныя уступки народу, содержащіяся въ *прошеніи правъ* (*petition of right*), былъ онъ въ состояніи, одинъ и

безъ оружія, удержать свое мѣсто безъ существенной потери или опасности чрезъ одиннадцать лѣтъ, т. е. по 1640 годъ и слѣдующіе; если разсудимъ это, говорю, то легко повѣримъ, что онъ избѣгнулъ бы тѣхъ нещастій, которымъ напослѣдокъ подвергнулся, еслибъ имѣлъ лучшихъ совѣтниковъ.

Произшествія, случившіяся въ царство Іакова II, доказываютъ ту твердость, которая есть удѣломъ Англійской Короны. Хотя вся нація, не изключая и самой арміи, была нѣкоторымъ образомъ соединена противъ него; однако онъ могъ царствовать цѣлые четыре года, противуборствуя всѣмъ, но не испытывая явнаго сопротивленія. Да и послѣ не безъ труда найдены достаточныя причины противиться ему (*). Ибо

(*) М. Юмъ слишкомъ горячо оправдываетъ Іакова II. Сперва кратко изображаетъ онъ его характеръ, представляя его Государемъ, *котораго можно назвать болѣе нещастнымъ, нежели виноннымъ.* Но если разсудимъ, что торжественные договоры постановлены были не только съ его предшественниками, но и съ нимъ, и что онъ старался ихъ нарушить; сколь хладнокровно и умышленно оскорблялъ онъ вольность и религію народа безъ справедливой причины; и словомъ, что не имѣлъ отнюдь никакого предлога необхо-

хотя нѣтъ сомнѣнія, чтобъ Іаковъ II не былъ напослѣдокъ по обстоятельствамъ свергнутъ съ престола, и можетъ быть трагическимъ образомъ; однакожъ безъ помощи Принца Оранжскаго былобъ это произшествіе отложено на нѣсколько лѣтъ. Сія власть, на которую Іаковъ столь много надѣялся, не иначе уничтожена, какъ скорымъ и важнымъ пособіемъ войскъ, приведенныхъ съ твердой земли противъ него, подобно надежной крѣпости, которую, хотя неимѣющую внѣшнихъ укрѣпленій, можно взять только съ помощію пушекъ.

Если разсмотримъ, какимъ образомъ это Государство было управляемо послѣ революціи, то ясно увидимъ, что не посредствомъ арміи, зависящей отъ Короны, могла она сохранить и употреблять свою власть.

Короли Великобританскіе препятствуютъ не солдатами, чтобъ образъ, какъ дѣлаются выборы, не былъ имъ вреденъ; ибо

димости и собственной обороны, каковыхъ болѣе или менѣе могли представить очень многіе Государи, имѣвшіе распри съ своими подданными; если все это разсудимъ, говорю, то онъ будетъ признанъ можетъ быть самымъ виновнымъ Монархомъ, какой существовалъ когда нибудь.

солдаты должны выходить изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ производятся выборы, за день до начатія оныхъ, и возвращаться туда, спустя уже сутки по окончаніи выборовъ. Не сухопутною своею силою удерживаютъ они разные чины Государственнаго Градоначальства похищать и уменьшать ихъ прерогативу; ибо сіи силы не должны дѣйствовать, пока это послѣднее не призоветъ ихъ какъ состоящихъ въ его распоряженіи. Не посредствомъ арміи внушаютъ они обѣимъ отраслямъ законодательства то уваженіе къ Королевской своей власти, которое мы выше описали; ибо каждая изъ сихъ двухъ отраслей имѣетъ право ежегодно распускать эту армію (*).

Есть еще другое обстоятельство, которое независимо отъ всѣхъ прочихъ доказываетъ, что исполнительную власть Короны

(*) Народъ вообще былъ издревле такъ непривыченъ къ употребленію силы для управленія Парламентскими преніями, что предпріятіе Карла I, схватить *пятерыхъ членовъ* въ провожаніи около двухъ сотъ человѣкъ войска, было дѣйствительно тою искрою, которая зажгла множество горючихъ матерій, накопившихся отъ прежнихъ затрудненій. Парламентъ взялъ отъ сего поступка поводъ сдѣлать съ своей стороны военныя приготовленія, и потомъ началась междоусобная война.

не поддерживаетъ армія. Разумѣю самую подчиненность, въ каковой содержится войско относительно къ гражданской власти сего Государства.

Въ землѣ, гдѣ верховную власть Государства поддерживаетъ армія, солдатъ, который въ разсужденіи другихъ подданныхъ имѣетъ на своей сторонѣ силу, будучи сверхъ того уполномоченъ закономъ, пріобрѣтаетъ тотчасъ, или лучше сказать присвоиваетъ себѣ верхъ надъ всѣми, а Государь не только не удерживаетъ его, но еще ощущаетъ внутреннее удовольствіе, видя, что то орудіе, на которомъ власть его утверждается, получаетъ новую силу отъ уваженія народа и отъ нѣкотораго всеобщаго согласія, хотя только внѣшняго.

И не только солдаты, но и начальствующіе ими, хотятъ каждый особенно имѣть преимущество: главнокомандующіе, Офицеры, солдаты, янычары, всѣ хотѣлибъ въ своемъ состояніи присвоить себѣ нѣкоторый родъ исключительной привиллегіи; сіи привиллегіи, почетныяль или прибыточныя, сильно укореняются и становятся обременительными прочему народу, соразмѣрно тому, чѣмъ болѣе или менѣе надобна Правленію помочь военной силы, и чѣмъ чаще или рѣже оно употребляетъ ее. Это не можетъ быть иначе.

Теперь, если изслѣдуемъ происходящее въ Англіи, найдемъ въ ней порядокъ въ вещахъ совсѣмъ различный отъ описаннаго мною. Всѣ военные Трибуналы всегда подчинены Трибуналамъ гражданскаго права. Офицеровъ, употребившихъ во зло частную свою власть, хотя только противъ своихъ солдатъ, можно звать въ ординарный Трибуналъ, и принудить, чтобъ сдѣлали удовлетвореніе. Даже всякое злоупотребленіе публичной власти, учиненное Членами военныхъ судовъ, когда собираются они судить своихъ подчиненныхъ и рѣшить случаи, касающіеся единственно до военныхъ дѣлъ, подвергаетъ ихъ выговору гражданскаго судьи (*).

(*) Можно бы привести многіе примѣры въ доказательство подчиненности воинской власти гражданскому Начальству: я разскажу только одинъ очень замѣчательный, включенный въ періодическихъ листахъ 1746 года.

Флота Лейтенанта, по имени *Фрея*, обвиняли, когда онъ былъ въ Вест-Индіи, въ томъ, что не хотѣлъ слушаться Капитана, который приказывалъ ему помочь другому Лейтенанту отвести арестованнаго Офицера на корабль: оба Лейтенанта хотѣли, чтобъ Капитанъ далъ этотъ ордеръ письменно. За этотъ поступокъ Лейтенантъ *Фрей* былъ слѣдованъ въ Ямайкѣ

Ко всему сказанному о превосходствѣ гражданскаго Начальства передъ военнымъ вообще, безполезно будетъ присовокупить, что всѣ преступленія, чинимыя солдатами противъ людей другихъ народныхъ состояній, подлежатъ разбирательству граждан-

---

Военнымъ Судомъ, и осужденъ на пятилѣтнее заключеніе въ тюрьму, и сверхъ того объявленъ неспособнымъ быть въ службѣ Королевской. Онъ привезенъ послѣ въ Англію; и какъ о дѣлѣ его узналъ Тайный Совѣтъ, и оно показалось ему такого свойства, что можно его объяснить, то дали ему свободу. Спустя нѣсколько времени, вступилъ онъ въ тяжбу съ Кавалеромъ Шалонеромъ Оглемъ, который былъ Предсѣдателемъ въ этомъ Военномъ Судѣ, и рѣшеніе послѣдовало, чтобъ сей послѣдній заплатилъ первому 1000 фунт. стерлинг. въ удовлетвореніе. (Доказано также, что онъ былъ продержанъ 14 мѣсяцовъ подъ самымъ крѣпкимъ карауломъ прежде суда.) Судья увѣдомилъ его сверхъ того, что онъ властенъ просить на всякаго Члена того Военнаго Суда, котораго можетъ найти. Послѣдствіе дѣла еще замѣчательнѣе.

Въ слѣдствіе того Лейтенантъ *Фрей* прибѣгнулъ къ законному порядку, и Кавалеръ *Джонъ Виллеръ*, Лордъ Президентъ общихъ тяжебъ, издалъ рипъ противъ Адмирала *Майна* и *Рентона* Рентона, засѣдавшихъ въ реченномъ Военномъ Судѣ, кото-

ского Судьи. Всякое употребленіе, какое ни сдѣлалъ бы онъ изъ своего оружія, если того не требовалъ именно отъ него Градоначальникъ, отъ котораго долженъ онъ ожидать повелѣній, въ какомъ бы то случаѣ ни было, подвергаетъ его обвиненію въ убійствѣ,

---

рые находились тогда въ Англіи, и были Членами другаго Военнаго Суда, засѣдавшаго въ то время въ Дептфордѣ, въ которомъ Адмиралъ Майнъ сверхъ того предсѣдательствовалъ, и онъ былъ арестованъ по окончаніи засѣданія. Прочіе Члены сильно огорчились за эту мнимую обиду; они собирались два раза по сему случаю, приняли *резолюціи*, которыя долженъ былъ вручить Адмиральтейскому Совѣту Судья Адвокатъ, для поднесенія ихъ потомъ Королю. Въ объясненіи своихъ обидъ требовали они „удовлетворенія за крайнее „безчестіе, сдѣланное ихъ Президенту, со стороны всѣхъ особъ, какъ бы важна ни была ихъ должность, которыхъ стараніемъ, или какимъ нибудь „совѣтомъ послѣдовало это опредѣленіе, жалуясь „сверхъ того, что реченнымъ опредѣленіемъ порядокъ, повиновеніе, и правленіе морскихъ силъ Его „Величества уничтожены, и статутъ 13 Карла II „нарушенъ и сдѣланъ недѣйствительнымъ.“

Распри о семъ дѣлѣ продолжались нѣсколько лѣтъ; наконецъ Военный Судъ счелъ за лучшее уступить, и послалъ къ Лорду Президенту Виллеру письмо, подписанное 17 Офицерами, какъ Ад-

котораго точные содѣтели не извѣстны. Тщетно будетъ онъ ссылаться передъ Судьею на должность или на обычай своего званія для извиненія какого нибудь проступка; его не станутъ даже слушать; если полицейской Трибуналъ потребуетъ, то должно его выдать немедленно. И нельзя сказать вообще, чтобъ благопріятство, оказываемое верховною властію военнымъ людямъ, было всегда таково, что внушало всему народу расположеніе сносить всякія обиды отъ солдата, или преклоняло Судей или присяжныхъ на ихъ сторону столь много, что они пристрастно рѣшили въ ихъ пользу (*).

миралами, такъ Шефами эскадръ и другими составлявшими оный, въ которомъ они признавали, что „*резолюціи 16 и 28 Мая несправедливы и не-*„*законны, и въ слѣдствіе того просили проще-*„*нія у Его Лордства и у всего Правительства*„*общихъ тяжебъ, въ томъ, что случилось.*“

Судья Виллеръ читалъ это письмо въ полномъ собраніи, и приказалъ внесть оное въ протоколъ *во извѣстіе всѣмъ будущимъ вѣкамъ, что ктобъ ни вздумалъ поставить себя превыше закона, найдетъ напослѣдокъ, что онъ ошибся.* Это письмо, такъ какъ и принятіе Судьи Виллера, напечатано въ слѣдующей газетѣ 15 Ноября 1746.

(*) Читатель можетъ видѣть въ періодическихъ листахъ 1770 года, какой мятежъ послѣдовалъ по

Подчиненность воинской власти гражданскому начальству, распространенная до той степени, на которой она теперь въ Англіи, есть другой характерическій знакъ Англійскаго правленія.

Довольно ясно, что Король не ищетъ подкрѣпленія въ своей арміи, когда принимаетъ столь мало труда приласкать и привлечь ее на свою сторону.

Вообще, если разсмотримъ всѣ разныя отрасли, составляющія правленіе з. ѣшней земли, то найдемъ, что войско, соглашая ь на его виды, сколь бы отдалены они ни были, не можетъ доставить Государю постоянной силы, на которую могъ бы онъ

случаю армейскаго Генерала (Ганзеля), который, воспользовавшись сосѣдствомъ своихъ солдатъ, препятствовалъ нѣкоторымъ Чиновникамъ Шерифа взять его подъ стражу въ Вейтгалѣ. Оказалось однакожъ, что этотъ Генералъ не сдѣлалъ ничего инаго, какъ только велѣлъ нѣсколькимъ изъ своихъ солдатъ подойти, чтобъ обезпокоить и испугать Чиновниковъ Шерифа и, употребя въ свою пользу удобный случай, скрылся. Эта крамола произошла конечно отъ духа партіи, тогда господствовавшаго; показываетъ однакожъ, каковы были идеи народа по сему дѣлу.

положиться, ни успѣха въ какомъ-либо предпрїятїи.

Публичность Парламентскихъ преній побуждаетъ всѣхъ людей, солдатъ, такъ какъ и другихъ, обращать нѣкоторое вниманїе на дѣла политическія; а свобода говорить, печатать и каверзить, распространяясь на всѣ состоянїя, коими они окружены, дѣлаетъ, что сїи солдаты могутъ удобно присшать ко всякому мнѣнію, противному видамъ Государя, который даетъ имъ жалованье.

Былобъ еще хуже, еслибъ Государь находился въ ссорѣ со многочисленнымъ собранїемъ нацїи. Общее любопытство умножилось бы съ горячностїю преній въ Парламентѣ; частные люди, составляющїе разные классы публики, сталибъ употреблять свое краснорѣчїе по тѣмъ же спорнымъ матерїямъ; что не мало способствовалобъ къ тому, чтобъ въ такїя критическїя времена привлечь на свою сторону солдатство. Государь не могъ бы отвратить сего зла, да и не зналъ бы что дѣлать, или когда бы нашелъ средство оному пособить, то былобъ уже поздно. Государь, находясь въ ссорѣ, какую мы предполагаемъ, не успѣлъ бы сдѣлать первыхъ пріуготовленій; планъ его былъ бы едва составленъ, а войска оставилибъ его. И чѣмъ сильнѣе былабъ армїя такого Госу-

даря, чѣмъ способнѣе казалась бы къ своему назначенію по числу ея солдатъ, тѣмъ болѣе опасности настоялобъ.

Это испыталъ Іаковъ II къ крайней своей досадѣ. Число его арміи простиралось до 30,000 человѣкъ. Но когда насталъ день, въ который имѣлъ онъ надобность въ ея помощи, то нѣкоторые передались на сторону непріятеля, другіе положили ружья, а оставшіеся подъ знаменами оказывали болѣе наклонности быть зрителями спора, нежели принимать участіе въ немъ. Словомъ, онъ принужденъ былъ отъ всего отказаться, не сдѣлавъ никакого употребленія изъ ихъ помощи (*).

(*) Войско праздновало многими веселостями день *разрѣшенія Епископовъ*, даже въ присутствіи Короля, который нарочно ѣздилъ въ тотъ день на пустошь Гаунстонскую. Онъ не могъ побудить ни одного полка согласиться на его мѣры, относительно къ пыткѣ и каратальнымъ законамъ. Славную площадную пѣснь *lero lero lillibulero*, которая, говорятъ, имѣла такъ много вліянія на разумъ народа тогдашняго времени и о которой Епископъ Борнетъ говоритъ: „*что толь мало-*„*важная вещь никогда не производила такого* „*большаго дѣйствія, — пѣли безпрестанно,*

По всѣмъ вышеозначеннымъ обстоятельствамъ явно, что власть Короны Англійской утверждается на основанїяхъ, свойственныхъ ей одной, и что ея безопасность и сила зависитъ отъ средствъ весьма разнствующихъ отъ тѣхъ, которыя доставляютъ одинакія выгоды, но весьма не-

---

„*вся армія и напослѣдокъ всѣ городскіе и деревенскіе жители.*“ Многочисленная армія, образованная уже заранѣе, былабъ въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ большимъ препятствіемъ Королю Англійскому, имѣющему виды, противные вольности своихъ подданныхъ; не льзя, чтобъ онъ прилагалъ попеченіе завести въ ней хорошее устройство, тѣмъ менѣе, что мѣры его на сей конецъ не согласны съ тѣми, которыя долженъ онъ брать въ разсужденіи прочаго народа.

Еслибъ Король Англійской, которой желалъ бы уничтожить нынѣшнюю Конституцію и сдѣлать свою власть такою же, какова власть другихъ Европейскихъ Государей, удостоилъ меня спросить, какимъ образомъ въ томъ успѣть, то я отвѣчалъ бы ему, что прежде всего и пока еще не подозрѣваютъ его намѣреній, надлежалобъ распустить свою армію, оставя у себя только надежную стражу не свыше 2со человѣкъ. Послѣ сего могъ бы онъ посредствомъ своего кредита и выгодъ престола начать испровергать фундаменталь-

совершенно и очень дорого въ другихъ Монархіяхъ.

Англійскій Король, безъ своихъ войскъ, оказываетъ ту неустрашимость въ разсужденіи всякаго сильнаго подданнаго или цѣлыхъ партій, съ каковою исполняетъ онъ свои должности и обязанности Королевскаго достоинства. Безъ той же помощи можетъ онъ обуздывать своевольство, незнающее предѣловъ

ные законы, ему неугодные, употребляя сколько возможно болѣе умѣренности, чтобъ имѣть болѣе времени дѣйствовать. А когда бы напослѣдокъ дѣла доведены были до критическаго состоянія; тогда совѣтовалъ бы ему составить другую армію изъ своихъ друзей, или изъ того класса подданныхъ, которыхъ совершенно привязали къ нему обороты и случайности прежнихъ распрей. Съ этою арміею могъ бы онъ тогда пуститься на удачу, прочее зависѣло отъ его Генераловъ, а многое и отъ его славы въ семъ отношеніи.

Кончу однакожъ сей совѣтъ, который предполагаю, что данъ Королю Англійскому, тѣмъ примѣчаніемъ, что его положеніе, если все разсудить, по меньшей мѣрѣ столь же выгодно, какъ и обстоятельства какого-либо Короля, и что вся польза, какую могъ бы онъ получить отъ успѣха своего плана, не стоила бы того, чтобъ предпринимать исполненіе онаго.

въ народѣ, употреблять ту превосходную силу, которая возрастаетъ всегда по мѣрѣ встрѣчающагося ей сопротивленія, править рулемъ большаго Государственнаго корабля посреди вѣтровъ и бури, и привесть его опять въ равновѣсіе, когда онъ наклонится на которую нибудь сторону (*).

Корона заимствуетъ отъ гражданской части своей должности ту силу, съ каковою подвергаетъ себѣ даже войско, и держитъ его подъ игомъ законовъ, безпримѣрнымъ во всякой другой землѣ. Отъ щастливаго распоряженія въ дѣлахъ происходитъ та непрерывная твердость, та невидимая прочность, которыя доставляютъ подданному и защиту толь надежную, и вольность толь обшир-

---

(*) Есть много обстоятельствъ въ Англійскомъ правленіи, оставленныхъ безъ уваженія умозрителями, которые желаютъ поправленій, какъ-то реформы въ Парламентѣ или другихъ подобныхъ. Въ такомъ случаѣ опасно, чтобъ не нашли они много препятствій, которыхъ не подозрѣваютъ; и чтобъ, стараясь только о реформѣ и поправленіи, не столкнули *тализмана*, отъ котораго зависитъ все зданіе Государства, или чтобъ наподобіе дочери Короля *Низуса*, не перерѣзали того гибельнаго волоса, на которомъ виситъ судьба націи.

ную. Она получаетъ отъ націи ту власть, съ каковою управляетъ. Средства ея суть согласіе, а не принужденіе; власть свободная, а не ужасъ; и она продолжаетъ царствовать среди волненія добровольныхъ страстей тѣхъ, которые повинуются ей (*).

(*) Многіе люди довольны тѣмъ, что видятъ высоту и внѣшніе размѣры зданія, и думаютъ, что не нужно изслѣдывать прочности основанія. Для чего читатели, которымъ покажется скучною длинная Глава теперь оконченная мною, могутъ почитать ее за родъ отступленія отъ матеріи, или за вмѣстительную въ самомъ сочиненіи.

ГЛАВА XIX.

До какой степени можно приложить къ Англіи примѣры другихъ націй, лишенныхъ своей вольности.

Всѣ Правленія, говорятъ Авторы, писавшіе о сей матеріи, имѣютъ въ себѣ самихъ начало своего разрушенія; начало, сопряженное съ самими причинами: такимъ образомъ, продолжаютъ они, всѣ выгоды Правленія Англійскаго не могутъ спасти его отъ сокрытыхъ пороковъ, которые испровергнутъ его. Монтескье, произнося въ одно время судъ о дѣйствіи и причинѣ, говоритъ, что Англійская Конституція лишится своей вольности, что она погибнетъ также, какъ погибли Римъ, Лакедемонъ и Карѳагенъ, что она погибнетъ, когда законодательная власть будетъ болѣе испорчена, нежели исполнительная власть.

Хотя отнюдь не думаю, чтобъ какое либо человѣческое учрежденіе могло избѣгнуть той судьбы, каковой подвержена вся природа, и не такъ предубѣжденъ понятіемъ, какое имѣю о великихъ выгодахъ Англійскаго Правленія, чтобъ хотѣлъ приписать ему еще выгоду вѣчности; однако примѣчу здѣсь вообще, что какъ архитектурою и средствами

своими разнится оно отъ всѣхъ тѣхъ, о которыхъ исторія намъ повѣствуетъ, то не льзя сказать, чтобъ оно подвержено было тѣмъ же опасностямъ. Судить объ одномъ по другому, есть судить по Аналогіи, гдѣ нѣтъ Аналогіи. И такъ почтеніе мое къ упомянутому мною Автору не возбранитъ мнѣ сказать, что его мнѣніе въ семъ случаѣ не столь важно для меня, какъ во многихъ другихъ.

Какъ по примѣру всѣхъ Писателей политическихъ системъ упустилъ онъ изслѣдовать со вниманіемъ истинное свойство Правленія, власти и вольности между людьми; то и не удивительно, что начала, положенныя имъ, не всегда такъ ясны и вѣрны, какъ бы должно было ожидать отъ такого великаго Мужа. Когда, на примѣръ, говоритъ онъ объ Англіи, то примѣчанія его чрезмѣрно общи; и хотя имѣлъ онъ часто случай разговаривать съ людьми, которые лично правили публичными дѣлами въ сей землѣ, и самъ былъ очевидцемъ производствъ Англійскаго Правленія; однако когда принимается описывать оное, то говоритъ намъ скорѣе то, что думаетъ, нежели то, что видѣлъ.

Приводимые имъ примѣры и показываемыя причины разрушенія, особенно

подтверждаютъ это примѣчанїе. Чтобъ говорить только о Римскомъ Правленїи, которое разрушась постепенно, и, такъ сказать, само отъ себя, могло подать поводъ къ святѣйшимъ умствованїямъ, то оно не имѣло никакого сходства съ Англїйскимъ. Римской народъ въ послѣднїя времена Республики состоялъ не изъ гражданъ, а завоевателей. Римъ былъ не Государство, а глава Государства. Отъ великихъ его завоеванїй послѣдовало наконецъ то, что онъ былъ нѣкоторымъ образомъ побочная часть собственной своей Имперїи. Могущество его сдѣлалось такъ велико, что, отдавъ оное, не льзя уже было ему взять его обратно; и тогда сдѣлался онъ самъ подданнымъ по той же причинѣ, по которой провинцїи его были таковыми.

И такъ паденїе Рима было произшествїе свойственное его положенїю, а перемѣна нравовъ, которая ускорила это паденїе, имѣла такое въ этомъ дѣйствїе, какое могла имѣть только въ семъ положенїи. Люди, захватившїе себѣ всѣ богатства свѣта, не могли довольствоваться ужиномъ Фабрицїя, ни хижиною Цинцината. Народъ, овладѣвъ житницами Сицилїи и Африки, не находился уже въ необходимости отнимать хлѣбъ у сосѣдовъ для своего прокормленїя. Сверхъ того, какъ всѣ непрїятели, каковыхъ онъ

могъ имѣть, были истреблены; то Римъ, военная держава, переставъ уже быть армïею; и это было настоящее время порчи, если только должно такъ назвать то, что есть неизбѣжнымъ слѣдствïемъ природы вещей.

Словомъ, Риму суждено потерять свою вольность, потерявъ свое владычество; и потерять это владычество, когда онъ началъ имъ пользоваться.

Но Англïя составляетъ общество, основанное совсѣмъ на иныхъ началахъ. Вся вольность и вся власть не собраны, такъ сказать, въ одну точку такимъ образомъ, что во всякомъ иномъ мѣстѣ оставляютъ только рабство и бѣдность, и слѣдовательно ничего инаго, кромѣ сѣменъ раздора и тайной вражды. Отъ одного края острова до другаго существуютъ тѣ же законы, господствуютъ тѣ же интересы: впрочемъ вся нацïя равно способствуетъ къ образованïю Правленïя. Слѣдовательно ни одна часть сей нацïи не имѣетъ причины опасаться, что другïя доставятъ силы потребныя для разрушенïя вольности; и вся масса не имѣетъ сама по себѣ никакой надобности въ звѣрскихъ добродѣтеляхъ, неотмѣнно нужныхъ тѣмъ, которые по состоянïю, въ какое сами себя привели, безпрестанно подвержены подобнымъ опасностямъ, и, похитивъ, не удерживаютъ ничего.

И такъ положеніе Англійскаго народа существенно разнствуетъ отъ положенія Римскаго народа. Образъ Англійскаго Правленія не менѣе различенъ отъ формы Римской Республики; и великія выгоды, какія имѣетъ первая передъ другою, пространно описаны въ теченіи сего сочиненія.

Такимъ образомъ, на примѣръ, совершенная гибель Римской Республики причинена безмѣрною властію, какую позволяли постепенно пріобрѣтать многимъ ея гражданамъ. Въ послѣднія времена Республики сіи граждане распоряжали между собою Государственными областями почти такъ, какъ могли распоряжать собственными своими деревнями; а ихъ преемники не только послѣдовали по ихъ примѣру, но и простерли тиранническую свою наглость до того, что уступали между собою торжественными договорами жизнь нѣсколькихъ тысячь своихъ согражданъ. Въ Англіи большая и постоянная власть Короны и ея вѣсъ отвращаютъ, какъ мы видѣли, такія нещастія въ самомъ ихъ зарожденіи; и Читатель конечно вспомнитъ сказанное по сей матеріи.

Наконецъ гибель Республики, какъ всякому извѣстно, была совершенна. Одинъ изъ сихъ сильныхъ гражданъ нашелъ средство искоренить всѣхъ своихъ совмѣстниковъ.

Онъ захватилъ всю власть въ Государствѣ, и учредилъ навсегда произвольную Монархію. Учрежденіе столь внезапное и насильственное Монархической власти, со всѣми бѣдственными слѣдствіями, какія произошлибъ отъ такого событія, есть нещастіе, которое не можетъ случиться въ Англіи: мы видимъ, что сей родъ власти тамъ уже существуетъ, и что она установлена прочно твердыми законами и на основаніяхъ правильныхъ и очень извѣстныхъ.

Не должно также опасаться, чтобъ сія власть посредствомъ законныхъ прерогативъ, какія уже имѣетъ, присвоила себѣ нечувствительно другія, и сдѣлалась напослѣдокъ вдругъ независимою. Важная привиллегія давать Коронѣ нужныя ей субсидіи находится въ рукахъ націи, какъ мы уже сказали; и какъ бы обширны прерогативы Короля Англійскаго ни были, то всегда зависитъ отъ народа дать, или отказать ему въ средствахъ употреблять оныя.

Сіе право, какое имѣетъ Англійскій народъ, составляетъ большую разность между имъ и всѣми другими націями, у которыхъ Правленіе Монархическое. Оно же даетъ ему большую выгоду и надъ тѣми, у которыхъ форма Республиканская, и доставляетъ средства имѣть вліяніе на поведеніе

Правленія, не только дѣйствительныя, но и (что безпосредственнѣе принадлежитъ къ цѣли сей Главы) несравненно болѣе надежныя и прочныя, нежели какія предоставлены народу въ Республиканскихъ Государствахъ.

Въ сихъ Государствахъ политическія права, предоставляемыя обыкновенно народу, суть, подавать голоса въ общихъ собраніяхъ при уложеніи законовъ, или при выборѣ Градоначальниковъ. Но какъ выгоды, проистекающія отъ сихъ общихъ правъ подавать голоса, никогда не бываютъ совсѣмъ ясны въ глазахъ народа, такъ и вообще не имѣетъ онъ совершеннаго понятія о слѣдствіяхъ, какія могутъ произойти отъ такого особеннаго образа подавать голоса; а по сему и не имѣетъ онъ никогда рѣшительнаго и постояннаго предпочтенія къ одной методѣ передъ другою; и всегда весьма легко было въ Республикахъ, коварными предложеніями, сдѣланными въ нѣкоторыя времена народу, или примѣрами, о которыхъ давно положено условіе, или другими средствами превращать сіи политическія привиллегіи сперва въ одни церемоніи и обряды, а напослѣдокъ и совсѣмъ ихъ уничтожать.

Въ Республикѣ Римской на примѣръ было всегда въ обыкновеніи въ теченіе пятидесяти лѣтъ раздѣлять гражданъ на *сотни*,

когда они должны были подавать голоса; отъ чего во все то время право самаго большаго числа превращалось почти ни во что. Послѣ того, какъ Трибуны ввели обычай созывать ихъ для подаванія голосовъ *статьями* (*tribus*), большая часть гражданъ хотя не имѣли уже равной невыгоды, но большія привиллегіи Градоначальниковъ во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ, власть, которую присвоивали они себѣ переводить гражданъ изъ одной статьи въ другую, и многія другія обстоятельства дѣлали право гражданъ отъ времени до времени безполезнѣе; и въ самомъ дѣлѣ не видно, чтобъ они оказывали много неудовольствія, когда напослѣдокъ совершенно лишились сихъ правъ.

Въ Швеціи, которой правленіе, до состоянія послѣдней революціи, много походило на Республиканскую форму, народу предоставлено было право посылать Депутатовъ въ Собраніе Государственныхъ Чиновъ, которые должны были подавать свои голоса о резолюціяхъ, принимаемыхъ въ семъ Собраніи. Но эта привиллегія народа тотчасъ чрезвычайно уменьшена разными невыгодными обстоятельствами, въ каковыхъ находились сіи Депутаты въ разсужденіи общества или чина Дворянъ. Она еще болѣе сокращена отъ того, что сихъ Депутатовъ лишили права подавать свободно свои предложенія Чи-

намъ для утвержденія или отверженія, присвоивъ исключительное право дѣлать сіи предложенія тайному Собранію, названному Секретнымъ Комитетомъ. Послѣдокъ привиллегія, данная чину Дворянъ имѣть въ семъ Секретномъ Комитетѣ членовъ вдвое болѣе всѣхъ прочихъ чиновъ, сдѣлала это право народа еще болѣе мечтательнымъ. Революція нѣкоторымъ образомъ прекратила сіе право; и не видно, чтобъ народъ много заботился о сохраненіи онаго (*).

Положеніе дѣлъ въ Англіи совсѣмъ различно отъ описаннаго нами. Политическія права народа нераздѣльно сопряжены тутъ съ правомъ собственности, которое также трудно обезсилить хитростію, какъ опасно оспоривать силою. Да и видимъ, что Короли самовластнѣйшіе, и въ то время, когда употребляли всю свою силу, покушались на-

---

(*) Я могъ бы представить безчисленные примѣры Республиканскихъ областей, въ которыхъ народъ рано или поздно принужденъ былъ согласиться на совершенную потерю политическихъ своихъ привиллегій. Въ Венеціанской Республикѣ наприм. народъ имѣлъ первоначально право, заключающееся теперь въ нѣкоторомъ только числѣ фамилій, дѣлать законы, выбирать Дожа и другихъ Градоначальниковъ.

рушить оное не иначе, какъ съ величайшими предосторожностями. Англiйскому Королю, который хотѣлъ бы поработить свой народъ, надлежало бы начать тѣмъ, чѣмъ другiе Государи кончатъ; онъ не могъ бы покуситься отнять у своихъ подданныхъ политическiя ихъ права, не объявивъ войны въ то же время всей нацiи, и не оскорбивъ сперва каждаго человѣка въ самой прочной его пользѣ, и въ такой, которую онъ лучше всѣхъ разумѣетъ.

Сверхъ того средство, какое имѣетъ Англiйскiй народъ приводить въ движенiе Правительство, не только предохранено нѣкоторымъ образомъ отъ той опасности, что оно будетъ отнято у него, но имѣетъ еще и другую важную выгоду, а именно ту, что естественно и, такъ сказать, по нуждѣ даетъ тѣмъ, которымъ народъ вѣряетъ свои дѣла, большую привиллегiю, описанную выше, разсматривать между собою всѣ вопросы, которые, думаютъ они, могутъ способствовать къ пользѣ ихъ вѣрителей, и составлять били, какiя разсудятъ за благо, и въ такихъ выраженiяхъ, какiя имъ угодны.

Сiя привиллегiя представлять новыя матерiи на разсужденiе, и, словомъ, предлагать новые законы, данная въ Англiи народнымъ Депутатамъ, производитъ весьма чув-

ствительную разность между Конституцiею сей земли и другихъ вольныхъ Государствъ, и препятствуетъ тому, что въ сихъ Государствахъ служитъ вѣрнымъ средствомъ испровергать законы, благопрiятствующiе политической вольности; то есть превращать ихъ издалека и тайными подкопами, какъ-то часто дѣлаютъ имѣющiе исполнительную власть въ Государствѣ. —

Въ сихъ Государствахъ право *дѣйствiя*, или предлагать законы, предоставляется всегда имѣющимъ въ нихъ исполнительную власть; почему не только прiобрѣтаютъ они всеобщую власть надъ умомъ народа, посредствомъ предложенiй коварныхъ, и сдѣланныхъ къ статѣ, и побуждаютъ его отмѣнять законы, затрудняющiе ихъ властительство; но сверхъ того, когда не разсудятъ за благо оказать явно свое желанiе въ семъ отношенiи, или можетъ-быть опасаются неудачи, имѣютъ и другой способъ, который хотя медленнѣе въ своихъ операцiяхъ, имѣетъ не менѣе дѣйствiя въ послѣдствiи времени: а именно они нерадятъ о наблюденiи тѣхъ законовъ, которыхъ не одобряютъ, или въ выгодѣ оныхъ отказываютъ простымъ частнымъ людямъ, которые къ нимъ прибѣгаютъ, и, словомъ, вводятъ методы совершенно предосудительныя. Сiи методы становятся послѣ уважаемыми

обычаями, и наконецъ пріобрѣтаютъ силу законовъ.

Народъ и тамъ, гдѣ имѣетъ участіе въ законодательствѣ, потому что обязанъ всегда повиноваться, не имѣетъ никакого средства положить новыя препоны теченію сихъ ложныхъ методъ, и заставить дать истинный смыслъ законамъ, которые предписалъ онъ себѣ. Въ такомъ положеніи дѣлъ остается гражданамъ единственное средство, или безпрестанно дѣлать представленія, или употреблять явную силу; и, дѣлая безпрестанно тщетныя усилія, либо по излишней опрометчивости, или по чрезвычайной медленности, никогда не могутъ они защитить правъ своихъ, не сдѣлавшись виновными въ ослушаніи, или въ бунтѣ.

И хотя всѣ Политики, которые безпрестанно предлагаютъ въ примѣръ смѣшанныя правленія, согласно говорятъ, что однажды потерянной вольности не льзя возвратить (*); однакожъ оказывается, что почти не воз-

(*) „Вы, свободныя націи, помните это положеніе, „что вольность можно пріобрѣсть; но возвратить „не льзя, когда однажды будетъ потеряна.“ Руссо общежительный договоръ, Гл. VIII.

можно исполнить положенія *principiis obsta* (*), которое почитаютъ они антидотомъ рабства, и слѣдовательно не перестаютъ одобрять, умалчивая, что оно требуетъ нѣкоторой степени бдительности, несовмѣстной съ состоянїемъ народа.

Но трудъ представлять жалобы на обиды, который въ другихъ Правленїяхъ всегда предшествуетъ внутреннимъ безпокойствамъ; и предпрїятїе искать управы законными средствами, которое толь сильно возбуждаетъ зависть власти въ Государствѣ, есть въ Англїи должность, принадлежащая Депутатамъ народа.

Хотябъ онъ долго находился въ состоянїи безпечности о важнѣйшихъ своихъ дѣлахъ, хотябъ Депутаты его были нерадивы и ошибалися; но коль скоро сїи послѣднїе выйдутъ изъ своего заблужденїя, или вспомнятъ свой долгъ, то посредствомъ привилегїи, о которой говоримъ, начинаютъ поправлять потери, претерпѣнныя публичною вольностїю; они стараются сами узнать и наставить весь народъ, въ чемъ состоитъ главный и существенный предметъ ихъ выгодъ; принимаютъ нужныя предосторожно-

(*) Начала сопротивленія.

сти, чтобъ отвратить продолженіе тѣхъ злоупотребленій, на которыя могутъ жаловаться, и введеніе тѣхъ, которыхъ должны опасаться; и какъ бы страшными ни казались сперва выгоды, которыми снабдена управляющая власть, но такимъ образомъ безпрестанно удерживаютъ, или приводятъ ее опять въ прежніе предѣлы.

Употребленію той же привиллегіи должно приписать частыя подтвержденія и разныя толкованія большой граматы, послѣдовавшія при разныхъ Правленіяхъ. Посредствомъ оной отмѣненъ, безъ сопротивленія, актъ, по которому указы, изданные отъ Престола, долженствовали имѣть силу закона. Симъ актомъ публичная вольность была, кажется, истреблена безповоротно, и Парламентъ, установившій его, сдѣлалъ, кажется, то, что Датчане сдѣлали лѣтъ около 100 послѣ. — Тѣмъ же уничтоженъ съ общаго согласія судъ *Звѣздной Палаты*; Трибуналъ, который, хотя не былъ учрежденъ, сдѣлался отъ долговременности своего существованія такъ уважаемымъ, что, кажется, навсегда утвердилъ незаконную власть, какую давалъ Коронѣ. — Напослѣдокъ сею же прерогативою Тайный Совѣтъ лишенъ права, присвоеннаго себѣ, заключать въ темницу подданныхъ, не принимая порукъ, и

даже не объявляя тому причины. Сіе право объявлено сперва незаконнымъ въ *прошеніи правъ* (*petition of right*), и разныя попытки какъ Двора, такъ и судей обезсилить сіе объявленіе, употребляя или продолжая способы, предосудительные оному, находили всегда сопротивленіе; но это совершено мирно новыми объявленіями, и напослѣдокъ славнымъ актомъ *Habeas corpus* (*).

(*) Можно бы привесть въ примѣръ всеобщія *варанты*: Статскіе Секретари или ихъ правители Канцеляріи послѣдовали болѣе во лѣтъ обычаю давать *варанты*, оставляя мѣста для вписанія имени человѣка, котораго должно арестовать. Трудно сказать, чѣмъ бы кончился сей споръ въ правленіи, учрежденномъ иначе, т. е. въ которомъ Градоначальники, или исполнительная власть имѣлибъ *душу* законодательства; сіи Градоначальники, думаю, весьма неохотно согласились бы написать и издать объявленіе, которое отнималобъ у нихъ незаконно присвоенную ими власть. Въ Женевѣ Градоначальникъ, вмѣсто того, чтобъ уничтожить приговоръ, учиненный противъ Руссо, на который жаловались граждане, хотѣлъ лучше явно утвердить то положеніе, что введенные обычаи служатъ достаточнымъ предлогомъ нарушить писанный законъ, и могутъ его остановить; что еще болѣе умножило ропотъ.

При семъ случаѣ дамъ вообще замѣтить Читателю, какъ разныя части Англiйскаго Правленiя взаимно помогаютъ и подкрѣпляютъ однѣ другихъ. Народъ можетъ безопасно ввѣрить попеченiе о его вольности своимъ Депутатамъ, за тѣмъ что вся исполнительная власть Государства соединена въ Коронѣ. Онъ можетъ пользоваться большею выгодою сочинять и предлагать законы, потому что участвуетъ въ Правленiи только посредственно чрезъ своихъ Депутатовъ; но для сего опять необходимо нужно, чтобъ находилась въ Государствѣ такая власть, какова *Корона*, т. е. *veto*, имѣющее чрезвычайное уваженiе.

Съ другой стороны, потому что перевѣсъ народа находится въ правѣ давать Коронѣ надобныя ей субсидiи, можно безопасно оставить въ рукахъ сей послѣдней ту великую власть, и право, на примѣръ, какое она имѣетъ, судить о удобныхъ временахъ собирать и распускать Парламентъ, право необходимо нужное къ ея сохраненiю, можетъ существовать, не причиняя *само по себѣ* гибели публичной вольности. Прекраснѣйшее Правленiе на земли, или, лучше сказать, единое доселѣ основанное на началахъ прямо сообразныхъ съ человѣческою природою, находилось въ опасности, что будетъ совершенно разрушено, когда Варѳоломей Колумбъ

пріѣхалъ въ Англію показать Генриху VII дорогу въ Мексику и Перу (*).

Въ заключеніе сей матеріи, которая моглабъ открыть безконечное поле умозрѣній, упомяну о выгодѣ, свойственной Англійскому Правленію, и которая можетъ болѣе всего другаго способствовать къ его продолженію. Если хорошо вникнемъ, то увидимъ, что всѣ политическія страсти человѣка находятъ тамъ свой примѣръ, и разсмотримъ ли Монархическую, Аристократическую, или Демократическую часть онаго, найдемъ, что всѣ сіи власти распоряжены тѣмъ правильнымъ порядкомъ, который долженъ неизбѣжно заведенъ быть рано или поздно во всѣхъ человѣческихъ обществахъ.

Положимъ на время, что форма Англійскаго Правленія не произошла отъ случайнаго стеченія разныхъ счастливыхъ обстоятельствъ, а заведена по распоряженному плану человѣка, открывшаго заранѣе и по разсужденію всѣ выгоды, которыя, какъ

(*) По учрежденію дѣлъ въ Англіи распущеніе Парламента со стороны Короны есть ничто иное, какъ апелляція къ народу, или къ другому Парламенту.

опытъ насъ научилъ, должны отъ него произойти. Когдабъ надобно было представить ихъ людямъ, могущимъ судить о томъ, что сей человѣкъ долженъ былъ имъ предложить, то конечно сталъ бы онъ имъ говорить почти слѣдующимъ образомъ:

„Нѣтъ ничего, сказалъ бы онъ имъ, мечтательнѣе состоянїя совершеннаго равенства, или совершенной вольности между „людьми. Во всякомъ человѣческомъ обществѣ „возникнетъ по необходимости какая нибудь „власть. Сїя власть, бывъ постепенно ввѣряема всё меньшему числу людей, достанется напослѣдокъ всё по той же необходимости въ руки одного Правителя; и сїи два „дѣйствїя, которымъ Исторїя представляетъ „повседневные примѣры, происходя отъ властолюбїя одной части людей, и отъ разныхъ расположенїй и страстей другой, совершенно неизбѣжны.“

„И такъ допустимъ это зло вдругъ, „поелику не возможно его избѣгнуть. Поставимъ себѣ Начальника, потому что рано или поздно надобно будетъ его имѣть: „мы тѣмъ упредимъ споры, которые произошли бы между соперниками, ищущими „сего достоинства. Но поставимъ особливо „одного только, опасаясь, чтобы одинъ изъ „многихъ, возвысясь постепенно на развали-

„нахъ своихъ совмѣстниковъ, не поставилъ „себя самъ, хотя бы мы на то соглашались, „или не соглашались по самымъ важнымъ „соображеніямъ.“

„Отдадимъ ему всѣ, что намъ можно „будетъ дать, не подвергая бѣдствію на„шей безопасности. Назовемъ его нашимъ „Государемъ; уполномочимъ его почитать „Государство свое вотчиною; напослѣдокъ „дадимъ ему такія личныя привиллегіи, ка„ковыхъ не могъ бы ни одинъ изъ насъ на„дѣяться когда-либо достигнуть; то и „увидимъ, что казавшееся намъ сперва вели„кимъ нещастіемъ, есть дѣйствительно „источникъ выгодъ для общества. Мы тѣмъ „„лучше будемъ въ состояніи положить пре„дѣлы власти, которую такимъ образомъ „утвердимъ въ одномъ пунктѣ; тѣмъ лучше „побудимъ того, кому доставимъ столь мно„го выгодъ, вѣрно исполнять свою долж„ность; и такимъ образомъ сдѣлаемъ его „для каждаго изъ насъ сильнымъ покрови„телемъ внутри, а для всего общества за„щитникомъ отъ внѣшнихъ враговъ, непод„лежащимъ никакому искушенію измѣнить „Государству.“

„Вы примѣтите также (продолжалъ „бы сей человѣкъ), что около того или тѣхъ, „которымъ поручена публичная власть во

„всѣхъ Государствахъ, естественно возни-
„каетъ классъ людей, хотя неимѣющихъ
„существеннаго участія въ сей власти, но
„раздѣляющихъ блескъ ея, и которые по-
„тому самому, что хотятъ быть отличе-
„ны отъ прочаго общества, дѣлаются от-
„личнымъ его классомъ: а сіе отличіе, хо-
„тя только мнимое, и сперва пріобрѣтенное
„подлогомъ, становится напослѣдокъ источ-
„никомъ несносныхъ дѣйствій.“

„И такъ умѣримъ и это зло, когда
„уже не можно отвратить его совершенно.
„Учредимъ этотъ классъ людей, который
„безъ того веществовалъ бы между нами
„безъ нашего вѣдома, и нечувствительно пріо-
„брѣлъ бы самыя вредныя привиллегіи; да-
„димъ ему сіи видимыя и несомнѣнныя от-
„личія, которыхъ свойство и обширность
„будутъ такимъ образомъ лучше извѣстны,
„и потому менѣе будетъ вѣроятности, что
„они сдѣлаются напослѣдокъ опасными.
„Симъ же средствомъ мы лишимъ другихъ
„надежды похитить сіи отличія; и какъ
„не довольно уже будетъ впредь домогаться
„оныхъ, чтобъ по сему домогательству по-
„лучить право ихъ достигнуть, то отъ
„сего послѣдуетъ, что каждый человѣкъ,
„который не включенъ именно въ сей отлич-
„ный классъ, долженъ будетъ навсегда
„признавать самъ себя народнымъ челове-

„комъ. Напослѣдокъ, какъ я сказалъ вы-
„ше, выбрать себѣ Государя, для того чтобъ
„не имѣть ихъ 50, такъ теперь гово-
„рю, учредимъ 300 вельможъ, чтобъ не
„имѣть десяти тысячь Ноблей.“

„Впрочемъ, гордости нашей будетъ сно-
„снѣе такое превосходство, котораго оспори-
„ванїемъ не станетъ она уже заниматься.
„Тѣ самые, которымъ доставлена будетъ
„сїя выгода, видя, что мы первые призна-
„емъ оное, не почтутъ себя принужденны-
„ми быть нахальными, чтобъ намъ дока-
„зать его. Какъ они увѣрены въ своихъ
„привиллегїяхъ, то всякая насильная мѣра
„съ ихъ стороны для сохраненїя, или по
„меньшей мѣрѣ для распространенїя оныхъ,
„будетъ имъ возбранена. Они никогда не
„станутъ составлять заговоровъ съ боль-
„шимъ жаромъ, развѣ только въ томъ слу-
„чаѣ, когда будутъ дѣйствительно имѣть
„причину почитать себя въ опасности; а
„потому самому, что сдѣлаемъ ихъ безспорно
„великими, вѣроятно, что часто будутъ они
„поступать, какъ скромные и добродѣтель-
„ные граждане.“

„Напослѣдокъ сїи вельможи, соединен-
„ные въ правильное собранїе, составятъ
„среднее общество въ Государствѣ, то есть
„весьма полезную часть Правленїя.“

„За тѣмъ (продолжалъ бы нашъ законо-
„датель) надобно имѣть намъ вліяніе и на
„Правленіе. Это нужно для безопасности
„нашей, а не менѣе и самаго Правленія.
„Но опытъ конечно показалъ вамъ, что боль-
„шее множество людей не можетъ дѣйство-
„вать, если не будетъ, хотя того не знаетъ,
„орудіемъ намѣреній малаго числа; и что
„власть народа есть ничто иное, какъ
„власть нѣсколькихъ Начальниковъ партій,
„которые умѣли захватить ея употребленіе
„въ свои руки, хотя весьма часто не льзя
„сказать, когда или какъ.“

„И такъ упредимъ и сіе неудобство.
„Сдѣлаемъ явно то, что иначе сдѣлалось бы
„скрытно. Ввѣримъ нашу власть, пока она
„еще не похищена у насъ хитростію. Тѣ,
„которыхъ именно такимъ образомъ сдѣла-
„емъ ея блюстителями, освободясь отъ без-
„покойства сохранить оную для себя, будутъ
„только стараться сдѣлать ее полезною.
„Они тѣмъ болѣе будутъ насъ бояться, что
„не были принуждены насъ обманывать; и
„вмѣсто малаго числа Правителей, которые
„думалибъ, что всей важности своей до-
„стигли своимъ проворствомъ, будемъ имѣть
„Депутатовъ, отъ которыхъ можно требо-
„вать отчета въ безпорядкахъ Государства.“

„Но болѣе всего, составляя такимъ об-
„разомъ наше Правленіе изъ малаго числа

„особъ, мы упредимъ ту опасность, чтобы „всякой безпорядокъ, какой могъ бы въ немъ „случиться, не сдѣлался когда нибудь всеоб„щимъ. Сверхъ того мы сдѣлаемъ его спо„собнымъ къ соображенїямъ и неоцѣненнымъ „средствамъ, невозможнымъ во всѣхъ Пра„вленїяхъ, гдѣ безпорядокъ не можетъ быть „ни чѣмъ инымъ, какъ бунтомъ и замѣша„тельствомъ."

„Словомъ, лишая себя именно такой „власти, которою пользовалися бы мы только „по видимому, будемъ имѣть право дѣлать „условїя за себя самихъ; мы потребуемъ, „чтобъ наша польность была умножена; „предоставимъ себѣ особливо бдѣть и надзи„рать за такимъ Правленїемъ, которое бу„детъ учреждено только съ нашего согласїя. „Хотя мы будемъ только зрителями, однако „тѣмъ лучше увидимъ недостатки; хотя „не будемъ имѣть въ немъ никакого участїя, „однако тѣмъ лучше исправимъ ихъ (*)."

(*) Онъ могъ бы присовокупить; „какъ мы станемъ „стараться не противиться природѣ, а скорѣе по„слѣдовать ей: то можно будетъ намъ доставить „себѣ кроткое законодательство: не станемъ безъ „причины безпокоиться о власти одного человѣка; „не надобно будетъ ни *Тарпейской горы*, *ни Совѣ„та Децемвировъ*: позволя именно народу изслѣ-

Какъ Англiйская Конституцiя основана на описанныхъ нами теперь началахъ, то и не льзя сдѣлать никакого вѣрнаго сравненiя между ею и Правленiемъ всякой другой земли; а поелику она не только сохраняетъ вольность подданныхъ, но и доставляетъ удовольствiе во всѣхъ отношенiяхъ общее и гораздо превосходнѣе того, какимъ пользуются въ другихъ Правленiяхъ; то это одно уваженiе, безъ другихъ, должно заставить заключать, что она вѣроятно будетъ и прочнѣе.

Изъ сего видно, какъ удивительно сохранилась она посреди возмущенiй толь общихъ, что ея разрушенiе казалось сперва неизбѣжнымъ. Она была возстановлена послѣ войны между Генрихомъ III и его Баронами, послѣ похищенiя Генриха IV, и послѣ продолжительныхъ и кровопролитныхъ распрей между Домами Iоркскимъ и Ланкастерскимъ: хотя по видимому совершенно было разрушено послѣ нещастнаго приключенiя съ Карломъ I; но сколь ни старались вмѣсто ея ввести другую форму Правленiя, однако по возвращенiи Карла II

„дывать поведенiе Правленiя и стараться попра„влять оное; не будутъ намъ надобны ни Госу„дарственныя тюрьмы, ни шпiоны.“

сія Конституція немедленно возстановлена на прежнихъ своихъ основаніяхъ.

Между тѣмъ какъ не случившееся въ одно время можетъ случиться въ другое, то статься можетъ, что будущія революціи (произшествія, которыхъ не можетъ совершенно отвратить никакая форма Правленія) кончатся инымъ образомъ, нежели какъ прежде. Новыя соображенія могли бъ послѣдовать между властями, которыя распорядили бъ тогда Государствомъ, коихъ свойство было бъ таково, что они препятствовали бъ возстановленію Конституціи на прежнихъ и истинныхъ основаніяхъ, когда бъ тишина напослѣдокъ доставлена была націи; и конечно весьма отважно было бъ утверждать, что не только внѣшняя форма, но и прямой духъ Англійскаго Правленія выдержали бъ удары, если настали опять тѣ же опасности, которымъ были они подвержены въ прежнія времена.

Скажу болѣе: гибельныя перемѣны, о которыхъ мы говоримъ, могутъ быть введены въ мирныя времена, или по крайней мѣрѣ средствами по видимому конституціональными. На примѣръ, какая нибудь особенная партія можетъ воспользоваться слабымъ характеромъ или оплошностію какого нибудь Короля: можно предубѣдить народъ, и употребить его предубѣжденіе къ тому,

чтобъ онъ способствовалъ къ такимъ мѣрамъ, которыя обратятся ему въ пагубу; планы видимой реформы въ Конституціи, представленные людьми, незнающими истинныхъ началъ и основаній Правленія, могутъ произвести дѣйствія совсѣмъ противныя тѣмъ, каковыхъ надѣялись, и дѣйствительно пріуготовить гибель сего Правленія (*).

(*) Вмѣсто того, чтобъ искать началъ Политики въ истинномъ источникѣ, т. е. въ свойствѣ человѣческихъ страстей и въ существѣ тайныхъ связей, соединяющихъ людей въ общество, поступали съ этою наукою такимъ же образомъ, какъ поступлено съ Физикою во времена Аристотелевы, прибѣгая безпрестанно къ сокровеннымъ причинамъ и къ такимъ началамъ, изъ которыхъ не можно было вывести полезныхъ слѣдствій. Такимъ образомъ, чтобъ основать особенныя положенія, умышленно употребили слово *Конституція* въ личномъ смыслѣ, какъ-то въ сихъ выраженіяхъ: *Конституція требуетъ*, *Конституція запрещаетъ* и проч. Въ другія времена прибѣгали къ роскоши, чтобъ изъяснить нѣкоторыя произшествія; въ другія къ сокрытѣйшей причинѣ, которую называли *порчею*. На тотъ же конецъ взяты еще и многія сравненія изъ человѣческаго тѣла. Недостатки сего рода встрѣчаются повсечасно въ сочиненіяхъ *Монтескье*, хотя человѣка такъ великаго ума, и изъ сочиненій ко-

Корона съ другой стороны можетъ пріобрѣтеніемъ иностранныхъ владѣній получить такую независимость отъ народа, которая была бы бѣдственна; и еслибъ (чтобъ не раздроблять болѣе вещей) потребовали отъ меня, чтобъ я означилъ главныя произшествія, которыя, буде бы случились, причинилибъ безпосредственную гибель Англійскаго Правленія, то я отвѣчалъ бы, что Англійское Правленіе прекратится, когда или Корона не будетъ болѣе зависѣть отъ націи въ разсужденіи своихъ субсидій, или народные Депутаты начнутъ раздѣлять исполнительную власть (*).

тораго можно получить много свѣденій. Да и не одна темность Политическихъ Писателей, и невозможность употребить ихъ умозрѣнія на практикѣ, должны доказать намъ, что есть особенныя и необычайныя трудности въ изслѣдованіи Политическихъ истинъ. Чрезвычайное затрудненіе, какое испытываютъ вообще самые искусные люди, когда предпринимаютъ разсмотрѣть какой нибудь отвлеченный Политическій вопросъ, равномѣрно оправдываетъ сіе примѣчаніе и даетъ намъ знать, что истинныя и первыя начала сей науки находятся во глубинѣ сердца и разума человѣческаго.

(*) И еслибъ когда нибудь въ Англійской Конституціи должна была послѣдовать опасная перемѣ-

ГЛАВА XX.

Нѣкоторыя идеи о тѣхъ попыткахъ, какія можно было бъ сдѣлать въ разныя времена къ уменьшенію власти Короны, и о непріятныхъ слѣдствіяхъ, какія произошлибъ отъ того.

Власть Англійской Короны утверждена на корняхъ гораздо глубокихъ и многочисленнѣйшихъ, нежели вообще думаютъ, какъ о томъ уже упомянуто въ одной изъ предшедшихъ Главъ; и нѣтъ причины опасаться, чтобъ въ обыкновенныя мирныя времена лишилась она какой нибудь существенной отрасли своихъ прерогативъ, по однимъ умозрительнымъ разсужденіямъ, какими занимаются Политики. Однакожъ не совсѣмъ несбыточно, чтобъ по стеченію разныхъ обстоятельствъ не могло случиться что нибудь подобное. Вопервыхъ моглибъ воспользоваться малолѣтствомъ или неопытностію и ошибками сѣдящаго на Престолѣ; чему

на, которой гибельнаго слѣдствія народъ не могъ бы вдругъ усмотрѣть, то покушенія, учиненныя противъ вольности тисненія и власти присяжныхъ, моглибъ служить ему сигналомъ тревоги.

есть достопамятный примѣръ въ Правленіе Георга Iго, когда биля, которою назначали для переду число Перовъ, разсматривана въ Нижней Каморѣ, куда прислали ее изъ Верхней, гдѣ она была утверждена. Король зналъ тогда такъ мало свою пользу и Конституцію того Правленія, въ которое призванъ былъ предсѣдательствовать, что повѣря партіи, желавшей, чтобъ биля состоялась, будто Нижняя Камора отвергала ее только въ томъ предположеніи, что она ему не угодна, согласился послать сказать ей, что это мнѣніе неосновательно, и что если она согласится на ту билю, то и онъ дастъ свое соизволеніе (*). Судя по важнымъ слѣдствіямъ, какія должны были произойти отъ такой били, случай этотъ конечно весьма замѣчателенъ (**).

Сверхъ особенныхъ невыгодъ, какія можетъ испытать Государь, защищая свои права, могутъ случиться другія неудобства, какъ-то продолжительныя роптанія народа на нѣкоторыя злоупотребленія въ Министерствѣ. Публика, стараясь тогда вообще и о поправленіи тѣхъ злоупотребленій, на ко-

---

(*) Смотри Собраніе *преній Парламентскихъ.*

(**) О сей били говорено выше.

торыя жалуются, и отвращенїи подобныхъ для переду, желалабъ можетъ быть, чтобъ у Короны отнята была та прерогатива, которая подала къ нимъ поводъ. Всѣ духи имѣлибъ тогда общее расположенїе согласиться на такїя насильственныя мѣры, еслибъ оные произведены были въ дѣйство. Но при томъ не разсудилибъ, что отъ того, что отнялибъ у Короны часть власти, причиняющую роптанїе въ публикѣ, произошлобъ только то дѣйствїе, что она былабъ перенесена изъ своего мѣста въ другое, и ввѣрена новымъ людямъ, которые по всей вѣроятности сдѣлалибъ изъ нее большее злоупотребленїе, нежели имѣвшїй ее прежде.

Вообще можно положить за правило, что во всякомъ родѣ Правленїя надобно, чтобъ какая нибудь власть тамъ оказывалась и была гдѣ нибудь утверждена; если Конституцїя не принимаетъ Короля, то верховная власть находится въ рукахъ Градоначальниковъ. Если же Правленїе напротивъ того Монархическое, хотя и ограниченное, то прерогативы, отнятыя у Государя, всѣ должны однакожъ существовать и достаться послѣ Сенату, или Собранїю вельможъ нацїи, какъ бы его ни называли.

Такимъ образомъ въ Королевствѣ Шведскомъ, которое, потому что было ограни-

ченною Монархіею, можетъ представить примѣры, кои очень удобно приложить къ Правленію здѣшней земли; въ семъ Королевствѣ, говорю, находимъ, что право созывать Государственныхъ Чиновъ (или Парламентъ) было отнято у Короны; но въ то же время можно замѣтить, что Шведскіе Сенаторы присвоили его себѣ. Я хочу говорить о томъ Шведскомъ Правленіи, какое было до послѣдней революціи.

Прерогатива, какую имѣли Короли Шведскіе, опредѣлять къ должностямъ и мѣстамъ, была также весьма сокращена. Но чего недоставало Королевской власти, то имѣлъ Сенатъ; онъ имѣлъ право назначать трехъ человѣкъ на каждое вакантное мѣсто, и Король долженъ былъ выбирать одного изъ нихъ.

Король Шведскій имѣлъ ограниченную только власть прощать преступленія; но Сенатъ и тутъ имѣлъ то, чего недоставало въ этой привиллегіи. Онъ назначалъ двухъ человѣкъ, безъ согласія которыхъ Король не могъ никого уволить отъ заслуженнаго наказанія.

Англійскій Король имѣетъ исключительную власть, относительно къ дѣламъ иностраннымъ, къ войнѣ, миру, трактатамъ

и проч., ко всему касающемуся до военныхъ дѣлъ; ибо сухопутное войско, флотъ и прочее находятся въ его распоряженіи. Король Шведскій не имѣлъ ни одной изъ сихъ великихъ прерогативъ: но онѣ не менѣе того существовали. Все, что имѣло отношеніе къ вышеозначеннымъ дѣламъ, производилось въ Сенатѣ, рѣшено было большинствомъ голосовъ. Королю надлежало сообразоваться съ тѣмъ, и у него была одна только та привиллегія, что онъ имѣлъ два голоса (*).

(*) Шведской Сенатъ состоялъ обыкновенно изъ шестнадцати Членовъ. — По дѣламъ маловажнымъ составлялъ онъ два Корпуса, изъ которыхъ въ каждомъ надлежало быть по семи Членовъ, чтобъ сдѣлать дѣйствительными дѣла, производившіяся въ нихъ. Когда же вопросъ настоялъ о важномъ какомъ дѣлѣ, то оба Корпуса соединялись и составляли цѣлой Сенатъ: надобны были двѣ Каморы, чтобъ дать силу совѣтованіямъ. Когда Король не могъ или не хотѣлъ при нихъ присутствовать, то Сенатъ на то не смотрѣлъ, и рѣшилъ дѣла также большинствомъ голосовъ.

Какъ нужна была печать Королевская для исполненія того, что Сенатъ опредѣлилъ, то Адольфъ Фридерикъ, отецъ владѣющаго Короля, пытался отказомъ въ своей печати, пріобрѣсть ту власть, которой не могъ доставить себѣ своимъ голосомъ,

Если поступимъ далѣе въ своихъ изслѣдованіяхъ по сей матеріи, то найдемъ, что Король Шведской не могъ возводить, кого хотѣлъ, на степень Сенаторскую, такъ какъ Король Англійскій можетъ жаловать Членами Тайнаго Совѣта; но Чины Шведскіе, въ собраніи которыхъ Дворянство пользовалось весьма большими выгодами, имѣли часть упомянутаго мною права вмѣстѣ съ Королемъ; и когда было ваканшное мѣсто въ Сенатѣ, то они назначали трехъ человѣкъ, изъ которыхъ Король долженъ былъ выбрать одного.

Король Англійскій можетъ во всякое время отставить своихъ Министровъ отъ должностей. Король Шведскій не могъ такъ поступать; но Сенатъ напротивъ того имѣлъ это право и могъ отнимать должность у Сенаторовъ и у всѣхъ особъ, имѣвшихъ участіе въ Правленіи.

и такимъ образомъ остановить рѣшеніе Сената. — По сему случаю происходили большіе споры, которые продолжались нѣсколько времени. Но наконецъ въ 1756 году Король принужденъ былъ уступить Сенату, который приказалъ сдѣлать печать, названную *Королевскою печатью*, и прикладывалъ ее къ своимъ постановленіямъ, когда Король не хотѣлъ дать своей. —

Король Англiйскiй имѣетъ власть распустить, или по своей волѣ продолжить собранiе своего Парламента. Король Шведскiй не имѣлъ этой власти; но Чины могли сами продолжить время своихъ засѣданiй по своему благоразсужденiю.

Люди, которые думаютъ, что прерогативы Королевскiя не могутъ не быть ограничены, и что власть теряетъ свое вліяніе надъ расположенiями и видами имѣющихъ ее, смотря по имени, которымъ изъясняютъ должности, доставляющiя оную; такiе люди, говорю, могутъ конечно быть довольны тѣмъ, когда сiи отрасли власти, отнятыя у Короля, будутъ розданы по разнымъ классамъ и раздѣлены между народными Депутатами: но разсуждающiе, что власть не бываетъ никогда лучше ограничена и обуздана, какъ когда она соединена въ одной и нераздѣлимой точкѣ, которая содержитъ нацiю въ почтенiи; знающiе, что имена ни мало не перемѣняютъ существа вещей; что народные Депутаты, коль скоро получатъ неограниченную власть, становятся *потому самому* Государями; сiи люди, говорю, не почтутъ хорошимъ того учрежденiя въ древней Конституцiи Шведской, которымъ Король лишенъ былъ прерогативъ, принадлежавшихъ прежде Коронѣ, *для того* чтобъ отдать ихъ Сенату или народнымъ

Депутатамъ, и что такимъ образомъ в вѣрена была часть должностей общенародной власти тѣмъ самимъ людямъ, которыхъ истинный долгъ былъ единственно за нею надзирать и удерживать ее въ точныхъ предѣлахъ.

Усердіе о пользѣ общей, видимое во всѣхъ состоянїяхъ, должно приписать нераздѣлимости верховной власти въ Англіи; и оттуда происходитъ, какъ естественное слѣдствіе, та вольность, которою пользуются всѣ подданные, какого бы званія ни были. Это примѣчаніе видно во всемъ теченіи сего сочиненія. Малѣйшее разсужденіе о человѣческомъ сердцѣ сильно убѣдитъ насъ, что оно справедливо, и въ то же время доказываетъ, сколь опасно былобъ дѣлать въ нынѣшней Конституціи перемѣны, отъ которыхъ сія ревность къ общему благу могла бы ослабѣть; если не будемъ при томъ побуждены думать, что природа пристрастною рукою дѣлаетъ людей сего острова совсѣмъ изъ инаго состава, а не изъ самолюбія и властолюбія, изъ которыхъ производила она ихъ всегда въ другихъ земляхъ (*).

(*) Можно сдѣлать Уставы, которые по слѣдствіямъ своимъ рушатъ равновѣсіе въ Государствѣ, хотя бы предлагающіе ихъ и не предвидѣли этой

Но опытъ прошедшаго отнюдь не позволяетъ намъ послѣдовать такой пріятной идеѣ. Проходя Исторію сей земли, увидимъ въ ней, что стараніе, принимаемое законодателями о благоденствіи подданныхъ, было всегда соразмѣрно тѣмъ обстоятельствамъ,

---

цѣли. Когда въ первомъ вѣкѣ состоялась биля, которою учреждено было, чтобъ Корона отказалась отъ прерогативы распустить собранный тогда Парламентъ, то народъ вообще совсѣмъ не помышлялъ о непріятныхъ слѣдствіяхъ, долженствовавшихъ отъ того произойти. Самъ Король не ощущалъ большаго опасенія по сему случаю, иначе не далъ бы своего соизволенія: а Нижняя Камора, какъ кажется, имѣла только слабое понятіе о большой перемѣнѣ, какую должна была произвести сія биля въ положеніи политическихъ дѣлъ.

Когда Шведская Корона въ первой разъ лишена всѣхъ разныхъ прерогативъ, упомянутыхъ нами, то не видно, чтобъ это совершилось скоро и явно; а вѣроятно всё было заранѣе пріуготовлено скрытыми постановленіями, сдѣланными въ пору, и которыхъ цѣль едва могъ ли кто нибудь предвидѣть во время ихъ составленія.

Когда дѣло шло о биля упомянутой выше, которою должно было впредь ограничить Верхнюю Камору нѣкоторымъ числомъ Членовъ, коего не надлежало никогда преступать, то едва дѣлалъ

въ каковыхъ они находились. Когда по малолѣтству, или слабому расположенію владѣтельнаго Государя, начинали отдалять страхъ верховной власти, то немедленно оставляли болѣе или менѣе общее дѣло, а домогательство о пріобрѣтеніи уваженія и прибыточ-

---

ли кто нибудь вниманіе на великія слѣдствія, долженствовавшія произойти отъ сей били для Конституціи. Самъ Король не видѣлъ въ томъ никакого неудобства; ибо публично послалъ посланіе, чтобъ ускорить утвержденіе оной: поступокъ, не могу сказать, до какой степени неправильный и достойный порицанія. Эта биля, какъ кажется, была одобряема всею Публикою. Участь ея оставалась долго сомнительною въ Нижней Каморѣ, которая и тѣмъ не пріобрѣла себѣ много славы у большей части націи, что напослѣдокъ отвергла ее: и Судья Блакстонъ, какъ нахожу въ его толкованіяхъ, кажется, не много разсуждалъ о сей били и ея отверженіи; ибо довольствовался только примѣчаніемъ, что Нижняя Камора „не желала „иного, какъ оставить дверь Верхней Каморы сколь„ко возможно отверстою.“ Между тѣмъ никогда не предлагали въ Парламентѣ били важнѣе этой для Конституціи, поелику изданіе оной избавилобъ Верхнюю Камору, какъ въ судебной, такъ и законодательной власти, отъ всякаго препятствія относительно къ Правленію со стороны и Короля и націи. Да и нѣтъ сомнѣнія, чтобъ со

ныхъ должностей заступало мѣсто патрïотизма. Когда при владѣнïи Карла I власть Короны была на время совсѣмъ помрачена, то тѣ самые люди, которые дотолѣ говорили только о большой грамотѣ и вольности, старались тотчасъ попирать ихъ обѣихъ ногами въ виду Публики.

Какъ послѣ того времени древняя Конституцïя Правленïя возстановлена, то съ большимъ жаромъ и усердïемъ защищали великïе оплоты вольности; но если иногда дѣлали пристрастные или ложные уставы, а особливо послѣ революцïи въ 1675 году; если оставлены въ силѣ нѣкоторыя злоупотребленïя, вредныя нѣкоторымъ классамъ людей (дѣянïя, которыхъ истины не намѣ-

---

временемъ не пріобрѣла она права избирать своихъ Членовъ, хотя безполезно былобъ показать здѣсь, какимъ сцѣпленïемъ промежуточныхъ произшествій моглобъ это совершиться. Имѣлиль подлинно такое намѣреніе изобрѣтатели сей били, того не видно; но нѣкоторое число Членовъ сей Каморы вздумалибъ это скоро, еслибъ помянутая биля состоялась, и они конечно успѣлибъ, еслибъ только имѣли терпѣніе дожидаться. — Отъ того послѣдовалибъ другïя перемѣны, равно важныя въ существѣ, а можетъ быть и во внѣшней формѣ Правленïя. —

рекъ я здѣсь доказывать), то конечно найдено будетъ, что сіи законы и сіи злоупотребленія были въ самомъ дѣлѣ таковы, что Члены законодательства знали заподлинно, что по всей вѣроятности ни они, ни друзья ихъ отъ нихъ не постраждутъ.

Еслибъ по какому-либо новому уставу, который бы клонился къ ограниченію Королевской власти, или по какому нибудь внезапному перевороту въ Политическихъ дѣлахъ, частное какое нибудь общество, или классъ людей, пріобрѣли когда-либо нѣкоторую независимость и даже участіе въ Правленіи; то усердіе о благѣ общемъ и патріотизмъ какъ законодателей, такъ и вельможъ прекратились бы немедленно съ его дѣломъ; Аристократія же, какъ будто ожидавшая только сего случая, открылась бы вдругъ и распространилась въ Государствѣ.

Тѣ, которые теперь Министрами, былибъ тогда совмѣстниками Короны; тотчасъ пренебреглибъ законы, а вскорѣ потомъ доставилибъ ту же привиллегію и своимъ сообщникамъ.

Какъ въ то же самое время старались бы только о томъ, чтобъ сдѣлаться независимыми и повелѣвать другими, то актъ *Habeas corpus*, и вообще всѣ законы важные

для подданныхъ всякаго состоянія, и почитаемые ихъ оплотомъ, пришлибъ въ презрѣніе, сталибъ говорить объ нихъ только какъ о такомъ средствѣ, которое прилично сельскимъ жителямъ или простымъ гражданамъ: а скоро пересталибъ ихъ и уважать, потому что они наносилибъ помѣшательства благоразумнымъ и спасительнымъ новостямъ Сената.

Говорить, что подданные всякаго состоянія имѣютъ равное право собственности, и утверждать, что всякой человѣкъ свободенъ, былобъ такимъ предложеніемъ, которое почиталибъ заблужденнымъ, и надъ которымъ насмѣялся бы самъ Судья, сидя на своемъ мѣстѣ; а вольность тисненія, защищаемая теперь съ такою ревностію всѣми классами людей, былабъ вдругъ обезславлена и даже уничтожена, поелику служилабъ только къ поддержанію дерзости и гордости мятежной націи.

И не должно думать, что обманутому народу, котораго Депутаты защищаютъ его съ такимъ жаромъ противъ *нераздѣлимой* власти Короны, легко былобъ найти посреди сего опустошенія то, что ему любезнѣе всего, людей равно расположенныхъ обуздывать похитительную власть общества Дворянъ, пока видѣлибъ они возможность проложить и себѣ туда дорогу.

Уже былобъ не то время, въ которое народъ, каковыбъ ни были избранные имъ люди, зналъ заподлинно, что найдетъ ихъ всегда готовыми ревностно соединиться на охраненїе каждой важной отрасли публичной вольности. Какъ изъ довѣренности Публики происходилибъ тогда виды, клонящїеся къ пріобрѣтенїю себѣ какой нибудь отрасли власти, ко вреду подобныхъ себѣ, не смотря на законы; то случилось бы, что народъ находилъ бы вездѣ только измѣнниковъ, гдѣ искалъ бы служителей. Заражая, такъ сказать, все, до чего ни дотрогивается, доставлялъ бы онъ человѣку выгоды для истребленїя въ немъ усердїя къ общему благу, и чтобъ повторить сказанное мною въ предшедшей Главѣ: „возвышая человѣка, вну„шилъ бы ему скоро виды явно противные „своимъ собственнымъ, и послалъ бы его умно„жить число своихъ непрїятелей.“

Всѣ сїи уваженїя показываютъ съ нѣкоторою убѣдительностїю, сколь нужно употреблять крайнюю осторожность въ трудномъ предпрїятїи полагать новыя предѣлы Правленїю. И такъ пусть часть народа, весьма мало свѣдущая, которой усердїе должно поддерживать видимыми предметами, почитаетъ Корону, буде хочетъ, за источникъ золъ, которымъ онъ подверженъ. Ложные предразсудки такихъ людей не столь

страшны, какъ равнодушіе по дѣламъ политическимъ, и скорѣе согласятся они, чтобъ ими управляли, нежели чтобъ ихъ разбудили. Но просвѣщеннѣйшіе въ народѣ пусть въ то же время помнятъ непрестанно, что Конституція содержится только совершеннымъ равновѣсіемъ, цѣпью, которая соединяетъ власть съ вольностію.

Умудрясь примѣромъ многихъ другихъ націй, и находящимися въ самой Исторіи сей земли, пусть народъ, въ жару своихъ споровъ за вольность, старается всегда достигать только цѣли и, не поступая никогда далѣе, довольствоваться тѣмъ, что положитъ границы Правленію, не раздѣляя онаго на столь многія различныя отрасли.

Посреди тревогъ, какія можетъ въ нѣкоторыя времена причинить власть Короны, дѣйствительно устрашительная, должно помнить съ одной стороны, что и власть Тудоровъ была ограничена и напослѣдокъ уничтожена; а съ другой почитать за коренное правило, что всякой разъ, когда перспектива личной власти и независимости отъ начальства въ Правленіи представится глазамъ Членовъ Законодательства, или тѣхъ вообще, къ которымъ народъ долженъ имѣть довѣренность, не льзя будетъ уже ничего болѣе надѣяться. Голланецъ, среди бури, хотя пола-

гается на извѣданную крѣпость оплотовъ, охраняющихъ его, однакожъ конечно содрогается, взглянувъ на ужасную стихію, его окружающую; но всѣ его земляки почитали себя погибшими, когда черви завелись въ сваяхъ (*).

(*) Можно по неосторожности ввести новыя формы, вредныя истинной Конституціи Государства, также какъ можно примѣшать къ религіи ложные предразсудки и обряды, описанные мною въ сочиненіи, названномъ: *Записка о суевѣріи людей*; и тѣмъ испровергнуть цѣль онаго.

ГЛАВА XXI.

Нѣкоторыя примѣчанїя на право налагать подати, принадлежащее Депутатамъ народа. Какимъ неудобствамъ можетъ быть подвержено сїе право.

Большая часть людей, или по меньшей мѣрѣ Политики почитаютъ, кажется, право налагать на себя подати, какимъ пользуется Англїйская нацїя, только средствомъ предохранить собственность человѣка отъ покушенїя Короны; а на то не смотрятъ, что всего благороднѣе въ сей привиллегїи, и не видятъ, какъ далеко простирается ея вліянїе.

Право, которое имѣетъ народъ въ Англїи, давать субсидїи Коронѣ, есть ограда всѣхъ прочихъ его прерогативъ, какъ духовныхъ, такъ и гражданскихъ: это есть правильное средство, которое даетъ ему Конституцїя, имѣть вліянїе на поступки исполнительной власти, и составляетъ ту связь, которая соединяетъ сїю послѣднюю. Словомъ, сїя привиллегїя служитъ ему вѣрнымъ залогомъ, что Государь, который можетъ распустить его Депутатовъ по произволенїю, не вздумаетъ никогда управлять безъ ихъ помощи.

Еслибъ, по непредвидимымъ случаямъ, Корона могла не зависѣть уже отъ народа въ разсужденіи субсидій; то ея прерогатива такъ обширна, что съ той минуты рушились бы всѣ средства, какія имѣетъ нація охранять свою вольность; не осталось бы ей ничего инаго, какъ прибѣгнуть къ насилію, средству, весьма непріятному и невѣрному, и впрочемъ такому праву, которымъ пользуются и самые невольные народы.

Положимъ, напримѣръ, что происходятъ такія злоупотребленія въ Правительствѣ, которыя внезапною перемѣною, или совсѣмъ новыми методами поколебалибъ основаніе вольности подданныхъ; народъ, скажутъ, взялъ бы тогда прибѣжище къ законодательной власти, которую имѣютъ его Депутаты; они сдѣлалибъ при первомъ случаѣ употребленіе изъ своихъ правъ, и составилибъ били для отвращенія подобныхъ злоупотребленій впредь: но здѣсь должно примѣтить, что согласіе Государя нужно на узаконеніе ихъ билей; а еслибъ, какъ мы предположили, не имѣлъ онъ надобности въ помощи Нижней Каморы, то какъ пріобрѣлабъ она его согласіе на законы, сдѣланные нарочно къ уменьшенію его власти?

Положимъ еще, что вмѣсто того чтобъ довольствоваться доходить тихими шагами

къ Деспотизму, имѣющій исполнительную власть или его Министры захотѣлибъ вдругъ утѣснить вольность подданныхъ; что всѣ люди полезные Публикѣ, типографщики, на пр. былибъ истреблены мечемъ, или чтобъ сдѣлать это съ большимъ видомъ правосудія, преданы суду: тогда, скажутъ, Депутаты народные сталибъ отыскивать содѣтелей такихъ поступковъ. Хотябъ не могли они себѣ позволить нападать лично на Короля, не подсуднаго никакому Трибуналу, однако арестовалибъ по меньшей мѣрѣ тѣхъ, которые были безпосредственными орудіями тиранническихъ его поступковъ, и старались бы, подвергая ихъ достойному наказанію, устрашить для переду всѣхъ Судей или Министровъ, которые хотѣлибъ ему подражать. Я согласенъ на все это; присовокуплю даже, что въ обстоятельствахъ, въ какихъ находятся теперь Депутаты народа, и имѣя дѣло съ Государемъ, который не можетъ пользоваться никакою привиллегіею безъ ихъ помощи, весьма вѣроятно, что они успѣлибъ въ предпріятіяхъ толь похвальныхъ. Но еслибъ, напротивъ того, Король, какъ мы предположили, не имѣлъ нужды въ ихъ пособіи, и зналъ сверхъ того, что никогда не будетъ въ этомъ случаѣ, то не натурально думать, чтобъ онъ остался спокойнымъ зрителемъ ихъ поступковъ. Сіи самыя обвиненія, на-

чашія ими такимъ образомъ, былибъ сигналомъ ихъ распущенія, и Король поспѣшилъ бы, отпуская каждаго во свояси, отмстить за то, что называлось бы дерзостью Нижней Каморы, и успокоить своихъ Министровъ.

Но это еще пустыя предположенія: зло распространилось бы гораздо далѣе, и мы можемъ быть увѣрены, что еслибъ Корона была когда-либо въ состояніи управлять безъ помощи Депутатовъ народныхъ, то она распустилабъ ихъ навсегда, и освободилась бы такимъ образомъ отъ собранія, которое, будучи препятствіемъ ея власти, было бы ей уже безполезно. Это покушался сдѣлать Карлъ I, когда увидѣлъ, что его Парламентъ начиналъ бунтовать; а Короли Французскіе дѣйствительно такъ поступили съ Генеральными Штатами своего Королевства.

И въ самомъ дѣлѣ, если разсудимъ, сколь далеко простирается прерогатива Короля Англійскаго, особливо если замѣтимъ, что въ немъ совершенно заключается вся исполнительная и дѣятельная власть Государства; то найдемъ, что можно безъ увеличиванія сказать, что онъ имѣетъ довольно власти сдѣлаться такимъ же Деспотомъ, какъ Короли Французскіе, еслибъ не препятствовало тому право налагать на

себя подати, принадлежащее въ Англіи народу: и между Конституціею Французскою и Англійскою нѣтъ иной разности, кромѣ той, что въ первой Государь не можетъ получать благодѣянія отъ народа, ни быть затрудненъ въ своихъ мѣрахъ; а въ послѣдней, сколь ни обширна прерогатива Королевская, можно отказать ему въ средствахъ употреблять ее.

Но здѣсь должно сдѣлать весьма важное примѣчаніе, и я прошу Читателя заняться имъ на минуту. Это право давать субсидіи Коронѣ возможно въ одномъ только Собраніи. — Когда разныя Собранія властны порознь давать на нужды Государя, то дѣло принимаетъ совсѣмъ иной видъ. Соперничество, которое такъ легко заводится между двумя обществами, и даже одно убѣжденіе, какое имѣетъ каждое изъ нихъ въ своемъ безсиліи воспрепятствовать мѣрамъ Государя, не позволяютъ имъ дѣлать никакого употребленія изъ привиллегіи, данной имъ Конституціею. Сіи разные Парламенты, или Сшаты (чтобъ повторить примѣчаніе, сдѣланное мною въ первой Части сего сочиненія) „не имѣя инаго средства „выслужиться предъ своимъ Государемъ, какъ „соглашаясь со всевозможною скоростію на его „требованіе, поспѣшаютъ давать наперерывъ

„что, въ чемъ отказать не только безполезно, „но и опасно, и Король между тѣмъ станетъ „скоро требовать добровольнаго дара, какъ да„ни, будучи увѣренъ, что его получитъ.“ Словомъ, можно положить за правило, что когда Король долженъ зависѣть отъ многихъ Собраній, относительно къ субсидіямъ, то это почти все то же, какъ будто не зависитъ онъ ни отъ котораго. И подлинно Король Французскій потому только независимъ отъ своего народа въ разсужденіи нужныхъ расходовъ, что ими обязанъ онъ голосамъ разныхъ Собраній своихъ подданныхъ представителей: сіи послѣднѣе имѣютъ по видимому право отказывать во всѣхъ его требованіяхъ, и также какъ Англичане называютъ то, что даютъ своимъ Королямъ, помощію или субсидіями. Статы Французскихъ провинцій именуютъ ихъ *добровольными дарами.*

Какая же разность между политическимъ состояніемъ націй Французской и Англійской, когда права ихъ, кажется, одинаковы по наружности? Вотъ какая: въ Англіи всегда было одно только Собраніе, которое могло помогать, дополнять недостатки Монарха: что всегда держало его въ состояніи зависимости, не кажущейся, а существенной относительно къ субсидіямъ, которыя да-

ютъ ему Депутаты народные; и на какой бы степени упадка ни была вольность подданныхъ, всегда находили они въ семъ отношенїи самое сильное средство возстановить ее всякой разъ, когда почитали за нужное то сдѣлать. При Генрихѣ VIII, на примѣръ, деспотизмъ Короны распространенъ былъ чрезвычайно далеко: было даже постановлено, что Указы Государскїе будутъ имѣть силу законовъ, чего и во Францїи никогда не было объявлено такъ ясно. Между тѣмъ, коль скоро нацїя оставила это состоянїе безпечности, которое содержало ее въ разслабленїи чрезъ толь долгое время, то чрезвычайная власть Короны принуждена была войти опять въ свои границы.

Униженїе, въ какомъ всегда оставались народные Депутаты того Собранїя, которое называютъ во Францїи Генеральными Штатами, должно приписывать невыгодѣ ихъ положенїя.

Окружены будучи разными провинцїями, которыя составляли прежде сїе Королевство, никогда не были они въ состоянїи договариваться съ своимъ Государемъ; и вмѣсто того чтобъ симъ правомъ доставить себѣ напослѣдокъ участїе въ законодательствѣ, довольствовались они всегда незначущею привилегїею „покорныхъ прошенїй и представленїй.“

Между тѣмъ сіи Статы, которыхъ Членами были всѣ знатные Господа Франціи, начинали напослѣдокъ наносить безпокойство; и какъ въ то время Король могъ обойтись безъ ихъ вспоможенія, то они и уничтожены. Но и понынѣ удержаны разныя частныя Собранія провинцій; нѣкоторыя же возстановлены, ибо по нѣкоторымъ причинамъ были онѣ запрещены только на время. И Корона находила сіи народныя Собранія такъ покорными своей волѣ, когда имѣла надобность относиться ко многимъ, что сей родъ Правленія, о которомъ говорю, признанъ приличнѣйшимъ Корсикѣ; а потому и сдѣлался сей островъ *землею Статовъ* (*).

(*) Можно представить себѣ, какимъ образомъ Статы Бретаніи давали свою часть субсидій Государю при Лудовикѣ XIV, по забавнымъ чертамъ, находящимся въ письмахъ Гжи. Севинье, которой помѣстье было въ сей провинціи, и которая часто присутствовала въ Собраніи сихъ Статовъ. Это дѣло, казалось, не почитали важнымъ: во время засѣданія сего Собранія происходили пиры и забавы. Требованія Королевскія были очень часто разсматриваемы за столомъ вельможи, присланнаго отъ Двора для созванія Статовъ, и обыкновенно рѣшили все родомъ восклицанія. Въ одномъ изъ сихъ Собраній Статовъ Герцогъ *Шолнъ*, присланный отъ Двора вельможа,

Что Англійская Корона сдѣлается вдругъ независимою отъ Нижней Каморы относительно къ своимъ субсидіямъ, то есть, что съ успѣхомъ присвоитъ себѣ право налагать своевластно подати на подданныхъ, къ тому конечно нѣтъ большей вѣроятности; и это не должно наносить теперь никакого страха по дѣламъ политическимъ. Но не невѣроятно, чтобъ право народныхъ Депутатовъ не под-

---

успѣвъ въ требованіи Двора, получилъ въ подарокъ 50,000 ефимковъ для себя и весьма знатную сумму для Герцогини своей супруги; и Дама, о которой здѣсь упоминаю, оправдывая нѣкоторымъ образомъ довольно забавно сіи добровольные дары, говоритъ: *мы не богаты, но учтивы, щедры; и во время обѣденнаго стола не умѣемъ ни въ чемъ отказывать своимъ пріятелямъ.*

Можно примѣтить, что разныя Французскія Провинціи повинны платить разныя подати, кромѣ тѣхъ, которыя налагаютъ на нихъ собственные ихъ Сшаты. Деканъ Тукеръ въ одномъ изъ своихъ трактатовъ, въ которомъ разсудилъ за благо упомянуть о семъ сочиненіи, присовокупилъ къ вышепомянутому примѣру Французскихъ провинцій, примѣръ Собраній Австрійскихъ Нидерландовъ, который весьма доказателенъ. Въ томъ же намѣреніи можно бы привесть примѣры всѣхъ Европейскихъ Государствъ, въ которыхъ собираются провинціальные Сшаты.

вергнулось опасности, еслибъ оно раздѣлилось такъ какъ описано.

Это могло бы случиться разнымъ образомъ. На примѣръ, бѣдствія, приключившія-ся націи, нещастныя войны въ другихъ краяхъ, которыя лишилибъ Публику кредита, моглибъ внушить иные способы собирать нужныя субсидіи, нежели каковы были употребляемы дотолѣ. Раздѣлить Государство на нѣсколько Департаментовъ, изъ которыхъ каждый соглашался бы за себя на дачу субсидій, надобныхъ Коронѣ, или же обязать разныя Графства, составляющія теперь Англію, собирать свою долю порознь: вотъ средства, которыя былибъ почтены приличными, и когда одинъ разъ былибъ установлены, моглибъ остаться и послѣ.

Другое раздѣленіе сего народнаго права, могущее случиться еще вѣроятнѣе означеннаго нами, могло бы произойти отъ пріобрѣтенія владѣній въ чужихъ краяхъ, которыхъ жители просилибъ и напослѣдокъ достиглибъ права трактовать безпосредственно съ Короною, и давать ей субсидіи, не подвергаясь законамъ Великобританіи.

Еслибъ какія нибудь колоніи пріобрѣли помянутое нами право, еслибъ Американскія, напримѣръ, пріобрѣли его, такъ какъ

онѣ того требовали, то нѣтъ сомнѣнія, чтобъ такія же слѣдствія, какія произошли отъ подобнаго раздѣленія въ большей части Европейскихъ Королевствъ, не случились и въ Британскихъ владѣніяхъ, и чтобъ духъ соперничества, о которомъ мы говорили выше, не открылся со временемъ въ разныхъ колоніяхъ. Да сіе желаніе пріобрѣсть милость Короны, посредствомъ привиллегіи давать ей субсидіи, и признано явно Депутатомъ Американскихъ Провинцій (*), когда, будучи разспрашиванъ Нижнею Каморою въ 1766 году, сказалъ онъ, что Американцы *хотятъ давать субсидіи Коронѣ единственно для того, чтобъ снискать благоволеніе главы Государства.* И случившееся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Америкѣ доказываетъ, что колоніи не упустили ничего, чтобъ достигнуть полезныхъ условій на счетъ Англіи и ея законовъ.

По нѣкоторымъ произшествіямъ, случившимся недавно, довольно также видно, что такой духъ соперничества могъ бы распространиться и въ Ирландіи. А еслибъ Американскія колоніи удовлетворены были въ своихъ требованіяхъ, и еслибъ Ирландія и Америка умножили свои богатства до нѣко-

(*) Докторомъ Франклиномъ.

торой степени, то моглобъ настать то время, въ которое Корона управлялабъ Англіею субсидіями Ирландіи и Америки, Ирландіею податьми колоній, — а сіи послѣднія деньгами обѣихъ, Англіи и Ирландіи.

На все это можно былобъ возразить, что субсидіи, даваемыя колоніями, хотябъ соединились онѣ съ Ирландскими, не моглибъ никогда простираться такъ далеко, чтобъ перевѣсили кредитъ Нижней Каморы Парламента въ Англіи. Отвѣчаю вопервыхъ, что не нужно, чтобъ субсидіи, даемыя Ирландіею и колоніями, равнялись съ тѣми, которыя даетъ Англійскій Парламентъ; довольно для произведенія сказаннаго нами дѣйствія, чтобъ онѣ были въ нѣкоторой соразмѣрности съ сими послѣдними, столь важной, чтобъ могли доставить Коронѣ нѣкоторую степень независимости, и притомъ внушить Нижней Каморѣ взаимное чувство слабости ихъ несомнѣннаго права давать субсидіи, или, лучше сказать, *отказывать* въ субсидіяхъ Коронѣ. Надобно вспомнить здѣсь, что эта привиллегія, о которой я говорилъ, болѣе и важнѣе всѣхъ, какія имѣетъ Британскій Парламентъ. По Конституціи не имѣетъ онъ другой, какъ примѣчено въ началѣ сей Главы. Сіе утвержденіе надлежалобъ положить на вѣсы съ исполнительною и неотъемлемою властію,

какую имѣетъ Корона, съ ея пророгативою отвергать били, сдѣланныя Парламентомъ, и даже распускать его (*).

Вовторыхъ разскажу случай, достойный примѣчанія относительно къ предлагаемой мною матеріи (который докажетъ, что

(*) Будучи у Доктора Франклина на квартирѣ въ Кревенской улицѣ за нѣсколько мѣсяцовъ передъ его возвращеніемъ въ Америку, я сообщилъ ему нѣсколько примѣчаній, содержащихся въ сей Главѣ, и далъ замѣтить вообще, что требованія Американскихъ колоній совершенно противны кореннымъ началамъ Англійской Конституціи. Помню, что сіе замѣчаніе очень тронуло его. Это побудило его послѣ говорить со мною о допросѣ, сдѣланномъ ему въ Нижней Каморѣ; а въ концѣ разговора ссудилъ онъ меня томомъ собранія Парламентскихъ преній, въ которомъ упомянуто объ ономъ; находя, что вообще не понимаютъ цѣли требованій Американцовъ относительно къ Конституціи, присовокупилъ я объ нихъ нѣсколько параграфовъ въ Англійскомъ изданіи сего сочиненія, которое публиковалъ спустя нѣсколько времени послѣ того; а теперь собираясь напечатать четвертое изданіе, думалъ, что не неприлично будетъ написать что нибудь точнѣйшее о сей матеріи, и въ слѣдствіе того прибавилъ эту Главу, въ которой включилъ нѣ-

Политики не всегда согласны сами съ собою, и не имѣютъ постоянной расторопности въ своихъ заключенїяхъ), а именно , что тѣ самые люди, которые весьма сильно настояли объ удовольствованїи Американскихъ требованїй , усерднѣе всѣхъ предсказывали будущее богатство и великость Америки , и часто сѣтовали на то , что Корона пользовалась незначущими субсидїями, которыя даетъ ей Ирландїя (*).

Еслибъ требованїя Американскихъ колонїй были удовольствованы совершенно , то порядокъ нынѣшняго Англїйскаго Правленїя и положенїе народа былибъ всеконечно нарушены , и сїя перемѣна показалась бы тогда

сколько параграфовъ, о которыхъ говорю, оставляя въ своемъ мѣстѣ одни общія примѣчанія о правѣ давать субсидіи , каковы были прежде во Французскомъ изданіи. Разныя идеи и даже выраженія , содержащіяся въ сей Главѣ, напечатаны были въ газетѣ (The Public advertiſer) почти въ то время , какъ готовилъ я первое изданіе. Я самъ посылалъ ихъ туда , гдѣ эта газета печатается подъ именемъ *Адвена*. О семъ упоминаю для людей , которые могли видѣть случайно упомянутый мною опытъ.

(*) Напримѣръ жалобы , приносимыя по случаю пенсій , выдаванныхъ для служащихъ въ Ирландіи.

только нечувствительною, когдабъ колоніи остались бѣдны въ отношеніи ко всей націи (*).

(*) Говоря, что желавшіе, чтобъ форма и духъ Англійской Конституціи сохранились, не должны былибъ желать, чтобъ Американскія колоніи успѣли въ своихъ требованіяхъ; не разумѣю, что не должно былобъ отступить отъ своихъ требованій. Прозорливости Министровъ по дѣламъ Америки надлежало безпрестанно заниматься тѣмъ, чтобъ сдѣлать колоніи полезными Англіи, а притомъ скрывать отъ нихъ порабощеніе ихъ (которая предосторожность впрочемъ вездѣ употребительна болѣе или менѣе); ей надлежало стараться воспрепятствовать, чтобъ противоположные интересы Англіи и Америки не дошли до рѣшенія и не поссорились до того, чтобъ сдѣлали почти неизбѣжными съ одной стороны непослушаніе, а съ другой печальное средство употреблять силу. Вообще воображаютъ, что Министры употребляютъ много разсужденія и предвидѣнія въ своихъ поступкахъ; въ самомъ же дѣлѣ сіи опекуны Государствъ помышляютъ только о распоряженіи настоящаго и въ необходимыхъ случаяхъ; въ чемъ идутъ они проложенною имъ дорогою. Эта метода очень годится для обыкновеннаго теченія дѣлъ, и даже

ГЛАВА XXII.

Заключеніе. Нѣкоторыя замѣчанія о свойствѣ раздоровъ, случившихся въ Англіи.

Кончу это сочиненіе немногими примѣчаніями о совершенномъ отсутствіи всякаго насилія въ теченіи и концѣ преній и споровъ въ Англіи, чтобъ съ одной стороны показать еще болѣе, на какихъ здравыхъ началахъ основано Англійское Правленіе, а съ другой опровергнуть мнѣніе иностранныхъ Писателей и Политиковъ, которые, введены будучи въ заблужденіе горячестію сихъ преній и происходящимъ отъ того шумомъ, почитаютъ Англію всегдашнимъ театромъ ссоръ и гражданскихъ раздоровъ.

надежнѣе всѣхъ; но когда настанутъ случаи и обстоятельства новаго рода, то выходятъ грубыя ошибки. Нѣкогда сынъ славнаго Графа Оксенстіерна, Шведскаго Канцлера, изъявлялъ ему, сколь мало полагается онъ на собственные свои таланты, боясь, что со временемъ долженъ будетъ взять на себя правленіе дѣлъ; на что послѣдній сдѣлалъ ему слѣдующій отвѣтъ на Латинскомъ языкѣ: Nescis, mi fili, quam parvâ cum sapientiâ regitur mundus. (Ты не знаешь, сынъ мой, съ какою малою мудростію управляется свѣтъ)

Въ самомъ дѣлѣ, если разсмотримъ во-первыхъ всегдашнее поведеніе, какое наблюдаетъ Парламентъ; то увидимъ, что какая бы разность ни была иногда въ планахъ, которымъ послѣдуютъ разные Чины, его составляющіе, и какое ни дѣлалибъ они въ семъ отношеніи употребленіе изъ своихъ привиллегій, однако никогда не удаляются между собою отъ выраженій не только благопристойности, но и того добраго согласія, которое должно существовать между ими.

С 2

А какъ дѣла дошли до разрыва, то не льзя было ожидать, чтобъ онѣ распорядились непрочными предложеніями, которыя посылали отсюда сдѣлать въ Америкѣ. Когда просили Графа Карлиля, чтобъ онъ принялъ на себя начальство благородной коммисіи, которая для того отправлялась; то конечно не оказалъ онъ столько скромности, какъ сынъ Канцлера Оксенстіерна. Говорятъ, что, въ это время распри, Американцы не могли себѣ воображать, чтобъ предложенія, которыя велѣно было дѣлать имъ такимъ образомъ, были искренны. Какъ бы то ни было, это не могло быть главною причиною неудачи той коммисіи. Подлинно то, что когда открыли глаза Американцамъ о состояніи политическихъ дѣлъ ихъ, и дали чувствовать выгоды положенія ихъ земли; то стало почти невозможнымъ заклю-

Такимъ образомъ Король, хотя наблюдаетъ стиль своего достоинства, никогда не относится къ одной или другой Каморъ иначе, какъ въ выраженіяхъ уваженія и благоволенія; и если когда разсудитъ отказать въ своемъ согласіи на ихъ били, то довольствуется сказать, что разсмотритъ ихъ. Это выраженіе конечно мягче слова veto (не согласенъ).

Обѣ Каморы съ своей стороны, хотя каждая въ своей округѣ весьма охраняетъ вольность рѣчи, прилагаютъ крайнее старанїе, чтобъ сія вольность не оказывалась никогда неосторожными выраженіями о самомъ Королѣ. Они приняли даже за непремѣнное правило, никогда не упоминать объ немъ, когда должно порицать Правленіе; и если чего не одобряютъ, хотя бы то было въ Рѣчи, говоренной лично Королемъ (что

читъ съ ними такой договоръ, которымъ могли быть послѣ довольны одна или другая нація, или же заключитъ какой нибудь. Безполезно былобъ говорить болѣе о сей матеріи.

Въ распоряженіяхъ, которыя заготовило Министерство, чтобъ сдѣлать колоніи полезными главному отечеству, надлежалобъ ему взять девизъ одного Англійскаго Дворянина: *дѣлать не говоря.*

есть явно дѣяніе Королевское), то кладутъ вину вообще на его Министровъ , и тѣхъ, которые ему совѣтовали.

Обѣ Каморы стараются равномѣрно избѣгать всякаго поступка , противнаго тому уваженію , которое должны взаимно оказывать одна другой. Несогласія между ими рѣдки , и случаются неумышленно. Чтобъ отвратить даже всякой поводъ къ распрѣ , введено въ обыкновеніе , когда одна изъ обѣихъ Каморъ не одобритъ били предложенной другою , не объявлять формально своего отказа , и Камора , которой биля отвергнута , узнаетъ о участіи оной потому только , что объ ней не говорятъ болѣе , и что Члены могутъ свѣдать о томъ , какъ частные люди , изъ разговоровъ.

Въ каждой Каморѣ Члены стараются въ самомъ жару пренія не выходить никогда изъ нѣкоторыхъ границъ въ выраженіяхъ , употребляемыхъ одними о другихъ ; и еслибъ они въ этомъ забылись , то конечно подвергнулись бы выговору. И какъ разумъ научилъ людей взаимно воздерживаться въ своихъ войнахъ отъ всякихъ обидъ , безполезныхъ предмету ихъ ссоръ : такъ и между особами , составляющими Парламентъ и занимающимися преніями , заведено , если смѣю такъ сказать , нѣкоторое народное

Право. Они одни нашли ту тайну, что могутъ быть противныхъ партій; однакожъ не злобствовать и не нападать одинъ на другаго.

При выходѣ изъ самыхъ горячихъ преній видаются они охотно въ обыкновенныхъ обществахъ, и, прекративъ всякое непріятельское дѣйствіе, считаютъ каждое мѣсто, кромѣ Парламента, неутральною землею.

Что касается до великодушія народа: какъ отъ него не требуется никогда, чтобъ окончательно рѣшилъ публичныя мѣры, или формально способствовалъ къ поддержанію оныхъ, то онъ еще свободнѣе отъ духа партіи, нежели сколько бываютъ иногда Депутаты. Почитая, какъ мы уже примѣтили, дѣла Правленія единственно умозрительными, никогда не заводитъ онъ жестокихъ споровъ, а еще рѣже принимаетъ дѣятельное и сильное участіе въ раздорахъ частныхъ партій, или въ ссорахъ частныхъ людей. Тѣ фамильныя ненависти, тѣ вражды партій, тѣ побѣды, слѣдовательно тѣ взаимныя обиды партій, одерживающихъ попеременно верхъ одна надъ другою, — словомъ, всѣ тѣ неудобства, которыя во многихъ другихъ Государствахъ безпрестанно сопровождали вольность, и которымъ, говорятъ Авторы, должно намъ под-

вергаться, покупая свою вольность, — совсѣмъ неизвѣстны въ Англіи.

Но, скажутъ, не безпрестанно ли жалуются Англичане на Правленіе? Не пишутъ ли, не говорятъ ли, какъ такіе люди, которые безпрестанно подвержены претерпѣвать всякія обиды?

Отвѣчаю, что въ обществѣ тварей, подлежащихъ заблужденію, будутъ всегда съ одной или съ другой стороны оказываться причины неудовольствія. Въ вольномъ обществѣ будутъ онѣ открываться явными жалобами. Впрочемъ, какъ въ Англіи позволено каждому подавать свое мнѣніе о всякихъ матеріяхъ, а великій долгъ народныхъ Депутатовъ есть надзирать за Правленіемъ и обнаруживать его злоупотребленія, то необходимо должно слышать, что въ такихъ Правленіяхъ приносятся жалобы, и притомъ чаще, и по большему числу предметовъ, нежели во всякомъ другомъ.

Но не забудемъ, что жалобы въ Англіи не вопли утѣсненнаго, который принужденъ напослѣдокъ прервать молчаніе: онѣ не предполагаютъ крайняго раздраженія сердецъ. Поступлю далѣе, и скажу, что онѣ не предполагаютъ и рѣшительныхъ мыслей. Онѣ часто не что иное, какъ первый полетъ,

который даютъ люди новымъ своимъ возраженіямъ, еще необдуманнымъ.

И такъ волненіе умовъ не таково въ Англіи, каково былобъ въ другихъ Государствахъ; оно не признакъ закоренѣлаго и всеобщаго неудовольствія, не предшествуетъ жестокимъ потрясеніямъ. Конституція его предвидѣла, распорядила, и даже надѣялась. Оно оживляетъ всѣ части Государства, и не должно почитать его иначе, какъ за благотворительную перемѣну годовыхъ временъ. Управляющая власть, какъ зависящая отъ націи, но притомъ обще любимая народомъ, хотя часто встрѣчаетъ помѣшательства, но никогда не бываетъ въ опасности. Подобно здоровому дереву, которое распространяетъ вокругъ себя вѣтви, малѣйшій вѣтерокъ приводитъ его въ движеніе; но оно всечасно пріобрѣтаетъ и оказываетъ новую степень силы, и противится вѣтрамъ какъ крѣпостію и упругостію своихъ фибръ, такъ и глубиною своихъ корней.

Словомъ, какіябъ перемѣны ни случались отъ времени до времени съ особами, которыя правятъ публичными дѣлами въ Англіи, однако никогда не производятъ онѣ прекращенія власти законовъ, ниже малѣйшаго ущерба въ безопасности подданныхъ.

Человѣкъ, который навлекъ на себя вражду сильнѣйшихъ людей въ Государствѣ, — что говорю! — который, какъ другой *Ватиній*, подвергнулся бы единодушной ненависти всѣхъ партій, могъ бы подъ защитою законовъ, и удерживаясь въ предписанныхъ ими границахъ, смѣло звать на бой всѣхъ своихъ враговъ и всю націю.

Предѣлы, которые предписали мы себѣ въ сей книгѣ, не позволяютъ намъ входить далѣе въ подробность о томъ предметѣ, о которомъ здѣсь разсуждаемъ; но еслибъ должно было намъ изслѣдовать, какое вліяніе имѣетъ Англійское Правленіе на нравы и обычаи Англійскаго народа, то моглибъ мы показать, что не только не внушаетъ оно ему никакого расположенія къ безпорядку и анархіи, но еще производитъ надъ нимъ дѣйствіе совсѣмъ противное. Англичане видятъ, что величайшія власти непремѣнно повинуются законамъ; и какъ они удостовѣрены, что отъ сихъ законовъ получатъ то же покровительство: то и не возможно, чтобъ не возъимѣли къ нимъ нечувствительно такой привязанности и глубоко вкоренившагося уваженія, которыя не могутъ не имѣть во всякое время вліянія на ихъ поступки; да и дѣйствительно видимъ, что и самый подлый классъ народа въ Англіи, не смотря на видимыя безчинства, въ какія

иногда ввергается, одушевленъ однакожъ духомъ справедливости и порядка гораздо болѣе, нежели сколько примѣтно въ томъ же классѣ людей въ другихъ земляхъ. Чрезвычайное снисхожденіе, какое оказываютъ тамъ къ обвиняемымъ всякой степени, не ведетъ за собою тѣхъ гибельныхъ слѣдствій, каковыхъ можноб опасаться съ перваго взгляда. И можетъ быть самому свойству Англійскаго Правленія (какъ бы отдаленною ни казалась причина), духу справедливости, который распространяетъ оно безпрестанно и нечувствительно по всѣмъ состояніямъ народа, должно приписать ту безподобную выгоду, какую имѣетъ Англійская нація, что въ производствѣ уголовнаго суда употребляетъ методу несравненно кротче введенныхъ во всякой другой націи, и можетъ быть представляетъ при томъ менѣе примѣровъ насилія и жестокости.

Другое слѣдствіе, которое можемъ здѣсь замѣтить, какъ проистекающее изъ начала Англійскаго Правленія, есть умѣренное поведеніе всѣхъ тѣхъ, которымъ поручена какая нибудь отрасль общественной власти. И если взглянемъ на поведеніе всѣхъ публичныхъ Чиновниковъ въ Англіи, отъ Статскаго Министра, или Судьи, до самыхъ нижнихъ приказныхъ служителей; то найдемъ, что такой духъ снисхожденія и кротости

существуетъ въ Англіи между всѣми людьми, имѣющими какую нибудь власть, который неотмѣнно причинитъ величайшее удивленіе обозрѣвшимъ другія земли.

Упомяну еще обстоятельство свойственное Англіи, а именно — всегдашнее вниманіе Законодательства стараться о выгодахъ и благѣ народа, и снисхожденіе, какое показываютъ его Министры во вредъ себѣ собственно. Сіи выгоды суть конечно слѣдствія общественнаго духа, который оживляетъ все Англійское Правленіе: но это не мѣшаетъ, чтобъ онѣ не происходили особенно и отъ того, что дѣятельная часть Законодательства отдана въ руки Депутатовъ націи, и попеченіе объ отвращеніи обидъ народныхъ поручено людямъ, которые отчасти чувствуютъ ихъ сами, отчасти видятъ ихъ вблизи, и не знаютъ вѣрнѣйшаго пути къ своему возвышенію и славѣ, кромѣ того, чтобъ стараться находить лѣкарства на сіи обиды. Не утверждаю однакожъ, чтобъ не было злоупотребленія въ Англійскомъ Правленіи, и что всѣ возможно хорошіе законы въ немъ уложены: а разумѣю только, что оно безпрестанно старается тѣ поправить, а эти улучшить. А что касается до того обстоятельства, что всѣ существующіе законы неотмѣнно исполняются, коль скоро кто къ нимъ прибѣгнетъ; то почитаю это

характеристическою и безспорною выгодою Англїйской Конституцїи, которая тѣмъ вѣрнѣе производитъ всѣ помянутыя мною дѣйствїя, и вообще доставляетъ благополучїе народу; что она довольствовалась такими людьми, какихъ нашла, и старалась не отвратить, а только распорядить все. Присовокуплю, что сїю Конституцїю тѣмъ труднѣе было открыть, что форма ея многосложна, а начала естественны и просты. Вотъ для чего древнїе Политики, чувствуя неудобность тѣхъ Правленїй, которыя имѣли случай знать, желали завести такое, каково это, не смѣя ласкаться, что увидятъ его когда нибудь въ самомъ существѣ (*). Тацитъ, лучшїй изъ всѣхъ ихъ Судья, почиталъ идею, завести такое Правленїе, совсѣмъ химерическою (**), и не для того былъ онъ такого мнѣнїя, что о томъ не думалъ, что зрѣло о томъ не размышлялъ; онъ

(*) *Statuo esse optime constitutam rempublicam, quae ex tribus generibus illis, regali, optimo et populari, modice confusa. Cicer. Fragm.*

(**) *Cunctas nationes et urbes, populus, aut priores, aut singuli regunt. Delecta ex his, et constituta reipublicae forma laudari facilius, quam evenire, vel si evenit, haud diuturna esse potest. Tac. Ann. IV.*

искалъ подобнаго Правленїя, видѣлъ его вдали, но все почиталъ несбыточнымъ.

И такъ не станемъ приписывать открытїя сей важной тайны ограниченнымъ видамъ человѣка, несовершенному его проницанїю; Свѣтъ могъ состарѣться; роды могли послѣдовать одни за другими до безконечности: между тѣмъ искали ее тщетно. Вольность могла напослѣдокъ сооружить себѣ храмъ по щастливому стеченїю обстоятельствъ, и — присовокуплю, съ помощїю благопрїятнаго положенїя.

Всѣ нацїи призывали ее; но она столь нѣжнаго сложенїя, что не могла, такъ сказать, жить въ обществахъ, составленныхъ изъ такихъ существъ несовершенныхъ, каковы человѣки; почему показалась, но только что показалась остроумнымъ нацїямъ древности, обитавшимъ на Югѣ Европы. Они обманывались безпрестанно въ образѣ поклоненїя, которое воздавали ей. Стараясь непрестанно распространять свои завоеванїя и владѣнїя у другихъ народовъ, равномѣрно обманывались они и въ духѣ того поклоненїя; и хотя обожали ее чрезъ нѣсколько вѣковъ, но Богиня была всегда для нихъ *неизвѣстнымъ божествомъ*.

Съ того в р е м е н и, удаленная изъ мѣстъ, которыя, кажется, она предпочита-

ла, изгнанная изъ краевъ западнаго Свѣта, высланная съ твердой земли, скрылась она въ Атлантическомъ океанѣ. Тамъ, избавясь отъ опасности, что будетъ обезпокоена иностранцами, и съ помощію щастливаго предрасположенія вещей, могла она открыть совершенно приличный ей образъ; и чтобъ совершить свою работу, надобны ей были цѣлыя шесть столѣтій.

Не боясь ничего въ своей крѣпости, царствуетъ она тамъ надъ націею, которая тѣмъ достойнѣе ея благопріятства, что тщится разширить владычество сего божества, и распространяетъ въ каждой части своего владѣнія дары промышленности и равенства. Окруженная со всѣхъ сторонъ (по словамъ *Чамберлена*) моремъ, какъ широкимъ и глубокимъ рвомъ, снабдѣнная военными кораблями, которые, какъ столь же многія укрѣпленія, прикрываютъ ея стѣны, и защищенная мужествомъ своихъ мореходцевъ, содержитъ она въ своемъ святилищѣ тотъ огнь, такъ трудно возжигаемый, который, если однажды угаснетъ, навсегда можетъ-быть угаснетъ.

Когда Свѣтъ будетъ снова опустошенъ завоевателями, то она всё оставитъ людямъ свѣденіе не только о началѣ, которое должно ихъ соединить; но, что не менѣе важ-

но, и о формѣ, въ какой они должны соединиться.

Что касается до Философа, — когда ни обращаетъ онъ свои разсужденія на всегдашнюю участь гражданскихъ обществъ между людьми, и, воздыхая, примѣчаетъ многочисленныя и сильныя причины, которыя, кажется, вовлекаютъ ихъ всѣхъ неизбѣжно въ неизцѣлимое состояніе рабства; то можетъ онъ утѣшиться, видя, что вольность напослѣдокъ открыла свою тайну роду человѣческому и нашла себѣ вѣрное убѣжище.

Конецъ.

201891z

ПОГРѢШНОСТИ

во второмъ Томѣ.

Стран.	*строка*	*напечатано:*	*читай:*
5	3	совсѣмъ	со всѣмъ
9	11	не благопріятны,	не благопріятны;
11	16	въ народѣ,	въ народѣ;
21	18	оправдаемое	оправдываемое
42	3	также	такое-то
52	4	о чемъ	на что
54	10	Сотоянія	Состоянія
61	12	привеллегіи	привиллегіи
63	18	дѣйствовать поступать	дѣйствовать
64	21	недвижимости	не движимости
75	—	касающіяся	касающіеся
77	1	единства	эдильства
—	9	ее	ея
122	5	произвели	производили
125	18	Нижняя, Камора	Нижняя Камора
137	15	составляемы били	составляемы были
139	2	били	билю
158	15	всего	сего
160	2	доказываетъ	доказываютъ
167	9	при остановленъ	приостановленъ
—	16	при остановленіемъ	приостановленіемъ
—	25	*равнкми*	*равными*
177	29	сдѣлать,	сдѣлать;
195	17	посвященъ	воспищенъ
202	8	копрусъ	корпусъ
210	28	*Рентона* Рентона	*Капитана Рентона* характеристическій
213	4	характерическій	
216	5	зависитъ	зависятъ
224	17	по ихъ примѣру,	ихъ примѣру,

KSIĘGOZBIÓR
MARCINA ZAMOYSKIEGO
7984 -KZ

Biblioteka im. Hieronima
Łopacińskiego w Lublinie
II 201891